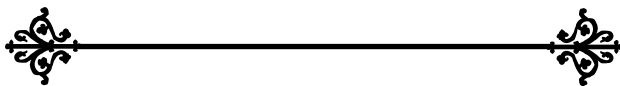

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

САДЗЫ

Историко-этнографические очерки

Издание второе

В. А. ЧИРИКБА

**САДЗСКИЙ ДИАЛЕКТ
АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ГОВОРЫ**

Сухум 2014

Издание осуществлено при финансовой
поддержке ЗАО «АКВАФОН-GSM»

Ответственные редакторы — Ю. Б. Симченко, В. А. Тишков

Зам. ответственного редактора — А. И. Кузнецов

Ответственный секретарь — Л. И. Миссонова

Редакционная группа — И. А. Аверин, И. А. Ерунов, Ю. Н. Квашнин,
С. С. Крюкова, Г. А. Носова, Е. А. Пивнева.

Работа выполнена в Абхазском Институте
гуманитарных исследований

Ответственный редактор монографии Н. Г. Волкова

Рецензент Ю. Д. Анчабадзе

*Данное, второе издание монографии Ш. Д. Инал-Ипа «Садзы»
подготовила к печати М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа*

«Выражаю благодарность Генеральному директору ЗАО «АКВАФОН-GSM» Алхасу Юрьевичу Аргун, по инициативе которого было подготовлено второе издание книги Ш. Д. Инал-Ипа «Садзы». Выражаю благодарность всему руководству АКВАФОНА за финансовую и организационную поддержку в реализации этой идеи» — М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ (1995 г.)

Предлагаемая читателю книга продолжает начатый Координационно-методическим центром Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН выпуск материалов к серии «Народы и культуры», издание которой намечается в текущем десятилетии.

Редколлегия многотомной серии рассчитывает в предстоящих публикациях восполнить имеющиеся в этнографической науке пробелы о народах нашей страны, а также обнародовать ряд источников по их истории и демографии, до настоящего времени не введенных в научный оборот.

Настоящее издание продолжает публикацию этнографических очерков по т. н. малым народам Кавказа. В 1864 г. с окончанием Кавказской войны садзы в основной своей массе переселились в Турцию, навсегда исчезнув с этнической карты Кавказа. Поэтому изучение садзов, группы которых в настоящее время живут в некоторых районах Турции, затруднено, в результате чего библиография специальных работ по их языку, культуре, фольклору минимальна.

Данная работа проф. Ш. Д. Инал-Ипа — первое монографическое исследование этнической истории, этнокультурных контактов и всех сфер бытовой культуры этого народа. С ее публикацией в научный оборот вводятся новые материалы по этническим и этнокультурным процессам среди народов Восточного Причерноморья.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книги появляются на свет по-разному. Одни пишутся и издаются легко и быстро, так сказать, «не переводя дыхания», а других ждет на своем пути много разных препятствий. Данная монография рождалась долго и тяжело, с многократными перерывами и длительными остановками. И только с помощью добрых друзей ей удалось, наконец, перешагнуть порог узких издательских дверей.

Абхазское этническое название «садз» я знаю, как любой абхаз, с раннего детства. Но о самих садзах не имел, разумеется, никакого понятия и представлял их каким-то неведомым народом, живущим на крайнем западе, там, где по вечерам «солнце опускается в воду» (мраташэара — так называется у абхазов запад). Да и вообще многое мне было неизвестно и непонятно в истории родного края. Шли годы, я, окончив школу, поступил на учебу в Московский ГПИ им. К. Либкнехта. Там я принимал активное участие в работе студенческого исторического кружка, руководимого проф. А. В. Сивковым. По его же совету я впервые стал появляться и в залах столичных архивохранилищ. И, конечно, много читал, особенно краеведческую литературу, включая беллетристику. С этого времени многие вопросы истории и этнографии Кавказа, в том числе и о выселении горцев, мало-помалу стали для меня проясняться.

Может быть, это покажется странным, но на меня — еще молодого человека — произвело огромное морально-психологическое воздействие чтение одной коротенькой заметки, подписанной инициалами Ж. С., «О последнем убыхе Хатажуке»,

которую я позволю себе привести здесь целиком: «Рассказ Ах. Цаликова «Последний из убыхов» (Кавказская быль)» повествует о том, как убых Хатажук, лишенный возможности взять с собою при переселении в Турцию своего любимого коня, бросился на нем в море и погиб: «Вороной красавец изогнулся, бросился в море и поплыл... поплыл вместе с всадником в открытый простор туда, где на свободе ходили сердитые волны. Плыл, а потом скрылся в пучине морской навеки»¹.

Перечитал ее еще и еще раз. Мне не давал покоя яркий образ трагического героя. Можно сказать, с этого дня начинаются мои увлечения овеванными легендарной славой убыхами, а от убыхов до их садзских соплеменников всего полшага. Потом все шло по трафарету — изучение литературы, собирание материалов и в результате — рукопись первой работы о садзах.

Но одно дело написать книгу, а другое опубликовать ее. «Эпопея» с публикацией длилась много лет. В 1987 г. решением Ученого совета Абхазского Института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа рукопись монографии «Садзы» была рекомендована тбилисскому издательству «Мецниереба», которое и включило ее в свой тематический план на 1989 год. Казалось бы, что дело окончено. Ничуть не бывало. Работа, переходя из рук в руки, блуждая от одного рецензента к другому, пролежала около пяти лет. Не помогло и вмешательство одного из высших руководителей Грузинской Академии наук, сообщавшего, что «издательству дано поручение обеспечить издание вашей книги»². В рецензиях, поступивших в издательство, в большинстве положительных, содержится одно главное критическое замечание, к которому как бы сводятся, если не все, то многие

---

¹ Ж. С. О последнем убыхе Хатажуке//«Кавказские курорты». 1913, № 24.

² Это был вице-президент АН Грузии А. М. Апакидзе, хлопотавший об ее издании, а затем о передаче работы в руки М. К. Хотелашвили.

другие — отрыв истории Абхазии от истории Грузии, частным выражением чего в данном случае стал вопрос об этнической принадлежности — абхазской или грузинской — древнего племени санигов, хотя этот вопрос как по объему, так и по своему научному значению играет в работе весьма скромную, подчиненную главной теме — садзы XIX века — роль.

«Абхазия, — читаем в предполагавшемся «пояснительном предисловии» от Издательства — исторически всегда составляла неотъемлемую часть Грузии... Издательство «Мецниереба» публикует представленный Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. Гулия Академии наук Грузии труд проф. Ш. Д. Инал-Ипа «Садзы», несмотря на то, что, по мнению ряда специалистов, он содержит спорные либо недостаточно аргументированные положения и выводы. В частности, в книге, в отличие от утверждения многих ученых о принадлежности к картвельской этнической группе проживавшего в первых веках нашей эры и в раннее средневековье на территории нынешней Абхазии в прибрежной полосе племени санигов, идентифицируемых с санами/занами, либо сванами, автор развивает бытующую в историографии точку зрения об идентичности санигов и садзов (тех же зихов или джиков), одновременно упоминаемых древними авторами в отдельности от санигов и локализуемых севернее от них. Вместе с тем автором саниги связываются и с древнеабхазским племенем — цанами.

Поскольку сама книга проф. Ш. Д. Инал-Ипа в смысле полноты привлекаемого для истории садзов в подтверждение его точки зрения материалов дает основание для дальнейшего исследования, поставленного в историографии данного вопроса, издательство «Мецниереба» полагает, что ее публикация будет способствовать, в ходе свободной, объективной дискуссии, научному решению проблемы».

В свою очередь, я в ответе от 25 июня 1991 года писал директору Издательства: «Вы любезно сообщили мне о намерении

выпустить ее, наконец, до конца года, но, к сожалению, с условием, что ей «должно быть предпослано» издательское «пояснение», ибо она «содержит спорные или недостаточно аргументированные положения и выводы». Допустим, что так. Но разве это так страшно в наше время плюрализма? И разве, с другой стороны, текст самого «пояснения» свободен от всяких дискуссионных элементов?

На мой взгляд, вполне можно было ограничиться краткой аннотацией с указанием, если нужно, наличия в очерках спорных положений и пр. Не бывает исследований, не вызывающих никаких возражений и разногласий. Но есть вместе с тем объективные критики и рецензенты, которые, надо полагать, скажут свое слово, когда монография увидит свет.

Вместо этого издательство фактически предъявило мне, как автору, чуть ли не ультимативное требование: либо согласиться на предворяющее книгу и далеко небезобидное «пояснение», либо вообще отказаться от ее публикации в данном издательстве. В этих условиях я был вынужден в целом согласиться с предложениями Издательства, настаивая лишь на полной неприкосновенности моего текста. Но и это не помогло. Очевидно, что работу надо было, во что бы то ни стало, провалить. Издательство и его научные советники, невзирая на «полноту привлекаемого материала», воспользовались, как поводом, санигами, и мне, в конце концов, пришлось, к удовольствию редакции, забрать рукопись обратно.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которых приходится жить, я продолжал по возможности работать над нею: заново написано это короткое предисловие и некоторые другие мелкие куски; дополнения и исправления, в том числе касающиеся структуры; весь текст пропущен через перо; по мере сил учтены замечания читателей и рецензентов и т. д.

Я не могу поставить последнюю точку, не сказав идущие от души слова огромной благодарности и признательности доро-

гим московским коллегам, редкому дружелюбию, бескорыстной инициативе и стараниям которых я обязан решающим образом тому, что эта книга находится, наконец, в руках читателя. Невыносимо было бы жить в этом жестоком мире и переносить страшные удары судьбы, которые обрушиваются на нас, если бы рядом не было помощи и содействия близких людей, их милосердия и высокого благородства.

Ш. Д. Инал-Ипа

ВВОДНЫЕ СТРАНИЦЫ

Поиски следов исчезнувших народов и их культур не нуждаются в обосновании: значение проблемы восстановления утраченных, казалось бы навсегда, страниц истории ясно и очевидно без особых доказательств.

Настоящая работа имеет своей основной целью изучение садзов – одной из своеобразных западноабхазских этно-территориальных групп. В связи с этим рассмотрены также и некоторые вопросы этнической ситуации XIX в. в районе «Сочинского треугольника», то есть на стыке трех родственных народов – абхазского в широком смысле, убыхского и адыгского.

Садзы, или джигеты, населяли до своего поголовного выселения в Турцию в 1864 году район Гагра – Сочи. Они представляли собой значительную часть в составе абхазской этнической общности со своими существенными языковыми и этнокультурными особенностями, вытекавшими из их промежуточного положения между остальными абхазоязычными группами, с одной стороны, убыхами и адыгами, с другой. Несмотря на это, о них до сих пор не имеется ни одной специальной обобщающей работы, и только отдельные вопросы садзоведения нашли свое частичное отражение в исследованиях разных ученых, в основном историков, филологов и этнографов (А. В. Фадеев, Л. И. Лавров, Н. Г. Волкова, Г. А. Дзидзария, З. В. Анчабадзе, Х. С. Бгажба, Ю. Н. Воронов и др.).

Автором этих строк предпринята попытка хотя бы некоторого восполнения указанного пробела в научной абхазоведческой литературе. Предлагаемые очерки представляют собой по возможности всестороннее историко-этнографическое

описание садзов XIX в. до их выселения на чужбину, с использованием для этой цели специальной литературы и других имеющихся исторических источников. Основными из них являются описания и сообщения авторов XIX в.¹

Интересные сведения о садзах и их стране почерпнуты также из разновременных полевых записей, в основном автора этих строк, сделанных со слов сказителей Гагрского, Гудаутского и других районов Абхазии. Это садз по происхождению Смаил Мкьялба, Сима Лолуа, Сейдык Агрба (г. Гагра), Алексей Конджария, Есыф Дбар, Кунта Барцыц, Мада Хагуш (с. Бзыбь), Кута Агу-маа (с. Лдзаа), сестры Кания и Манка Ахиба (с. Блабурхва), Елена Авидзба-Хагба (с. Ачандара) и др. К сожалению, нас часто преследует призрак опоздания, но, несмотря на это, и сейчас еще можно дополнительно собрать немало ценных материалов по садзам, особенно в селах Бзыбской Абхазии, исторически примыкавшей к садзской территории — Бзыбь, Лдзаа, Калдахвара, Бармыш, Блабурхва, Мгудзырхва и др. В работе привлекаются и разного характера языковые, в том числе топонимические материалы, а также другие источники.

Итак, постараемся восстановить по возможности картину жизни небольшой, но своеобразной этнографической группы, предоставив страницы настоящей книги имеющимся у нас свидетельствам.

Безмолвны горные ущелья, где обитали сотни и тысячи лет забытые многими садзы — замечательные земледельцы и скотоводы, отчаянные мореходы и воины, лихие наездники, следы которых хранила их земля еще до недавнего времени. Теперь

---

¹ Среди них особое место занимают работы первого абхазского ученого **Званба С. Т.** «О Гагре и джигетах», «Зимние походы убыхов на Абхазию» и др. (см. Званба С. Т. *Абхазские этнографические этюды.* — Сухуми. 1982. Составитель, автор биографо-библиографического очерка и ответственный редактор Г. А. Дзидзария), известные воспоминания **Ф. Ф. Торнау** (М. 1864) и другие его записки, очерк **А. Н. Дьячкова-Тарасова** «Гагры и их окрестности» (ЗКОИРГО Кн. XXIV — Тифлис. 1903), труд **Дж. Ст. Белла** и многие другие.

уже все это в безвозвратном прошлом. Ушедшие остались лишь в исторической памяти избегнувших трагедии соплеменников. Вот уже более ста лет она неотступно заставляет их думать и размышлять о несчастной судьбе своих братьев, потому что, как сказал недавно замечательный писатель, «если исчезнет для нас прошлое, тогда исчезнет и настоящее, и будущее... Ничего нельзя без прошлого»¹. Без прошлого невозможно самосознание наше и, даже расставаясь с минувшим, мы нуждаемся в знании о нем.

Прошлое садзов, как и других исчезнувших абхазских групп — это органическая часть многовековой истории абхазского народа. Без нее абхазоведение всегда будет неполным. Этим, прежде всего, определяется важное значение материалов и исследований по садзам, волею неблагоприятных исторических судеб почти ушедших в вечное небытие.

По вопросу об убыхах и джигетах в литературе господствует хаос — писал А.Н. Генко еще в 1928 году². С тех пор прошло более 65 лет, и сделано по абазино-садзо (джигето)-убыховедению, конечно, немало, особенно по изучению убыхского и абазинского языков и диалектов последнего. Среди них исследования известных лингвистов А. Н. Генко, К. В. Ломтатидзе, Ж. Дюме-зиля, Г. Фогта, М. А. Кумахова и других, историка и этнографа Л. И. Лаврова, историков А. В. Фадеева, Г. А. Дзидзария, З. В. Анчабадзе и др. И все же проблем, ждущих своего изучения, еще очень много. Поэтому надо продолжать интенсивное выявление новых материалов, проведение их анализа и обобщение. Хотелось бы надеяться, что многочисленные и разнообразные материалы, содержащиеся в этой книге, в большинстве своем собранные самим автором и впервые вводимые в научный оборот, будут полезны для тех, кто занимается научно-исследовательской работой в указанной области.

---

¹ *Залыгин С. Народность писателя//«Литературная газета». 1987, 18 марта.*

² *Генко А.Н. О языке убыхов//ИАН СССР. — Л. 1928. С. 333.*

Глава первая

ИЗ ИСТОРИИ САДЗОВ

В нашем распоряжении имеется, к сожалению, мало сведений о садах в различные периоды их исторической жизни, если не считать сообщений, относящихся в основном к XIX веку, когда многие авторы (в основном русские) писали о них. Ввиду такой ограниченности конкретных исторических источников античного и средневекового времени, не говоря о более ранних периодах, наши представления о далеком прошлом садзов неизбежно будут далеко неполными и весьма фрагментарными.

Садзов обычно сопоставляют с древними санигами. Впервые этноним саниги встречается у автора I в. н. э. Плиния Секунда, который сообщает: «Племя апсиров и крепость Севастополь на расстоянии 100 тысяч шагов от Фазиса; племя санигов, город Кигн и город Пеней и, наконец, племена гениохов, различающихся многими названиями»¹. Затем в форме санеги племя упоминается автором I — начала II в. Мемноном. Описывая события Митридатовых войн и опираясь, несомненно, на современные событиям источники, он пишет (правда, недостаточно конкретно) о внутренних областях Понта, заселенных санега-

---

¹ ВДИ 1949, № 2, с. 271.

ми и лазами¹. Более подробно о санигах во II в. пишет Арриан². «Саннигами» их называет также и Элий Геродиан, автор II–III вв. н. э.³. «Саннигами» и «санихами» именует их Аноним V в.⁴

В то же время у автора VI в. Стефана Византийского мы читаем, что «санники — скифское племя, живущее в соседстве с абазгами»⁵. Прокопий Кесарийский называет их «сагинами»⁶, а средневековая пасхальная хроника VII в. еще и «санитами».

В античную эпоху саниги, возможно, входили в сложный конгломерат местных родственных племен, объединяемых собирательным этническим термином «гениохи». В грузинских и русских источниках саниги и их потомки садзы выступают чаще всего под именем джиков или джигетов.

Как известно, ко II в. н. э. в Колхиде появляются отдельные этническо-политические объединения племен: лазов, апсиров, абазгов⁷, санигов⁸ и др. К ним теперь перешла доминирующая

---

¹ ВДИ 1948, № 1, с. 235.

² ВДИ 1948, № 1, с. 270.

³ ВДИ 1948, № 2, с. 231, 258.

⁴ ВДИ 1948, № 4, с. 230, 231

⁵ ВДИ 1948, № 3, с. 325.

⁶ Прокопий из Кесарии. Война с готами. IV, 2, 16; 4, 3, 7.

⁷ Об абазгах имеется гораздо более раннее упоминание у автора III в. до н.э. Ликофрона (**Бибиков М. В.** Новое издание латинских и византийских источников// Древнейшие государства на территории СССР. — М. 1983. С. 217).

⁸ Как предполагают некоторые ученые, название санигов можно сопоставить с наименованием племени седохезов Кавказского Причерноморья. В I веке они имели собственного «царя», который в 69 г. н. э. благосклонно принял преследуемого руководителя восстания в Трапезунте Аникета, но затем был вынужден выдать его римлянам. (**Тацит.** История // ВДИ 1949, № 3, с. 221).

Можно предположить, что «седохезы» или «садохизы» — сложный этноним, состоящий из названий двух, представленных в прошлом на нашем побережье, локально-племенных групп, садзов и хизе.

роль в политической жизни края. Это были самоуправляющиеся области, княжества с собственными «царями» во главе, находившимися в слабой зависимости от Рима. Обо всем этом оставил нам весьма ценные сведения древний историк и писатель, римский наместник Каппадокии (область в центре Малой Азии) Флавий Арриан, содержащиеся в его «Объезде Евксинского Понта»¹. В 134 г. он совершил объезд побережья Черного моря вплоть до Диоскуриады (совр. Сухум) и в своем отчете римскому императору Публию Элию Адриану сообщал сведения географического, этнографического, военно-политического и прочего характера.

Подлинность его пребывания в Восточном Причерноморье подтверждается сухумской эпиграфической надписью, упоминающей как его самого, так и императора Адриана². Перечисляя причерноморские племена с юго-востока на северо-запад, Арриан пишет: «С макронами и гениохами граничат зидриты, они подвластны Фарасману. Рядом с зидритами — лазы; царем у лазов — Маласс, получивший свою власть от тебя. За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски, у абасков царь Ресмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасками — саниги, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя»³.

Так, к концу I в. н. э. и к началу II в., а может быть и несколько ранее, в основном на территории современной Абхазии сложилось несколько «царств» — апсилов, абазгов и санигов, также, вероятно, и мисимиан, с правителями местного происхождения. Приведенные имена «царей» лазов, абазгов и

---

¹ См. **Инадзе М. П.** *К истории Грузии античного периода (Флавий Арриан и его сведения о Грузии).* Автореф. канд. историч. наук. — Тбилиси. 1953.

² ВДИ 1948, № 1, с. 265.

³ ВДИ 1948, № 1, с. 270.

санигов — местные, за исключением римского имени «царя» апсилов Юлиана, который ранее других имел, судя по имени, тесные связи с римлянами и «получил» власть еще от императора Траяна¹. Территория этих «царств» — апсилов, абазгов и санигов — во II в. по Арриану занимала области до реки Ахеунт (в земле последних находился Севастополь). В течение последующих веков (III–IV), по данным Анонима V в., абазги заняли земли своих северных соседей — санигов, вплоть до реки с характерным названием Абаск. Ее отметил и Арриан во II в. как первую после г. Нитики (Гагры) реку (это может быть река Хашупсе или Псоу). Возможно, саниги были вытеснены, но, может быть, абазги распространили к северу свое политическое влияние и этническое название. Надо полагать, что менялся не столько этнический (племенной) состав населения, сколько политические границы зависимых от Рима «царств», о чем говорит гидроним Абаск, не изменившийся за 300 лет. В связи с этим большой научный интерес представляет собой мраморная деталь из Цандрипшского храма с частью последнего слова несохранившейся надписи, составленной на греческом языке «...АЗГИАС», что, несомненно, является окончанием слова Абазгиас, т. е. «Абазгский». Видимо, надпись была нанесена на надгробие какого-то выдающегося лица, духовного или светского, возможно даже одного из «царей» VI века².

Эти «царства» или «княжества» представляли собой политические единицы, сформировавшиеся на базе традиционных и достаточно ярко выраженных местных этнических образований, из которых лазы, апсилы, абазги и саниги занимали при-

---

¹ *Имя правителя санигов Спадаг ни греческое и ни латинское. В местном его происхождении никто не сомневается, оно, почти в точности, совпадает со староабхазским мужским именем Спадакуа, которое имело распространение в основном именно в северо-западных частях Абхазии, включая Садзен. Может быть, имя это также звучало и в древности.*

² *Хрушкова Л. Г. Цандрипш. — Сухуми. 1985. С. 47.*

брежную территорию от устья р. Апсар (Чорох) до, как отмечено выше, р. Ахеунта, в которой, скорее всего, можно видеть или р. Сочипста или какую-то ближайшую к ней с севера реку.

В отмеченных здесь локализациях мы не находим более точных указаний пределов распространения того или иного из перечисленных объединений, кроме санигов (и то лишь отчасти). Помимо того, они не согласуются со сведениями Анонима V века (Псевдо-Арриан), которые отражают более позднюю обстановку или связаны с дефектами самого источника. Но, как известно, подобные пробелы нередки в сообщениях античных авторов, даже у наиболее осведомленных из них, очень часто недостаточно ясно представлявших этнические различия и расселение кавказских племен.

Как видно по всему, история садзов (джигетов) связана с санигами. К такой генетической связи склоняет и сходство этнонима «саниги» с древнеабхазским родоплеменным названием Цан-ба — главнейшей садзской княжеской фамилией, от которой происходит и топоним Цандрипш, или Сандрипш, то есть «область» или «община» (рода или племени) цанов (санов)¹ (Ср. и местность Сандааришха того же района)². Цандрипш — «столичный» населенный пункт, политический и религиозный центр региона, сердце Садзена с известным одноименным Цандрипшским храмом первой половины VI века, руины которого у самого побережья сохранились до наших дней (см. ниже).

Среди исследователей нет единства взглядов по вопросу этнической природы санигов. Г. А. Меликишвили склонен видеть в них сванское племя³. Такого же мнения придерживались

---

¹ **Бгажба Х. С.** Бзыбский диалект абхазского языка. — Тбилиси. 1964. С. 283.

² **Дзидзария Г. А. Ф. Ф.** Торнау и его кавказские материалы. — М. 1976. С. 109.

³ **Меликишвили Г. А.** К истории древней Грузии. — Тбилиси. 1959. С. 91–92.

И. А. Орбели, Д. И. Гулия и др. Некоторая часть ученых допускала возможность их связи с мегрело-чанской группой (Н. Я. Марр, С. Н. Джанашиа, М. И. Инадзе и др.), третья связывает их с абхазо-абазинским или адыгским этническим миром (Л. И. Лавров), остальные же видят в них абхазских садзов (А.Н. Дьячков-Тарасов, З. В. Анчабадзе, Х. С. Бгажба и др.) И. М. Дьяконов, возражая Г. А. Меликишвили, пишет, что саниги являются, по всей вероятности, племенем абхазо-адыгского происхождения¹. Л. И. Лавров в ранней своей работе отмечал, что слово «саниги» слышится в названии сандов или чандов (вернее цандов) — одного из абазинских, как думал автор, племен, обитавших до 1864 г. в районе нынешнего Адлера. Некоторое время спустя он писал, что под санигами первых веков н. э. следует понимать позднейшее адыгское племя санов-жанеевцев, предполагая существование исторической преемственности между санигами и жане, переселившимися когда-то из Абхазии (точнее Сании) через район современного Туапсе к низовьям Кубани. Позднее он отметил, что «с известной осторожностью можно считать протоадыгами и санигов, обычно причисляемых к протоабхазам»², а еще позднее пришел к выводу и о том, что «садзы или джикеты — приморские абазины»³. З. В. Анчабадзе, как и автор этих строк, придерживается того мнения, что саниги это далекие предки абхазов-садзов⁴.

---

¹ **Дьяконов И. М.** *Предыстория армянского народа*. — Ереван 1968. С. 121. Примечание 111.

² **Лавров Л. И.** *О происхождении народов Северо-Западного Кавказа* // СММК. — Нальчик. 1954. Т. 3. С. 195; **его же.** *К истории бжедугов и жанеевцев* // УЗ АдНИИЯЛИ — Краснодар. 1965. Т. 4. С. 249–250; **его же.** *Историко-этнографические очерки Кавказа*. — Л. 1978. С. 38.

³ **Лавров Л. И.** *Топонимические заметки* // КЭС Вып. VII. — М. 1980. С. 209.

⁴ **Анчабадзе З. В.** *Из истории средневековой Абхазии*. — Сухуми. 1959. С. 206; **его же.** *История и культура древней Абхазии*. — М. 1964. С. 169–176; *Инал-Ипа Ш. Д.* *Абхазы*. — Сухуми. 1965. С. 97.

Саниги Арриана и особенно Псевдо-Арриана локализуются вблизи тех же мест, где, начиная с позднесредневекового времени, отмечают садзов (джиков грузинских источников). Это, как думал З. В. Анчабадзе, прямо наводит на мысль об этническом родстве санигов и садзов, а отождествление первых с санамичанами вполне «могло возникнуть на основании внешнего сходства этих названий»¹.

Впервые санигов с садзами связал А. Н. Дьячков-Тарасов. «Арриановские саниги, в которых можно предполагать садзуа «садзен», назывались впоследствии грузинами джигами, а страна их Джигетией; жили они от р. Абаска (Псоу) до р. Ахеунта (ныне Шахе)»².

Как мы видим, только последняя точка зрения, то есть, говоря словами З. В. Анчабадзе, садзская теория происхождения санигов, или, точнее санигская теория происхождения садзов, поддерживаемая подавляющим большинством ученых, стоит ближе к истине, чем любая другая³. Этническое тождество и историческая преемственность между санигами и садзами не подлежит, по-видимому, сомнению, а из всех гипотез этнической принадлежности санигов — сванской, мегрело-чанской, адыгской и абхазской — только последняя соответствует историко-этнографической и географической действительности и будет, надо полагать, все более уточняться и подкрепляться новыми данными в процессе дальнейшего исследования проблемы.

В грузинских источниках термин саниги в форме «сасаниги» встречается в описании странствий апостола Андрея у автора X — XI вв. Евктиме Атонели, хотя саму страну он называет уже Джикетией. В другом варианте той же легенды говорится о

---

¹ Меликишвили Г. А. К вопросу об этнической принадлежности кашков // Мимомхилвели. — Тбилиси. 1953. Т. III. С. 122 (на груз. яз.).

² Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности // ЗКОИРГО Кн. XXIV. — Тифлис. 1903. С. 43.

³ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. — М. С. 169–173, 176.

том, что апостолы из Южной Грузии попали в Санигию¹. В анонимном историческом сочинении рубежа XII–XIII вв. («История и восхваление венценосцев») эта этническая группа упоминается тоже под именем санигов. В борьбе мятежного Юрия Андреевича с царицей Тамар принимали участие «силы санигов и кашагов», присоединенные к ополчению русского князя².

В других грузинских источниках название «саниги» отсутствует, зато встречается синонимичный этноним «джики» для обозначения отдельной народности садзов (наряду с кашагами, абхазами, сванами и др.). Если термином джики ранее назывались все племена адыгского (иногда частично и абхазского) происхождения, то с течением времени, по мере уточнения сведений об этнической ситуации в регионе, им стали обозначать только абхазское племя садзов. Соответственно, Джикети (Джигети) мыслилась то на территории Садзена, то за его пределами. Так, в грузинской летописи XI в. говорится о поселении джиков в Абхазии: «По прошествии долгого времени печенеги и джики были обращены в бегство турками; печенеги ушли в западном направлении, а джики осели на окраине Абхазии. Вахтанг же покорил страну печенегов и Джикети и, возвратившись, подступил к Осетии»³. По этому описанию Джуаншера, печенеги и джики раньше (до V в.) жили на Северном Кавказе, по соседству с осетинами, а расселение их произошло позже.

Если же исходить из ретроспективных сообщений известного грузинского ученого XVIII в. Вахушти, то Вахтанг Горгасал еще в V в. «взял у греков Джикети вместе с Абхазией в пределы свои»⁴. Но это больше легенда, чем историческая действительность. Встречающиеся иногда в научной литературе утверждения (основанные, главным образом, на полуполюгендарных

---

¹ **Амичба Г. А.** *Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников.* — Тбилиси. 1988. С. 25–26.

² *Там же.* С. 90.

³ **Анчабадзе З. В.** *История и культура древней Абхазии.* С. 175–176; **Амичба Г. А.** *Указ. соч.* С. 46.

⁴ *Там же.* С. 144.

средневековых грузинских источниках) о локализации джиков в Сарматии, а не на побережье Черного моря, о переселении керкетов под натиском джиков во внутреннюю Колхиду также являются маловероятными гипотезами.

С конца VIII в., после, так называемого, «византийского периода», и до конца X века страна санигов и их потомков садзов входит в Абхазское царство как его органическая часть. Так, например, абхазский царь X в. Георгий III сослал, как в свою царскую вотчину, непокорного восточно-грузинского феодала Хахуа Аршидзе в Джигетию может быть в качестве невольника¹.

В XI — начале XIII в. Санигия составляет одну из крайних северо-западных областей объединенного феодально-монархического Грузинского царства. С этого времени джики все чаще и чаще упоминаются в грузинских источниках и, как правило, вместе с абхазами, как участники военных операций. Вахушти писал, что в войсках грузинских царей до распада царства, абхазо-джики всегда входили в западнотуркестанские правофланговые нападающие части войск². Они принимали участие в Басианском сражении 1202 г., в битве войск царицы Русудан против сил хорезмшаха Джелал-ад-Дина в 1228 г.³

Начиная же с XIII–XIV вв., Садзен является полусамостоятельной по отношению к Абхазскому княжеству этно-территориальной единицей. Вместе с тем следует отметить, что владельцы Абхазии естественно всегда поддерживали с ним самые тесные и различные связи и отношения и временами чувствовали себя там почти как у себя дома, хотя Джигетия, «находясь, — как пишет Г. А. Дзидзария, — за политической границей края»⁴ т. е. Абхазского княжества, формально далеко не

---

¹ Там же. С. 68.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 103.

⁴ Дзидзария Г. А. Биографо-библиографический очерк о С. Т. Званба//Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. — Сухуми. 1982. С. 86.

всегда входила в состав земель абхазских владетелей. В грузинских источниках имеются указания и о том, что эта область подчинялась какое-то время и грузинскому царю XIV в. Баграту V¹, хотя степень подчинения носила, скорее всего, временный и чисто формальный характер. В этом отношении интересные данные содержит и продолжение «Картлис Цховреба», в котором говорится о том, что в конце XV в. Верхней (т. е. восточной) частью Абхазии некоторое время владел мегрельский владетель Даддани; остальная Абхазия до Джигетии находилась во владении князей Шервашидзе².

Вместе с тем нельзя обойти вниманием и такое важное для истории края явление, как деятельность на территории Садзена генуэзцев. В течение XIII–XIV и почти всего XV в. они развили здесь, как и на всей территории Абхазии, активную торговую деятельность. Их главными факториями являлись Абаза и Лаи-ац, располагавшиеся, судя по венецианским и генуэзским картам того времени, по-видимому, в устьях рек Мдзымты и Псоу. Присутствие и торговля генуэзцев самым пагубным образом сказались на развитии народов Восточного Причерноморья, в том числе и садзов. Бурное развитие работорговли предопределило на сотни лет вперед ход развития социально-политической и хозяйственной жизни общества.

Из Садзена вывозилось большое количество самшита и другой древесины ценных пород, мед, воск, пушнина, кожа и шкуры домашних и диких животных, а среди них и леопардов, рысей, медведей, волков, лис и др. Однако наибольшую прибыль давала торговля молодыми людьми. В это время охота за людьми превратилась в обычный промысел. Главной целью набегов и войн стало не добывание скота, как было до тех пор, а угон пленных. Сотни лет, как сказано выше, продолжался этот торг людьми, которых выменивали на дорогую одежду, драгоценности, оружие

---

¹ Амичба Г. А. Указ. соч. С. 111.

² Там же. С. 112.

и т. д. Теперь, в надежде захватить как можно больше пленных, садзы стали появляться не только у берегов Абхазии, Мегрелии и Гурии, но и вдалеке от этих областей, нападая на крымские берега и даже на южные берега Черного моря. Это были века страшного развития работорговли, которой теперь занимались все — и черкесы, и абхазы, и мегрелы, и грузины.

Вначале 1390 г., по свидетельству Парсадана Горгиджанидзе, войска Тимура во главе с Джакели и братом царя Константином вторглись в Абхазию, разорили и сожгли ее, а жителей, которые не смогли скрыться, или истребили, или взяли в плен¹.

Коснулось или нет, это нашествие Джигетии, мы не знаем. Но, видимо, сразу же после этого разрушительного похода сюда направился мегрельский владетель Вамек Дадияни. Предпринял он этот военный поход якобы с целью отомстить за набеги джиков на Мегрелию. Во время похода он громил не только укрепления, но и древние храмы и в качестве трофеев вывез огромное количество мраморных деталей и обломков. Из них он пристроил часовню-придел к Хобской церкви с такой надписью: «Во имя бога... господин эристава... Дадияни Вамек... пошел на Джикетию... из-за неверности и непокорности, с целью усмирения, и победил... и произвел большие опустошения среди джикских князей...»²

К этому времени уже не функционировала и была ликвидирована Сотириупольская епархия (Пицундская), в диоцезе которой состояла и территория Джигетии, веками входившая в Константинопольский патриархат. Теперь Дадияни на пустующее место архиепископом посадил Арсения. С этого времени начинается совершенно новый период жизни Пицундской церкви, эпоха греческого религиозного влияния фактически кончается, а молитвенники и другие церковные книги хранятся те-

---

¹ Там же. С. 119–120.

² Цит. по: **Дюбуа де Монпере Фр.** Путешествие вокруг Кавказа. — Сухуми. 1937. С. 22.

перь в скрытых местах у абазин, сванов, балкарцев-чегемцев и др.¹ С этого времени богослужение в Абхазии стало вестись на грузинском языке, а вместе с ним появились и книги на грузинском языке. Садзен практически отходит от влияния христианской религии, хотя остатки ее сохранялись до самого последнего времени.

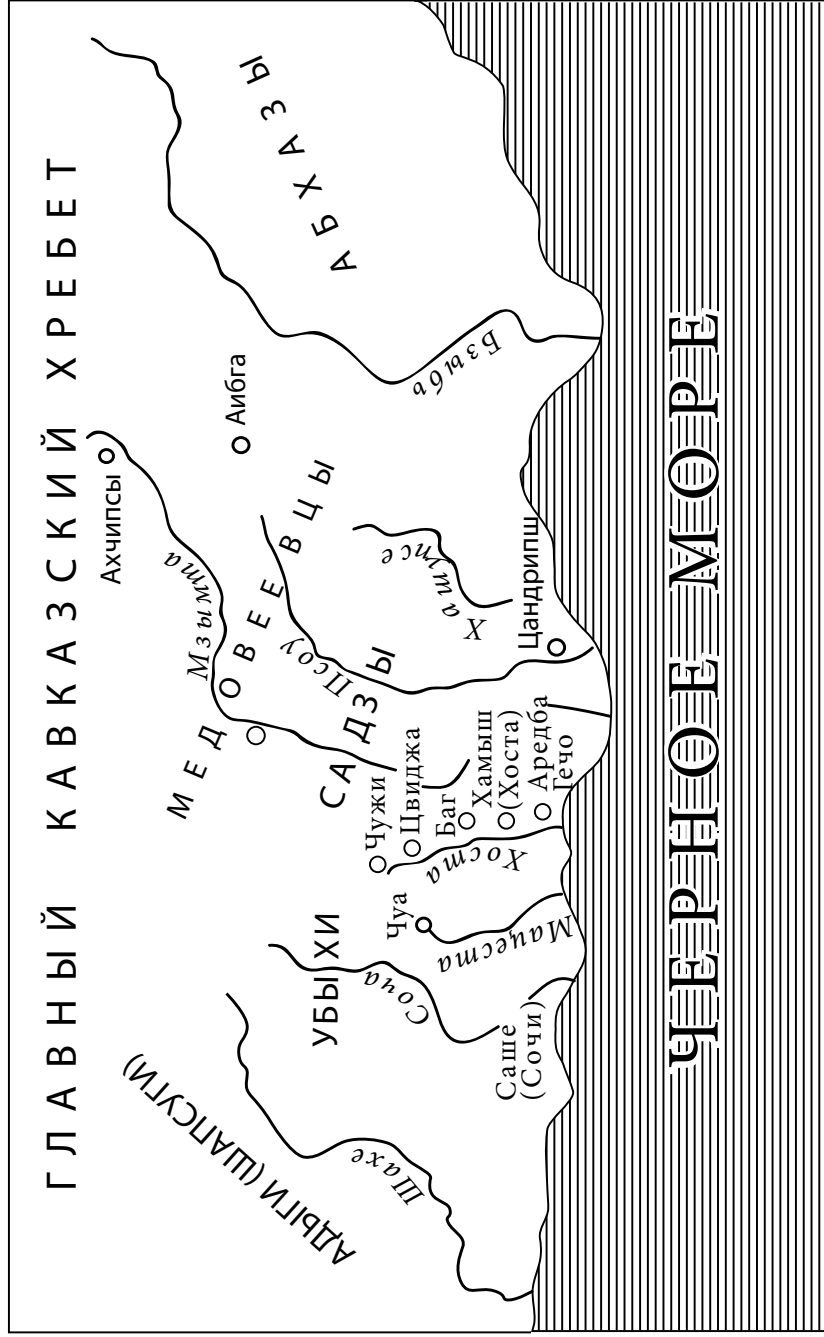
Таким образом, мы видим, что Садзен поддерживал на протяжении веков, если и не регулярные, но все же довольно тесные политические и другие взаимоотношения — мирные и немирные — с царями и правителями Грузии, особенно с некоторыми западногрузинскими средневековыми княжествами — Мегрелией, Гурией и др.

В некоторых средневековых грузинских источниках описываются набеги и военные походы садзов на Имеретию, Мегрелию, Гурию. Так, в 1509 году джики, пройдя Абхазию и Мегрелию, «произвели большое нашествие на Имеретию», а через четверть века состоялся объединенный поход мегрело-гурийских князей, который в грузинской летописи описывается следующим образом. «В хроникон 221/1533 Дадиани Маmia и Гуриели Маmia отправились в поход по морю на кораблях в Джикетию; сражение произошло января месяца тридцатого. В первый день эти одержали победу; на второй день, в пятницу, прогневался бог на одишцев (*т. е. мегрелов. — Ред.*), была измена, и отступили, оставив Дадиани, Гуриели и войско Гуриели; джики напали на них и сразились: Дадиани, Гуриели и войско Гуриели истребили многих. Были убиты сын Гуриели Георгий и его дворяне. Изнуренных сражением предал проклятый Цандиа Иналдипа; раздели Дадиани, догола раздетыми изрезали Гуриели и трех его братьев, епископов, а войско взяли в плен. Туда направился католикос Малакия и вызволил живых, а мертвых выкупили за

---

¹ **Владимиров К. А.** Древности Черноморского побережья Кавказа. — СПб. 1900. С. 15; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. — Нальчик. 1974. С. 225.

Восточное Причерноморье в междуречье Шахе-Бзыбь в середине XIX века

деньги»¹. Существуют и другие варианты описания сражения, которые, однако, совпадают в основном между собой. Краткие сведения об этом событии содержатся и в армянской летописи, причем основные факты повторяются и там с той лишь разницей, что в армянском лапидарном сообщении указанный поход датируется годом раньше. Кроме того, говорится о гибели князя Дадияни в бою, «Гуриел захвачен в плен, он был освобожден своим сыном Ростом-Мамаи Гуриелом и умер в 1534 году»².

Судя по тому, что описанные здесь военные действия, отражались в двух разных национальных летописях — в грузинской и армянской, они представляли собой вероятно довольно крупное событие для своего времени, которое вместе с тем характеризует джигетов как значительную военно-политическую силу Закавказья.

Упоминание в приведенных сообщениях среди «многих джикских князей» самого главного из них — Цандиа Иналдипа³ (в его садзской племенной принадлежности трудно сомневаться), подтверждает, что под именем джиков в данном случае скрываются собственно садзы, а не убыхские или адыгские племена, хотя в грузинских и византийских исторических источниках этноним джики (зихи) выступает иногда как собирательное наименование адыгских, а нередко и шире — абхазо-адыгских племен, занимавших почти весь Северо-Западный Кавказ. Однако упоминание в летописи Цандиа Иналдипа лишь один раз подтверждает этногенетическую связь средневековых джиков и позднейших джигетов.

Вопрос о личности этого загадочного Цандиа Иналдипа и вообще об интереснейшем садзском феодальном роде Цанбых, с которыми, по-видимому, генетически связана, по мнению Г. А. Амичба, абхазская княжеская фамилия Инал-Ипа, нуждается еще в дальнейшем специальном исследовании с

---

¹ Амичба Г. А. *Абхазия и абхазы*. С. 117.

² Дюбуа де Монпере Фр. *Путешествие вокруг Кавказа*. С. 109.

³ Амичба Г. А. *Указ. соч.* С. 163.

привлечением, ввиду крайней ограниченности письменных сообщений, всех возможных источников. Что же касается названия Иналдипа, то оно представляет собой фамильное имя патронимического происхождения, образованное из собственного имени Инал + ипа, что по-абхазски означает «сын», «дитя», то есть «сын Инала», а загадочная соединительная частичка «д» выражает собой, возможно, понятие «старший», «большой» от абхазского «ду» — «большой», «великий».

Если все это так, то Иналдипа разъясняется как «Сын Инала Великого», причем не исключается, что под Иналом подразумевается здесь тот самый Инал Одноглазый, который считается родоначальником кабардинских, а, может быть, и некоторых абазино-абхазских князей, и который, по преданию, похоронен в с. Псху, расположенном вблизи Санчарского перевала в верховьях р. Бзыбь.

Джигеты вместе с абхазами нередко принимали активное участие в междоусобной борьбе владетелей Гурии и Мегрелии (Одиши), то, как союзники одной из воюющих сторон, то, как наемники. Например, Георгий III Дадияни, который был владетелем Мегрелии во второй половине XVI в. (умер в 1582 г.) «нанял войска абхазов, джиков и черкесов»¹ против своего брата Мамия. Таких примеров можно привести немало, но интересно отметить, что джики и Джикетия упоминаются всегда вместе с Абхазией и абхазами, рядом друг с другом, в нерушимой связи между собой, что как бы подчеркивается и постоянством терминологического комплекса «абхазы и джики» или даже «абхазо-джики». Вместе с тем, согласно тем же описаниям, Джикетия непосредственно граничила с Абхазским владетельным княжеством. «...Абхазией и Джикетией владел Шарвашидзе», — говорится, в частности, в одном месте продолжения «Картлис Цховреба»².

---

¹ Там же. С. 112.

² Статистический взгляд на Абхазию. Краткие исторические сведения об Абхазии // Тифлиссские ведомости. 1831, № 24–26.

Вместе с тем при перечислении народов и племен в грузинских источниках им всегда отводится определенное место.

Взаимоотношения же различного характера со своими непосредственными северо-западными родственными соседями — убыхами и адыгскими племенами — были постоянным фактором политической, социально-экономической и культурной жизни населения Джигетии, о чем будет еще сказано ниже.

Наступил XVI век и принес с собой турецкое господство. С середины века Джигетия, как и остальная Абхазия, попадает под владычество султанской Турции. К сожалению, у нас почти полностью отсутствуют материалы, освещающие жизнь Джигетии этого периода. Господство турок не изменило к лучшему образ жизни садзского населения. Еще больший размах, чем при генуэзцах, принимает работорговля. Продолжаются набеги на соседние и дальние области с целью захвата людей в плен. Отчаянные мореходы и пираты, садзы под предводительством своих вождей нападают, как и в прежние времена не только на кавказские, но и на дальние берега Черного моря. Садзская знать богатела, многие из них уже имели родственные связи с турками, в гаремы которых они продавали своих близких родственников и родственников. Садзы посещают не только города Трапезунт и Синопа, но и Константинополь. Христианство в этот период приходит в почти полный упадок, знать садзов постепенно принимает ислам, но, как видно, лишь в меркантильных целях. Турки, в противовес абхазским князьям, начинают возвеличивать князей Садзена. Сухумскими пашами, как правило, назначались князья Мдавей [Маад-ипа], но были представители и других родов. Например, отец Келешбея Манучар, со своими братьями был выслан из Абхазии при сухумском паше Асланбее Гечба. После возвращения в Абхазию сына бывшего владельца Манучара — Келешбея, последний при покровительстве турок настолько усилился, что «силой оружия покорил... джикетский народ, обитающий от монастыря Гагры до сел. Мамаея», па мятая, видимо, прошлое и считая необходимым включение его в

пределы своих владений. Так и генерал Н. Н. Раевский считал, что Малая Абхазия, как называли Садзен, «некогда находилась в вассальных отношениях к Большой Абхазии»¹.

Но и господству турок пришел конец. На берегах Восточного Причерноморья стал расправлять свои крылья двуглавый орел России. Для народов Западного Кавказа наступил новый виток истории, втянувший в трагический водоворот почти все народы региона и окончившийся гибелью некоторых из них.

С присоединением Абхазии к России Джигетия, хотя и находилась в сфере российского влияния, но примеру абхазов не последовала. Однако всю первую треть XIX века, если ознакомиться с политическими событиями, протекавшими в Абхазии в это время, нельзя не заметить, что садзы принимали в них самое активное участие. Оставшись в орбите воздействия турецкой агентуры, они всеми силами поддерживали туркофильско настроенные круги абхазского общества, возглавляемые сыном Келешбея Асланбеем. Последний, согласно абхазскому обычному праву считал себя законным владельцем, так как являлся сыном княжны, а владелец Сафарбей имел мать из крестьянского сословия. Асланбей, проявляя огромную волю и энергию, неоднократно пытался вернуть себе власть. И, как правило, садзы всегда оказывались в отрядах его войск. В то же время и он сам, после каждой неудачной попытки, скрывался в основном на территории Джигетии — то в Гаграх, то в других местах (возможно у родственников по бабке или по жене).

С окончанием русско-турецкой войны 1828–1829 гг. ни джигеты, ни убыхи не имели непосредственных серьезных столкновений с царизмом на своей территории. Настоящие столкновения начались лишь после начала претворения в жизнь плана И. Ф. Паскевича под названием «Абхазской экспедиции». Этот план ставил целью овладение побережьем и установление связи

---

¹ *Раевский Н. Н. Описание восточного побережья Черного моря. — СПб. 1839.*

Сухума с Анапой, а значит покорение «буйных племен», в число которых они включали садзов с абхазами, причем, как видно, проводилась политика разобщения последних. Это далеко не всегда удавалось, и чаще всего абхазы и джигеты выступали единым фронтом. Так, пицундский владетель Федоруко Инал-Ипа, не желая добровольно покориться русским, призывал на помощь всех джигетов (горных и прибрежных), которые в большом числе готовы были присоединиться к абхамам-бзыбцам «для совокупного действия против русских». Но планы эти были сорваны в силу того, что русские отряды 8 июня 1830 г. были посланы в район Гагр не сушей, а морским путем. Джигеты, не ожидавшие появления русских с моря, оказали запоздалое сопротивление фактически тогда, когда Гагры уже были взяты.

Асланбей, узнав о происшедшем и потеряв надежду на будущее, отбыл из Джигетии в Стамбул, теперь уже навсегда. Русские отряды, захватив с. Гагрыпш по обеим сторонам р. Гагрыпш, приступили к возведению укрепления. Бзыбцы, после взятия Гагр, почувствовав себя отрезанными от джигетов, убедились в невозможности сопротивления и решили покориться русскому командованию¹. Ф. Инал-Ипа просил простить его, обещал успокоить жителей и уговорить их миролюбиво пропустить русские войска. Последние должны были пройти эту территорию для захвата Пицунды. Благодаря стараниям Инал-Ипа, Пицунда, как отмечалось в отчете, была взята без всякого кровопроли-

---

¹ Видимо и некоторые садзские князья не прочь были последовать примеру Инал-Ипа. Так, известно, что самурзаканский князь «...Темурко Анчабадзе, посланный для переговоров к джигетам, вернулся к отряду, стоявшему в Пицунде, с двумя князьями его же фамилии Анчабадзе, которые имели своих подвластных в окрестностях Гагры и желали войти в сношения с русскими. Они, правда, отказались прислать в залог своей покорности аманатов, как того требовал Гессе, но соглашались принять присягу. Присяга от них была принята, выданы им подарки, и они отправлены в Гагры, куда обещались доставлять сведения обо всем, что будет у них происходить и предприниматься» (Утверждение наше в Абхазии//КС — СПб. 1889. Т. XIII. С. 144).

тия. Джигеты же, отрезанные теперь от остальной Абхазии, невольно попали под сильнейшее политическое влияние убыхов, самых непримиримых противников русских на всем побережье. С этого времени начались непрестанные нападения джигетов вместе с убыхами или в отдельности, как на Гагры, так и на Пицунду, то сушею, то морем.

План И. Ф. Паскевича застрял на Гаграх, русские дальше не продвинулись и предпочитали ограничиваться обороной захваченных пунктов, теряя массу людей, как в стычках, так и от болезней, которые косили военные гарнизоны. Так продолжалось до 1837 года, когда по приказу Николая I началось сооружение цепи укреплений — так называемой Черноморской береговой линии. В том году на отбитом у джигетов участке на мысе Адлер было возведено укрепление под названием Святого духа. В этот период, когда русские войска заняли Адлер, убыхи и джигеты соединились взаимной присягой и с тех пор всякая вражда прекратилась. Присяга эта возобновлялась ежегодно, и при этом брали штраф с тех, которые имели тайные сношения с русскими. В 1838 году уже непосредственно на территории убыхов было сооружено укрепление на мысе у устья реки Сочипста под названием Навагинское. В следующем году были возведены еще два укрепления — Новотроицкое в устье р. Пшада и Михайловское в устье р. Вулан. Эти действия вызвали страшный взрыв негодования среди убыхов. В то же время они были недовольны поведением приморских садзов, которые стали вести примиренческую политику в отношении русских. Во главе со знаменитым убыхом, возглавившим борьбу против русских, Хаджи-Берзеком убыхи вместе с горным абхазским обществом Ахчипсы стали угрожать джигетам в 1839 году. Возмущение их вызвало отсутствие активного сопротивления со стороны джигетов русским войскам.

В то же время разразившийся на побережье голод, вызванный суровой зимой 1839/40 гг. и связанный с этим массовый падеж скота, сделали положение населения невыносимым.

К этому надо добавить и крайнее неудовольствие горцев в отношении пресечения контрабандной торговли с турками и в особенности торговыми людьми. И в феврале 1840 года поднялось все население региона. Борьбу, как всегда, возглавил Хаджи-Берзек, за голову которого ген. Раевский обещал 1000 рублей серебром. Черноморская линия была прорвана и многие укрепления пали. Вместе со всеми остальными горцами в войне принимали участие и садзы. По поводу этого события ген. Раевский, начальник береговой линии, оправдываясь перед командованием, писал: «...Мы едва можем защитить Абхазию, пока убыхи в связи с джигетами. Из этого следует необходимость принудить последних к немедленной покорности, а потом соединенными силами джигетов и Абхазии, поддерживаемыми нашими войсками, действовать решительно против убыхов»¹.

И с этого времени начинается сильное давление на садзских князей со стороны абхазского дворянства во главе с владельцем князем Михаилом Шервашидзе. Первыми среди садзских князей русское подданство приняли цандрипшские князья Цанба, а после них склонность последовать им проявили и другие княжеские роды. Возмущенный Хаджи-Берзек решил наказать садзских князей, и осенью 1840 года он появился в Гаграх во главе отряда из убыхов, и ачхипсоуцев в количестве 2 500 человек. Одновременно он собирался сделать нападение и на Абхазию, но из всех своих намерений исполнил только в отношении князей Цанба. Цандрипш был разорен и опустошен, а от его населения были взяты заложники².

В мае следующего года все основные княжеские фамилии приморских садзов присягнули на верность русскому правительству и государю. В своем сообщении об этом событии новый начальник береговой линии ген. майор Н. Р. Анреп писал:

---

¹ **Фадеев А. В.** *Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе* // «Исторический сборник». — Л. 1935, № 4, с. 149.

² *Там же.* С. 151

«...главным виновником покорения джигетов был владетель Абхазии генерал-майор князь Михаил Шервашидзе... Он не щадил никаких издержек, чтобы склонить на нашу сторону самых значительных людей между джигетами»¹.

Однако старания владетеля Михаила не остались неизвестными в среде убыхов. Когда в начале февраля 1841 г. начались переговоры адлерских князей с просьбами о принятии их в подданство России, Хаджи-Берзек решил наказать своего воспитанника за содействие в этом, а также за карательные экспедиции в Дал и Цебельду. Он послал отряд из убыхов, джигетов, ахчипсоуцев численностью в 1 000 человек, который возглавил племянник Хаджи-Берзека Керантух Берзек. Пройдя вглубь Абхазии, отряд напал на селение Отхара, принадлежавшее владетелю Михаилу, и полностью разорил его. Но эта акция не остановила ход событий. Все приморские садзы присягнули на верность России; горные же общества в союзе с убыхами продолжали военные действия против российской армии. В апреле месяце группа ахчипсоуцев и айбговцев из числа 500–600 человек проникла в ущелье Дал в верховьях Кодора для соединения с оставшимися там еще непокоренными дальцами и оказания им помощи. К этому времени в Цебельде, разгромленной в конце 1840 года, оставалось совсем немного невыселенных еще жителей. Под прикрытием прибывших, дальские князья со своими подданными собирались переселиться в неприступные ущелья верховьев Мдзымты и Псоу. Однако активные действия русско-го командования полностью расстроили эти планы.

Покорение садзов нанесло чувствительный удар по убыхам, так как в садзах они потеряли сильных союзников. Среди убыхской знати тоже стали появляться примиренческие настроения, особенно у живущих по соседству с садзами. Так, вскоре за садзскими князьями присягу приняли князья Аублаа и Хамышевы, что вызвало большое недовольство среди остальных убых-

---

¹ Там же. С. 155.

хов; с них был взят даже штраф за сношения с русскими и их вынудили отказаться от присяги. Однако при встрече с русским командованием они объявили, что, несмотря на все, они ни правительству, ни присяге, данной русским властям, не изменят.

После происшедших событий отношения убыхов с садзами совершенно обострились, и Хаджи-Берзек стал собирать огромные силы для наказания последних, но те тоже опирались на свои и немалые военные силы, которые русские сосредоточили на границе. И убыхи воздержались от нападения. В среде высшего убыхского дворянства начались разногласия. Убыхи вступили в переговоры с русским командованием в присутствии абхазского дворянства во главе с князем Михаилом. Перед убыхами были поставлены несколько условий, главное из которых состояло в требовании в 3-х месячный срок принять решение о принятии российского подданства; второе требование заключалось в запрещении действовать силой в отношении садзов и прохода через их земли для набегов на Абхазию; третье условие — возвратить всех заложников из садзов, которых убыхи уже давно держали у себя. Взаимен убыхи получили обещание, что за все это время садзы со своей стороны не будут делать набегов на убыхские территории. Для закрепления взятых обязательств обе стороны были приведены к присяге.

Убыхи полностью выполняли свои обещания в отношении садзов. Что касалось отношений с русскими, то их неприятельские действия продолжались, хотя ранее в тайных переговорах Берзеки давали слову князю Михаилу Шервашидзе, что не будут «...противиться покорности убыхов, если они на оную пойдут»¹. Завязавшиеся отношения с русским командованием завершаются принятием частью Берзеков, вместе с их подвластными, присягой правительству и императору. Постепенно шло относительно мирное покорение убыхского народа.

---

¹ Там же. С. 156.

В это же время и некоторые горные общества Садзена обратились с просьбой о принятии их в российское подданство. На территории Садзена было учреждено специальное приставство, которое возглавил, согласно решению российских властей, «природный абхазец», первый абхазский ученый, подполковник С. Т. Званба, находившийся в этой должности с 1841 по 1850 год. В начале 40-х годов он поехал с депутацией садзских князей в Петербург для представления их императору Николаю I. Эта акция свидетельствует о том большом значении, которое царское правительство придавало садзам и Садзену в выполнении их военно-политических планов.

Здесь следует сказать коротко о некоторых садзских и убыхских деятелях. О крупном садзском помещике XIX в. Решиде Гечба, владения которого располагались на территории современного поселка Веселое и его окрестностей, а также и о других садзских князьях и дворянах было сказано несколько выше. Но хочется привести и некоторые краткие сведения об отдельных деятелях из числа убыхской знати, которые, естественно, так тесно и неразрывно были связаны с Садзеном и его населением во всех отношениях. Большим авторитетом и влиянием пользовались не только в своем обществе, но и далеко за его пределами такие убыхские и садзские княжеско-дворянские фамильные группы, как Аредба (Аред), Аублаа, Берзек, Дишан, Дзиаш (Дзейш), Гечба, Маршан, Цанба и др. Представители этих родов, в том числе и самых знатных, не взирая на свое, казалось бы, высокое происхождение, выступали не только в роли «общественных деятелей», но одновременно с этим не гнушались предводительствовать при варварских грабительских набегах, заниматься пленопродавством, устанавливать выгодные для себя связи с турецкими и русскими властями, зарабатывая на этом чины и извлекая большие барыши.

Одним из наиболее видных западнокавказских деятелей был богатейший сочинский князь Али Ахмет Аублаа, владевший обширными имениями, состоявшими из 700 подвластных ему

дворов. Он был настолько влиятельным, что убыхские дворяне, в том числе и Берзеки, последовали его примеру в изъявлении покорности русскому правительству, хотя сам Аублаа и являлся противником Хаджи-Берзека. А из знаменитого неукротимого убыхского рода Берзек вышли многие военно-политические деятели. В свое время известными были, например, такие представители Берзеков, как широко известный Сааткерей Адагваипа, который зимой 1825 года во главе 1000-го отряда совершил поход на Абхазию. Но, по свидетельству С. Т. Званба, вся партия этих убыхов была уничтожена абхазами, причем «пал жертвой своего удализма» и сам ее предводитель. Известны и имена Мату Берзека, Хапеш-уко-Эльбурза Берзека, Шеулех-уко-Алицук Берзека, Шеулех-уко-Эдик Берзека, Шеуей-уко-Эдик Берзека, Шеуей-уко-Мату Берзека и др.

Невозможно не остановиться специально на двух выдающихся представителях рода Берзеков. Первый — это Хаджи-Дагумоко Берзек, называвший себя князем, в 80 лет, еще ходивший в военные походы. Он был наиболее видной фигурой в политической жизни 20–30-х и отчасти 40-х годов XIX века не только в своей стране, но и далеко за ее пределами, пользуясь огромным авторитетом у абхазов и у черкесов. Это был тот Берзек, которого его современник англичанин Дж. Ст. Белл называл Вашингтоном черкесов, и голова которого была оценена русским военным командованием в 1 000 рублей серебром. Даже официальные царские историки вынуждены были признать, что «этот Берзек был храбрый, энергичный предводитель, человек большого ума и наш непримиримый враг». Именно он воспитал абхазского владетеля Михаила Шервашидзе по строгим правилам горского этикета. В 1846 году Хаджи-Берзек скончался. Еще при его жизни о нем писали: «злой наш враг... устарелый в боях Хаджи-Берзек»¹. Теперь верховенство над убыхами как

---

¹ ЦГВИА. ф. ВУА. Д. 6422; **Фадеев А. В.** Мюридизм // *ВИ М.* 1951, № 9.

бы передалось от дяди к племяннику. Это был тоже суровый и чрезвычайно умный воин, совершавший смелые нападения и старавшийся объединить боровшихся против России. После встречи и беседы с ним генерал Н. Р. Анреп охарактеризовал его как «человека замечательного».

Весьма примечательной личностью был и Измаил-Барак-Ипа Дзиаш. Весной 1862 г. он возглавлял посольство от «непокорных горских племен Западного Кавказа», отправленное в Стамбул к представителям Англии и Франции «с просьбой о заступничестве против русского оружия». О нем писали, что Дзейш «с некоторого времени присвоил себе исключительно роль дипломата», причем исполнял он ее довольно удачно и во время посещения во главе делегации столиц европейских государств.

Как мы видим, военно-политическая ситуация на Восточном побережье Черного моря складывалась, казалось бы, вполне благополучно для России. Однако все внезапно переменялось. Это было связано, во-первых, с крупным крестьянским восстанием в Гурии, а, во-вторых, с успешными военными действиями Шамиля на Северном Кавказе. Относительное затишье сменилось новым подъемом национально-освободительной борьбы.

Летом 1844 г. убыхи стараются организовать всеобщее наступление против русских, вновь начинаются активные военные действия и нападения на укрепления и посты. В 1846 г. ген. А. И. Будберг отметил, что начали расти «враждебные настроения» и среди садзов. Так продолжалось вплоть до начала Крымской войны, когда русские ушли на время с этого побережья. Три года отсутствовали русские войска, но после окончания войны они вновь стали возвращать свои бывшие завоевания. Теперь борьбу возглавил уже Хаджи-Керентух-Берзек, но организовать единый фронт ему уже не удастся, хотя за прошедшие годы убыхи почти восстановили свое влияние среди садзов. Положение сильно ухудшилось в связи с поражением Шамиля в 1859 г. С Дагестаном было покончено, и теперь все силы Россия могла сосредоточить на Западном Кавказе.

С этих пор начались самые активные военные действия на Западном Кавказе. Несмотря на отчаянное сопротивление горцев, войска ген. Н. И. Евдокимова все глубже и глубже внедрялись на территории непокорных племен. Учитывая создавшуюся исключительно сложную внутреннюю и внешнюю обстановку и «сознавая недостатки своей организации», горцы Северо-Западного Кавказа решили объединиться «распри позабыв». В срочном порядке 13 июня 1861 года в долине р. Сочипста был созван съезд выборных старшин — представителей убыхов, садзов, абадзехов и др. Съезд проходил при руководящем участии убыхов и по их инициативе. Перед угрозой нависшей опасности было принято решение об «учреждении чрезвычайного союза» и стремиться к тому, чтобы «заменить расслабляющую усобицу сильной централизациею». На этом съезде горцы договорились о проведении целого ряда важных и неотложных мероприятий, с тем, чтобы «сохранять порядок внутренних, а отступающих от него наказывать». Договорились и о том, что управляться они будут учрежденным впервые меджлисом из 15 человек, который нарекли названием «Великого и свободного заседания». Решением же меджлиса были организованы в крае двенадцать административных единиц — округов, в каждом из которых были определены муфтии и кади, а также старшины. Они должны были исполнять повеления меджлиса и действовать заодно с «Великим заседанием» Специально были предусмотрены мероприятия и экономического характера, в частности, по сбору доходов и распределению податей, а в «постройке здания для меджлиса участвовало все народонаселение Убыхов, Ахчипсху, Аибга, Джигетии: каждый двор обязан был привезти две доски на возведение суда, молельни и Кунахских»¹.

---

¹ Копия с отзыва Начальнику Главного штаба Кавказской Армии кутаисского генерал-губернатора от 30 июня 1862 года № 735 // ЦГВИА. ф. 38, оп. 7, ч. 3, л. 23, 23-б; Архив АБИЯЛИ д. 410.

Была сделана и попытка создания регулярной армии путем введения воинской повинности — по пять всадников с каждой сотни домов. В таком случае черкесы в случае необходимости могли бы выставить 15 000 отборных всадников.

Проект убыхской реформы 1861 года, при всей своей неизбежной ограниченности¹, представляет собой, по словам проф. А. В. Фадеева, «документ чрезвычайной исторической ценности»². Дело шло, если бы все эти планы осуществились, к созданию нового разнородного государственного образования примерно от р. Бзыби на юго-востоке и почти до устья Кубани на северо-западе, под властью военного предводителя. Одним из наиболее вероятных претендентов на эту роль мог быть такой лидер, как Керентух Берзек, который у горцев того времени считался «предводителем военных партий» и первым из «двух главных деятелей в земле убых». На втором месте, после Керентуха, по своему влиянию стоял Измаил Баракай-ипа Дзиаш³.

Но, несмотря на все старания, лучшие умы не могли не понимать обреченности своего положения. В связи с этим в начале осени 1861 г. в Тифлис к наместнику Кавказа отправилась депутация во главе с самим Керентухом Берзеком с просьбой о принятии в российское подданство. Ничего толком не добившись, они решили встретиться с императором Александром II, который в то время находился на р. Фарс для «обозрения вновь покоренных земель». Итак, в сентябре 1861 г. Хаджи-Керентух Берзек просил «гуманнейшего из венценосцев XIX века» от имени убыхов и абадзехов принять их в подданство России, на что последовал царский ультиматум: «Я даю месячный срок. — Они должны решить: желают ли они переселиться на Кубань, где

---

¹ *Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. — Сухуми. 1982. С. 187.*

² *Фадеев А. В. Убыхи в освободительном движении... С. 175.*

³ *По некоторым данным, фамилия Берзек встречалась и среди адыгов — абадзехов, темиргоевцев и бжедугов.*

получат земли в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд, или же пусть переселяются в Турцию»¹. Ответ понятен, так как царское правительство хотело избавиться от них именно в этих краях, где через убыхов и приморских адыгов «осуществлялась контрабандная торговля и деятельность турецких, английских и польских эмиссаров»².

Ответ царя возмутил горцев, и они с еще большим ожесточением продолжили сопротивление. В то же время убыхи, как никто другой, оказывали помощь и другим борющимся народам, чего с настойчивостью требовали и от других. Так, весной 1862 года они поддерживали особенно тесные связи с дал-цебельдинцами, отвлекавшими на себя значительные силы царских войск³.

Как явствует из материалов, положение садзов во всей этой сложной и трудной ситуации было не только что нелегким, но и достаточно противоречивым и щекотливым. Как видно, они не всегда хотели безрассудно следовать убыхской политике непримиримого экстремизма, но убыхи всеми силами стремились преодолеть их колебания, вывести из-под влияния абхазского владельца Михаила, придерживавшегося прорусской ориентации, и накрепко пристегнуть их к своей военно-политической колеснице.

---

¹ **Фадеев А. В.** Убыхи в освободительном движении... С. 173.

² **Там же.** С. 177.

³ Так, например, 23 марта 1862 г. отряд под командованием ген. П. Н. Шатилова с участием некоторых цебельдинских князей (прапорщиков Бабыша и Хрипса Цуг-Ипа, поручика Ширинбея и кн. Хрипса) предпринял наступление на Дал (Лату), где засели сторонники двух юных сыновей умершего перед этим известного далского князя Баталбея Маршан. Старший из братьев — 14-летний Астамур был убит, а младший — 13-летний Ардашил — ранен. Кроме того, вся кукуруза, гоми и сено в Дале подверглись уничтожению (ЦГВИА ф. 38, оп. 7, № 410, л. 10/37, 12, 45).

Убыхи «в самых сильных выражениях, с угрозой непримиримой вражды, потребовали от джигетов немедленной высылки двух тысяч человек» для использования их против наступавших с северо-запада войск ген. Н. И. Евдокимова летом 1862 г.¹ Более того, была сделана даже «вооруженная попытка для принуждения джигетов к отправлению контингента, но сии последние уклонились и в этот раз. Между тем князь Решид-Гечь просил нас, *(то есть русских — Ш. И.)* сделать такое наступательное движение, которое позволило бы им отговориться окончательно, угрожающе им самим опасностью»². То же самое убыхи делали и по отношению к абадзехам, к которым, правда, и сами на помощь отправили до 5 тысяч воинов под начальством испытанных предводителей.

В одном из пунктов постановления «чрезвычайного собрания» убыхского меджлиса (летом 1862 г.) говорится, вслед за призывом к «священной войне», о необходимости «принудить» к такому же содействию джигетов, которые, как заметил автор документа, «оказываются довольно холодными к общему делу», отказываясь, в частности, от помощи абадзехам. Садзы старались проводить такую осторожную и предусмотрительную политику в значительной мере под влиянием, как уже выше отмечалось, своего главного тогдашнего лидера Решид-Гечба, находившегося «в постоянных сношениях» с русскими.

Вместе с тем горцы наивно не переставали ждать помощи со стороны некоторых западных держав, в первую очередь Англии (учитывая, вероятно, преимущества «Великобритании перед другими странами и, тем более, Турции»). Это ожидание поддерживали в них заморские эмиссары, советы которых ни к чему положительному не привели. Наоборот, своими подстрекательскими действиями они неизбежно подводили горцев к гибельному концу. Начался последний отчаянный и яростный

---

¹ Копия с отзыва... л. 24 и об., 25.

² Там же.

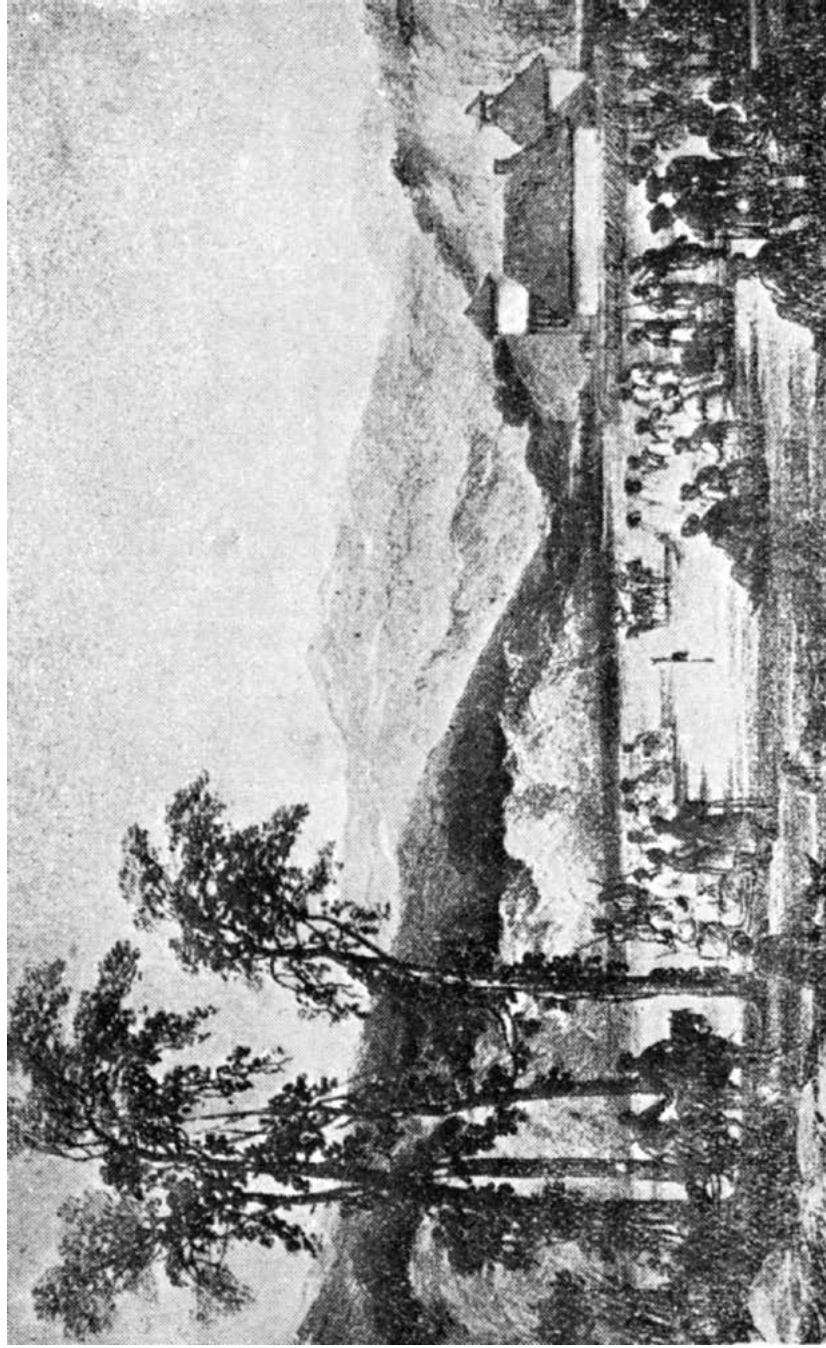
этап в борьбе горцев за независимость, особенно фанатично вели себя убухи.

Но, несмотря ни на что, часы истории отбивали последние минуты в истории убухов и садзов на Кавказе. 6 марта последние убухи прекратили сопротивление, а вместе с ними и приморские садзы. В апреле было сломлено и сопротивление горных абхазских обществ. 21 мая из ахчипсоуского урочища Кбаада (Красная Поляна) в Петербург пришло донесение от вел. кн. Михаила об «окончании Кавказской войны».

Итак, в течение всего XIX в. и вплоть до почти поголовного выселения в Турцию летом 1864 г., садзы и Садзен, как и другие соседние народы, жили напряженной политической жизнью. Это было обусловлено не только жестокой завоевательной политикой царизма, непрекращавшейся междоусобицей, набегами и пиратством, провокационными действиями султанской агентуры (включая местных изменников) и политикой западных держав (особенно Англии), но также сложными взаимоотношениями с «Большой Абхазией», ее последним владельцем Михаилом Чачба (Шервашидзе) и убухскими экстремистами во главе с безрассудным и неукротимым родом Берзеков.

Слабые попытки некоторых наиболее дальновидных садзских лидеров проводить осторожную политику лавирования не увенчались успехом, и прекрасный народ, подталкиваемый на край самоубийства внешними и внутренними врагами, закончил свое историческое существование непоправимой махаджирской трагедией, принесшей ему, как и другим переселенцам, неисчислимые страдания на чужбине и исчезновение с географической карты как особой и в высшей степени оригинальной этнической общности.

Место и роль садзов в исторических судьбах всего абхазского народа, края в целом, остаются все еще недостаточно выясненными. Изучение их происхождения, их истории и этнокультурных связей может явиться предметом не одного исследования. Но уже и теперь все более выясняется, что садзы — это особая

Законодательный съезд «черкесов» в местности Геч в период 1837–1839 гг.

этнографическая группа, обособленная часть абхазского этноса, которая издавна и до второй половины прошлого столетия обитала компактно на исконной своей территории в северо-западных районах исторической Абхазии, сохраняя в то же время, как увидим ниже, особенности своего оригинального языка, культуры и быта.

В процессе своих разысканий по садзско-убыхским вопросам я наткнулся на один документ, копия которого под номером 410 хранилась в архиве Абхазского института, сожженного в октябре 1992 г. в оккупированном Сухуме в период грузино-абхазской войны. Нельзя сказать, чтобы этот документ не привлекал к себе внимания исследователей, особенно А. В. Фадеева и Г. А. Дзидзария, но с интересующей нас точки зрения он не был еще предметом изучения. Вопрос касается обращения «черкесского» меджлиса к западным державам.

Письмо было написано 5 августа 1861 года и подписано двумя лицами — Зиаш-Барафа-Оглы и Шалсихан-Хоша-Хаджи с приложением двух печатей — Измаила и Хайдер-Гасана. Оригинал его был послан военным министром Д. А. Милютиным в константинопольское русское посольство «для сведения и соображения». В письме содержатся весьма ценные данные о положении убыхов и их соседей.

Кутаисский генерал-губернатор Н. П. Колюбакин в своем на него «Отзыве» цитирует с комментариями целые выдержки из него, пересказав тем самым почти все содержание письма. Отсылая «Отзыв», он писал: «При сем препровождается в оригинале с переводом письмо, без всякого сомнения, к великобританскому консулу в Сухуме Г. Диксону. Важность этого документа заставляет меня изложить подробно, как он попал в наши руки. Он был отдан в августе м-це прошлого года для передачи в Сухуме Г. Диксону, двумя главными деятелями в земле убых, предводителем военных партий Керентухом-Берзеком и дипломатом Баракай-Ипа Дзиаш, джикетскому жителю Абичу Солихо, женатому на дочери первого из названных убых и служащему

нам по временам лазутчиком. Побуждаемый любопытством, Солихо распечатал письмо, а, сломав печать, боялся передать по назначению и сохранил у себя. Когда же, после некоторого времени, убыхи, не получив ответа, спросили Солихо, отдал ли он письмо, сей последний сказал, что отдал, но не самому консулу, которого не застал дома, а его человеку и в подтверждение принес очистительную присягу. Наконец, в июне месяце настоящего года, желая извлечь из этого письма возможную пользу, он вручил его начальнику укрепления в Гаграх подполковнику Стражецу»¹.

В письме, адресованном английскому правительству, дается характеристика военно-политической обстановки в крае. В документе сообщается о принятых чрезвычайных мерах по сохранению независимости «черкесов», об учреждении ими своего меджлиса и «восстановлении аррахийской власти», о прекращении пленопродавства, содержится требование отвода войск ген. Евдокимова, а также просьба о заступничестве, о помощи и уважении вольности горцев, вставших на путь мирной жизни, о преобразовании родного края и развитии цивилизации.

Из документа с несомненностью вытекает все более ясное понимание убыхами своего тяжелейшего положения. «Появление войск графа Евдокимова, — говорится в письме, — в двух переходах от убыхской земли подало повод к чрезвычайному собранию меджлиса», которым было отправлено посольство в Константинополь, Париж, Лондон, а также обнародован призыв к священной войне. Генерал Н. И. Евдокимов «окружил наш край многочисленными войсками, намереваясь уничтожить нас. Неожиданный случай этот заставил меджлис собрать против этого генерала 15 000 самых отборных всадников... А теперь мы желаем обратиться к Русскому правительству... просить оставить нашу свободу в том же положении. Дай нам дорогу, отзови войска свои назад...». Действия евдокимовских войск убедили гор-

---

¹ Копия с отзыва...л. 32–33, 128–132.

цев, что «приближается последний час их независимости», но, как говорится в письме, они «не потеряли ни головы, ни сердца», напротив, они «решились отстаивать самобытность свою не только оружием, но еще и внутренними преобразованиями и энергичным обращением к иностранным державам».

Как пишет А. В. Фадеев, письмо свидетельствует о стремлении горцев апеллировать к международному общественному мнению, разговаривая при этом с правительствами великих держав как равный с равными. Документ «выражает высшую ступень политического сознания», на которую могут подняться представители отсталого, казалось бы, народа «в редких, особых, совершенно исключительных условиях».¹

В «Письме», помимо всего прочего, обращает на себя внимание, как мы видели, необычный термин, говорящий о «восстановлении» какой-то «аррархийской власти». (*Подчеркнутой*. — Ш. И.). Этот загадочный термин встречается в документах всего дважды — первый раз в форме «аррахийской» в указанном выше донесении кутаисского генерал-губернатора в связи с положением дел в Убыхии; второй раз — в приложенном к нему письме убыхов к английскому консулу в Сухуме в форме «аррархийской».

Обе формы написания — «аррахийская» и «аррархийская» — выполнены так ясно и четко, что никаких затруднений для чтения не вызывают. Из этих двух форм более правильным является, надо полагать, форма первоисточника, то есть то написание, которое представлено в оригинале письма самих убыхов. Из этого оригинала слово «аррархийская» перешло и в указанное военное донесение, где, однако, переписчиком была допущена, вероятно, случайная ошибка — в незнакомом для него термине он пропустил букву «р», вследствие чего слово приобрело вид «аррахийской».

---

¹ Фадеев А. В. Убыхи в освободительном движении... С.177.

Что же это за слово? Прежде всего, нельзя считать исключенным, что составителем источника при написании слова была допущена ошибка и под «аррархийским» фактически следует подразумевать «архаический», «иерархический», «монархический» или другой какой-нибудь близкий по форме термин. Однако это доказать невозможно. Надо полагать, что речь идет не о какой-то «архаической», а о вновь учреждаемой централизованной власти. Вряд ли также имелась в виду некая сложная «иерархия» служебной лестницы с многоступенчатыми переходами от низшего уровня к высшему. В смысле единовластия к содержанию документа как будто больше всего подходит понятие «монархический», но в самом источнике ни слова не сказано о наследовании власти, без чего трудно представить себе «монархию». В силу всего этого допустимо и другое предположение — о возможной связи слова с коренными языками края.

Никто, с кем мне приходилось консультироваться, не знает ничего ни о происхождении, ни о значении этого термина. В русских и греческих словарях его нет, слово и не тюркское, вряд ли оно принадлежит и английскому или другому западноевропейскому языку. Следовательно, не мог знать его и автор указанного донесения. Оно могло принадлежать только составителю письма или тем, кто диктовал текст, то есть Хаджи-Керантух-Берзеку Младшему и другим убыхским деятелям. Составителем письма мог быть кто-нибудь из грамотных коренных жителей, например, широко образованный юрист, садзский князь Цамбаев (Цанба) упоминаемый в том же документе¹, или другой человек, который, хорошо зная местные языки (абхазский, убыхский, черкесский), использовал, за неимением дру-

---

¹ Вот что сказано в письме о Цамбаеве: «Весьма кстати имели мы под рукою джикетского князя Цамбаева, служившего некогда в конвое Его Величества, несколько обрусевшего, знающего хорошо верховое судилище и даже проигравшего в нем какую-то тяжбу. Его-то взяли мы в проводники» (Копия с отзыва... л. 27 и 27 об.).

гого, свой местный термин «аррархийский» для выражения понятия сильной централизованной военной власти, наделенной чрезвычайными полномочиями.

Если «аррархийский» — местный термин, то какому из трех возможных языков он мог принадлежать и что собой он выражает? По-видимому, черкесский и даже убыхский языки исключаются, так как в этих языках, насколько известно, отсутствует слово, хотя бы отдаленно напоминающее «аррархийский», а, следовательно, и устанавливать на их основе его этимологию очевидно не приходится. Остается, таким образом, абхазский язык, с помощью которого «аррархийский» поддается, как мне представляется, наиболее удовлетворительному объяснению.

По-абхазски ар означает «войско», «армия», арра досл. «армейство» (например, аррацара — «уходить в армию»), хы (ахы) — «голова», «головастый», «предводитель». Исходя из этого, «аррархийский» можно перевести как «предводитель войска», «военачальник», «главнокомандующий» (от абх. ар — «войско», р-хы — «их предводитель»). Сочетание ар рхы — «предводитель войска», «авангард» (досл. «голова войска») — является одним из важнейших элементов абхазской военной терминологии. В убыхском языке также представлено слово ха (ахы) в значении «голова», «руководитель», но убыхи, как и черкесы, не знали слова ар для обозначения войска. Абхазскому «ар» соответствует убыхское «ла» (ала)¹ и общеадыгское «дза» (за) — армия, войско. Первоначально у всех этих родственных народов войско называлось «ра», «ры», но с течением времени, как утверждает языковед В. А. Чирикба, по закону звуковых соответствий убыхи заменили начальное «р» на «л», а адыги — на «з».

Как известно, огромное значение в жизни убыхов, как и их соседей, имели война и организация войска, в особенности институт предводительства во время нескончаемых походов, в том числе зимних. В XIX в. предводители убыхских военных отрядов

---

¹ *Vogt H. Dictionnaire de la langue Oubyck. — Oslo. 1963. P. 135.*

выбирались из рода Берзек. Одним из наиболее выдающихся его представителей был названный выше неукротимый Хаджи-Берзек-Дагомук (Адагуа-Ипа) старший, голова которого была оценена в 1000 рублей¹. Замечу также, что, по словам С. Т. Званба, у убыхов в походе бойцы одной деревни числом от 10 до 100 составляли особую часть, которая называлась у них «отдельным огнем», что в точности соответствует абхазскому амцахара (от амца — «огонь»).

Итак, «аррархийская власть» — это военное единоначалие, централизованная власть, сосредоточенная в руках небольшой группы лиц или даже одного военного лидера, которую, наряду с другими преобразованиями в общественно-политической жизни края, хотели учредить убыхи и их союзники незадолго до своего трагического «безумства храбрых». Термин «аррархийский» образован от абхазского «ар рхы» — военное командование, предводитель, полководец. Если же это так, то выходит, что убыхи или та их часть, которая играла главную роль в указанных событиях, включая составление письма, где впервые встречается наш термин, достаточно хорошо знали абхазский язык, границы которого в тот период еще доходили, как видно, до приустья р. Сочи. Не случайным, должно быть, является и то, что «столица» Убыхии со зданиями меджлиса была основана не в самом Сочи, как можно было бы ожидать, а немного дальше на северо-запад, в долине р. Псахе, то есть, как сказано в документе, в «наиболее населенной части убыхской земли»².

Для уточнения предложенного в качестве рабочей гипотезы толкования термина «аррархийская власть» необходимо даль-

---

¹Дзидзария Г. А. Махаджирство... С. 87.

² «По таким соображениям я решил истребить огнем здания меджлиса — по выражению черкес великого и свободного. Эти здания, хотя поставленные в наиболее населенной части убыхской земли, а именно в долине р. Псахе, недалеко от Сочи, но прикрыты легкими возвышенностями от берега, удалены от него не более как на версту» (Цитированный документ. л. 27).

нейшее изучение источников и литературы, чтобы выяснить некоторые вопросы, остающиеся пока непонятными. Например, почему убыхи, являющиеся основными авторами письма, где встречается это выражение, не использовали свой соответствующий термин? На каком языке было составлено письмо и как в оригинале написано слово, обратившее на себя наше внимание? Почему, ни русские читатели письма, ни его авторы не комментируют это слово, которое, по всей вероятности, было незнакомо адресату? Как могли рассчитывать составители письма, что читатели поймут их правильно? И, наконец, как понимать «восстановление аррархийской власти»? Не следует ли думать, что это является отражением давнишней (со времен Абхазского царства) абхазской традиции сочетания политической, и военной власти в одном лице?

Может быть, в указанном регионе абхазский язык в свое время выполнял отчасти роль некоего общенародного, а, возможно, здесь функционировал местный (убыхо-черкесско-абхазский) вариант языка, в котором было много абхазской лексики, общепотребительной для двух (абхазской и убыхской) или даже всех трех (абхазской, убыхской и черкесской) этнических групп?

Глава вторая

ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ САДЗОВ

К какому типу этнической общности относились садзы XIX века? Очевидно, что садзы указанного времени — это не нация, которая, как историческая общность людей, складывается в условиях развития капиталистических социально-экономических отношений. Не являлись садзы также этноконфессиональной группой. Как известно, такая группа представляет собой часть какого-либо народа, традиционное культурно-бытовое своеобразие которой возникло вследствие изоляции, связанной с религиозной принадлежностью. Но садзы не совсем уже и племя, которое, как форма этнической общности и социальной организации, характерно в основном для эпохи первобытнообщинного строя с такими специфическими особенностями, как кровнородственная связь между его членами, деление на роды и фратрии, общность территории, некоторых элементов хозяйства, самосознания и самоназвания, обычаев и культов, самоуправление в виде племенного совета военных и гражданских (в том числе духовных) вождей, хотя некоторые из этих особенностей сохранялись, в том числе у садзов, и в период раз-

вития классового общества в качестве стойких пережитков племенного устройства¹. Остается предполагать, что как этническая общность садзы XIX в. представляли собой своеобразную этнографическую группу, то есть обособленную часть абхазской феодальной народности, сохранявшую многие существенные особенности былого родоплеменного устройства, включая специфические черты их диалекта, а также традиционной культуры и быта.

Из факторов, способствующих образованию этнографической группы (ассимиляция, слияние племен в народность, религиозные и сословные особенности и др.), в данном случае наибольшую роль играла, по-видимому, определенная территориальная удаленность пограничного Садзена от так называемой Большой Абхазии, некоторый отрыв садзов от основного абхазского этнического массива при одновременной тесной связи с соседними убыхами и другими родственными группами.

Абхазская этническая принадлежность садзов подтверждается рядом имеющихся в нашем распоряжении материалов. Так, садз из Турции Сейди Ахмед-паша, вывезенный мальчиком из Садзена в начале XVII в., говорил, что своеобразие выговора садзов показывает их происхождение от абхазов и что он сам на всю жизнь сохранил «абхазский выговор»².

---

¹ Вообще типичная племенная организация была в целом давно пройденным этапом для Абхазии, имевшей тесные связи с развитыми крупными державами, жившей в течение веков в условиях т.н. «горского феодализма», имевшей свои царства и княжества, с довольно четким делением общества (в том числе отчасти и в горных общинах) на господствующую знать и богатейшую верхушку, с одной стороны, и экономически и политически зависимую от них массу эксплуатируемых земледельцев и скотоводов, с другой, хотя почти все это и проявлялось часто в форме, завуалированной разного рода дофеодально-патриархальными воззрениями и отношениями.

² **Челеби Эвлия.** Книга путешествия. Вып. 3. — М. 1983. С. 229–230.

Наиболее же полную и в основном правильную картину этнического состава и расселения абхазо-абазинских родоплеменных групп в XIX в. нарисовали Ф. Ф. Торнау, Л. Я. Люлье, С. Т. Званба, П. К. Услар и др., посетившие многие (в том числе и самые глухие) уголки этой части Кавказа и имевшие возможность непосредственно наблюдать горский быт. При этом первого из названных авторов, как военного разведчика, особенно интересовали количество и расселение абхазо-черкесских племен, которые в первой половине XIX в. еще неприкосновенно занимали свои прежние места обитания.

В 30-х годах XIX в., к которым относится описание Ф. Ф. Торнау, северо-восточный берег Черного моря был населен, как уже говорилось, тремя различными «племенами»: «от Анапы примерно до р. Шахе жили адыгские племена натухайцев и шапсугов, между Шахе и Саше (Сочи) находились убыхи, а территория от Саше до Ингури занята была абхазами («абазинцами» по Ф. Торнау), называвшими себя «апсуа» (в том числе и «асадуа»)¹. Что для Ф. Торнау абхазская этническая принадлежность садзов не вызывала никакого сомнения, видно из такого его высказывания: «Садзы, — писал он, — поколение одноплеменное с абхазами, говорящее с ними одним и тем же языком без всякого приметного изменения» (*Подчеркнуто мною. — Ш. И.*). Н. И. Карлгоф, считая, что «джигеты принадлежат к поколению абхазскому», отмечал в то же время, что они «говорят отдаленным наречием абхазского языка»². Соломон Званба с первого взгляда как бы несколько противопоставляет в этническом смысле абхазов и садзов, отмечая, в частности, что «абхазцы не считают их одного с собою происхождения». Но вместе с тем он

---

¹ **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания кавказского офицера // *РВ* Т. 53, № 10. 1864. С. 5–6.

² **Карлгоф Н. И.** Восточный берег Черного моря // *Военно-статистическое обозрение Российской империи*. Т. XVI. ч. 10. — СПб. 1853. С. 26–27.

же сам подчеркивает единство абхазов с садзами в языковом отношении, что является важным критерием при определении этнической принадлежности народа. Он пишет: «Джигеты говорят наречием абхазского языка, несколько отличным от коренного» (*Подчеркнуто мною — Ш. И.*)¹. С этим совпадает и мнение Н. Р. Анрепа. Садзы, писал он, «говорили абхазским языком» и в обычаях были «более сходны с абхазами, чем со своими соседями убыхами», и А. Н. Дьячков-Тарасов отмечал, что джигеты именовали себя «садзуа» или общим именем «азега» и «говорили тем же абхазским языком»². Согласно Дм. Бакрадзе, садзы (джигеты), как и цебельдинцы, составляли особую абхазскую этнографическую группу, а медозои, или медовеевцы — другую, причем последние «подразделялись на Псху, Ачхипсоу и Аибгу»³. Такая группировка не дает нам достаточного основания для причисления псхувцев и медовеевцев к садзам, хотя, возможно, это следует отнести за счет некоторой неточности сведений автора.

Трудно согласиться с мнением, высказанным З. В. Анчабадзе, о том, что садзы (джики) являются «независимой» этнической общностью, отличающейся как от черкесов, мегрелов и сванов, так и от самих абхазов. Язык садзов он считал «самостоятельным» языком абхазо-адыгской группы⁴. Этому противоречит, помимо всего прочего, термин «асадзипсуа», в котором присутствует самоназвание абхазов (апсуа), определяя собой садзскую речь как именно абхазскую.

---

¹ **Званба С. Т.** Абхазские этнографические этюды. — Сухуми. 1902. С. 5–6.

² **Дьячков-Тарасов А. Н.** Гагры и их окрестности//ЗКОИРГО Кн. XXIV, вып. 1. — Тифлис. 1903. С. 25, 26.

³ Кавказ. — Тифлис. 1866, № 49.

⁴ **Анчабадзе З. В.** История и культура древней Абхазии. — М. 1964. С. 173–174, 176.

В статье, посвященной историко-этнографическому анализу этнонима «абаза», Ю. Д. Анчабадзе, перечисляя народы абхазской общности, почти всегда пишет «садзы и абхазы», «абхазы и садзы», как бы противопоставляя их друг другу. Он считает не точно установленной этническую принадлежность медовеевцев, которые, по его мнению, представляли собой, возможно, «смешанное абхазо-садзское» население. Но оснований для сомнений мало: медовеевцы являлись частью горных, или верхних садзов, а все вместе — органическими компонентами общеабхазского этноса. Нет у нас оснований и для утверждения о том, что относительно поздняя миграционная подвижность была «особенно характерной для садзов», которые к тому же в середине XVII в. будто бы находились на Северном Кавказе (на самом деле, не садзы вообще, а согласно Клапроту, лишь какая-то маленькая часть медовеевцев обитала в верховьях Лабы). Отмечая, что ряд авторов (Ш. Д. Инал-ипа, Г. А. Дзидзария, Х. С. Бгажба, Г. З. Шакербай, Ю. Н. Воронов и др.) считают садзов абхазами, а некоторые (Л. И. Лавров, Н. Г. Волкова и др.) — южными абазинами, сам он склоняется ко второй точке зрения¹, без учета таких показателей этнической принадлежности, как язык и самоназвание, а также того, что и сами абазины составляли в прошлом одну и ту же этническую общность с абхазами.

Как мы видим, до сих пор продолжают существовать некоторые разногласия между учеными по вопросу об этнической принадлежности садзов. Споры идут в основном между сторонниками «абазинской» и «абхазской», изредка «убыхской» теорией их происхождения. Так, например, А. М. Дирр упоминает

---

¹ **Анчабадзе Ю. Д.** Абаза (К этнокультурной истории Северо-Западного Кавказа) // КЭС Вып. VIII. — М. 1984. С. 143, 145, 148–149, 164.

садзов-джигетов в составе абазинских «колен», которые, впрочем, он считает абхазскими¹.

Л. И. Лавров настойчиво причислял садзов к абазинам и утверждал, что еще в XIX в. они говорили по-абазински². В основном этого же мнения придерживается и Н. Г. Волкова, которая характеризует садзов-джигетов южными абазинами на том основании, что как у абазин, так и у садзов встречаются общества с общими названиями — Баг, Кеч, Чкату, Сид, Гаг и другие³.

Но общие абхазо-абазинские фамильные группы, включая Баг (Багба), Кеч (Қычаа), Сид, Гаг, Чкату и другие, существуют или существовали в прошлом и во внутренних частях Абхазии, что, однако, не дает нам права причислять население этих мест к южным абазинам.

В целом, однако, большинство исследователей относит садзов к собственно абхазским племенам. В частности, как мы уже знаем, частью «азега», то есть абхазов, считал их Л. Я. Люлье⁴. К абхазам причисляют их Ф. Ф. Торнау, А. П. Берже, К. Ф. Ган, З. В. Анчабадзе (иногда с оговорками)⁵, автор этих строк⁶ и др. Утверждения о том, что садзы в прошлом столетии говорили по-абазински, что они вместе с медовеевцами — жителями горных обществ Ахчипсоу, Аибга, Псху и др. — составляли юж-

---

¹ **Дирр А. М.** *Современные названия кавказских племен* // СМОМПК 1909. Вып. X. С. 6.

² **Лавров Л. И.** *О происхождении народов Северо-Западного Кавказа* // СМИК — Нальчик. 1954. С. 204; **Его же.** «Обезы» русских летописей // СЭ 1946, № 4, с. 163 и др.

³ **Волкова Н. Г.** *Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века.* — М. 1974. С. 65, 74.

⁴ **Люлье Л. Я.** *Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами* // Черкесия. — Краснодар. 1927. С. 9.

⁵ **Анчабадзе З. В.** *Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.).* — Сухуми. 1959. С. 204–207.

⁶ **Инал-Ипа Ш. Д.** *Абхазы.* — Сухуми. 1965. С. 52.

ную группу абазин, на мой взгляд, сомнительны¹. Зато имеются приводимые в этой работе недвусмысленные высказывания непосредственных очевидцев по поводу того, что «садзы говорили чистым абхазским языком». Кроме того, вся садзская земля была усеяна абхазскими топонимами, хотя, естественно, часть из них может быть и староабазинской (особенно ашхарской).

Должен быть особо отмечен и такой важный момент. Садзский язык иногда именуется в источниках «асадз-ипсуа» (в дословном переводе означает «садзско-абхазский» язык), где вторая часть композита (аҭсуа) представляет собой, несомненно, самоназвание абхазов. Одно это позволяет нам уверенно думать о том, что садзы причислялись к собственно абхазскому (аҭсуа), а не абазинскому (абаза) народу, ибо в противном случае садзский язык называли бы не «садзско-абхазским», а «садзско-абазским» или, что одно и то же, — «садзско-абазинским». Вместе с тем, и сами абазинцы еще до своей миграции на северную сторону гор представляли собой, надо полагать, обособленную часть абхазского этноса, а их язык уже тогда был особым самостоятельным диалектом (языком) абхазского языка, далеко не вполне идентичным садзскому, хотя нет возможности сравнительного их изучения.

В заключение сошлемся еще раз на недвусмысленные указания некоторых из наиболее авторитетных ученых в пользу абхазской принадлежности садзов. «Абхазское племя садзуа, которое у нас известно под именем джикетов» — писал такой специалист, как П. К. Услар в своей статье «О языке убыхов»². Генерал Г. И. Филиппсон, что видно по всему, прекрасно знавший джигетов, подчеркивал, что «этот народ говорит чистым абхазским языком» и, кроме того, отмечал у них особое тайное на-

---

¹ **Зверева Ю. И.** Поселения абазин в XIX — начале XX в. // *Автореф. канд. историч. наук.* — М. 1985. С. 1–2.

² **Услар П. К.** *Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык (прилож.)* — Тифлис. 1888.

речие «асадзипсуа», в котором, как сказано, присутствует само-название абхазов (аҭсуа). Начальник Черноморской береговой линии ген. Н. Р. Анреп в своем донесении 1841 года сообщает, как мы уже знаем, что садзы «говорят абхазским языком, а в обычаях более сходны с абхазами, чем со своими соседями убыхами»¹. Обратив внимание на многочисленные факты абхазской топонимики в ареале расселения садзов, Х. С. Бгажба пишет: «Садзы, как известно, составляли одно из абхазских племен»². Хорошо известно высказывание грузинского историка XIX в. Дм. Бакрадзе о том, что «одним языком с абхазами говорят джикеты, цебельдинцы, медозюи» и что «они имеют один и тот же образ жизни, следовательно, и общий корень»³. Г. А. Дзидзая пишет: «Как известно, в сознании населения Абхазии садзы (джигеты) всегда представлялись как «кровнородственные», хотя, на самом деле, они несколько и отчуждались, находясь за политической границей края. Они входили в абхазскую этническую группу»⁴.

Уже Вахушти, автор XVIII в., говоря о Джикетии, дает ясный и недвусмысленный, можно сказать, исчерпывающий ответ на поставленный вопрос об этнической принадлежности джигетов (садзов): «Сия страна, — писал он, — по всему абхазская: растениями и животными, обычаями (народа) и поведением» (*Подчеркнуто мной. — Ш. И.*)⁵.

Считаю возможным привести и некоторые полевые материалы. Почти никто из опрошенных абхазских сказителей не сомневается в том, что садзы, а также абазины принадлежат не к

---

¹ Цит. по **Бгажба Х. С.** Этюды и исследования. — Сухуми. 1974. С. 157, 158.

² Там же. С. 156, 159.

³ **Бакрадзе Д. З.** Очерк Самурзакани и Абхазии // «Кавказ» 1860, № 48

⁴ **Званба С. Т.** Абхазские этнографические этюды. С. 86.

⁵ **Амичба Г. А.** Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. — Тбилиси. 1988. С. 78.

убыхскому, адыгскому (черкесскому) или иному народу, а именно к абхазскому этносу. «Садзы, как и абазины, — это абхазы, только говорят они на несколько отличном от нашего, вроде бы «испорченном» абхазском языке» (Асазкуа, ашәуаа, аҭҭыуаауп, рбызшәа маҷк ихуанчоуп акумзар) — такие суждения обычны в устах очень многих пожилых абхазов. Все старые бзыбские сказители, у которых Х. С. Бгажба записывал сведения о садзах, также «уверенно причисляют садзов к абхамам», но считают их язык не очень «чистым абхазским языком», имея в виду диалектные различия¹.

Слова А. Л. Лукина, сказанные Л. И. Лаврову, что «р. Бзыбь старики абхазцы считают исторической границей Абхазии, а жившие за Бзыбью племена асадзуа не признаются ими абхазцами»², являются обобщением информации лишь отдельных сказителей [может быть одного-двух] и не отражают представлений громадного большинства старых и более молодых абхазов об этнической природе садзов, не говоря о том, что они противоречат всем основным историческим источникам, в которых, в частности, Садзен, как известно, неслучайно называется «Малой Абхазией», в отличие от остальной, то есть «Большой Абхазии», простиравшейся от р. Бзыби до Ингури.

Словом, у преобладающего большинства абхазских стариков нет никакого сомнения в абхазской этнической принадлежности садзов. Лишь некоторые из них склонны отождествлять садзов с черкесами, не имея, однако при этом сколько-нибудь точного понятия о том, кто же такие сами «черкесы». «Мои предки были садзами, черкесами, ведь это одно и то же» (Сабацәа — чаркәзын, сазкуан — дара роуми), — сказал, например, вышеупомянутый потомок садзов, гагрский старожил Смаил Мкьалба, дед которого по имени Бәхуху, умерший в возрасте 155 лет, говорил еще на садзском языке. Но такие мимоходные утверждения следует, как сказано, приписать неосведомленности их

---

¹ *Бгажба Х. С.* Указ. соч. С. 159.

² *Лавров Л. И.* *Этнография Кавказа.* — Л. 1982. С. 86.

авторов. При всем том мы должны все же учитывать, что Смаил Мкьалба — один из лучших информаторов по садзам — этнически если и не противопоставлял, то определенным образом отличал садзов от остальных абхазов. Он говорил, например, так: «Садзы жили в Гагре, а на востоке от нее — абхазы» (Гагра акун асазкуа ахьынхоз, наӡ — аӡсыуаан). Какое-то их противопоставление само собой вытекает уже из самого факта существования соответственно двух разных этнонимов одного для обозначения вообще абхазов (аӡсуа), а другого отдельно садзов (асазуа), что находит свое определенное выражение и в некоторых фольклорных материалах¹.

Таким образом, имеющиеся исторические источники, важнейшие из которых были приведены выше, предания абхазов, а также высказывания компетентных исследователей по вопросу об этнической принадлежности изучаемого этноса не оставляют сомнения в том, что по всем основным показателям садзы являлись абхазами, отличаясь, однако, значительными диалектными и другими своими местными особенностями.

Немаловажное значение имеет количественная сторона для этнического развития народа. Но по этому вопросу мы располагаем, к сожалению, немногими достоверными данными. Среди них особое место занимают сообщения того же Ф. Ф. Торнау. Это не только потому, что он был, безусловно, в высшей степени наблюдательным, а также и наилучшим образом информированным автором, но и потому, что собрание по возможности точных конкретных материалов, в особенности по количест-

---

¹ Вот, например, характерная загадка-скороговорка садзского происхождения: «Знаете ли вы то, что сказала Цыхчаным — жена Кумлея Камлиа абхазу, во время уборки льна на той стороне Аспы» (Камлиа Кумлей иӡхьыс Цыхчаным кун-цын Асӡа нырцӡ аӡсуа иалхӡаз жӡдыруазар?) Аспа — название правого приустья р. Бзыбь, и в приведенной здесь загадке подразумевается, что на левом берегу реки живут абхазы (аӡсуа), а на правой стороне — этнически несколько отличная от них садзская группа.

венному составу населения края, входило в его прямые обязанности, как военного разведчика.

По его описанию, садзы разделялись на множество вольных обществ, занимая морской берег от Гагры до р. Сочи и насчитывали 11 000 душ. Общество Саша, от реки Сочи, находившееся под властью кн. Облагу, имело до 10 000 жителей, и в это число входили только «отчасти черкесы и убыхи». (*Подчеркнуто мной — Ш. И.*)¹. К садзам он не причисляет Ахчипсоу, Аибга (Айбога) и Чужгуча в верховьях Мдзымты, Псоу и Мцы, хотя они относились к горным садзам. Последние четыре общества известны были у черкесов под общим названием Медовой и в них господствовали князья Маршан, разделявшиеся на две отрасли, — Богоркан-ипа и Масс-ипа (само слово «ипа», по-абхазски означает «сын», что указывает на абхазскую принадлежность этих групп). «Жителей в Медовое, — писал Торнау, — можно было считать не более 10 000»².

Как мы видим, если исходить из этих данных, в середине 30-х годов XIX века собственно садзов, живших по берегу между Гагрой и Сочи, было не менее 11 000, а вместе с обществами Саша и Медовой их количество доходило до 31 000 душ обоого пола, если не больше. Обращает на себя внимание то, что автор к садзам относит все основное население тогдашнего Сочи, где только «отчасти» встречались черкесы и убыхи.

Таким образом, в целом садзы составляли более одной четверти всего «абхазского племени» (включая северокавказских абазин), общая численность которого, по тем же данным, составляла около 130 тыс. человек³, а по отношению к собственно абхамам (т. н. Большая Абхазия) их было, чуть ли не половина населения.

Как уже указывалось в другой связи, А. Д. Нордман в 1838 г. Джигетскую область подразделял на три округа, каждый из ок-

---

¹ **Торнау Ф. Ф.** *Воспоминания кавказского офицера.* С. 114.

² *Там же.*

³ *Там же.*

ругов состоял из 9–10 селений. Несмотря на то, что не все названия селений из-за сложной абхазской фонетики зафиксированы точно, их абхазская языковая принадлежность не подлежит сомнению, и она частично отражает родоплеменной состав населения Джигетии. Все селения, перечисленные А. Д. Нордманом, являются прибрежными, и трудно сказать, относил ли автор к садзам (джигетам) и такие многолюдные горные общества, как Аибга, Ахчипсоу, Мдавей и др. Что же касается количества населения, то, если считать, что в каждом из 29 селений могло проживать в среднем не менее одной тысячи душ обоого пола, то общее количество людей почти в точности совпадает с указанной у Ф. Ф. Торнау цифрой — свыше 30 000. Но сам А. Д. Нордман приводит другие заниженные данные: всего около 6 000 человек¹.

Согласно сообщениям А. П. Берже, только за 1863–1864 годы с Кавказа переселилось 19 925 садзов, а абазин за 1858–1866 годы — 30 000 человек. Однако, говоря словами А. Н. Дьячкова-Тарасова, все эти цифры «ниже действительности, ибо регистрация отплывающих в Турцию не могла вестись точно: много горцев тайно садилось на кочермы», а вместе с тем в число садзских переселенцев не были включены псхувцы (около 5 000 чел.)².

Примерно в тот же период убыхов было, по данным Г. В. Новицкого, от 9 600 (1829 г.) до 40 000 (1830 г.) душ³, а всех абазин, согласно ведомости 1894 г. всего было 18 191 человек.

Следует также отметить, что не было и практически не могло быть «поголовного выселения» в буквальном смысле этого

---

¹ Путешествие профессора Нордмана...//ЖМНП — СПб. 1839, № 11, С. 414. (Несколько ранее А. Д. Нордман джикетский округ Ясхрипш, располагал между реками Сочи и Мдзымта. (Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю//ЖМНП № 11, часть IV. 1838. С. 415. Прим. изд.)

² Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. С. 82. См. и Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). — М. 1967. С. 32.

³ Волкова Н. Г. Этнический состав населения... С. 70.

слова. Весьма небольшая группа садзов случайно, должно быть, но все же, осталась на родине. Однако и эти жалкие остатки были удалены из насиженных мест: часть из них перешла на Северный Кавказ, а другая — 81 двор (493 чел.) — была поселена на берегах р. Гагрипш. Убыхов же осталось на Кавказе еще меньше — лишь 53 семейства, водворенных в адыгские аулы Кубанской области и вблизи селения Головинского¹.

Как уже указывалось, данные о численности населения Садзена весьма ограничены и часто противоречивы. Если исходить из описаний Эвлия Челеби, то народонаселение в первой половине XVII века было намного многочисленней, чем в последующие века (правда, неизвестно насколько соответствуют его данные истинному положению вещей). Он не дает общей численности населения, а лишь для каждого общества отдельно, причем в одних случаях говорит об общем числе жителей, в других — только о количестве воинов, выставляемых округом. Эвлия Челеби отмечал, что у больших Чандов 25 сел, Кечи имеют 70 селений, Арт — многочисленнее Кечи, но последние лучше всех вооружены, так как у них 2 000 воинов имеют ружья и почти 10 000 из них являются конными.

Итак, собственно садзов было 7 000 человек, горных чандов (цандов) 15 000, артовцев 30 000 и камышевцев 10 000 человек. Всего в этих четырех обществах, по автору, насчитывалось 62 000 человек. По остальным обществам количество выставляемых воинов равнялось: у соча — 10 000, у кечи — 10 000, у больших чандов (цандов) — 15 000, т. е. количество воинов в этих трех обществах равнялось 35 000 человек². Таким образом, на основании приведенных материалов можно предполагать, что область расселения садзов — Садзен — была одной из крупнейших по населению частей Абхазии.

---

¹ *Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия.* — Сухуми. 1982. С. 11.

² *Челеби Эвлия. Указ. соч. С. 49–51.*

Глава третья

ЯЗЫК И САМОНАЗВАНИЕ САДЗОВ

О садзском диалекте

Первые известные нам сведения о собственно садзском диалекте абхазского языка относятся к середине XVII в., когда здесь побывал турецкий путешественник Эвлия Челеби. В своей «Книге путешествия» он поместил фрагментарные заметки о «странном и удивительном языке абаза» и «языке абаза-садзов (Подчеркнуто мной — Ш. И.)». Как отмечается в примечаниях к соответствующему месту этой книги, прочтение сделанных автором языковых записей «представляет значительные трудности, так как арабскими буквами невозможно точно передать звуковой состав абхазского языка», не говоря об ошибках самого Эвлия Челеби и издательских работников. Несмотря на все это, его записи имеют большое значение как первая по существу фиксация некоторых образцов абхазской речи¹. Это отно-

---

¹ К сожалению, для нас осталась недоступной работа Блейхштейнера, в которой исследуется язык абаза-садзов у Челеби /Bleichsteiner R. Die kaukasischen Sprachproblem in Evlija Celebia sejahat-name// Caucasica. 2. — Lpz., 1934.

сится, например, к числительным, качество записи которых позволяет, при всех допущенных искажениях, свободное их понимание современным абхазским читателем (в скобках дается правильное написание тех числительных, которые Эвлия Челеби зафиксировал с ошибками): 1 — ак (акы), 2 — уба, 3 — ихпа (хҭа), 4 — бшба (ҭшьба), 5 — хуба, 6 — фба, 7 — бзба (бжьба), 8 — аба (ааба), 9 — жба (жэба), 10 — жуба (жэаба), 11 — ак жуба (ак жэаба), 12 — уба жуба (уба жэаба)¹.

Как мы видим, эти записи не оставляют никаких сомнений как в отношении абхазской принадлежности «языка абаза», так и доступности правильного понимания современными абхазами содержания приведенных примеров.

Сложнее обстоит дело с образцами «языка абаза-садзов» в количестве около сорока терминов и выражений, непонятных абхазскому читателю, потому что они принадлежат не абхазскому, а убыхскому языку. Здесь при наборе произошла путаница, ныне исправленная.

Если судить только по этим данным², то можно подумать, что абаза-садзы, то есть все население Джигетии (Садзена), уже в середине XVII в. говорило на убыхском языке, и что полная этническая ассимиляция садзов убыхами была совершившимся фактом. Однако такой вывод не соответствует действительности, о чем говорит и Сейди Ахмет-паша. Садзы, как известно, были абхазами, а не убыхами, говорили они на диалекте абхазского языка. Не только у садзов, но даже и у их ближайших сородичей — абазин, являющихся наиболее удаленной группой от остальных абхазоязычных племен, числительные по форме и содержанию почти полностью совпадают с собственно абхазс-

---

¹ Например, «один» по-абхазски акы, а по-убыхски за, «три» — соответственно хпа и ша (sa), «семь» — бжьба и блы.

² **Челеби Эвлия.** Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. С. 103; Вып. 3. С. 55.

кими. Тем более садзские числительные должны быть идентичны общеабхазским.

Но, как все же, следует понимать не совсем ясные сообщения Эвлия Челеби о «языке абаз-садзов» и его образцах? Фактически им были записаны не садзские, а собственно убыхские слова и выражения. Образцы убыхского языка жителей Садша, как его установил еще А. Н. Генко¹, турецкий автор не совсем хорошо разбиравшийся в сложной языковой ситуации края, ошибочно выдает за «язык абаз-садзов», то есть собственно садзов (хотя, на мой взгляд, не полностью исключается и другой, менее, быть может, вероятный случай). Так как садзы, по словам самого Челеби, жили высоко в горах, а он повторяет это два раза, возможно, что он свои записи проводил среди небольшой приморской группы, где-то в районе Сочи, которые в процессе непосредственного соседства и интенсивных контактов успели в основном ассимилироваться, сохранив, однако, самоназвание.

В целом сообщения Эвлия Челеби имеют, разумеется, большое значение не только для изучения садзского языка, но и абхазоведения вообще. Он достаточно точно зафиксировал «абазские» числительные, которые, как нетрудно было заметить, несомненно, принадлежат абхазскому языку. Кроме того, впервые именно в его записях мы находим термин «садз» не только как обозначение одного общества, но и как этно-племенное название части абхазского народа.

К наиболее ранним, после Эвлия Челеби, образцам абхазской речи относятся материалы Миная Медичи, который путешествовал вдоль восточных берегов Черного моря в 1815–1819 годах.

В дневниковых записях Миная Медичи приводится немало данных о социальных отношениях и домашнем быте абхазов

---

¹ **Генко А. Н.** О языке убыхов // ИАН СССР. — Л. 1928, № 3, С. 241; **Волкова Н. Г.** Этнический состав населения Северного Кавказа XVIII — начала XX века. — М. 1974.

Садзы. Репродукция с фотографии середины XIX в.

(точнее вообще абазы, как он называет почти все народы Восточного Причерноморья), об остатках христианства и языческих верованиях («раньше были христианами, а затем стали почитателями деревьев»), а также об их языке¹. Но из записанных им слов лишь несколько доступны пониманию современного абхаза — остальные либо неправильно записаны, либо вообще не относятся к собственно абхазскому языку. Вот числительные из его списка, которые в отношении принадлежности к абхазскому языку не вызывают сомнения: «Их счет, — пишет он, — таков: ага — один, юба — два, ихба — три, шиба — четыре, хыба — пять, фуба — шесть, бечба — семь, саба — восемь, зоба — девять». Остальные числительные, приводимые им, совершенно не соответствуют абхазским и непонятно, на каком языке они звучат («чейга — десять, зогео — двадцать, золата — тридцать, гурушги — сорок»). Из другой приводимой им лексики можно отметить как более или менее несомненно абхазского облика только следующие: ант'ча — бог, ла — глаз, мараһ — солнце, муйз — луна, һабнаһ — весна, остальные («оорак — отец; аншонһр — мать; абав — мальчик; эфа — девочка; асһэй — брат, аһкеһей — сестра; коо — сердце; якка — голова; лоомба — ухо; эт'ша — рот; аэт'с — звезда; миэзт'шэһ — день; пакаһ — ночь; коолбэз — вечер; бкһнэһ — лето; бжака — осень; кзэн — зима; сһэакоо — год; теэсһээ — смерть») не поддаются определению и может быть принадлежат другому языку абазы, вероятно, убыхскому, так как абхазский теоним «анчва» (ант'ча — бог) знаком, также садзам, абазинам и убыхам.

Весьма фрагментарные, не всегда достоверные, но, тем не менее, ценные сведения по языку и фольклору садзского народа можно еще получить у некоторых старых абхазов, в основном жителей смежных с историческим Садзеном бзыбских селений.

---

¹ *Меликсет-Беков Л. М. Pontica Transcaucasica Ethnica//СЭ 1950, № 2, с. 171, 173.*

Немало информации этого рода хранил в своей памяти упомянутый выше, ныне покойный, лдзаавский (пицундский) старожил К. Л. Агумаа, отец которого, по его словам, говорил немало по-садзски. Садзы, как и абазины (ашәкуа), рассказывал Кута Лазович, жили недалеко за горами, откуда они совершали свои грабительские нападения на абхазские деревни. Есть в пределах блабурхвинских альпийских пастбищ труднодоступная горная местность (в соседстве с Калдахварой), которая называется «Перевалом садзов» (Асаз-хытцyrта), где, между прочим, произошла воспетая в народных песнях схватка калдахварского героя Кьягвы Инапха с садзами (убыхами?), угонявшими людей и скот из его родного села¹.

К. Л. Агумаа, кроме того, продиктовал мне несколько запавших ему в память садзских (частично адыго-убыхских) слов и выражений, услышанных им (возможно с искажениями) от отца. Например:

Оригинал	Перевод
1. Уа (yo), шәуа сааҭшьо(y)!	1. Уа (yo), добрый день! ²
2. Уа, шәи саабшьи!	2. — " —
3. Уа (yo), мтқари җааҭсо(y) (мдҗлааҭси)!	3. Уа (yo), добро тебе видеть!
4. Уа (yo) мдыха(а) ку(ко)?	4. Уа (yo), что случилось (что нового)?

¹ Он, как и другие абхазы, так же знает юмористическое выражение о якобы неверной «садзской дружбе» (асазҭызара).

² Во время другой встречи — 23 июля 1981 г. — эту фразу у того же сказителя я записал в несколько ином варианте, а именно: Уа, ашәуа сааҭсо (y), а в третьей фразе вместо «мдыхаху» послышалось уже «мдыхако».

Не менее интересные записи садзских текстовых фрагментов удалось сделать летом 1973 года у вышеупомянутого 75-летнего жителя с. Бзыбь Алексея Зафасовича Конджариа. По его словам, в этом селе (поселок Арасадзих) некогда жил крестьянин Сакут Барцыц. С детства он находился среди гагрских садзов, работая у них пастухом (Гагра итаз асаз рыхьча иакун). Когда они, как махаджиры, покидали родину, их попросили не забирать пастуха с собой на чужбину, и они уступили парня. Поэтому его называли еще «выпрошенным (?) Сакутом» (Ахэыр Сакут). Он в совершенстве знал садзский язык и пел их песни. Вместе с ним А. З. Конджариа каждое лето ходил со скотом на горные пастбища и усвоил у него несколько садзских терминов, фраз и мелодий. Приводим очень трудный для перевода текст одной непристойной садзской песни. При ее исполнении один мужчина играл на абхазском двуструнном музыкальном инструменте «ап̄хьарца», имевшем широкое распространение и у садзов, а другой подпевал ему. В песне имелись нецензурные слова:

Оригинал	Перевод (досл.)
1. Аҭакуажә ажьхулца ¹ итҭажьу	Старуха у очага (лежащая)
2. Утытыныжәга л...хә иаатшьны	Курительную трубку по ее ... проведя
3. Паҭ ургеит, усагашьт ² Уаа! Уаа!	Закури, добрый малый! Уаа! Уаа!
4. Уа, ушҭасамаркафуа, Уагаахеит! ³ Уаа! Уаа!	Уа, как ты хорошо поешь, Добро с тобой! Уаа! Уаа!

¹ Ажьхулца — у изголовья очага.

² Усагашьт — в смысле «добрый малый» (?) «несчастный».

³ В смысле: «как ты хорошо исполняешь (песню на ап̄хьарце — Ш. И.)».

5. Лаҭыцакуа ¹ аатҭхны, У...ы ифкылаукит	Вырвав у нее зубы, свой ... вложи туда
6. Анышәаҭшь ² тры џтуцкәаит! Усаҭашьт! Уаа! Уаа!	Вместилище глины разворо- ти!
7. Уа, ушҭасамаркауа! Уаҭаахеит! Уаа! Уаау!	Уа, как ты хорошо поешь! Доб- ро с тобой! Уаа! Уаау!

Приведем еще несколько отдельных садзских слов и выражений, записанных у разных лиц:

1. Шәы́сахәтәх цәҭҭаааит, шәааскуамтца! — «Оставьте меня в покое, чтобы недоброе с вами было». Говорят, это было любимое выражение Пембы Ачба, матери Сатбея Мажаровича Чачба, которую Смаил Мкьалба причислял к садзам по происхождению (первое слово в этой фразе современному абхазу не совсем понятное, выражает, возможно, «часы», («время»)).

2. С ... хә — «моя задняя часть» (с ... хә уагүтсамсуа) — «подтолкни меня сзади».

3. Сыри — «я» (сыри изгазом — «я не беру», «не возьму»)³.

4. Уаҭаахеит — выражает досаду, удивление. По сообщению ныне покойного Хинтрыгу Хагуша из Калдахвары, это слово постоянно фигурировало в своеобразном лексиконе престарелой матери Мзауста Куджбы из общества Куджбашта, помнившей времена, когда в Абхазии еще не было кукурузы, сеяли только просо (Уаҭаахеит, нан, аҭы́қуреи абаказ, аши ахузи ракун иказ).

5. Чандыркүку — лягушка (ср. каб. «щандырйуайа» в том же значении).

¹ Лаҭыцакәа — ее зубы (по-абх. лхәҭыцкәа).

² Анышәаҭшь — в смысле задняя часть тела (дословно, как и в абхазском, означает «краснозем», т. е. глину)

³ Записано в с. Бзыбь летом 1979 г.

6. Сухатцкит — «Чтобы я принял на себя твои беды» (ср. абх. «ухаткысцит» в том же значении).

7. Ус акупит — «Так было», «так есть» (ср. абх. «ус акун», «ус ауп» в том же смысле) (последние два примера записаны Г. А. Дзидзария со слов 75-летнего жителя Отхара Николая Багателя 9 сентября 1947 года).

Как уже отмечалось, часть махаджирских переселенцев, возвращаясь на родину, осела в районе Батума. Среди них были и представители садзских абхазов, что находит свое отражение в некоторых особенностях речи нынешних батумских абхазов — потомков садзов, особенно в речи жителей с. Фериа¹, предки которых были выходцы из Цандрипша. Со слов абхазских стариков, жителей поселков Фериа, Адле, Соуксу в окрестностях Батума Х. С. Бгажба удалось записать следующие «садзские» слова:

садз.	абх.	перевод
1. Аихьдтцәа	1. Ауџу	1. Ярмо
2. Ашьхьтцә (ачхьртцә)	2. Аџьбатама	2. Шкворень
3. Амҳа	3. Ашымҳа	3. Лавровишня
4. Атыц	4. Аџаца	4. Невеста и невестка
5. Алажәыта	5. Аџьықәреи	5. Кукуруза
6. Аҳамплаць	6. Апҟхныга	6. Круглый камень (для ступки)
7. Ашәқьақә	7. Ашәақь	7. Ружье
8. Ачара	8. Акрыфара	8. Есть, кушать ²

¹ *Килба Эмма. Особенности речи батумских абхазов. — Тбилиси. 1989. С. 77, 78, 87 и сл.*

² *Бгажба Х. С. Этюды и исследования. — Сухуми. 1974 г. С. 160*

Как видно из этой таблицы и других материалов, различия между абхазскими и садзскими словами носят в основном лишь диалектный характер (ср. абх. ашымха — садз. амха — «лавровишня», абх. аҭаца — садз. аҭыц — «невестка», абх. ашәақь — садз. ашәқьақь — «ружье» и др.¹

В августе 1985 года в Абхазии побывала группа турецких граждан — абхазов из ФРГ — Исмет Айкусба с супругой Лилеан Тванба и Дзихни Ахышба. Они прекрасно владеют абхазским языком, отражающим одновременно оттенки соответствующих диалектов. В частности, 57-летний Исмет Айкусба оказался садзом, предки которого были выходцы из общества Халцис. Это название выступает иногда синонимом всего Садзена. Не вдаваясь в подробности фонетических и лексико-грамматических особенностей его речи, подметить которые не всегда возможно во время кратковременной беседы, следует все же подчеркнуть, что его речь не отличается от общеабхазского разговорного языка. Отдельные слова и целые фразы, выражения, поговорки и пословицы, одним словом все, что он говорил, было всем нам, абхазским слушателям хорошо понятно. Приведу лишь некоторые выдержки из его удивительно богатой речи, не претендуя на точную фонетическую запись:

1. Хара хаҭсуоуп — Мы абхазы.
2. Аҭсуа Аҭсны дҭысит — Абхаз из Абхазии вышел.
3. Аҭсны знапи-зшьапи алеибарҭьны изкыу — Абхазию, руки и ноги вонзив, держащие (неразлучные с ней).
4. Анцәа шәисасуп — Бога вы гости.
5. Анцәа исалам шәзаагеит — От бога привет мы вам принесли.
6. Аҭсынтры иоуааит — Долговечным да будет он.
7. Ажәа ҭынтә ианухәалак аффы гоит хәа — Слово, дважды повторенное, дурно пахнет (абх. пословица).

---

¹ Там же. С. 160–161

8. Ахырцъара ахарехуара иамаанууп хэа — Самоунижение означает (иногда) самовосхваление (абх. поговорка).

9. Сызакароу акара сапсыуоуп — Насколько велик я или мал — настолько и абхаз (пословица).

10. Абза-нхафы — Зажиточный крестьянин.

11. Апсы-нхафы — Немощный (досл. «мертвый») крестьянин.

12. Ахабаф — Старейший в роде (досл. «черепная кость»)

13. Сызкуахаша сашьцэа — Дорогие мои братья.

Но это, собственно, не садзский диалект, а обыкновенный общенародный абхазский язык, с некоторыми, видимо, диалектными особенностями (главным образом, в лексике и интонации).

Характеристика, которую дают наши сельские информаторы садзской речи, отличается удивительным постоянством и однообразием. «Садзская речь напоминала собой птичий гомон. Это был искаженный (ихуанчан) абхазский язык, в котором не все нам понятно», — так говорил потомок садзов Смаил Мкьалба, дед которого, как сказано, свободно говорил на садзском диалекте. Больше было языкового взаимопонимания в пограничных областях, где постоянно происходили интенсивные процессы взаимопроникновения разных этнографических групп и их языков. Например, западные бзыбцы лучше понимали садзскую речь, чем остальные абхазы.

Самое раннее свидетельство о языке садзов от самого садзымы имеем у Эвлия Челеби, который близко его знал. Это был большой турецкий сановник Газы Сейди Ахмед паша, которого еще ребенком выкрал в горах Садзена хамыш — родственник Эвлия Челеби по матери и продал его на пристани. Рассказывая о себе, он говорил «абхазским выговором», поведав, что садзы, живя между абхазами и черкесами, говорят на языках черкесском и абхазском, но «даже своеобразие их выговора» показывает, что они ведут происхождение от абхазского народа¹.

---

¹ Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 3. С. 229.

Ф. Ф. Торнау, отмечая «слияние племен» в Самурзакани и в западных общинах Бзыбской Абхазии, писал: «Подобное слияние племен заметно и в Бзыбском округе, особенно между абхазцами, над самою рекою Бзыбом живущими, которых оклад лица более правилен и ближе подходит к черкесскому. Говорят они языком абхазским, понимая вместе с тем и наречие своих соседей — джигетов (асадзкуа)»¹. По мнению К. В. Ломтатидзе, в абхазском был представлен своеобразный говор, возможно, садзский, близкий тапантскому диалекту (Псыж-Красновосточному)².

Не совсем простым и ясным является и вопрос о языковых взаимоотношениях садзов с убыхами. З. В. Анчабадзе, хотя и ссылаясь на Эвлия Челеби, что противоречило приведенным словам К. В. Ломтатидзе, считал язык садзов самостоятельным³.

Но Г. И. Филипсон, как мы знаем, прямо писал, что садзы говорили «чистым абхазским языком». Правда, тот же автор указывал, что садзы имеют еще особое наречие — «асадзипсуа», не похожее ни на абхазский, ни на адыгейский, на котором при Филипсоне укладкой говорила еще чернь. На этом основании З. В. Анчабадзе приходит к заключению, что «асадзипсуа» — это один из самостоятельных языков абхазо-адыгской группы⁴. Однако сам термин «асадзипсуа», вторая часть которого (апсуа) в данном случае выражает не самоназвание абхазов, а абхазский язык свидетельствует о том, что садзы были племенем, говорившем не «самостоятельным языком», а на одном из основных диалектов общеабхазского языка — «садзско-абхазском», как

---

¹ *Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. — М. 1976. С. 119.

² *Ломтатидзе К. В.* Ашхарский диалект и его место среди абхазо-абазинских диалектов. — Тбилиси. 1954. С. 232 (на груз. яз.).

³ *Анчабадзе З. В.* История и культура древней Абхазии. — М. 1964. С. 173.

⁴ *Там же.* С. 174.

переводится и само слово «асадзипсуа». И если, как утверждал Г. И. Филипсон, «по всей земле убыхов чернь знает асадзипсуа», то это может говорить или, как думал З. В. Анчабадзе, о сравнительно недавней ассимиляции садзов — жителей части побережья — спустившимися с гор убыхами¹, или же о том, что сам убыхский язык генетически восходит к одному из ближайших к садзскому абхазских наречий, получившему в этом районе постепенное преобладание, став самостоятельным языком. Наиболее вероятным является, по-видимому, первое из этих предположений.

Нельзя считать исключенным не только определенное политическое верховенство убыхов на последнем этапе их исторической жизни среди ближайших родственных обществ (как, например, Хамыш), но и отмечаемое тем же Г. И. Филипсоном «завоевание» каких-то участков исторической северо-западной Абхазии, пришедшими некогда с гор убыхскими племенами, язык которых был усвоен, прежде всего, привилегированной частью садзского населения, а остальная масса («чернь») продолжала пользоваться родной речью. Вообще трудовые массы являются, как известно, более стойкими хранителями традиционной культуры, включая язык, чем знать, которая из политических, престижных и прочих соображений, легко поддается культурному влиянию другого народа. В этой связи интересно отметить, что еще в первой половине прошлого столетия знание абхазского языка имело частичное распространение среди привилегированной части западногрузинского (мегрельского) населения. В середине 30-х годов XIX в. англичанин Эдм. Спенсер, путешествуя по Западному Кавказу, некоторое время жил среди причерноморских черкесов, а на Абхазском побережье посетил Пицунду, Сухум и пограничную с Мегрелией Анакрию (мегрельская форма абхазского Акра — «Маяк», «мыс»), ездил по Мегрелии. Касясь абхазо-мегрельских этнокультурных взаи-

---

¹ Там же. С. 173.

моотношений, он пишет: «Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском (читай: «абхазском» — Ш. И.) диалекте, которым пользуются лишь князья и дворяне (подчеркнутой — Ш. И.), претендующие на общее происхождение с неукротимыми черкесами»¹.

Наличие в топонимике исторической территории садзов мощного абхазского слоя с абхазскими формантами — та (локативный суффикс), пста (ущелье), ху (холм, возвышенность), шха (гора)², ныха (святылище), ра (показатель общности), пш — (род, община) и др.³ подтверждает не только общее с абхазами происхождение садзов и их языковое родство, но и этническое, а, следовательно, также языковое распространение последних вплоть до центральной части современного г. Сочи.

Здесь мы сошлемся на некоторые топонимические и другие языковые материалы, часть из которых в другой связи приводилась и выше. Например: Аублаа рныха — старое название сочинской горки Батарейка; это название переводится только с абхазского языка и означает «святылище (рода) Аублаа»; Архышна-аху — село в долине реки Сочи⁴ с прозрачной этимологией: архышна — в абхазском означает надочажную цепь, аху — возвышенность, то есть возвышенность с надочажной цепью; Ахун — гора в Сочи, причем аху «возвышенность», а «н» — абхазский локативный суффикс; Цвлаха (Цџлаха) — правый приток реки Кудепста, название которого означает «место,

---

¹ **Spenser E.** *Trevels in Caucasia, Krim-Tartary. Vol. 1.* — London. 1839. P. 317–318.

² Элемент *шх* (*шхџ*) в значении «вверху», «высота» характерен и для адыгейского языка.

³ **Бгажба Х. С.** *Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии* // Труды АбНИИЯЛИ Т. XXVII. — Сухуми. 1956. С. 203.

⁴ **К.** *Обзор событий на Кавказе в 1851 году* // КС Т. XX. — Тифлис. 1899. С. 32. См и **Лавров Л. И.** *Этнографический очерк убыхов* // Уч. записки АдНИИ т. VIII. — Краснодар. 1968. С. 7.

где заблудился бык» (ацв алахара — «застрять», «заблудиться»); Сочепста (Шәачаҭста) и Кудепста (Қудаҭста) — названия рек, вторая часть которых (пста) представляет собой абхазское слово со значением «ущелье».

Название «Сочи»¹, характеризующего иногда как «сердце земли убыхов», выступающего в различных вариантах, — Сочи², Соча, Сучали (Дюбуа); Сочи, Саше, Сочипсы (Торнау); Саша, Садша, Зутша (Белл); Сочи, Саше (Люлье); Сфеша (река), Саше (аул), (Дубровин); Шаши, Шаше, Саче, Сшаче, Сшатче, Сшадше, Сочипсе, Сочипста других источников, — перекликается с абхазскими (абазинскими) княжескими фамилиями Аше и Шаше (по Ногмову).

На земле садзов и прилегающих территориях выявляется много и других гидро-топонимов абхазо-абазинского облика. К ним относятся, например, Агва — приток р. Сочи (в 16 км от ее устья); р. Агура — в 15 км к юго-востоку от устья Мацесты; Арета — один из пригородов Сочи³; Абазинка — село на левобережье Мацесты, в 8 км от ее устья (Ф. Торнау помещал здесь общество Чуа во главе с князем Безишь Ачу); Чухукт — «село (рода) Чух» в Лазаревском районе; Лоо — аул абазинских князей Лоу, или Лау (абазинская форма древнейшего общеабхазского княжеского фамильного имени Ачба) и др.⁴

---

¹ Ср. также название главного села округа Цандрипи — Саучи.

² Разумеется, если не все, то очень многие из приводимых в этой работе абхазских лексических материалов являются общим достоянием близкородственных языков — абхазского и абазинского. И, тем не менее, вопрос о следах собственно абазинского языка на прародине абазин, то есть на садзской в широком смысле и прилегающих территориях, заслуживает специального изучения.

³ **Загайный С. А.** Происхождение названий некоторых населенных пунктов Краснодарского края // Доклады Сочинского отдела географического общества СССР. — Л. 1968. С. 195.

⁴ Говоря словами Б. Серебренникова, «могут исчезать с лица земли народы и их языки, но топонимические названия, как своего рода

К. Д. Мачавариани отмечал, что «Медозое говорили на абхазском языке, несколько отличном от бзыбского наречия, однако не в такой степени разнившимся от него, чтобы жители Бзыбской Абхазии не понимали горцев верховьев Мзымты», причем, — продолжал он, — князьями Медозое были также представители абхазского рода Маршан, а родственными джигетцам племенами на северном склоне являлись абазинские племена (тапанта, башилбай, шагереи, там, баг, браккый и кизилбек)»¹.

Этноним «садз», широко распространенный среди абхазов (при полном незнании ими названия «джигеты»), был, по-видимому, не в большом употреблении, а, может быть, и вовсе неизвестен убыхам, которые, согласно Г. Фогту, называли своих ближайших юго-восточных соседей джихами (цыхы). Упомянутые в его «Словаре убыхского языка» (убыхский текст) твахыбза (тәахыбза)² — это убыхский язык, джихыбза (цыхыбза) — джихский, или джигетский (садзский) язык, а азегский (азҭабза) — абхазский язык³. Соответственно твахы (дуахы, туахы) — это убыхи, джихы — садзы, а азег — абхазы.

У одного представителя современных турецких абхазов, поэта и ученого Омара Беигуа сохранилось абхазское стихотворение («Золотое слово») любовного содержания, которое приписывается некоему «аджарскому адвокату» Джахиту Илхану, мать которого, по словам поэта, была абхазкой из племени садзов

имена собственные, ничего иного не обозначающие, кроме объекта, легко усваиваются другими народами и таким образом могут сохраняться в течение тысячи лет». (**Серебренников Б. А.** О методах изучения топонимических названий // В. Я. №6, 1962, с. 37)

¹ **Мачавариани К. Д.** Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. — Сухум. 1913. С. 241, 272, 273.

² Атвах (Атәах) — так называлась в прошлом местность бассейна р. Сочинста.

³ **Vogt H.** Dictionnaire de la langue Oubykh. — Oslo. 1963. P. 63–64.

(халцысов)¹. Говорят, что оно написано на садзском диалекте, «по-абхазски на садзский манер» (Сазуа хәашьала аҭсышәала иыҭыит). В самом тексте обращают на себя внимание, в частности, два момента. Во-первых, в нем дважды встречается общее самоназвание абхазов — «апсуа», причем в первом случае автор, если он действительно из племени садзов, недвусмысленно причисляет себя к абхазам, говоря: «мы, абхазы, были хорошие» (Харт аҭсуаа хабзиан). Во-вторых, в лексическом составе стихотворения, насчитывающего около сорока отдельных терминов, всего лишь несколько слов (мемурк, доиаа, хаиза, рыран) отсутствуют в нашем литературном языке и непонятны современному абхазу².

Как видно из приведенных материалов, садзы, несомненно, говорили на диалекте абхазского языка, который, однако, в значительной мере отличался от остальных абхазских диалектов, проявляя, по-видимому, наибольшее сходство с языком нынешних северо-кавказских абазин, особенно ашхарцев. Это вполне согласуется и с положением о переселении абазин на места современного их обитания из северо-западных областей исторической Абхазии, т. е. из мест, некогда непосредственно прилегавших к садзской территории. В лице садзов мы имеем абхазский этникон, ближайшим образом связанный с абазин-

---

¹ Это отождествление садзов с халцысами мы находим в одном из писем поэта. Так, отвечая научному работнику Абхазского государственного музея Руслану Гожба, он сообщал в своем письме от 15 сентября 1985 года следующее: «Абхазский язык садзов (Халцисов) есть тот язык, на котором говорил Зулькиф (Айкусба), приезжавший вместе с нами к вам (в Абхазию). Стихотворение же по-абхазски написал аджарский... адвокат Джахит Илхан. Мать его была абхазка, принадлежавшая к садзскому (халцисскому) племени. И садзско-абхазский язык Джахита Илхана является тем языком, которому он научился у своей матери» (Из письма **О. Бегуа** к Р. Гожба, оригинал которого хранится в личном архиве последнего).

² «Алашара». VII. — Сухуми. 1968. (на абх. яз.).

нами, который не последовав за сородичами на жительство за хребтом, в значительной степени смешался со своими соседями (убыхами и др.). Вследствие такого рода интенсивных постоянных смешений и контактов местные жители, особенно мужчины, хорошо знали как родной язык, так и родственные соседние наречия. Так, садзско-убыхский билингвизм был, по-видимому, довольно обычным явлением в садзских семьях (впрочем, как и убыхско-абхазский в некоторых убыхских семьях, особенно в тех, которые жили в пограничной полосе с садзами). В этой связи вспомним слова П. К. Услара, который писал: «Под влиянием сильного напора языков абхазского, адыгского и турецкого убыхский давно уже находился в состоянии агонии»¹. Вместе с тем он, как известно, убедился «в близком родстве «убыхского» с абхазским, хотя и встречаются в нем явления несходные»².

В садзских кругах, главным образом представителей привилегированных слоев общества, в то время, видимо, многие знали и адыгский язык.

Данная ситуация еще более была характерна для убыхов, о чем писал Ф. Ф. Торнау. «Убыхи, с которыми я встречался, — отмечал он, — всегда говорили по-черкесски»³.

Итак, садзы говорили и на особом диалекте абхазского языка, известном в некоторых источниках как «асадзипсуа». Вероятно, этот термин связан либо с особым садзским тайноречьем, либо с несколько ироническим отношением к садзской речи (аса ипсуа бызшәа) со стороны остальных абхазов — жителей Большой Абхазии: садзы, мол, говорят на «испорченном» (ихуанчоу)

---

¹ Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание. О языке убыхов.* — Тифлис. 1887. С. 83.

² Один джигетский князь продиктовал П. К. Услару целый ряд терминов и выражений, считая, их убыхскими. При проверке, однако, они оказались адыгскими. (Услар П. К. *Абхазский язык.* — Тифлис. 1888. С. 80).

³ Торнау Ф. Ф. *Воспоминания кавказского офицера* // РВ — СПб. 1864. № 10. С. 428.

абхазском языке. Такое подшучивание носителей центральных диалектов над языком представителей пограничных регионов обычное явление в языковой практике многих народов мира. Вместе с тем не вызывает никакого сомнения, что само слово асадзипсуа — абхазское, означает «садзско-абхазское (наречие)» или «садзский говор абхазского языка»¹.

Г. И. Филипсон в статье «Черкесы, казаки и адехе», написанной в 1854 году, писал, что садзский «народ» говорит чистым абхазским языком, но имеет еще особенное наречие (асадзипсуа), не похожее ни на абхазский, ни на адэхейский язык». Но мало-помалу это наречие забывается, им говорит иногда только «чернь и то, как бы украдкою от чужих людей»².

Несомненно, данное сообщение свидетельствует о широком распространении в прошлом у садзов тайного языка.

С другой стороны, важное значение для понимания изменения языковой ситуации в районе нижнего течения р. Сочи имеет свидетельство того же автора о здешней разноплеменности и, если верить ему, каком-то «недавнем завоевании», следы которого «очень заметны в этом участке», о том также, что «во всей земле убыхов чернь знает язык асадзипсуа». Выходит, что садзы и их язык господствовали на указанном отрезке территории в относительно «недавнем» прошлом, до занятия ее убыхами, подчинившими местное (садзское) население или часть его своему политическому влиянию.

Садзское тайноречие

В Абхазии кое-где еще сохранились воспоминания о широком распространении у садзов тайноречия, которое иногда называют «птичьим» или даже «садзским» языком. Подобные

---

¹ *Бгажба Х. С. Этюды и исследования. С. 168.*

² *Филипсон Г. И. Черкесы, казаки и адэхе//Рукописный отдел Российской гос.библиотеки; ф. Д. А. Милютин д. 169, № 81, л. 54.*

же «птичьи», «тайные» или «воровские» языки в прошлом существовали в той или иной форме также у остальных абхазов, у соседних убыхов и адыгов¹.

До последнего времени вопрос о садзском тайноречии оставался загадочным и никто им не занимался. Мы не знали, как его характеризовать — то ли это особый язык или диалект, то ли жаргон, то ли какое-нибудь профессиональное наречие, то ли тайный, называемый у абхазов «воровским», «птичьим», «садзским», то ли групповой или другой какой-нибудь язык.

Абхазский этнограф Е. М. Маляя сообщила, что в с. Калдахвара живут две женщины, знающие садзский язык. Вскоре же после этого, 12 декабря 1984 года мы вместе с фольклористом Сергеем Зухба. выехали на поиски этих женщин, которые, как оказалось, живут, как и их предки, на территории с. Блабурхва Гудаутского района, на границе с Калдахварой, то есть в непосредственной близости от юго-восточных границ исторического Садзена². Мы побывали у сестер, которые, несмотря на свое болезненное состояние приняли нас с большим радушием. Это женщины в возрасте свыше 60 лет, принадлежащие к роду Ахиба. Старшую зовут Кания (Кания), младшую, парализованную и прикованную к постели — Манка (Манка). Их отец Жагуа был

---

¹ **Кишеев А. С.** О «тайных» языках адыгов // СЭ. 1986, № 4. С. 115.

² Как рассказывают, ныне покойный Шота Сымсым из той же Калдахвары приносил свои художественные произведения и фольклорно-этнографические материалы для напечатания в абхазском журнале «Алашара». По свидетельству писателя Николая Хашиг, который редактировал материалы Ш. Сымсыма, не сохранившиеся рукописи последнего содержали значительное количество непонятных абхазскому читателю слов, выражений и оборотов речи, которые автор называл садзскими и которыми, как говорят, он очень дорожил. В его поэме «Напха Кыагуа» («Алашара». I. 1965) также нашли отражение некоторые элементы влияния садзского диалекта на абхазский язык автора.

репрессирован в 1937 году, а два брата погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Около двух часов мы записывали у них фольклорно-этнографические материалы, в основном слов младшей — Манки Жаговны, которая является сказительницей весьма интересной.

На первый наш нетерпеливый вопрос — знает ли она садзский язык, сразу последовал ответ, не допускающий сомнений: «Да, знаю», и тут же она дала ему свое определение: «Садзский язык — это слова навыворот, разговор задом наперед» (Асаз бызшәа — шытахыла уцәажәоит). При этом сказительница имела в виду «слова» абхазского, а не какого-нибудь другого языка. Как выяснилось, она имела возможность изучить этот язык у своей матери Хамсины Бейя из пограничного с садзами села Калдахвара (пос. Аспа). Когда-то брат Хамсины, по имени Камыгу, находясь на охоте, встретил в лесу какого-то молодого садза, схватил его и привел домой (Сазуак дигъыхьашәан, дыкны даагеит). Выручать похищенного пришли еще несколько садзов, которые также были задержаны и надолго оставались в доме охотника (последний и сам, возможно, был садзского происхождения). Таким образом, Хамсина, мать нашей сказительницы, провела свое детство в окружении небольшой группы садзов, ставших членами их семьи. Усвоив секреты «садзской» речи, она передала их и своим детям, наиболее способной из которых оказалась Манка. И действительно, Манка наряду с обычным абхазским языком, свободно говорит еще на особом тайноречии. И мы записали несколько десятков отдельных терминов и выражений на языке, безусловно, абхазского облика, который сказительница именует «садзским» и который, можно сказать, почти совершенно непонятен тем, кто говорит на общенародном абхазском языке.

Обо всем этом дает представление следующая таблица, в «садзской» части составленная по материалам М. Ж. Ахиба:

Таблица I

№	«Садзские» термины	Абхазские соответствия	Перевод
Числительные			
1.	кында́ (анак) ¹	акы́	один
2.	быѡда́ (ба)	ѡба́	два
3.	пҭха	хпҭа́	три
4.	пҭшьында́ (шьпҭа)	пҭшьба	четыре
5.	бхуа	хуба́	пять
6.	фында́ (фда́)	фба́	шесть
7.	бжьында́ (жыбда́)	бжьба́	семь
8.	баанда́	аабá	восемь
9.	жэында́ (еныжэба́)	жэба	девять
10.	бажэ́а	жэабá	десять
11.	зэи́жэа	жэ́еиза	одиннадцать
12.	ѡежэ́а (ѡажэ́а)	жэ́аѡа	двенадцать
13.	хажэ́а	жэ́аха	тринадцать
14.	пҭшьыжэ	жэипҭшь	четырнадцать
15.	хужэ	жэо́ху	пятнадцать
16.	фажэ	жэаф	шестнадцать
17.	бы́жэыжэ (ижы́б)	жэибжэ	семнадцать
18.	жэында́а (ианжэа)	жэ́аа	восемнадцать
19.	жэ́еиз (жэанза)	зэ́еижэ	девятнадцать
20.	ежэында́ (жэаи́а)	ѡежэ́а	двадцать
21.	ежэакында́ (кында́)	ѡежэ́и-акы	двадцать один

¹ В скобках даны вариантные термины, записанные у сказительницы во время моей второй встречи с ней совместно с языковедом Ш. К. Аристава и тем же С. Л. Зухба 9 января 1985 года.

22.	кшəы	шəкы	сто
23.	қьзы	зқьы	тысяча

Продолжение таблицы I

№	«Садзские» термины	Абхазские соответствия	Перевод
Части тела			
1	лоугá (хынды́)	ахы́	голова
2	áдхуа	áхуда	шея
3	áлба	áла	глаз
4	атцýнпа	аҭýнҭа	нос
5	ғандá (ғынды́)	ағы́	рот
6	ацхýп (ацахыҭ)	ахаҭýц	зуб
7	ангуы́	агýы	сердце
8	атцəагуа (азəáкуа)	агуатцəá	печень
9	аҭсишы́ы (апашы́ы)	ашьапы́	нога
10	апынды	анапы	рука
Местоимения			
1	ра́са	сарá	я
2	рауá	уарá	ты
3	рашəá	шəарá	вы
Дом			
1	афынá (уандá)	афны́	дом
2	ацма́	ámца	огонь
3	шырхту́аа (аштырхуá)	ахуш́таарá	очаг
4	ашəýнда	ашə	дверь
5	азáрпа	абáртца	передняя
6	ағмы́	амғы́	дрова

Одежда			
1	ажэыкумы́	акумжэы́	черкеска
2	акама́ (аканда́)	амака́	пояс
3	амака́	ака́ма	кинжал
4	аҭы́лха	ахы́лҭа	шапка
5	аҭы́рха (аҭырха́ҭ)	ахтарҭа́	башлык

Продолжение таблицы I

№	«Садзские» терми- ны	Абхазские соот- ветствия	Перевод
Разные			
1	аса́да (асында)	асас	гость
2	ашә́ма (ашәҭа)	аҭшә́ма	хозяин
3	алы́гуа	агу́ла	сосед
4	а́ты́ка	ақы́та	село, община
5	а́хшьа	ашь́ха	гора
6	а́шьцых	ашь́хыц	пчела
7	амшьы́сха	ашьхы́мза	ульи
8	ахеинда́	аиха́	топор
9	адамлыку (аишә́ыгу)	аигу́шә	цалда ¹
10	арчы́ку	ацы́кәреи	кукуруза
11	ашы́нды	ашы́	просо
12	асы́бта (асы́зҭа)	абы́ста	просо, мамалыга ²
13	а́мца	а́цма	коза

¹ Земледельческое орудие типа топорика с загнутым лезвием.

² Кушанье из просяной или кукурузной муки

14	асудá	ауасá	овца
15	аеындý	аеý	лошадь
16	ашьымбақ	акамбáшь	буйвол
17	еандá (наеадá)	аеадá	осел
18	ашмын	амшы́н	море
19	ánжәә	áжәәан	небо
20	атәеидá	áетәә	звезда
21	ацәынды	анцәá	бог
22	хатмады (áхатдам)	áтахмада	старик
23	азхәýба	апхәýызба	девушка
24	ánчыку	áчкун	мальчик, парень
25	атáха	ахáтца	мужчина, герой
26	ацыидá (ацáта)	атáца	невестка
27	áхәым	áмахә	зять
28	андá (на́ма)	ан	мать
29	абынды (бынды)	аб	отец
30	ашьандá (áшьеида)	áешья	брат
31	ашьәхәды (áшьеихәә)	áехәшья	сестра
32	азәынды	азәý	один (чел.)
33	цъәә (цъýәә)	өýцъә	двое
34	аөнды (аөнды)	аөý	вино
35	атука (атóука)	ауáтка	водка

Отдельные выражения

1	Áмараху (áмарах) тархуам	Áхарам, хуартам	Зловредие, нехорошо
2	Атықа áмарах Тцумкán	Ақытае áхарам коумтáн	В общине зловредия не совершай

3	Алы́гуа (алы́га) дази́боуп	Агу́ла дыбзы́оуп	Сосед – хоро- ший
4	Аткуы́ (тынкуы́) шы́нды рафа́ (иф- сар) хса́туп	Акуты́ шыны исфа́р стахы́уп	Курицу за- резав, хочу покушать
5	Арабы́ (араба́) уа́да (уаа́д)	Ара́ уааи!	Иди (муж.) сюда
6	Жааура́ (жэынды́) снёи́уеит (нсёи́уеит)!	Уажэы́ снёи́уеит	Сейчас приду
7	Арфы́к хса́туп	Акры́фара стахы́уп	Хочу есть
8	Младá (áлма) каси́т	Áмла сакит	Проголодался
9	Ха́уа иухуту́еи (и́хыгудыуи)?	Уа́ха иута́хыи?	Что еще тебе надо?
10	Хбылшы́ы́та раца́ажэа	Шы́тахы́ла аца́ажэара бды́- руоу?	Умеешь ли ты (жен.) разговаривать навыворот?
11	Расá рык (аркы́) ды́рзуеит (дры́зуеит)	Сара́ акыр зды́руеит	Я много чего знаю

Что это за «язык садзов»? — военный, разбойничье-воровской, рабский, священный или какое-нибудь групповое, профессиональное наречие, жаргон?

Во-первых, не совсем ясно, отождествляется ли этот язык с филипсоновским «асадзипсуа» («языком черни»)? В народе у абхазов, как сказано, он выступает под двумя наименованиями — «птичий язык» (а́тыс-бы́зшэа) и «садзский язык» (аса́з бы́зшэа). Например, Манка Ахиба не сомневается в том, что тот особый («перевернутый») язык, сведения о котором она сообщила нам, является именно садзским и называется садзским.

Такое название этого условного языка было известно и среди абжуйских абхазов, по крайней мере, у части из них. Так, например, историк и этнограф Г. А. Амичба (родом из с. Гвада Очамчирского района) рассказывает, что еще в сороковых годах он сам и другие соседские дети говорили на своеобразном «игрушечном» языке, который они называли садзским или птичьим языком (Атцыс-бызшәа ххәон, асаз-бызшәа ххәон — ашбагы акоуп). По его словам, это был какой-то переименованный, «перевернутый» язык (Инархәы-аархәны иаххәон). Например, если хотели сказать «все», «всё», то пользовались не обычным абхазским словом «зегы», а говорили «гезы» и т. д. Мы, продолжает он, часто ездили к родственникам из соседнего села Члоу. Там жили представители фамилии Колбая (Калҕаа), которых также называли садзами (асазкәа хәа ирыштан) и, может быть, с ними была связана наша детская игра в «садзский язык». Филолог К. С. Шакрыл хорошо помнил, как его мать и сестра, желая сохранить свою тайну от чужих людей, разговаривали между собой на только им понятном языке, видоизменяя обычные слова до неузнаваемости путем включения дополнительного элемента «фа» через каждый слог каждой словарной единицы (например, абх. сара — «я» на таком языке выглядит как «сафарафа»). Но такой язык, по его словам, назывался у них (с. Лыхны) не «садзским», а «птичьим» (атцыс-бызшәа).

Тот факт, что интересующая нас языковая форма известна у многих современных абхазов под названием «садзского языка», свидетельствует, должно быть, о наибольшем распространении такого способа общения людей именно у садзов, от которых он мог быть воспринят и другими абхазами. Но главный вывод, который можно сделать на основе изучения приведенных выше материалов, состоит в том, что тайный «садзский язык» целиком зиждется на обыкновенном абхазском языке, на одном из диалектов которого говорили сами садзы. Все изменения и перестановки частей отдельных слов и выражений совершаются только на базе абхазского языка, что бросается в глаза с

первого же взгляда: (ср. кынды — от акы — один; баанда — от ааба — восемь; зеижэа — от жэеиза — одиннадцать; адхуа — от ахуда — шея; афында — от афны — дом; ацма — от амца — огонь; акама — от амака — пояс; раса — от сара — я; рауа — от ура — ты (м); асада — от асас — гость; амца — от ацма — коза; анда — от ан — мать; абында — от аб — отец и т. д.). В редких случаях, когда перестановка слогов была невозможна, прибегали к какому-нибудь искусственному заменителю. Например, на общенародном языке цалда называется «аигушэ», а на секретном — «адамлык», не имеющим ничего общего с «аигушэ».

Так нам удалось зафиксировать десятки лексических примеров т. н. «садзского языка», не похожего ни на обычный абхазский язык, ни на охотничий («лесной») язык абхазов. Он создан, по-видимому, на базе садзского диалекта абхазского языка путем искусственного деформирования и перестановки внутренней структуры слова, причем этой перестановкой, а также иногда и присоединением к концу слова некоторых ничего не значащих новых элементов (например, нда: кы-нда — акы + нда — один) достигается видоизменение внешнего облика лексических единиц до неузнаваемости. Тем самым создается возможность тайного общения между собой говорящих на нем людей. Этот секретный «садзский» или «птичий» язык знали в той или иной форме в других частях Абхазии, но наиболее характерным, как видно, он был для языковой практики садзского населения. Это особое тайноречие, непонятное для тех слоев общества, которые не входят в данную этносоциальную группу, искусственный вспомогательный язык, созданный в целях конспиративного общения в пределах группы на основе родного языка. Применение и функции его не ограничивались, должно быть, условиями войны и пленопродавства, ибо на нем говорили, по-видимому, и дома, когда хотели втайне от непосвященных обмениваться мыслями и чувствами, хотя первоначально это был, вероятно, специальный жаргон воров, грабителей и других преступников, а потом уже всех тех, кто желал почему-то за-

мкнуться от окружающих с помощью не всем понятного (в силу его неправильности) тайноречия.

Таких тайных языков было вообще немало. Например, тайные и групповые языки, существовавшие у многих народов, имели распространение и у адыгов, особенно у кабардинцев, преимущественно в среде «всадников». Этому вопросу посвящали специальные статьи кабардинские исследователи Б. Х. Бгажноков¹ и А. С. Кишев². Первыми на «особенный» «тайный» язык черкесов обратили внимание еще И. Шильтбергер (начало XV в.) и Я. Рейнегтс (1796 г.). Вскоре после этого, в 1798 году Ян Потоцкий писал, что в начале сентября каждый молодой черкесский (кабардинский) князь в сопровождении преданных дворян удаляется в горы или в лес и строит там шалаш, где все маскируют лицо и говорят только на особом жаргоне, который они именуют «шакобза». Так они готовились в течение шести недель для грабежей в округе и «промыслов удалства». Языком «шакобза» пользовались почти до самого конца XVIII века³. У адыгов отмечается и другой тайный язык под названием «Фаршибзе» или «фарсыбзэ», составленный, как писал Ю. Г. Клапрот, из обычного, но с вставлением между слогами звуко сочетаний «ра» или «фе», что делает слово родного языка непонятным для непосвященных. А. С. Кишев расшифровывает название этого «фы» — языка, как фарсыбзэ, то есть язык фарси⁴, ибо адыги могли быть знакомы с тайными языками персов. Но, как нам кажется, это объяснение является не вполне убедительным. Третий искусственный язык — «язык притворства» (ферышыбзэ) рассматривается автором как явление позднейшего време-

---

¹ **Бгажноков Б. Х.** Тайные и групповые языки адыгов // *Этнография народов Кабардино-Балкарии. Вып. 1.* — Нальчик, 1977.

² **Кишев А. С.** Способы образования тайных языков адыгов (рукопись) // *Личный архив автора.*

³ *Там же.* С. 2–4.

⁴ **Кишев А. С.** О тайных языках адыгов. С. 19.

ни, не получившее широкого распространения¹. У осетин тайный «девичий язык» описан К. Хетагуровым в конце прошлого столетия². Тайные языки знали и другие кавказские народы, а также бродячие торговцы в России XVIII–XIX вв.

Чем объяснить, что своеобразный вариант тайного языка получил у садзов, как можно думать, значительное развитие?

Прежде всего, следует отметить, что такое явление, как создание особого условного языка, не может быть случайным, а связано с определенными социально-экономическими причинами. В основе этих причин лежат, надо полагать, условия военно-демократического быта, пережитки которого сохранялись у садзов, как и у родственных с ними племен, в продолжение длительного периода времени.

В связи с этим вспоминаются слова Г. И. Филипсона о том, что абхазские племена очень тщательно приспосабливали свою одежду к военному образу жизни. Как выясняется теперь, приспосабливали они не только одежду, но даже и свой язык к обстановке военного быта и постоянно тревожной жизни.

Обратимся и к описанию Эвлия Челеби, сообщения которого не потеряли своего значения и для XVIII–XIX вв. На интересующей нас территории он отмечает несколько «племен» (большие и малые Чанда³, Кечи⁴, Арт⁵, Камыш⁶, Соча) и «область Садз». В его обзоре едва ли не первое место занимает описание кровавых столкновений племен, вооружения и воинственности местных жителей. Опираясь на свои личные непосредственные наблюдения, он пишет, например, о племени Кечи, как

---

¹ Там же. С. 22.

² Хетагуров К. Собр. соч. Т. III. — М. 1951. С. 233.

³ Имеется в виду абхазская (садзская) родоплеменная группа Цанбовых или Цандрипи.

⁴ Ср. абх. Гъач, Гъачаа, Гъачба.

⁵ Ср. абх. Арыд, Арыдба, Арыдаа.

⁶ Камыш Эвлия Челеби — это абх. Хамыш.

об «очень богатых (конокрадах) и ворах»¹. По его же словам, у племени Арт «тоже был бей, который навел нас со своими до зубов вооруженными 40–50 азнаурами абаза». «Садзы, — пишет он, — свободно говорят на черкесском и на абхазском языках. Их семь тысяч храбрых, сильных бахадыров. Остерегаясь их козней, черкесы и (другие) абаза постоянно (должны быть) начеку»². Так, турецкий садз Сейди Ахмед-паша говорил, что садзы «отважные, смелые, разбойные люди».

Особенно обращает на себя внимание описание племени Камыш. «Это племя, — сказано у Челеби, — неоднократно побеждало племя Арт и брало в плен их беев. Это потому, что эти (племена) абаза воюют между собою, похищают детей и женщин, продают в неволю и этим живут. По мнению (бытующему у) этого народа, человек, не занимающийся грабежом, жалкий неудачник. Потому они и не допускают таких в общество и не дают им (в жены) девушек... Хотя у них есть гавань, но ее деятельность не очень оживленна, потому что население чрезвычайно мятежно».³ У садзов были как пешие, так и конные воины, вооруженные ружьями, луками, стрелами, саблями, щитами, пиками и др. Среди импортируемых заморских товаров было оружие и другое военное снаряжение⁴.

Таким образом, слова Челеби «эти племена воюют между собою, похищают детей и жен, продают в неволю и этим живут», — отражают условия жизни «чрезвычайно мятежного населения»⁵, постоянный страх людей за свою судьбу, особенно, беззащитной «черни», которая вынуждена была часто скрывать

---

¹ *Эвлия Челеби. Книга путешествия... Вып. 3. С. 50.*

² *Там же. С. 50, 229.*

³ *Там же. С. 50–51.*

⁴ *Там же. С. 51.*

⁵ Вспомним, что у них был развит культ покровителя набегов и разбоя под названием Чугурхных, бзыбским двойником которого считался Айргных (Эйрых) — Аацных (см. ниже).

свои мысли и намерения от посторонних лиц, что и повлекло, вероятно, за собой возникновение и развитие своеобразного тайноречия. Оно представляет собой не какой-нибудь строго разработанный, канонизированный язык, а замаскированную форму диалектного словаря с большими вариациями и импровизацией, создаваемого иногда как бы «на ходу» в целях секретного общения в пределах данной группы.

Тайный «птичий язык» был, по-видимому, настолько распространен среди садзов, что некоторые наблюдатели, не разбиравшиеся во всех тонкостях местных говоров, могли принять это тайноречие за диалект и даже называть его особым садзским языком, непонятным никому, кроме самих садзов¹. Так, очевидно, следует понимать слова Филипсона о том, что садзский «народ», говорящий чистым абхазским языком, имеет еще третье особенное агонирующее наречие, не похожее ни на абхазский, ни на адыгский, на котором говорит иногда чернь. Но вряд ли указанная языковая конспирация является каким-то отражением «завоевательной» политики убыхов по отношению к коренному населению Садзена, которое, подвергаясь ассимиляции, вынуждено было будто бы говорить лишь незаметно для других на своем родном языке.

---

¹ И все же возникает вопрос — является ли описанное тайноречие собственно садзским? Твердая убежденность упомянутых наших информаторов в его принадлежности к собственно садзской культуре, отсутствие на сегодняшний день соответствующих материалов по другим абхазским диалектам (если не считать отчасти смежных с бывшим Садзеном отдельных бзыбских сел), прямое указание источника о «тайном» общении между собой представителей садзской «черни», а также наличие подобного языка и у ближайших убыхских и других соседей, дают нам основание предполагать, что речь идет именно о садзском тайноречии. Оно вместе с тем могло иметь и, по всей вероятности, имело в действительности определенное распространение также в смежных и других абхазских «округах» и, что это тайноречие представляло собой особую разновидность упомянутого «птичьего языка» абхазов.

Садзы XIX в., во всяком случае, очень многие из них, были своего рода полиглотами: все они, естественно, говорили на родном диалекте абхазского языка — «садзско-абхазском» (асаадзипсуа), на его основе «изобрели» еще свое особое тайное наречие, а, кроме того, относительно свободно изъяснялись на убыхском и, отчасти, некоторых наречиях адыгского языка. Такое многоязычие характерно вообще для этносов, издавна обитающих в разнородной, пограничной с другими родственными народами зоне, и садзы в этой ситуации исключения не составляли.

О терминах «садз» и «джики»

Как уже указывалось, впервые термин «садз» мы находим у того же Эвлия Челеби в форме «садз». В своей книге он по крайней мере дважды использует выражение «область Садз», помещая ее, как ни странно, в высоких горах к северу от общества Арт, а по словам Сейди Ахмед-паши, «садзы» — народ, который живет «между абхазами и черкесами» и у них «знают как черкесский, так и абхазский языки» и, что «по большей части они смешаны и связаны с абхазами. Даже своеобразие их выговора показывает, что они ведут свое происхождение от этого народа»¹.

Садзы упоминаются Гюльденштедтом в 70-х гг. XVIII в. («Хирпиш, Чадши, Садс и Аипга»)². В той же форме «садс» этот термин встречается и в русском географическом словаре конца XVIII в. Там говорится, что абхазы — вольный и многочисленный народ... Земля, на которой живет народ сей, на собственном языке их Абсне называется...; турки и черкесы называют ее Абаза, а грузины «Абхазети». Отмечая, что р. Ингур («Енгу-

---

¹ Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 3. С. 50, 229.

² Гюльденштедт И. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. — СПб. 1809. С. 145.

ри») отделяет абхазов от «мингрельцев», далее перечисляются «уезды», составляющие Абхазию и народ абхазский, а именно: «Хирпис, Чадши, Садс, Аибга и Ахшипсе».

Как мы видим, «садс» упоминается здесь как часть («уезд») страны «Абсне», по-абхазски Апсны (Апсны), то есть как часть, Абхазии и ее народа. Там же мы читаем и о том, что «третья малая часть абхазского народа есть та, которая в прежнем столетии на северную сторону гор перешла...»¹. У Клапрота (1807–1808 гг.) термин садзы вообще отсутствует и, видимо, скрывается под каким-то другим наименованием. Перечисление обществ он начинает с убых, шапсих, ибсип, кубихан, аратховас, бах, налькупи, маджави. У Бларамберга (1833–1835 гг.) этноним садзы назван в форме «свадзы» (племена убыхов и саше, которых называют также джикеты, пшави, ясхипсы, иналкупы, свадзы, артаковцы, марьявы»². Как видим, у обоих авторов приведены восемь наименований, среди которых четыре поддаются отождествлению, а остальные неясны.

В своем рапорте военному министру графу А. И. Чернышеву, Н. Н. Раевский писал: «...земля джигетов делится на две части: горную и береговую. Первая включает в себе Псху, Аибга, Ахчипсу. Сие последнее племя имеет в своей земле несколько удобных перевалов через Кавказ. Часто спускается для грабе-

---

¹ *Новый и полный географический словарь Российского государства. 4. 1. — М. 1788. С. 3–4.*

² *АБКИЕА С. 244, 357. Можно было подумать, что в приведенных выше описаниях подразумеваются убыхи или другие племена горных абаз, если бы не прямое упоминание садзов и области их обитания и вообще недвусмысленный характер всего сообщения Челеби относительно существования в середине XVII в. горных садзов и их страны, которую он называет «область Садз». Но другие племена в стране Абаза, т.е. Абхазии, описанные им же, — Чанды (Цанба), Кечи (Гечь), Арты (Аредба), Камыш (Хамыш) и др., бесспорно принадлежавшие к садзам, проживали на побережье между Гагрой и Сочи. Но эти вопросы еще предстоит исследовать.*

жей на северную покатость и известна на Кавказской линии под именем медовеевцев.

Береговая часть джигетов включает в себе: Цвиджа, Бага, Ареда, Геч, Цандрипш. Тесные связи родства соединяют джигетов с Абазиею. Пользуясь сим и влиянием владельца Абхазии, я имею большее сношение с береговыми джигетами, которые готовы к покорности... Народонаселение береговых джигетских обществ равняется народонаселению их горных соплеменников»¹.

Это свидетельство принадлежит известному русскому военному деятелю XIX в., служившему начальником Черноморской береговой линии, знавшему хорошо край, проявлявшему интерес к изучению жизни и быта местного населения. В его сообщении обращают на себя внимание несколько моментов: отсутствие упоминания о садзах и Садзене, вместо которых фигурируют «джигеты» и «Джигетия» (что свидетельствует о лучшем знании им названия «джигеты», чем «садзы»), четкое деление последней на две равные по количеству населения части — горную или северную (Псху, Аибга, Ахчипсу) и береговую или южную (Цвиджа, Бага, Ареда, Геч, Цандрипш), при особо «тесных связях родства» (*подчеркнуто мной, — Ш. И.*) джигетов с внутренней Абхазией (Абазией по терминологии автора), включая сюда и сильное влияние владельца Абхазии на Джигетию.

Если этноним «садз» до сих пор одинаково хорошо знают как в северной (бзыбцы), так и в южной (абжуйцы) Абхазии, то этого, как ни странно, никак нельзя сказать об абазинах. В частности, в абазинских преданиях говорится о происхождении абазин из Абхазии, иногда конкретно из Псху или района Сухума (Согум хаатацт, то есть: «Мы вышли из Согума»), но, кажется, ни в одном из них не говорится о генетических связях абазин с садзами, о которых современные абaziны не име-

---

¹ Архив АБИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. ф. 1, д. 43, л. 1–2.

ют, как можно судить на сегодняшний день, почти никакого понятия, в том числе не знают и термина «садз», хотя многие из них неплохо осведомлены о таком микрорайоне, относимом некоторыми авторами к Джигетии, как урочище Псху в верховьях реки Бзыби.

Джигеты, как и некоторые другие соседние этнические группы, частично называли себя абадзе, но в основном садзами. Только под последним именем они были известны и у абхазов. Вообще же, как видно, термин «садз» одни авторы понимали в узком, а другие в широком смысле. Так Ф. Ф. Торнау, как мы знаем, писал, что жители абхазских горных обществ Чужи (на р. Худапс) и Чуа (на р. Мца) называли себя абадзою, не принимая названия садзов, принадлежавшего собственно прибрежным жителям. Примером же наиболее широкого толкования этнонима «садзы» являются сообщения А. П. Берже и А. Н. Дьячкова-Тарасова¹, причислявших к джигетам не только Цандрипш, Геч, Аред, Аибга, Цвиджа, Ахчипсхы, но и ближайшее к Гагре общество Бага (у Торнау Бегауча, Багрыпш), а также Псху и даже шахгиреецев, обитавших за хребтом от Псебая до перевала Аишха.

Л. Я. Люлье, который состоял на службе ведомства иностранных дел, более пяти лет прожил среди причерноморских черкесских (отчасти и абхазских) племен и даже успел в значительной степени изучить их язык, был одним из наиболее информированных русских ученых первой половины XIX в. по вопросам этнографии народов Кавказского Причерноморья (особенно шапсугов, натухайцев, убыхов и др.). Он писал, что садзы занимали пространство по берегу Черного моря от речки Хамыш до Гагры. Заслуживает особого внимания его свидетельство о том, что абхазы называли не только своих непосредственных сосе-

---

¹ **Дьячков-Тарасов А. Н.** *Через перевал Псеашхо к Черному морю* // СМОМПК Вып. 31. — Тифлис, 1902. С. 12, 38, 39.

дей джигетов, но даже и убыхов¹ садзами (Садзен), сохраняя им и их название². Он указывал, что «отдельное племя убыхи», населявшее земли между натухайцами и джигетами, именовалось у черкесов (то есть у натухайцев, шапсугов и др.) по-разному: прибрежных убыхов «черкесы называли абадзе; живущих же в верховьях рек к хребту — убыхами»³.

Не менее интересен и вопрос о том, как понимает Л. Я. Люлье этноним «абадзе», какое этно-территориальное содержание он в него вкладывает? Учитывая существовавшие различия во мнениях и считая необходимым внести ясность в толкование этого вопроса, он в специальном примечании к своей работе, изданной в 1857 году, пишет: «Во избежание всякого недоумения следует объяснить, что Abasintzi и Abadze... суть одна и та же; поэтому не основательно было бы полагать какое-либо различие между названиями абаза, абазинцы и абхазцы»⁴.

Л. Я. Люлье насчитал 11 «азегских», т. е. абхазских племен, включая садзские и абазинские (Садзен, Абсуа, Медозюи, Замбал, Баракай, Баг, Шагерай, Там, Казил-бек, Башильбай и Басьхог, или Алты-Кесек), причем, как он заметил, племена Баг и Шагерай, поселившиеся соответственно в верховьях рек Ходзь и Малая Лаба «отделились от медовеевцев», которые «подразделялись на Псху, Ахчипсоу и Аибга (Айбу)»⁵.

---

¹ Черкесы их называли «абадзе», «уббыхами», «убыхами», а их язык — «абзабзэ»; сами себя убыхи именовали «апёх», «пёх», «пахы» (по данным Кубанских областных ведомостей. 1884. № 50). У абхазов они были известны как садзы, аублаа, агухоуа (агухоуаа), убыхи, а их страна — Атвах (Атэах, а самоназвание Тэахы). См. **Гожба Р.** Предания убыхского народа// «Алашара», II — Сухуми. 1986. С. 109 (на абх. яз.).

² **Люлье Л. Я.** Черкесия. Историко-этнографические статьи. — Краснодар, 1927. С. 9.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же.

Таким образом, садзы были известны у соседних адыгских племен под именем абаза (абазэ), у убыхов — джихы, у грузин — джики, у абхазов — асадзуа (бзыб. а-с'аз'уа), что совпадает с их самоназванием.

История,¹ очевидно, исходя из узкого понимания интересующего нас этнического термина, А. Д. Нордман подразделял джигетов на три приморские территориально-политические «округа» — Цандрипш, Геч и Ясхрипш во главе с князьями Цанба, Гечба, Аридба. Однако, если иметь в виду все подразделения, которые в максимальном варианте соединяются термином «садзы» или «джики», то последние делились, согласно С. П. Басария² уже на целых восемь ветвей: Цандрипш, Геч, Аред, Цвиджа, Бага, Аибга, Ахчипсоу, Псху.

Имеется, по крайней мере, одно указание в источниках, которое позволяет нам думать о том, что у садзов было развито свое этническое самосознание, отраженное в собственном самоназвании. Напомню в связи с этим свидетельство Г. И. Филипсона о том, что джигеты «сами же себя называют Садзен» (очевидно не себя, а свою страну). Слово «Садзен», где конечное «н» является абхазским локативным суффиксом, происходит от самоназвания «садз» и выражает собой «страну (территорию) садзов» (ср. Аҧс-ны — страна абхазов, Абхазия), хотя границы территории, обнимаемой этнонимом «садз», по нынешнему состоянию источников вполне удовлетворительно определению не поддаются. Не совсем все же ясно, в частности, являются ли частью садзской этнической группы ахчипсхувцы, аибга, медовеевцы, псхувцы и другие горные общества, хотя приведенные выше свидетельства отдельных авторов не оставляют, казалось бы, места для сомнений.

---

¹ Идет пропуск, который невозможно восстановить в виду того, что подлинник работы остался у редактора. Здесь же все оставлено так, как было в предыдущем издании книги.

² **Басария С. П.** Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе. (К материалам по изучению абхазских племен). — Сухум. 1929. С. 19.

Кроме того, приводимый тем же автором термин «асаdziпсуа» (саdzско-аbхазский), как обозначение языка, на котором говорили садзы, склоняет к мысли о том, что последние хотя и называли себя «саdzами», но это, вероятно, было выражением определенной, относительно узкой территориально-этнографической или племенной группы. У Эвлия Челеби «область Садз» также является отдельной локально-племенной единицей, наряду с другими такими же обществами Садзена (Кечи, Арт, Камыш, Соча)¹. Это не исключает того, что в целом они причисляли себя к одному народу апсуа, имевшему свои внутренние локально-племенные подразделения (абжуйцы, бзыбцы, садзы и др.). Вполне допустимо, что садз мог сказать «я — садз» (сара ссазыуоуп) и одновременно «я — абхаз» (сара сап̄сыуоуп), что не противоречило одно другому. У других подразделений абхазского народа, у которых процесс консолидации достиг более значительного развития, уже не было столь четко выраженного сознания былой своей племенной принадлежности.

Следует также иметь в виду, что садзы, как и убыхи, не были однородны. Они, как мы знаем, подразделялись на горных и приморских садзов. Последнюю группу, согласно полевым этнографическим материалам, нередко называли именем «ахалцыс», которое в народе (особенно турецкие абхазы) иногда даже распространяют на всех вообще садзов.

Этно-топоним Аха, Ахалцыс (Ахалтцыс), Ахалыцыс, Халцис, Хылцыс, который выступает в качестве как бы второго или «малого» самоназвания садзов, встречается и в литературе, например, в званбовском очерке «О Гагре и джикетах»². Но еще до

---

¹ Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 3. С. 49–51.

² Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. — Сухуми. 1975. С. 80; Анкваб И. Б. К этимологии этнонима «саdz»// Вопросы кавказской филологии и истории. — Нальчик. 1982. С. 43.

него Ф. Ф. Торнау писал: «Халцыс, на правом берегу Мцы¹, близ устья ее, до 60 семейств, придерживается общества Хамыш». Учитывая это сообщение, не совсем прав С. Т. Званба, когда пишет, что джигетский народ «называет себя халцыс». Так называли себя не все садзы, а только население приморской местности Халцыс. Более общим же названием у них было «садз», отсюда Садзен — «Страна садзов». С. Т. Званба сам пишет, что у абхазов они были известны, как и до сих пор, «под именем асадзкуа, а у грузин под именем джикет»².

По словам вышеупомянутого Исмета Айкусбы — одного из садзских потомков, живущих ныне в Турции, сознающего свою садзскую племенную принадлежность, среди абхазских жителей Турции различаются общинные и племенные группы; абжуйцы, бзыбцы, садзы, халцыс (халцыс), гумцы и т. д. Садзы — одна группа, халцысы — другая, бзыбцы — третья, сказал он (Асазуа, дхазыуп, абзыгъ, дхазыуп, ахалтцис дхазыуп). Говорят об «абхазском народе халцыс» (Халтцис жәларгъы аҭсыуоуп), состоящем из шести общин, одного из старших представителей которого звали Маргал (Халтцис жәлар рхәоит, ф-кытак ыҭоуп, реихабацәа руазәк Маргал ихьзын).

Следует заметить и то, что среди части турецких абхазов можно услышать утверждения о том, что садзы и ахчипсы относятся не к одной, а к двум абхазским этнографическим группам, как это видно, например, из письма, полученного Р. Гожба от одного своего садзского корреспондента, проживающего в Турции («Араа ыҭканы узызцааз Чыуаа сазкуазам — Ахчыгъсытәи

---

¹ Мцы/Мца, по всей вероятности, Мацеста.

² Полностью это место в очерке выглядит так: «К северо-западу от Абхазии и Псху живет народ, который называет себя Халцыс и известен у абхазов под именем Асадзкуа, а у грузин — под именем Джикет. Земля их называется у абхазцев Садзен» (Званба С. Абхазские этнографические этюды. С. 6).

аҭсыуаауп», т. е. «Чуаа, о которых ты спрашивал, не садзы, а ах-чипсхувские абхазы»).

Этимология этнонима «садз» остается непонятной. Имеется, насколько известно, только одна специальная работа, посвященная этому вопросу, — «К этимологии этнонима «садз» И. Б. Анкваб. Опираясь на исследования Г. Ф. Турчанинова (в том числе еще неопубликованные), автор пишет: «Садзы были в прошлом одним из значительных северо-западных племен ашуйской (абхазо-абазино-убыхской) речи. На прибрежную территорию садзы спустились с гор. Об этом свидетельствует и сам этноним, который ретроспективно этимологизируется как «снежной воды (снежных рек) люди», т. е. жители «высокогорные». Синонимичный «садзу» термин «джикет» она также считает абхазским словом с буквальным значением «места быстрой реки»¹. Эти объяснения представляются нам недостаточно убедительными, тем более, что «снежная вода (река)» звучит в абхазском несколько иначе — не «асадз», а «асырдз» (асырз). Более правдоподобным выглядит ее мнение о связи термина «джики» с «зихами»: «Греки именовали черкесов «зихами» — отсюда по созвучию «джики»².

Возможно, что племенное название аса-з состоит из основы аса(са), однокоренной с термином «са-н-иги» античных источников, и конечного форманта — общеабхазской аффрикаты «з» (в бзыбском диалекте термин оформлен шипяще-свистящим звуком з'). Если указанная основа (са) с точки зрения ее этимологии продолжает оставаться загадочной, то окончание з выражает, по всей вероятности, общность, множественность, сово-

¹ **Анкваб И. Б.** К этимологии этнонима «садз». С. 46

² Там же. С. 45. Оригинальное объяснение названию «джики» дает Вахушти: «джики по-грузински значит упрямый. Джикети — страна упрямых, неукротимых людей. (Вахушти. География Грузии // ЗКОРГО Кн. XXIV. Вып. 5. — Тифлис. 1904. С. 235).

купность¹, как это мы имеем и в некоторых других абхазских родо-племенных названиях.

Вот далеко неполный перечень современных и исторических абхазских родо-племенных названий, оформленных дз, дза, дзаа (з, за, заа):

Абыр-дз, Абар-дз (Абыр-з, Абар-з)²

Агрба — Агр-дз (Агр-з, Агыр-з)³

Амчба — Амч-дза (Амч-за)

Аса-дз — Аса-дз-ба (Аса-з, Аса-з-ба)⁴

Бран-дза (Бран-за)⁵

Гудзба (Гу-з-ба)

Кацвба — Кацв-дза (Кацѳ-за)

Килба — Кил-дзаа (Кыыл-заа)

Куа-дз-ба — Куа-дз (Куа-з)⁶

Куджба — Кудж-дза (Куѳ-за)

Кужвдза — Кужв-дза (Кужѳ-за)

---

¹ Ср. зын-за — «совсем», «полностью», арым-заа — «великое множество» и др.

² Вымерший род, населявший некогда пос. Ахажѳ (Ахажѳ адѳы) сел. Пакваши Очамчирского района, один из микропонимов которого носит название Абырз рѳуаѳа — «виноградные плантации (рода) Абырдз ср. также Бырзышьѳа (Бырзышьѳа) — «гора (рода) Бырдз» в районе Псху.

³ Отсюда Агырзныхѳа — моление (всего) рода Агрба.

⁴ Ср. Садзын (Сазын) — страна, земля, область обитания племени садзов.

⁵ Ср. Брандза Кубар (Бранза Кубар) — полумифический персонаж абхазской сказки.

⁶ Часто в сочетании с Адзинба (Азынба). О большом распространении этих фамильно-родовых групп свидетельствует выражение: «Как будто ты обходил (обошел) всех Адзинба и Куадзба» (Азынааи Куазааи еимудазшѳа. В настоящее время Куадзба встречаются в селе Дурипиш Гудаутского района, а Адзинба — в селе Джгерда Очамчирского района.

Кур-дз-ба – Кур-дз (Кур-за), ср. Курдзишха (Курзышьха) — гора рода Курдз.

Лапсан-дзиа (Лапсанзиаа, Лапсан-з, вар. Агсан-з)

Лоу, Лоуа, — Лoadзы (Лоа-зы)

Лы-дз (Лы-з, Лы-заа, Л-заа)

Мам-дз (Мам-з, Мам-заа)¹

Мгу-дз (Мгу-заа)

М-дзаа (М-заа)

Самахьхуа, Самахь-дзаа (Самахь-заа)

Сан (?) — Сан-дзаа (Сан-заа)

Цвидзба Цви-дзаа (Цә-заа)²

Рассмотренный абхазский формант «дз» обобщенно-множественного значения (ср. зын-за — «весь», «всё», «целиком») имеет свои определенные параллели в адыгских и картвельских языках. В адыгском языке слово «дзэ» означает армия, войско, а также понятие «множество». В последнем значении «дзэ» сохранилось, например, в нескольких адыгейских словах: псы-дзэ, бадзэ и т. д.³

В грузинском языке представлены в основном две формы фамильных имен: на «швили» [Восточная Грузия] и на «дзе» [Западная Грузия], в значении не целостного множества, а «сын», «потомок». Но «дзе» иногда выражает также и родоплеменные и этнографические группы⁴.

¹ Ср. с Мамдзишха (Мамзышьха) — «гора (рода) Мамдз» в районе города Гагра. На ней удивительное обилие ацангуар, остатков древних пастушеских каменных жилищ.

² Эта древняя родовая группа числится в составе вымерших фамилий села Джгерда, где один микрорайон сохранил название «селища (рода) Цвидзбовых» (Цәзаа рынхартә).

³ Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. — Майкоп. 1981. С. 17.

⁴ Никонов В. А. Состояние и задачи ономастических исследований Кавказа // ВЯ № 4, 1975, с. 114.

Садзы — единственное из этнических подразделений абхазского народа, известное в литературе под двумя-тремя синонимичными названиями: «садзы», «джигеты» («джикеты»), «халцыс». Последний этноним по происхождению связан, вероятно, с древнесадзской родовой группой Хал или Ахал (отсюда патронимическая фамилия Ахал-Ипа) и садзским мужским именем Цыс (Тцыс). Идентификацию «халцыс» с «садзами» мы находим уже у С. Т. Званба¹ и некоторых других авторов XIX в.

Толкование второго, в литературе более широко распространенного названия — «джики»² сопряжено с большими трудностями. Сходным словом «аджикурей» (ацъыкуреи) в соседней с Садзеном Бзыбской Абхазии называли и называют до сих пор кукурузу. Если такое сопоставление в какой-то степени соответствует действительности, то бзыбское название кукурузы можно было бы понимать как «джикскую» сельскохозяйственную культуру, которая у них, возможно, раньше, чем в других частях Абхазии, получила более широкое распространение³. Но вряд ли эти названия связаны между собой.

Можно указать и на то, что слово «джикет», случайно или нет, поражает своей слишком уж близкой созвучностью с тер-

---

¹ **Званба С. Т.** Абхазские этнографические этюды. С. 37.

² Как мы уже знаем, в грузинских источниках «джики» и «Джикетия» встречаются неоднократно. К ним относится, например, и летописная версия о ссылке преступников в Джикетию (XI в.).

Можно отметить и топоним Джикт-убани вблизи р. Ингури. (**И. Антелава.** Очерки истории Абхазии XVII–XVIII вв. — Сухуми. 1949. С. 24). Генетически с ним можно сопоставить также грузинскую (мегрельскую) фамилию Джикия. В грузинском языке «джики» выражает собой и другие понятия: барс, упрямый; «джикурой» называется и муравьиный волк или метлица, в Раче эта культура, по Гюльденштедту, была зерновой. (**Чубинов Д.** Грузинская грамматика. — СПб. 1887. С. 1772).

³ **Р. Гожба** утверждает, что кукуруза у самих садзов называлась словом «алажват» (алажәт).

мином «джигит», который в словаре Вл. Даля толкуется как гарцевать, наездничать, упражняться в наездничестве в конном ристании¹. Но это татарское заимствование проникло в русскую речь относительно поздно, и вообще его связь с интересующим нас этнонимом является также более, чем сомнительной.

Возможно, заслуживает большего внимания другая гипотеза, исходящая из местных генетических корней термина «джикеты». Представляется вероятным, что это слово состоит из двух частей: первая часть (цъ) — дуб или корень какого-то родоплеменного названия, тотемически связанного с дубом (ацъ по-абхазски «дуб»), а вторая часть гет (қыт) — село, община, иногда даже область, страна. В целом, таким образом, получается «Джкыт» (Цъкыт) — община, село, страна (рода или племени) Дубовых. Аналогичные названия встречаются в целом ряде мест Абхазии. Например, несколько поселков в разных частях страны выступают под именем «Эшкыт» (Ешкыт) — община (рода) Эшба. В Бзыбской Абхазии отмечается «община (рода) Базба» (Базиқыта), «община (рода) Багба» (Баҕиқыта) и др. Возможно, что первоначально Джигетией называлась только небольшая часть страны. Ее занимала какая-то исчезнувшая локально-племенная группа, название которой было распространено впоследствии на весь Садзен в качестве его синонима. Но такое толкование также не совсем согласуется с абхазской (бзыбской) формой этнонима — «джихы» (цъыхы)², вторая часть которого означает скорее «голова», «предводитель», а не «село» или «общину».

---

¹ **Даль Вл.** Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. — М. 1956. С. 434.

² Этот термин в качестве одного из абхазских названий убыхов мы находим в указанных выше материалах **Р. Гожба** («Алашара». № 11, 1986. С. 109).

Поэтому, если не считать гипотезу о связи джигетов со страбоновскими зигами, или зихами¹, то, надо полагать, наиболее правдоподобным является предположение о том, что этноним «джигеты» восходит, согласно Дирру и Фогту, к убыхскому названию садзов — «джихы» (цыхы)².

Итак, первоначально «садз», по всей вероятности, был названием локально-родо-племенного образования (такого же, например, как Аибга, Ахчипсы, Мдавей и др.); вспомним и свидетельство Эвлия Челеби о том, что область Садз лежала в его время в горах, а с течением времени он стал (в основном для соседних юго-восточных абхазских групп) этническим названием, охватывающим почти все коренное население междуречья Бзыбь — Сочи. Его синонимами выступают иногда народный «халцыс» (такое же по своему генезису наименование, как и «садз») и литературный «джигет», который, возможно, тоже восходит к названию садзов в убыхской среде («джих», «джихы»). Бларамберг, правда, единственный говорил, что общество Саше «называют также джикеты». Таким образом, можно предположить, что название ближайшего к убыхам общества (джихы) они распространили на всех садзов.

Тем не менее, происхождение и этимология терминов «садз» и «джихы» пока остаются невыясненными. Изучение термина «садз» показывает, какое большое значение имеет этнонимика при исследовании процессов этнической общности. Имя — важнейший отличительный признак родовой или племенной группы, свидетельствующий о том, что данная историческая общность людей осознает себя как особую группу или единство, отличая себя тем самым от других подобных коллективов.

---

¹ Зихи, зиги, зилхи (абх. азаху) представляли собой в античную эпоху большой этнический конгломерат на северо-западном побережье Кавказа, послуживший, как принято считать, основой образования адыгского, убыхского и абхазского народов.

² **Vogt H.** Dictionnaire... С. 63, 64, 86, 234.

Наконец, нельзя обойти молчанием и одно из свидетельств Ф. Торнау. Абхазия, говорил он, с ее тремя округами от Бзыби до Галидзги — Бзыбским, Абживским, Сухумским — «населена народом, называемым черкесами бзыбь (*Подчеркнуто мною. — Ш. И.*) от реки этого имени, как и называют себя сами, принимая также название «абсуа»... Под словом «Бзыбь» понимается обыкновенно вся Абхазия или весь абхазский народ; абсуа — более частное и служит ответом абхаза при вопросе ему — какого он происхождения»¹.

Это сообщение, принадлежащее одному из самых осведомленных наблюдателей, нуждается, тем не менее, в некотором критическом рассмотрении.

Во-первых, почему ни у кого, писавших об абхазах, включая С. Т. Званба, таких сведений мы не находим, если не считать клапротовское «абазинское племя бзубби», обитавшее, по его словам, далее убыхов, от снежных гор до Черного моря и до Сухум-кале².

Во-вторых, кого автор имел в виду под слишком общим этнонимом «черкесы» — шапсугов или другие адыгейские этно-территориальные подразделения, кабардинцев или, быть может, убыхов, абазин или других? Но ни у кого из них абхазы в целом под именем «бзыбь» неизвестны ни в прошлом, ни в настоящем. Сами бзыбцы, то есть жители в основном современного Гудаутского района, «бзыбцами» себя также обычно не называют. В обыденной, неофициальной речи так их называют только представители Абжуа (в основном современный Очамчирский район и, отчасти, в бывшей Самурзакани — Гальский район)³ и

---

¹ *Дзидзария Г. А.* Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. С. 119.

² АБКИЕА С. 239.

³ Этноним «бзыбцы» в форме «зупу» встречается в надписи Илорской иконы, где говорится о кровавом походе Левана Дадiani в Абхазию в 1647 г. В надписи сообщается также, что «на р. Капоэти (Бзыбь — Ш. И.) напали на нас Зупуар и Сихуар Аршани», т. е. бзыбские и сихские (джигетские) Маршановцы.

то уже далеко не все: «бзыбцы постепенно заменяется и у них словом «гудаутцы» — по названию теперь не реки, а районного центра г. Гудаута. Абхазское население Сухумского, Абжуйского, Самурзаканского, Дал-Цебельдинского округов, а также садзы в широком смысле слова, включая сюда Мдавей, Псху и др., насколько известно, «бзыбцами» их также никогда не называли.

«Бзыбь» вообще не был общепринятым этнонимом да еще обнимавшим собой «всю Абхазию», «весь абхазский народ», а «абсуа» был якобы более частным понятием. Напротив, таким общим самоназванием в первой половине XIX века, когда по нашим горам ходил Ф. Ф. Торнау, уже все более становился «апсуа» («абсуа»). Не мешает при этом вспомнить садзское «аса-дзипсуа», ашхарское «апсуа» и др., которое уже давно является единственным общенациональным самоназванием всего абхазского народа, включая зарубежных соплеменников. Да и сам Ф. Торнау писал в другом месте: «От Саше до устья Ингури морской берег занят абазинами, называющими себя «абсасца». Последние делятся на джигетов, или садзов, живущих между реками Саше и Бзыбь, и на абхазцев, составляющих отдельное владение». Приведенное в этой цитате слово «абсасца» представляет собой русскую транскрипцию абхазского самоназвания «апс-цва» во множественном числе (ап̄сац̄әа), которым называлось население от Саше до Ингури.

Возможно, в определенный отрезок времени, где-то на рубеже XVIII–XIX вв., слово «бзыбь» и применялось среди какой-то части горского населения для обозначения абхазов. Но оно, возникнув довольно неожиданно, также вскоре прекратило свое существование, уступив место общенациональному «апсуа». «Бзыбь», как общенациональное наименование, не состоялось (как оказалось и не вполне состоявшейся в этом отношении и «абаза»), но характерен сам факт пусть и временного создания такого названия, связанного к тому же с рекой (водой).

Глава четвертая

ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ САДЗОВ В XIX ВЕКЕ

Юго-восточные пределы распространения садзов

Точное определение территориального содержания термина «садз» оказалось не таким простым, как это могло показаться с первого взгляда. Не вызывает сомнений только южная граница, которая проходила по берегу Черного моря от устья р. Бзыбь и почти до устья р. Сочи. Выяснение же юго-восточных, северо-западных и северных пределов распространения садзов требует специального изучения с привлечением нередко противоречивых материалов.

В русских источниках впервые, насколько известно, название страны садзов встречается в описании автора конца XVIII в., где среди «уездов» Абхазии (Хирпис, Чаши, Аибга, Ахшипсе) упоминается и «Садс»¹. В последующем это варьирующее на-

---

¹ *Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. I. — М. 1788. С. 3–4.*

звание, отождествляемое с Джигетией¹, мы находим в литературе неоднократно. Например, Г. И. Филипсон, в частности, писал, что «джигеты сами себя называют «Саадзен» (*Подчеркнуто мной*. — *Ш. И.*)². Нет сомнения в том, что последняя форма с двумя «а» не самоназвание, а происходит от Садзын, Садзан, который мы находим в словаре и современных абхазов в значении страны садзов и который аналогичен по своему оформлению с названием страны абхазов — Апсны (Ап̄сны), где последняя часть слова н(ны), как и в термине Садзен, является абхазским локативным суффиксом, указывающим в одном случае на «страну апсуа», а в другом — на «страну (место обитания) садзов».

---

¹ В ходе исторического процесса смысл этнонима «джики», «джикеты» подвергся значительному изменению в сторону сокращения объема его этнического содержания — от обозначения целого конгломерата родственных племен и народностей до узкого племенного названия. В частности, немецкий ученый начала XX в. Кисслинг представлял джиков древнеадыгскими племенами, в I в. до н. э. вторгшимися на Черноморское побережье из Прикубанья. Г. А. Меликишвили также считает их древним северокавказским многоплеменным воинственным народом — предком абхазо-адыгов, появившимся на нашем побережье в эллинистическую эпоху. (*Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. — Тбилиси. 1959. С. 66–69, 77–78 и др.*). У абхазов, насколько известно, не сохранилось сведений о джиках. Их юго-восточные соседи — мегрелы донесли до нас кое-какие смутные воспоминания о джиках. Например, по словам старого гагрского пастуха, ныне покойного Е. Г. Аркания (выходца из мегрельского селения Джвари на левом берегу р. Ингури), жившего в Абхазии с 1898 года, в раннем детстве он не раз слышал слово «Джикет», как обозначение далекой, неведомой страны, именем которой пугали шаловливых детей, то есть «Занесло бы тебя в Джикетию»).

² Филипсон Г. И. Черкесы, казаки и адэе / Рукописный отдел Российской Гос. Библиотеки, ф. Д.А. Милютин, д. 169, № 81, л. 13, 38 об.

Абхазы территорию садзов называют Садзан, Садзны, Садзын (Сазын)¹, что, как сказано, означает «Страну садзов». От «Садзын» происходит «Садзен», встречающийся в этнографических описаниях некоторых авторов XIX в. Этноним «садз», являющийся самоназванием садзов, хорошо знают как бзыбские, так и абжуйские абхазы (асазуа — садз, асазкуа — садзы, иногда множественное число выступает и в краткой форме — асаз).

Согласно рассказам старожил, когда-то давным-давно русло нижнего течения р. Бзыбь находилось значительно западнее, чем сейчас, о чем свидетельствует обилие речной гальки на всем протяжении правого приустья реки. Только со временем река приняла современное направление, а ее правое побережье постепенно стало заселяться. Было время, говорят они, когда здесь наблюдалась такая плотность населения, что кошка, начиная с нынешнего старого моста на Бзыби, по крышам домов, не сходя на землю, могла добраться до самой Гагры.

До выселения садзов в Турцию сплошные садзские поселения на юго-востоке доходили местами до самого правобережья Бзыби. Например, вся территория современного курорта Гагра — от нынешней Колхиды (на востоке) и до Гагрыпша (а не Гагрыпша) и Гагрской крепости (Абаата) на западе, а также прилегающие земли, по словам старых местных жителей, были заняты садзами (Гагра итаз аса ракун). Все пространство под названием Иагахы, расположенное выше от Новой Гагры, принадлежало большому садзскому роду Цанд (Цандаа). Хозяевами приморской части современной Гагры являлись также садзы — братья Халыл и Решид из рода Гечь (Гьач, Гьачба)².

---

¹ Вероятно, в прошлом они знали и форму Саадзен, которая ныне ими утеряна и сохранилась только в приведенном выше описании Г. И. Филипсона.

² Решид Гечба махаджиром побывал в Турции, но вскоре вернулся на родину и умер здесь где-то в начале XX в. «Последнего Гагрипшского жителя, всеми уважаемого князя Решида Гечь приходилось не раз видеть нам в Сухуме. У него было 70 вассальных крестьян», — пи-

Садзской была как лесистая местность Аджирвара (Адъырвара) на месте нынешнего Нижнего Арасадзих, так и плодородная долина Алахадзы (Алахазы), лежащая между Гагрой и устьем Бзыби. Сюда из соседней Калдахвары переселился абхазский князь Соулах Инал-ипа после обезлюдения всей этой территории в результате махаджирского переселения садзов. Земли на северо-запад от Гагры вплоть до убыхских пределов населяли только садзы. И современная Красная Поляна, которую некоторые абхазы называют Хышвха (Хышхә), а другие — Губаадвы (Губаадәы)¹, относились, по-видимому, также к историческому Садзену.

Ценные сведения я успел записать от упомянутого бывшего садза, старого гагринца С. С. Мкялба и его жены С. К. Лолуа, причем их сообщения лишь в незначительных деталях расходятся с информацией других сказителей. В частности, он рассказывал, что весь район современного г. Гагра вплоть до нынешнего Колхидского сельсовета безраздельно занимали садзы, а дальше на юго-восток, то есть на территории теперешних Алахадзы и Бзыби (Аспҭа), жили уже собственно абхазы. Однако в непосредственной близости от правобережья р. Бзыбь, кое-где встречались и отдельные садзские семьи (например, Хамырза Шхараа, напротив современной Бзыбской сельской средней школы).

По сообщению ряда информаторов, одиночные садзские жители рассеянно встречались и во многих селах внутренней Абхазии, чаще всего это были потомки захваченных некогда в плен или же проданных в рабство людей. Например, садз по

сал К. Д. Мачавариани. По его же сведениям, раньше этот садзский князь владел и аулом Кидьюхи на р. Псоу (южнее с. Веселое), где стоял его «дворец» (**Мачавариани К. Д.** *Описательный путеводитель по г. Сухуму и Сухумскому округу*. — Сухум. 1913. С. 243, 272).

¹ Адыгейцы называли ее, по словам **А. Старка** «Мэдежюи Губх» т. е. «Медовеевские ровные места»//**Старк А.** *На Русской Ривьере. Из дневника охотника*. — С.-Петербург. 1913. С. 5.

племенной принадлежности Д. З. Адзыба (Азыба) со своей семьей проживал в с. Лдзаа (пос. Ациджква). Женившись на здешней абхазке, он переселился к ней на постоянное жительство.

По разным причинам постоянно происходили переселения абхазов из внутренних районов страны в Садзен, особенно из пограничных с ним общин, и наоборот — садзского населения на левобережье Бзыби и далее вглубь Абхазии, вплоть до Дал-Цебельдинского подрайона и Абжуа. Это создавало определенную пестроту и смешанность населения по его племенному составу, особенно на пограничных территориях. Так, садзское в прошлом селение Арасадзих современного Бзыбского сельсовета, представляло собой безлюдный благодатный уголок, изобиловавший кормами и дичью, куда из с. Блабрхуа на постоянное жительство переселились Чишв Барцыц с братьями Шач, Лаз, Фафа и Кыагуа.

Таким образом, старшее поколение бзыбских абхазов еще хорошо представляет юго-восточную границу Садзена, проходившую примерно по р. Бзыбь или в непосредственной близости от нее. Но о северо-западных пределах садзов у них уже расплывчатые представления: садзы локализуются между современными Гагра и Сочи, то к северу от них, в глубине гор, а то и где-то на северной стороне хребта (Нхыц), вблизи нынешнего расселения абазин.

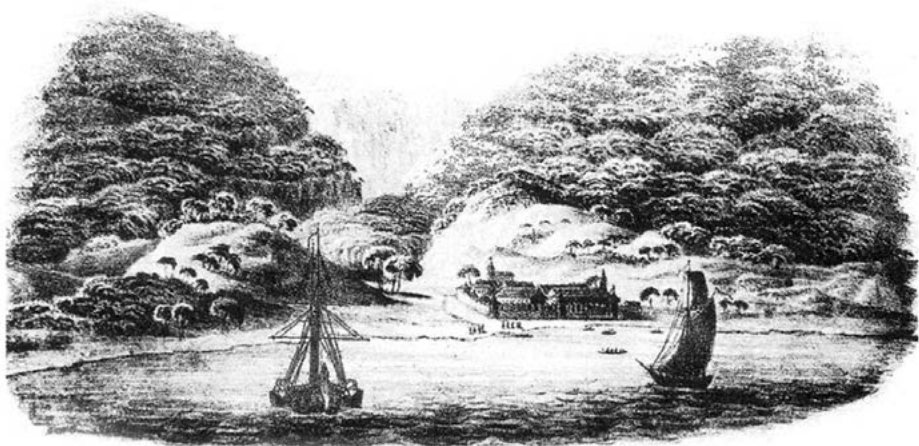
Изложенные выше, по сообщениям старожиллов, представления о юго-восточной границе садзов в основном подтверждаются также свидетельствами более осведомленных авторов, касавшихся этого вопроса.

Так, например, Г. И. Филипсон пишет: «Земля их находится между р. Бзыбом, которая служит западною границею Абхазии, и обществом Хамыш, которое принадлежит к убыхам — народу Адэхе»¹. Ниже он уточняет этническую ситуацию в обществе Хамыш, как «ближайшего к джигетам, состоящего из смеси адэхе»²

---

¹ Филипсон Г. И. Черкесы, казаки и адэхе. Л. 38 об.

² Так Г. И. Филипсон называет всех черкесов вместе с убыхами.

Вид с моря на крепость Гагра. Из кн. А. А. Скальковского

с абхазским племенем»¹. К. Д. Мачавариани писал, что Гагрский хребет от горы Мамдзышха до Цандрипша (Хашупсе) занимало джигетское общество Цан во главе с князьями Цанба и главным аулом Саучи в ущелье Цандрипша².

Итак, в середине XIX в. юго-восточная пограничная линия садзов проходила почти вплотную к нижнему течению реки Бзыбь, которая некогда впадала в море западнее, чем сейчас. Во всяком случае, весь район современного курорта Гагра целиком находился на садзской территории. С этим в основном согласуются и описания автора того времени С. Т. Званба — важнейшего нашего источника по садзам. Вот что он писал: «Земля абхазская начинается от реки Жуадзех»³, но деревень абхазских по правую сторону реки Бзыба не было, потому что они были подвержены опасности от беспрестанных нападений со сторо-

---

¹ Филиппсон Г. И. Указ. соч. Л. 54.

² Мачавариани Г. Д. Описательный путеводитель... С. 272.

³ Вероятно, совр. Жокквара, впадающая в море у древней Гагрской крепости.

ны соседей. Прежде в этих местах были селения, но со времени усиления вражды между абхазами и джикетами, жители сих деревень перешли на левую сторону р. Бзыбь. По низменному взморью на правом берегу р. Бзыбь паслись стада, принадлежавшие абхазам; в мае месяце нынешнего года¹ джикеты угнали их в виду абхазцев, которые не могли переправиться через Бзыбь по причине половодья реки. Теперь река Бзыбь служит естественной границей между Абхазией и джикетами»².

Вообще, и в более отдаленном прошлом р. Бзыбь (почти на всем ее протяжении) служила, как видно, естественной и относительно стабильной границей между собственно абхазскими (апсуа) и садзскими этно-территориальными группами. Например, еще Вахушти, автор XVIII в., указывал на р. Бзыбь³, как на юго-восточную границу Джигетии. Отмечая, прежде всего, непосредственное соседство Абхазии и Джигетии, он в своем известном «Описании Джикети» сообщает следующее: «Территория за сей Абхазией к западу от реки Каппети со времен Багратионов и по настоящее время называют Джикети... Границы теперешней Джикети следующие: с востока — река Каппети, с запада — Черное море, с юга — то же море, с севера — Кавказские⁴ (горы)»⁵.

---

¹ Это было, по-видимому, на рубеже 30–40-х годов XIX в.

² **Званба С. Т.** Абхазские этнографические этюды. С. 5.

³ У Вахушти под р. Каппети подразумевается р. Бзыбь. (**Вахушти.** География Вахушти//ЗКОРГО Кн. XXIV. Вып. 5. — Тифлис. 1904. С. 79.

⁴ Там же. С. 78

⁵ Отметим здесь же, что Вахушти, имея в виду сочинение грузинского автора XI в. Джуанишера «Житие и деяния Вахтанга Горгасала», пишет и о захребетной части Джикетии: «...но «История Горгасала» Джикетией называет (лишь) северную часть Джикети, расположенную по ту сторону Кавказских гор до моря». Следовательно, если исходить из этого не совсем четкого указания, то можно подумать, что Джуанишер представлял себе Джигетию, расположенной целиком

Перейдем теперь к более сложному вопросу о северо-западных пределах территориального распространения садзов к середине XIX века.

Северо-западные этнические границы садзов

Одной из слабых сторон изучения прошлого абхазов является их этногеография, включая этническую картографию и этническую демографию, то есть исследование их расселения в прошлом и настоящем, определение их этнических границ (в целом и по частям), динамики их численности на различных этапах истории народа.

Существуют разные принципы выделения этно-племенных территорий и установления этнических границ, основанные, в частности, на этническом самосознании населения, географии языка (включая историческую топонимику и названия родо-племенных групп), специфике народной культуры, религиозных верованиях, государственной принадлежности и др. Однако в любом случае приходится считаться с неизбежными трудностями, связанными со значительной подвижностью этнических границ, далеко не всегда раздельным, а часто смешанным расселением, причем смешение обычно больше на стыке между народами, говорящими на близкородственных языках, что полностью подтверждается и нашими конкретными материалами. Следует отметить также ограниченность и недостатки источников, которые представлены в большинстве своем описаниями путешественников и других авторов, имев-

---

где-то на Северном Кавказе (вероятно, вблизи пределов совр. Абхазии), а сам Вахушти допускал существование Джигетии, состоящей из двух частей: южной (приморской) и северной (захребетной). Вероятно, это связано с определенным изменением представления о джигетской территории — сперва широкого, охватывающего и часть северокавказских земель, а впоследствии значительно более узкого, ограниченного небольшим сектором приморского Садзена XIX в.

ших нередко смутное представление об особенностях языка и быта местного населения.

Если «этнические границы, как правило, не совпадают ни с расовыми, ни с религиозными»¹, то они, как правило, совмещаются с языком и этнографическими особенностями соответствующих народов. Но даже при этом дело осложняется тем, что соседствуют обычно очень близкие народы, в нашем случае — садзы, с одной стороны, и убыхи и черкесы, с другой, которые неразрывно связаны между собой по многим сходственным и даже тождественным чертам культуры и быта, частично вплоть до двуязычия каждой из групп.

В подобных ситуациях в основном только язык и характерные элементы этнографической специфики могут выступать решающими признаками для выделения этнической территории, хотя и наиболее распространенная для группировки народов лингвистическая классификация тоже имеет свои недостатки. В ее основе лежит лишь один из признаков народа — язык, что «не дает возможность учесть важные этнические процессы, одним из показателей которых является двуязычие. Она нередко создает представление о существовании резких национальных или культурных контрастов там, где этого в действительности нет (например, между различными группами швейцарцев)».²

После этих предварительных замечаний перейдем к нашему конкретному вопросу — где же проходила этническая граница между садзами, убыхами и черкесами перед их выселением в Турцию в 1864 году?

Не очень легко ответить на поставленный вопрос. Это связано не только с состоянием источников, но в неменьшей степени и с тем, что интересующие нас общности этнически и территориально были настолько близки и взаимосвязаны, что «невоо-

---

¹ Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предмете и задачах этнографии//СЭ 1963, № I, с. 18.

² Там же.

руженному» глазу порой трудно было заметить, где кончаются пределы одной из них и начинается территория другой.

Поэтому, естественно, нет полного совпадения взглядов. Одни авторы убыхов помещают в районе Сочи, называя его «сердцем» их земли, а юго-восточную границу их распространения проводят по реке Хосте или Хамыш (Дж. Ст. Белл, Г. Филипсон, С. Т. Званба, П. К. Услар и др.) или «между реками Шахе и Шаче» (Ад. Дирр), другие локализуют их в горах за р. Сочи (Розен) или по ущелью р. Шахе (Н. Раевский). Встречаются и утверждения о том, что убыхи занимали территорию между Адлером и р. Шахе.

Вообще следует иметь в виду возможность двоякого толкования территориального содержания терминов «убыхи» и «Убыхия» — узкого (собственно убыхи) и более широкого, включающего и неубыхское по происхождению население. Как пишет Дж. Коков, «этноним убых, прежде всего, относился к жителям верховий рек Шахе и Сочи, где одно из урочищ носило название «Убых-дуахэоа», то есть «Поляна убых»; черкесы называли прибрежных убыхов абадзе и только горных — убыхами»¹. Л. И. Лавров также отмечал, что «убыхский язык удерживался в быту только в верхней... Убыхии, в то время как в Вардане его вытеснил адыгейский, а в Саше — джикетский язык»². Ф. Дюбуа несколько противопоставляет убыхов населению Сочи, называя его особым «племенем Сочи».

Согласно описанию Ф. Ф. Торнау, сообщения которого относятся к числу самых важных и достоверных, в 30-х годах XIX в. северо-восточный берег Черного моря был населен тремя различными этническими образованиями: от Анапы примерно до р. Шахе жили адыгейские племена натухайцев и шапсугов, между Шахе и р. Сочи (Саше) находились убыхи, а территория

---

¹ **Коков Дж. Н.** Адыгские этнонимы. — Нальчик. 1979. С. 39, 47, 48.

² **Лавров Л. И.** Этнографический очерк убыхов//Уч. зап. АдНИИЯЛИ Том VIII — Майкоп. 1968. С. 5, 6

от Сочи до Ингури занята была абхазами («абазинами» по терминологии Ф. Ф. Торнау), называвшими себя «апсуа» (в том числе «асадзуа»)¹.

Садзы, согласно тому же свидетельству, занимали Черноморское побережье от укрепления Гагры до р. Саше или Сочи², хотя население последнего представляло собой уже «не суть чистые абазины». «Саша, на реке Саше, или Сочи, — писал он, — одно общество по всему берегу Черного моря, за исключением Абхазии, признающее над собою власть князя. Настоящий владетель Саше — Али Ахмет. Саше не суть чистые абазины, они представляют трех сопредельных племен — абхазского, убыхского и черкесского, языками которых и говорят»³. Территория убыхов начиналась от правого берега р. Сочи.

В числе «главных рек в земле джикетов» С. Т. Званба называет в первую очередь Хосту⁴. Это дает некоторое основание думать, что Хоста была не пограничной с Убыхией рекой, а протекала «в земле джигетов», которая, по логике вещей, продолжалась дальше, охватывая какую-то часть пространства и северо-западнее от этой реки.

В целом, однако, как можно заключить по совокупности данных, граница «чистых» садзов и убыхов в середине XIX века проходила в основном по реке Хоста, протекающей в 20 км юго-восточнее р. Сочи. Далее на юго-востоке убыхи почти нигде и ни у кого не отмечаются. Известный кавказовед П. К. Услар границу

---

¹ **Торнау Ф. Ф.** *Воспоминания кавказского офицера*//РВ 1864. Т. 53, № 10, с. 56, 118 и др.

² **Дзидзария Г. А.** Ф.Ф.Торнау и его кавказские материалы XIX века. — М. 1976. С. 110.

³ **Там же.** С. 101, 110. (Далее Ф. Торнау на с. 114 пишет, что в число жителей общества Саша на р. Сочи, входили лишь «отчасти черкесы и убыхи».

⁴ **Званба С. Т.** *Абхазские этнографические этюды.* — Сухуми. 1982. С. 5–6.

между убыхами и садзами также проводил по р. Хосте (Хамыш, Гамыш). «К юго-востоку за Гамышом, — писал он, — находится абхазское племя садзуа»¹. С ним согласны А. В. Фадеев («убыхи заселяли участок Черноморского побережья Кавказа от р. Шахе до р. Хоста»)², Г. А. Дзидзария³, Г. З. Шакирбай⁴ и др.

Встречаются, правда, в источниках и несколько другие локализации. Например, по сведениям ген. Н. Р. Анрепа, в первой половине XIX в. «земли убыхов» простирались «до реки Мызы включительно...»⁵. Но если под Мызы следует понимать р. Мдзымта, то автор здесь явно ошибается, потому что убыхи до нее никогда, по-видимому, не доходили (см. ниже).

Вместе с тем есть основания предполагать, что не всегда и Хоста служила пограничной рекой между Садзеном и Убыхией.

Так, город Сочи, то есть, старая часть курорта, называется по-абхазски Швача (Шәача́). Эта местная форма лежит в основе современного названия «Сочи», которое у некоторых дореволюционных авторов иногда выступало в виде «Сóча» или чаще «Соча́», что и ударением и оформлением напоминает собой абхазское название города. К. И. Коченовский в своем справочнике о Сочи, изданном в 1913 году, пишет: «Во время борьбы русских с черкесами нашему Сочи, уже под именем Соча (*Подчеркнуто мной. — Ш. И.*), пришлось играть особенно заметную

---

¹ Услар П. К. *Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык.* — Тифлис. 1887 (прил.), с. 75.

² Фадеев А. В. *Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе//Исторический сборник. № 4. — Л. 1935. С. 136.*

³ Дзидзария Г. А. *Указ. соч.. С. 87; Его же. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. — Сухуми. 1958. С. 18–19.*

⁴ Шакирбай Г. З. *Абхазские топонимы Большого Сочи. — Сухуми. 1978. С. 7, 15.*

⁵ Н. В. 1840. 1841 и 1842 годы на Кавказе//КС Т. XIV. — Тифлис. 1890. С. 310.

роль»¹. Один из старейших жителей Сочи доктор К. А. Гордон, живущий в этом городе с 1902 года, пишет в своих рукописных воспоминаниях, что еще в начале текущего столетия многие сочинцы продолжали называть свое местечко «Сóча» или «Сочá».

К абхазскому происхождению топонима «Сочи» склоняет и вторая часть названия одноименной реки, у устья которой раскинулся город — «Сочá-пста́ (Шэачá-п̄ста́). Эту форму мы находим не только в наших полевых материалах, но и у того же К. И. Коченовского, старожила и знатока Сочи. Он пишет: «Река Соча-пста», «лесистый берег Соча-пста»². «Соча-пста» встречается и в некоторых других описаниях. Вторая часть (пста) этого составного термина представляет собой абхазское слово «апста» (ап̄ста), что в переводе означает ущелье, дословно «место реки (воды)», от абхазо-адыгского *пс* — вода с прибавлением абхазского локативного суффикса *та* (ср. Бзып̄-ап̄ста, Хы-п̄ста, Аалзга-ап̄ста и др.). Ни в убыхском, ни в адыгских языках, насколько мне известно, нет слова «апста» ни в указанном, ни в каком другом значении. Следовательно, это абхазское слово с абхазским же локативным суффиксом *та*.

Названия селений вверх по рр. Сочи и Шахе — Амуко, Будуноко, Салах-Аул и другие — являются уже собственно убыхскими или убыхо-черкесскими. Они могут свидетельствовать о том, что колыбель убыхов находилась в верховьях междуречья Шахе-Сочи, в то время как на побережье жили абхазские племена, что отразилось в приведенном и некоторых других топонимических фактах, о чем будет еще сказано ниже.

В 30-х годах XIX в., проф. А. Д. Нордман, писал, что джикетская область простиралась до самого Сочи, разделяясь на три основных округа — Цандридш, Геч и Ясхрипш, каждый из которых состоял из 9–10 селений, причем «округ» Ясхрипш во главе

---

¹ **Коченовский К. И.** Сочи. Исторический очерк. Общее описание города. Окрестности города. — СПб. 1913. С. 4.

² **Там же.** С. 7, 8.

с садзским княжеским родом Аридба находился между реками Метзымтой (Мдзымта) и нижним течением Соча¹.

По данным статьи 1884 г., селение Мытыхуаса на р. Соча-пста, где проживали представители убыхского знатного рода Берзеков, в прошлом принадлежало садзам и лишь впоследствии оно было отнято у них убыхами².

По вопросу о мирном или насильственном проникновении убыхов на территорию прибрежных садзов с последующей частичной ассимиляцией высказывались и другие авторы, главным из которых является Г. И. Филипсон. В его цитированной выше серьезной статье, написанной в 1854 году, впервые мы находим недвусмысленное указание на «недавнее завоевание», следы которого «очень заметны в этом участке». Ссылаясь на Иоанна Лукского, согласно которому земля абхазов простиралась от Мегрелии до Черкесии с двумя значительными реками в ней — Соча и Субаши, он писал: «В таком случае вся нынешняя земля убыхов принадлежала бы в то время абхазам, что и весьма вероятно, потому что и в настоящее время разнородность и следы недавнего завоевания очень заметны в этом участке (Подчеркнуто мною — Ш. И.)». В доказательство этого он указывает на абхазо-убыхский этнически смешанный характер пограничного общества Хамыш и на то, что «во всей земле убыхов» (Подчеркнуто мною — Ш. И.) чернь знает язык асадзипсуа³, то есть садзский диалект абхазского языка.

Барон Аш, пользовавшийся для обозначения жителей изучаемого побережья общим термином «черкесы», писал в 1830

---

¹ Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю// ЖМНП XI. Ч. IV. — СПб. 1838. С. 414–415.

² Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-пста до вновь возведенного на Туапсе укрепления// Кубанские областные ведомости. 1884, № 50 (Анонимного автора опубликовал Фелицин Е. Прим. изд.); Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)// КЭС Вып. VIII, 1984. С. 153.

³ Филипсон Г. И. Черкесы, казаки... л. 54.

году, что «джигетский народ обитает по берегу моря от монастыря Гагры до селения Мамая»¹.

По словам Л. Я. Люлье, абхазы называли не только джигетов, но и убыхов садзами (Садзен), сохраняя также их названия². Согласно тому же источнику, черкесы (натухайцы и шапсуги) прибрежных убыхов называли абадзе, а собственно убыхами только жителей горных районов. Это также является хотя и косвенным, но существенным свидетельством того, что собственно убыхов первоначально почти не было на побережье. Сочинский краевед В. И. Ворошилов пишет (к сожалению, без ссылки на источник) о том, что последний аул Мутыхуа (совр. Пластунка) был захвачен убыхами в первом десятилетии XIX в., что в 30-х годах того же столетия жители Сочинской долины говорили одновременно на абазинском (т. е. абхазском), убыхском и адыгейском языках³.

По мнению Л. И. Лаврова, джигеты граничили в XIX в. с черкесами по р. Сочи, а убыхи сохранялись только в горах. Этой же точки зрения придерживается З. В. Анчабадзе, у которого мы находим неоднократные указания на миграции убыхов с гор. Это событие могло произойти не ранее середины XVII в., если иметь в виду замечание Эвлия Челеби о хорошем знании садзами абхазского и черкесского языков при полном молчании об убыхском (см. ниже).

Надо полагать, что на интересующей нас части побережья произошло смешение населения или частичное вытеснение спустившимися с гор воинственными убыхами абхазов (садзов). Процессы этнического взаимопроникновения и ассимиляции происходили здесь сравнительно легко не только вследствие соседства и непрерывности непосредственных контактов, но и ближайшего родства абхазских и убыхских племен. Такое

---

¹ ЦГВИА ВУА, ф. 414, д. 301, л. 4–5, 13.

² Люлье Л. Я. Черкесия. — Краснодар. 1927. С. 9.

³ Ворошилов В. И. Топонимы Кавказского Черноморья. С. 7 (рукопись).

родство подтверждается, как известно, многочисленными фактами¹.

О теснейших связях убыхов и садзов С. Т. Званба пишет следующее: «В 1837 году, когда заняли Адлер, убыхи и джигеты соединились взаимною присягою и с тех пор всякая вражда прекратилась. Присяга эта возобновляется ежегодно, и при этом берут штрафы с тех, которые имели сношение с русскими. Они часто ездят друг к другу, а иногда выходцы из одного общества селятся на земле другого... Связи жителей Ахчипсоу с убыхами теснее, нежели у других»².

Дж. Ст. Белл, который в конце 30-х годов XIX в. какое-то время жил среди убыхов и причерноморских черкесов, указывает, что по берегу Черного моря живут три народа, говорящие на трех различных языках: адыге (черкесы) от р. Кубани до р. Бу (Буу), абазы (убыхи) — между Бу и Хамышом, абхазы — от Хамыша до границы Мегрелии. «Язык абхаз³, — писал он, — все здесь⁴ понимают, а также и язык адыге».

То, что в приведенной цитате на первом месте стоит «язык абхаз» является, возможно, неслучайным, а служит, по-видимому, определенным выражением большего распространения в его время абхазского, чем черкесского, языка. Хотя мы должны учитывать и указания авторов XIX в. о том, что убыхи, точнее представители знати, знали черкесский язык, чуть ли не лучше своего родного языка. Тот же автор на карте, приложенной к его дневникам, отмечал, что на побережье жили абхазы (абхазы), а между побережьем и Главным Кавказским хребтом народность «убук» (убыхи). К середине же века, по свидетельству А. П. Берже, позиции черкесского языка более укрепились. «Теперь уже все

---

¹ См. *Инал-ипа Ш. Д.* Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми. 1971. С. 257–310.

² *Званба С. Т.* Абхазские этнографические этюды. С. 8.

³ Т. е. абхазский.

⁴ Имеется в виду страна или область убыхов.

дворяне убыхские говорят адыгским языком, — пишет он, — но многие из них и из черни, находясь по топографическому положению своему в соседстве с абхазцами, говорят свободно и на языке последних»¹. На «Карте Западного Кавказа и Черноморского побережья середины XIX в.», выставленной в Новороссийском музее, убыхи также помещены вдали от берега между верховьями Мзымты и Шахе². Джигеты, как и натухайцы, показаны по берегу моря, а согласно Генеральной карте... первой четверти XIX в. садзы занимали пространство от Сочи до Гагр.

Так, в источниках, включая карты, иногда выделяются «собственно убыхи», локализуемые не на побережье, а сравнительно далеко в горах. Убыхи в этом узком понимании представляли собой маленький горский народ, обитавший между истоками Сочи и Шахе, а в более широком смысле, смешавшись с садзами, простирались на юго-востоке до самой Хосты.

Убыхи и садзы местами жили и попеременно между собой, почти как один народ. Ф. Ф. Торнау, не верить которому у нас нет оснований, подчеркивал смешанный характер населения Сочи (Садша) и связанное с этим трехязычие его жителей. Это общество, по его словам, представляло собой, как уже отмечено выше, «смесь трех сопредельных племен — абхазского, убыхского и черкесского, языками которых и говорят»³. Не случайно, абхазы и в этой цитате упоминаются первыми, так как «черкесы и убыхи», по его словам, присутствовали только «отчасти».

Е. Ковалевский в 1867 году писал: «Убыхи жили... между реками Псеуапсе и Саше; на берегу моря они составляли смешанные общества с шапсугами и абхазами, носившие разные

---

¹ **Берже А.** Краткий обзор горских племен Кавказа//КК на 1858. — Тифлис. 1857. С. 23.

² ЦГВИА ф. ВУА, д. 20535.

³ **Торнау Ф. Ф.** Краткий обзор горских племен, живущих за Кубанью//ЦГВИА ф. ВУА, д. 8571, л. 2.

наименования...» (*Подчеркнуто мной. — Ш. И.*)¹. Один из пяти парков дореволюционного Сочи назывался Абазинским (остальные — городской, Ермоловский, Хлудовский, Верещагинский). Вблизи Сочи и сейчас есть село Абазинка. Название «Абазинка», «Абазинский» может быть как от собственно абазин, так и от собственно абхазов, которые в источниках нередко также, выступают под именем «абаза».

Николай I, посетивший Кавказ в 1837 году, приказал: «Нужно укрепиться к северу от мыса Константиновского (Адлер) — при устье Сочи, Туапсе или в другом месте. При этом надлежит истребить ближайшие аулы»². Выполняя царскую волю, генерал-майор Симборский в апреле 1838 года во главе большого отряда, куда предусмотрительно была включена и абхазская милиция³, из Сухума направился в сторону Сочи. Взятие Сочи, «не взирая на отчаянное сопротивление горцев, собравшихся во множестве на этом пункте», состоялось 13 числа того же месяца⁴.

В то время Сочи представляло собой селение у устья одноименной реки (Сочипста), с сравнительно незначительным количеством жителей (из-за боязни нападения со стороны моря).

---

¹ **Ковалевский Е.** Очерки этнографии Кавказа//Вестник Европы, № 3, 1867. С. 83

² **Коченовский К. И.** Сочи. Исторический очерк. Общее описание города. Окрестности города. — СПб. 1913

³ Всего же в распоряжении ген. Симборского были 2 батальона Мингрельского егерского полка, 3 батальона Ереванского карабинерного, I-я пионерская рота Кавказского саперного батальона, Сводно-горная батарея, Имеретинская, Абхазская Гурийская и Мингрельская милиции. С моря действия царских войск поддерживал контр-адмирал Артюхов, под прикрытием эскадры которого десант сошел на берег. Количество войск, брошенных на Сочи, свидетельствует о воинственности и многочисленности оборонявшихся здесь убыхов, садзов и других горцев, (**Коченовский К. И.** С. 6).

⁴ В частности, «Абхазская милиция, занявшая гору близ самой кручи, падающей отвесно к стороне моря, была отброшена и спустилась обратно в долину». (**Там же.** С. 7).

Ближе к морю попадались одиночные дома, а самый берег, где сейчас Старые Сочи, был покрыт лесом. Вблизи от этих мест, преимущественно вдоль реки, были расположены усадьбы главных убухских родов. Так, вверх по р. Сочи, там, где находится современное селение Пластунка, жил вождь убухов Хаджи-Берзек и Керантух Берзек, который 26 лет вел непрерывную борьбу с 13 апреля 1838 года, когда царские войска овладели клочком земли на месте нынешнего Сочи (возвышенное плато на том месте, где теперь маяк и церковь) и до 18 марта 1864 года, когда, после битвы при реке Годлик, убухи и ахчипсы признали себя побежденными¹. Между селением Берзеков и Старым Сочи, то есть на территории бывшей деревни Навагинка, которая слилась с городом, находилась в 30-х годах XIX в. усадьба какого-то другого крупного князя, имевшего обширный сад, очень долго слышавший у первых русских поселенцев под названием княжеского сада². Само общество Саша (Садша) в устье р. Сочи, находившееся под властью князя Облагу³, и насчитывавшее до десяти тысяч жителей, состояло из садзов и, частично, убухов и шапсугов.⁴

В ауле Сочи, до прихода русских, жил упомянутый выше, известный убухский князь Ахмед Аублаа — отчаянный морской пират, владевший замечательным судном и совершавший на своей неуловимой бригантине во главе отряда таких же головорезов, как и он сам, нападения на крымские и турецкие берега. То, что согласно А. Д. Нордману, на территории централь-

---

¹ Там же. С. 5.

² Там же.

³ В этом прозвании слились, возможно, воедино два местных имени — фамильно-родовое (по-абхазски Аублаа и личное Гуагу, Гугу). В полной форме оно выглядело, видимо, так: Аублаа Гуагу или Аублаа Гугу.

⁴ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 114. (В первом издании при наборе была допущена ныне исправленная перестановка слов. Прим. изд.).

ного Сочи (гора Батарейка) встречался топоним Аублаа-рныха, вторая часть которого является бесспорно абхазским словом со значением «святилище»¹, заставляет предполагать, что знаменитые Аублаа генетически представляли собой одну из ассимилированных убыхами коренных абхазских (садзских) родоплеменных групп.

Чтобы закрепиться в Сочи и постепенно расширять занятую (первоначально ничтожную) площадь, царским военным отрядом срочно были проведены работы по оборудованию форта под названием Александрия. По рассказам старожилов, в центре этой крепости (законченной в конце июля того же 1838 года), «находились остатки круглого похожего на храм каменного здания (из дикого камня, который пошел для сооружения на его месте теперешнего храма)»². Несомненно, это был храм местного языческого родо-племенного божества, возможно, упоминаемый выше Аублаа-рныха.

В тридцатых годах XIX в. Ф. Ф. Торнау также засвидетельствовал у устья Сочи род Облагу/Аублаа, название которого, как и некоторые другие абхазские фамильные имена (Агумаа, Атэмаа, Жанаа, Думаа и др.), оформлено абхазским суффиксом фамильных имен — на «аа», что также подтверждает абхазское происхождение данной группы.

Этот род пользовался большим уважением и популярностью не только среди садзов, но и остальных абхазов, выступая в абхазском фольклоре одной из самых привилегированных и почитаемых родовых групп. В частности, если человек куда-то опоздал, то ему с упреком говорили: «Аублаа, что ли, гостил у тебя?» (Аублаа дутазма?). Это же название упоминается и в одной загадочной абхазской похоронной песне-плаче: «Аублаа

---

¹ В целом «анатомия» термина Аублаа рныха выглядит следующим образом: фамильно-родовое имя (Аублаа) + абхазский показатель множественности (р) + абхазское слово «святилище» (аныха), то есть вместе означает — «Святилище рода Аублаа».

² Коченовский К. И. Указ. соч. С. 11.

ублыс, Ублаа ублас; Аублаа ублыс, Ублаа ублыс», которое ныне переводу не поддается¹.

Таким образом, в составе сочинского населения первой половины XIX в. были представлены далеко не только убыхи, но, как отмечено выше, в большей мере садзы и род Аублаа, который, по всей вероятности, относится по происхождению к абхазским родам, и другие абхазские (садзские) фамильные группы, что является доказательством далеко не простой этнической ситуации в этом микрорайоне.

Особое значение для изучения вопросов этнографии имеют названия местностей. К сожалению, мы лишены возможности фиксировать топонимы в интересующем нас районе в живом их бытовании, непосредственно из уст коренных жителей. Вместе с тем нередкие искажения названий, записанных, как правило, в транскрипции языка некоренного населения, как и принадлежность местной географической номенклатуры очень близким между собой языкам, затрудняют определение точной лингвистической природы многих наименований рек, гор, населенных пунктов и др.

Даже с учетом этого, можно с полной уверенностью утверждать, что в районе Старого Сочи, особенно в его юго-восточных окрестностях встречается целый ряд названий рек и местностей собственно абхазского происхождения, с абхазскими формантами: на ꞑста — «ущелье», «пойма реки (р. Сочипста, от абх. Шәачаꞑста — «ущелье р. Сочи»; р. Кудепста — тоже на территории Большого Сочи; Лапста — между рр. Псоу и Хашупсе; Чипста от абх. Ёыꞑста — «Конское ущелье» и др.); на шьха — «гора» (гора Бзычиашьха (Чура), с нее р. Сочи берет свое начало²; Уушьха — приток р. Сочи, Магишьха и Цанбишьха — горы, принадлежащие родовым группам Магъ и Цанба; Псеашьха, Курдзишьха и Аишьха — нагорные места между рр. Сочи и Мдзымта и др.);

---

¹ **Шакрыл К. С.** *Иаахтны иахҳаап (Скажем открыто). С. 3. (Рукопись).*

² **Старк А.** *На Русской Ривьере. — СПб. 1913. С. 84.*

на ґшь — «община», «род» (Иасхьрыґшь — между рр. Сочи и Мдзымта и др.); на ныха — «святилище», «святыня» (Аублаа-рыха — указанное святилище рода Аублаа на сочинской горе Батарейка, Лацинуха (Лацуныха) — святилище рода Лацв в нагорной части между рр. Сочи и Мдзымта; Лиашв-ныха (Лиа-шэ-ныха) — на территории Адлера¹; на *та* — абхазский лока- тивный суффикс: Мацеста от абх. Мцазтоу — «огненная», Хоста (по-абхазски Хуаста) — обе на территории Большого Сочи; на гуарта — «ограда», «загон» (Акааргуарта, Иатыргуарта — в на- горной части между Сочи и Мдзымта); на аху — «холм», «возвы- шенность»: Архышьнааху, что переводится только с абхазского и означает «холм надочажной цепи», на р. Сочи, в 5,5 км от ее устья; Ахцварху (Ахцэарху) — «княжеская возвышенность»² — в горах между рр. Сочи и Мдзымта.

К абхазским по происхождению названиям относятся также Арета — пункт в центральной части Старого Сочи (за вокзалом) (ср. абхазское родо-племенное название Арыд, Арыдаа), Арын- дзаа рцута (Арынзаа рцута) — «поселок рода Арындз», Алыкь (Алек) — «ил», «илистый» хребет, где начинается р. Мацеста³. Между реками Сочи и Псахе имеется возвышенность, которая называлась Шхангереипацареху, по-абхазски Шхангери-ипацэа рхуы — что переводится также только с абхазского как «холм сы- новей Шхангереея»⁴. Название горы Апсоу в Хостинском районе

---

¹ Здесь, в 400 метрах к западу от устья р. Мдзымта, стоял ве- ковой священный дуб, у которого до 1864 года садзы устраивали свои религиозные праздники, собирались на военные совещания, вершили суд.

² Ахцварху по-абхазски может означать и «возвышенность пок- ровителей осы».

³ **Инал-ипа Ш. Д.** Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами// **Инал-Ипа Ш. Д.** Страницы исторической этнография абхазов. — Су- хуми. 1971. С. 283–290.

⁴ **Шакирбай Г. З.** Указ. соч. С. 16.

(сообщение местного старожилы В. А. Огородникова) совпадает с названием абхазской р. Псоу и т. д.

Вполне вероятной является генетическая связь с абхазским языком и самого термина «Сочи». К. В. Ломтатидзе также считает этот топоним абхазским по происхождению¹. Как мы видели, еще в начале XX века в некоторых источниках «Сочи» продолжает фигурировать в своей абхазской форме — Соча, выступающей у абхазов в двух вариантах — Швача́ (Шэ́ача́) и Хы́швача (Хы́шэ́ача, в дословном переводе с абхазского означает «Трое + сочье» или (бзыб. Хы-шэ́ча) «Головные Сочи». Заслуживает внимания и то, что селение под аналогичным названием Саучи (в написании Д. Мачавариани) существовало и в центральной части Садзена, причем тот же автор называет его главным аулом Цандрипша.

Количество абхазских географических названий на территории Сочи и его окрестностей не ограничивается приведенными примерами, как это видно, в частности, и по многочисленным материалам указанной работы Г. З. Шакирбая.

Итак, абхазо-убыхская граница в первой половине XIX в. пролегла уже в основном по р. Хоста, хотя территория от Саше (Сочи) до Ингури была занята абхазами, а «жительства убыхов» начинались от правого берега р. Сочи. С. Званба пишет, что Хоста протекала «в земле джигетов». Е. Ковалевский сообщает о смешанном характере населения убыхского побережья («на берегу моря убыхи составляли смешанные общества с шапсугами и абхазами»). В труде Вахушти имеются сведения о «вхождении в Абхазию Западной Джикетии». Таким образом, абхазский этнический элемент в виде полностью или частично ассимилированных садзских родовых групп продолжал еще

---

¹ *Ломтатидзе К. В. Абхазта винаобиса ганлагебис зоги сакит-хис шесахеб.*// «Мнатоби», № 12, 1956, С. 133–134.

занимать часть междуречья Хоста-Сочи¹, где отмечается ряд приведенных выше абхазских гидро-, оро- и др. топонимов (на пста — «ущелье», шьха «гора», ныха — «святилище» и др.), а в более же ранние периоды, когда, по-видимому, предки убыхов обитали в основном в нагорной части междуречья Шахе — Сочи, пределы распространения абхазского (точнее садзского и абазинского) населения простирались и дальше на северо-запад, о чем, в частности, свидетельствуют, по мнению Л. И. Лаврова и других исследователей, остатки соответствующей топонимики в этом районе (Лоо и др.). Основная масса убыхов в первой половине XIX в. была сосредоточена, начиная с правобережья р. Сочи, где находились и главнейшие их аулы — Мутыхуаса и на р. Псахе Апохуа, то есть «селение убыхов» (в основе этого термина лежит «пех» — самоназвание убыхов).

«Столичный» аул Апохуа был расположен в долине р. Псахе (совр. Мамайка), впадающей в море в 5-ти километрах к северо-западу от устья Сочи. Мутыхуаса не являлось крупнейшим убыхским аулом, расположенным в 12–15 км от устья Сочи (на месте совр. Пластунки). Село почти сливалось с Апохуа, а на южной его окраине стояло священное дерево — серебристый тополь (белолистка), где убыхи устраивали свои собрания, в том числе прощание с родиной в марте 1864 года. Возникает вопрос, почему село Апохуа должно было называться убыхским? Если бы эта

---

¹ В литературе высказывалось мнение о том, что в первой половине XIX в. границы абхазской этнической территории доходили до Анапы. Об этом пишет А. Папаскири, комментируя высказывание В. И. Савинова о том, что последний не мог не знать абхазский язык, поскольку он пять лет прожил в городе Анапе. (Современник, 1848, № 7. С. 3). Возможно, однако, что здесь произошла какая-то механическая ошибка, и В. И. Савинов имел в виду не Анапу, где в XIX в. не могло быть абхазской этнической доминанты, а село Акапу близ Сухума, куда он был продан как военнопленный. Переписчик легко мог перепутать столь близкие по написанию слова — Анапа и Акапа (**Папаскири А.** Некоторые отражения духовной культуры абхазского народа//«Алашара». II, 1980, с. 128).

территория была традиционно убыхской, то название «селение убыхов» не имело бы смысла. Такое название свидетельствует о том, что аул был основан в среде садзского населения, а может быть и отнят убыхами у садзов, как это уже имело место с селением садзов на правобережье р. Сочи — Мутыхуаса.¹

Вспомним, наконец, свидетельство такого тонкого наблюдателя, как Ф. Ф. Торнау, который в середине тридцатых годов прошлого столетия писал, что общество Саше на р. Сочи имело до 10 тысяч жителей, в том числе только «отчасти черкесы и убыхи» (*Подчеркнуто мной. — Ш. И.*)² Выходит, согласно Ф. Торнау, что основную массу смешанного абхазо-убыхо-черкесского населения тогдашнего Сочи (в основном уже левобережного) составляли абхазы, а точнее — садзы. Утверждение же С. Т. Званба о том, что садзская земля простиралась до села Хамыш³, которое он к тому же неточно называет «черкесским», следует понимать в том смысле, что основная «беспримесная» масса садзов действительно занимала территорию до р. Хамыш (Хоста), а население междуречья Хоста — Сочи к середине XIX в. было уже, как сказано, смешанным — убыхо-абхазо (садзским).

Как отмечалось и выше, в одном источнике имеется указание и о более широком распространении убыхов — до р. Мзы. Так, ген. Н. Р. Анреп, определяя ареал убыхов, писал: «Долины рек Шахе, Вардане, Сочи и до реки Мзы включительно составляет землю убыхов, простирающуюся от Главного Кавказского

---

¹ *Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-пста...// Кубанские областные ведомости...1885, № 1.*

² *Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 114.*

³ *«К северо-западу от Абхазии и Псху живет народ, который называет себя халцыс и известен у абхазцев под именем асадзкуа, а у грузин под именем джикет. Земли их называются у абхазцев Садзен. По берегу моря земля сего народа простирается до черкесского селения Хамыш, лежащего между реками Агура и Хоста. К северу земля джикетов простирается до самого снегового хребта» (Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. С. 6).*

хребта до моря. С северной стороны земля убыхов прилегает к пространству, прежде обитаемому абадзехами, а ныне образующему горную пустыню у верховьев рек Б. и М. Лабы. Убыхи были всегда, в тесных кровных связях с абадзехами, а некогда составляли один народ. Эта связь продолжается и ныне»¹.

Но ген. Н. Р. Анреп противоречит приведенным выше наиболее достоверным сведениям Ф. Торнау и других авторов, ни один из которых не доводит этническую территорию убыхов до р. Мызы, если под этим названием имеется в виду Мдзымта, а не какая-нибудь другая речушка. Определенным образом противоречит он и самому себе. В самом деле, если, как утверждает Н. Р. Анреп, «ближайшие к убыхам общества — Арид и Хамыш»², то выходит, по логике вещей, что общество Хамыш, не говоря об Арид, никак не является убыхским, иными словами, между Мдзымтой и Хамышом население могло быть только садзским (абхазским). Создается впечатление, что генерал смешивает: область политического преобладания убыхов³ и их этно-лингвистическую территорию.

Но, как хорошо известно, политические или государственные границы далеко не всегда совпадают с этническими. Вообще многие авторы, в том числе и сам Н. Анреп, пишут, что «собственно убыхи», которые характеризуются как отдельное и самое воинственное племя, жили не на побережье, а только в горах, сохраняя свои особые, традиционные отношения и даже, гово-

---

¹ Н. В. Указ. соч. С. 310.

² Там же.

³ О таком преобладании говорит ряд опорных пунктов, созданных убыхами (совместно с садзами) на садзском побережье вплоть до р. Мдзымта. Вот, например, что сказано в том же описании об этих оборонительных сооружениях: «Убыхи во многих местах устроили прочные завалы из огромных деревьев или из двойного ряда плетня с набитою в середине землю; самые большие завалы видны были с моря при устье реки Мыза и на скалистых оконечностях или мысах между этой рекою и рекою Бзугою...» (Н. В. Указ. соч. С. 316).

ря его же словами, «кровные связи» с абадзехами, с которыми «некогда составляли один народ (Подчеркнуто мной. — Ш. И.)». Абадзехи же обитали по соседству за хребтом, против верховьев одного из притоков реки Лабы (по-абхазски Ерих).

Еще одна немаловажная деталь. Н. Р. Анреп сообщает о сочинском князе Ахмете Аубла, как владельце, имевшем 700 подвластных дворов. Но, как известно, убыхи, шапсуги, натухайцы и абадзехи, не имели князей: у них были только «дворянство и шляхотиджи»¹. Высшая феодальная категория, к которой принадлежали князья Аубла, была представлена в социальной структуре абхазского общества XIX в., а не убыхского. Кроме того, Н. Р. Анреп, само собой разумеется, не имел сколько-нибудь точного понятия об этнической природе фамильных групп и топонимики изучаемого междуречья, включая названия святилищ, которые, можно сказать, целиком принадлежат абхазскому языковому миру.

Таким образом, к середине XIX в. юго-восточная этническая, а точнее — этнографическая граница садзов проходила по Бзыби или в непосредственной близости от нее («теперь река Бзыбь служит естественною границею между Абхазиею и джикетами», — писал С. Званба), а северо-западная по р. Сочи, где согласно Ф. Торнау кончалась убыхская территория — «от Шахе до Саше»; Е. Ковалевский также отмечал, что убыхи жили до Саше; все же пространство от Саше (Сочи) и вплоть до Ингури занимали уже «абазины» в смысле абхазы. Д. С. Белл, а вслед за ним и П. К. Услар проводили этнолингвистическую границу между абаза, т. е. убыхами, и азра, т. е. абхазами, по р. Хамыш (Гамыш). При этом, однако, следует учитывать указанный выше убыхо-садзский этнически смешанный характер населения уз-

---

¹ Отдел рукописей библиотеки им. В. И. Ленина, ф, Д. А. Милютина, 169, л. 13, 81.

кой полосы междуречья Сочи — Хоста (Хамыш)¹ в XIX в. Что же касается более раннего периода, то, по-видимому, пределы этнической территории садзов и их ближайших родичей простирались не только до Сочи, что признают и другие исследователи², но и еще дальше на северо-запад, о чем свидетельствуют определенные следы абхазоязычной топонимики, например, название курортной местности Лоо вблизи современного Дагомыса, которая некогда представляла собой одноименное садзское (садзско-абазинское)³ общество, барон Аш (1830 г.) доводил эту границу даже вплоть до сел. Мамаея.

В те же годы (1831 г.) барон И. К. Аш писал, что князь Келешбей «силой оружия покорил... джикетский народ..., обитающий от монастыря Гагры до селения Мамаея»⁴. Юго-восточная граница садзов, таким образом, была более или менее стабильной, то приближаясь непосредственно к Бзыби, то несколько удаляясь от нее (что не мешало здешней абхазской этнической однородности), а в середине XIX в. проходила вдоль самой реки. Но с северо-западной стороны садзская территория проявляла тенденцию к сокращению за счет смешения с убыхами в результате постепенного проникновения последних в пределы традиционного проживания садзских групп. К северу, как говорится в одном анонимном описании, принадлежащем, по всей

---

¹ Не путать с хамышейцами — адыгским бжедугским племенем в верховьях р. Белой.

² «Этническая территория абхазов в прошлом доходила до Сочи», — писал, например, Г. Шакирбай в 1978 г. (**Шакирбай Г. З.** Указ. соч. С. 5, 17).

³ **Анчабадзе Ю. Д.** Абаза. С. 150.

⁴ Статистический взгляд на Абхазию. Краткие исторические сведения об Абхазии // «Тифлисские ведомости», 1831, № 24–26.

вероятности, С. Званба, земля джигетов в широком смысле «простиралась до самого снегового хребта»¹.

Этнические территории, а, следовательно, и этнические границы изменяются в ходе исторического процесса, в зависимости от экспансии или миграции народов, их этнического развития, или, наоборот, этнической ассимиляции. В отличие от этнографических границ, обозначающих подразделения внутри одного и того же народа (например, садзы и бзыбцы), этнические границы представляют собой рубежи между отдельными народами. Если эти народы являются близкими по языку и культуре, то проведение абсолютно точной этнической демаркации между ними вообще почти невозможно из-за большой смешанности групп населения (иногда вплоть до семейного уровня) на пограничной полосе², как это и имело место, например, в ряде пунктов непосредственного соприкосновения садзов с убыхами.

До XVIII в. источники мало что говорят нам о локализации убыхов, но потом эти сведения постепенно все более уточняются. Например, Паллас помещал убыхов у подножия гор на запад от абазы, Клапрот локализовал их, как и абадзехов, в горах в верховьях рек Белой и Псаха (до снеговых гор), Сталь по рекам Шахе, Вардане, Сочи, Адзах, Ахучипсы, по Люлье собственно убыхи населяли верховья рек Зюебзе, Лоу, Батха, Дагомыса, Псахе (Мамайка), Сочи, Хамыша (Хосты). Берже в убыхскую территорию включал собственно Убых (в 20-ти верстах от берега между верховьями рек Шахе и Хоста), Саше — от Хосты до Сочи и Вардане — от Сочи до Сюэпсы. Н.Г. Волкова, у которой приведены эти локализации, также приходит к выводу, что «убыхские поселения располагались высоко в горах» и что «Торнау прав,

---

¹ О Гагре и джикетах. Цит. по: **Шакирбай Г. З.** Абхазские топонимы Большого Сочи. — Сухуми. 1978. С. 29.

² **Кушнер П. Н.** (Кнышев). Этнические территории и этнические границы//Труды Института этнографии АН СССР. Т. 15. — М. 1951, с. 15, 26–27, 104.

подчеркивая последнее обстоятельство».¹ А вот что писал сам Торнау: «Убыхи живут между верховьями рек Хоста и Шахе, в юго-западных отрогах Кавказа, но не по берегу моря, а в верстах 15 и более в ущельях и долинах параллельной цепи гор, исключительно по р. Убых (*Подчеркнуто мной. — Ш. И.*), простирающейся верст на 40 и впадающей в Шахе. Убыхи ни в коем случае не подразделяются на Саше и Вардане; все эти названия принадлежат собственно местности, а не жителям, которые, подобно джикетам, суть не что другое, как смесь выходцев из абхазов, натухайцев, шапсугов и преимущественно абазинцев»².

По совокупности данных не подлежит, по-видимому, сомнению, что в прошлом убыхские поселения располагались высоко в горах, но, вместе с тем, категорические утверждения Ф. Торнау о том, что в его время убыхи жили не по берегу моря, а вдали от него, «исключительно по р. Убых» и что в 30-х годах прошлого столетия население побережья в районе Сочи состояло «преимущественно» из собственно абазинцев [т. е. абхазов] заслуживают уточнения и дальнейшего изучения с привлечением дополнительных материалов.

---

¹ **Волкова Н. Г.** Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. — М. 1974. С.78–79.

² ЦГВИА ф. 90. оп. I, д. 120, л. 2. (Цит. по: **Волкова Н. Г.** Этнический состав населения Северного Кавказа. С. 78–79).

Глава пятая

РОДОВОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ САДЗЕНА

Названия округов, обществ и селений в той или иной стране представляют собой незаменимый в своем роде исторический источник. Они отражают не только особенности языка жившего или живущего на данной территории населения, но в известной мере и уровень его социально-экономического и культурного развития, его социальную стратиграфию. Например, садзские наименования Цандрипш, Гечрипш и т. п., происходящие от имен феодальных родов Цанба и Гечба, говорят нам без всяких документов о том, что прибрежное население Садзена достигло феодальной ступени своего общественного развития. Приводимые ниже примеры подтверждают это положение, хотя далеко не все они со столь же прозрачной этимологией, что нередко связано с дефектами источника. Во всяком случае, Эвлия Челеби во главе каждого общества отмечает бея (то есть князя). В обществе Арт его посетил сам бей, окруженный «своими до зубов вооруженными 40–50 азнаурами» (то есть дворянами)¹. Еще более ранним свидетельством существования этих древних родов является история появления в Грузии княжеских фамилий Качибадзе и Бараташвили, которые происходят от фамилии

---

¹ Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 3. — М. 1983. С. 49–54.

Геч. Произойти же это могло, скорее всего, в эпоху расцвета Грузинского феодального государства (в XI — начале XIII в.), когда многие феодалы тянулись на службу поближе к царскому двору.

Впервые подробное перечисление обществ на территории Садзена мы встречаем у Эвлия Челеби. Начиная от Гагр, где он помещает горных цандов (по-турецки чанды), к северо-западу расположены большие цанды, затем кеч, арт, камыш и соча. К северу от Араклар (Адлера) и Ливш (Лиашв) между абхазами и черкесами в высоких горах он помещает область Садз, населенную «отважными, смелыми, разбойными людьми». «Остерегаясь их козней, — пишет Эвлия Челеби, — черкесы и другие абазы постоянно должны быть начеку»¹. К горным абазам он относит племя пушерхи, жившее вблизи мегрелов, ах-чепси, беслеб, меклис, вайпига, багрис, алакурейш, чимакуре, маджар, яйхарш и ашагылы². Однако из названных племен идентифицировать можно не все, к тому же их локализация неясна. У Гюльденштедта указаны всего лишь четыре общества: Хирпиш, Чадши, Садс, Аипга³. В географическом словаре их значится уже пять: Хирпис, Чаши, Садс, Аибга и Ахшипсе. Клапрот называет 8 обществ (вместе с убыхами): убых, ибсип, кубихан, аратховас, бах, налькупи, маджави⁴. В 1833–1835 гг. Бларамберг рядом с убыхами помещает саше («которых называют также джикетами»), ясхипсы, иналкупы, свадзвы, артаковцы, марьяви⁵. Ф. Ф. Торнау в том же 1835 г. записывает 14 округов Садзена: Сочипсы, Халцис,

---

¹ Там же. С. 50, 229.

² Там же. С. 54.

³ Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. — СПб. 1809. С. 145.

⁴ Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА С. 244.

⁵ Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА С. 357.

Хамышь, Эсхориш (Арткуадж), Аредба, Геч, Цандриш, Хыш-ха, Багрыш, Ахчипсу, Аибга, Чужгуча, Чужи, Чуа, а в 1839 г. он указывает 7 прибрежных округов: Гечкуадж, Цандрыш, Аредба, Эсхориш, Хамыш, Чужи, Чуа, Багрыш. Отдельно от них называется племя Саша (Сочи). К горным садзам он относит Псоу (видимо Псху), Аибга, Ахчипсу, Чужгуча¹.

Несколько иначе представляет себе деление Садзена А. Д. Нордман. Согласно его описанию (1838 г.), вся территория края делится на три округа — Ясхриш (между реками Сочи и Мдзымта), Геч и Цандриш. А. Нордман зафиксировал названия всех деревень, входивших в округа². А. Берже в 1858 г. отметил Псху, Ахчипсоу, Айбуга, Цандриш, Кечба, Аредба, Цвиджа, Баџа³.

Таким образом, в первой половине XIX века у садзов фиксируются следующие общества: Аибга, Аредба, Багрыш, Ахчипсоу, Гечь, Мдавей, Псху (?), Сочипсы, Халцыс, Хамыш, Хыш-ха, Цандриш, Чуа, Чужгуча, Чужи, Цвиджа, Эсхориш. Из них приморскими являются Цандриш, Гечьриш, Багриш, Аред, Хамыш, Халцыс, Сочипсы.

Феодальные отношения у садзов, по-видимому, не достигли такого развития, как в других частях прибрежной Абхазии, но при всем том у них были уже свои «удельные» князья и дворяне, каждый из которых господствовал в пределах своей «округи» (см. приложение).

Садзы, как писал Ф. Торнау, были «разделены на несколько обществ, по семьям князей и дворян, не владеющих округами, в которых живут и которые носят название фамилии их, но толь-

---

¹ *Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века.* — М. 1976. С. 105, 110, 111.

² *Путешествие профессора А. Нордмана по Закавказскому краю// ЖМНП. № 11.* — СПб. 1838. С. 414.

³ *Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе//КК на 1858 г.* — Тифлис. 1857. С. 3.

ко первенствующих между согражданами своими». В то же время несколько ниже он сам пишет, что, например, на р. Худапс (Кудепста) находилось общество Чужи (около 100 семейств), «признававшее над собой власть князя Джимир-ипа Ислам Бага». Общество Чуа на р. Мце признавало князем Безишь Ачу, хамышевцы — князя Хамыш¹.

Главными фамилиями высшего сословия садзов являлись Аринба, Арыдба, Ачба, Гечба, Мдаа/Мдавей (Мудавия), Маршан, Цанба (Цандба, Цамба), а также Баг (Багба), Хамышь и др. Род Арыдба (Аред, Арто) занимал территорию современного курорта Адлер, название которого по происхождению также связано с этой фамилией; Гечба располагались в устье р. Псоу и выше. Цанба жили рядом в районе Цандрипша, также получившего свое название от Цанба; Ачба (Ачу?), Анчабадзе обитали в районе Гагры, Ахалциса и других местах (например, в местности Хышха к северу от Цандрипша, на р. Хашупсе); Хамышь — в бассейне Хосты (второе название реки Хамышь) и т. д. Согласно А. Д. Нордману в Цандрипше главенствовали князья Цамбаевы, в Гече князья Гечба, в Ясхрипшском же округе князья Аридбаевы². Устье р. Сочи занимал, как мы уже знаем, садзско-убыхский род Аублаа, который пользовался у абхазов широкой популярностью³.

К числу виднейших садзских княжеских фамилий относится фамилия Цанба. Вот что писал об этом роде С. Т. Званба:

---

¹ *Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. С. 105, 110.*

² *Путешествие профессора А. Нордмана... С. 445.*

³ *У абхазов этот род пользовался настолько широкой популярностью, что с ним связывали различные поговорки. Считалось в высшей степени престижным жениться на представительнице этой фамилии. Об этом свидетельствует абхазская поговорка, которую относили к капризному жениху: «Быть может ты приведешь Мырку — дочь самого Аублаа!?» (Аублаа-п̄ха Мырка дысзаауган, сара мыжда).*

«Прибрежное пространство Цандрипша верст на пять от моря не обитаемо. За сею лесистою полосой, состоящею из приморских ущелий и высоких гор, находится все народонаселение Цандрипша, принадлежащее сильнейшей джикетской фамилии князей Цанбей. Аулы разбросаны по долине реки Хошупсе и впадающих в нее ручьев. Из сих аулов нет ни одного довольно большого: гористая местность заставила селиться почти поодиночке. Но народонаселение Цандрипша так велико, что князья Цанбей сильнее Гечбеев и Аредбеев вместе»¹. В начале XIX в. только один из представителей этой фамилии Леван Цанубая (Цан) имел 500 подвластных семей².

Согласно абхазскому преданию, кровь представителей этого рода обладала будто бы целебными свойствами (Ацанбакуа ршьа хушәуп хәа ип̄хьазан). «Считается, что кровь людей из рода Ацанба, — пишет Я. В. Чеснов, — служит очень хорошим лекарством от женских болезней, при отравлении, при каких-либо кровотечениях. У этих людей их кровь покупается»³. Еще недавно Цанба называли «царским родом». В народе помнят, что с родом Цанба, вероятно по престижным соображениям, связывали свое происхождение некоторые княжеско-дворянские фамильные группы Абхазии. Известно, что и некоторые наиболее известные крестьянские фамилии тоже связывали себя с ним (может быть, в память аталыческих отношений?).

В садзской среде встречались как общеабхазские, так и собственно садзские фамильные и личные имена. Об этом дает

---

¹ **Званба С. Т.** *Абхазские этнографические этюды.* — Сухуми. 1982. С. 12.

² **Анчабадзе Ю. Д.** *Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)//КЭС 1984. Вып. VIII. С. 159.*

³ **Чеснов Я. В.** *Жизнедеятельность организма человека и его поведение в традиционной абхазской культуре (Рукопись. Личный архив Я. В. Чеснова).* С. 9.

более ясное представление сводная таблица, составленная на основе имеющихся у автора материалов.

Таблица 2

Фамилии	Имена	
	мужские	женские
Абтлаг (Абтлаг, Абтлагаа)	Абич	Алдышьхан
Агхоуа (Агухоу, Агхоу)	Аджали	Мыркъа (Мыркъа)
Агуазба (р-н Красной Поляны)		
Агушба (район Адлера)	Айуб	Пемба (Пѐмба)
Адзыба		
Ажвелжба (Ажѐлжба, Гагра)	Анхтуа	Рабия
Айкуцвба (Аикуцѐба)	Бабал (Бабалиа)	Сейма
Амаба (из племени Ахчипсоу)	Багыр (Бағыр)	Хамсина
Аранба, Аринба	Багырхан	
Арацвба (Арацѐба)		
Арыд (Арыдба, Ареда, Арынд)	Бахуху (Бѣхуху)	
Арт	Бешиш	
	Бзагъаус	
	Биаслан	
	Дахаир (Дахаир)	

	Джомлат (Џьомлат)	
	Дишануху	
	Джимбулат	
Атей-ипа (Аџеи-ипџа) ¹	Джимир	
Атчаа (Аџеаа)	Дударуква	
Аублаа ²	Едырбей	
Аухат	Еслам	
Ахун	Етыр (Етыр)	
Ачба (Ачыба) ³	Жапху ⁴	
Ачугба	Жвраб (Жџраб)	
Ашвейба (Ашџеиба)	Жвыкџа (Жџыкџа)	
Ашхоадза (Ашџухуатџаа)	Закариа (Заџџариа)	

¹ Житель с. Мгудзырхва, 95-летний Пас Жиба рассказывал, что когда из Турции в Абхазию прибыл дворянин Озбек Маан, чтобы склонить оставшихся абхазов переселиться туда же, то его сопровождал «садз Атей-ипа Казылбек».

² Новоафонский старожил У. С. Куруа знал предание, согласно которому абхазы произошли от представительницы рода Аублаа (Апсуаа зхылцыз Аублаа ипха лоуп).

³ Представитель этой фамилии Толупар жил в местности Ахалцис за Гагрой. Вместе с тем деревня Ачабова обозначена на карте Большой Кабарды 1744 г. (совр. с. Ашабоко на р. Малке. См. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. — М. 1974. С. 252).

⁴ Эвлия Челеби гостил со своими спутниками у одного абаза по имени Жапиху в садзском племени Кеч (Гџач)//Челеби Эвлия. Книга путешествия. С. 50.

Бардз (Барз)	Ебырхам (Ебырхам)	
Бганба	Каздатук	
Бгим (Бҕым, Бҕымаа)	Казылбек (Казылбақь)	
Бейа (Беиа)	Кансоу (Ҷансоу)	
Брандза (Бранза)	Кубар (Ҷубар)	
Вахох (из Аибги)	Кмулеи	
Гъачба, Гечба (Гъачаа, Гъач) ¹	Лаз	
Гуажвба (Гуажэба)	Мамышь	
Даутиа		
Етыр-ипа (Етыр-ипа)	Маргал	
Каитанба (Ҷаитанба)	Мард	
Камлия (Камлиа)	Мардасоу	
Кота (с. Аибга)	Мас	
Къасалба	Маху	
Куджба (Куџба)	Мисоуст (Мсоуст)	
Кундзаа (Кунзаа)	Мчы (Мчы)	
Кутба	Падирша	
Лаа	Пара (Пара)	
Лушба (Лушэаа)	Патуху	

¹ С. Н. Джанашиа писал о генеалогической связи известной грузинской фамилии Бараташвили с родом Гечба (**Джанашиа С. Н.** Труды. — Тбилиси. 1952. С. 480–481). С ней же связана и фамилия Качибадзе и др. (см. и **Амичба Г. А.** Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. — Тбилиси. 1988. С. 135).

Льдз (Льз, Льзаа)	Пач (Пач)	
Мамдз (Мамз)		
Мамыш-ипа (Мамышь-ипа)		
Марколия (Марколиа)		
Маршан (Маршьан)	Плук	
Мдаа/Мдавеи (Мдаџеи)	Пчкул (Пчкул)	
Мкиалба (Мкъалба)	Рашид (Рашьыт)	
Нанба	Салама	
Напха, Инапха (Инапъха)	Сесенгаз	
Ныш (Наш) ¹	Смел	
Папба	Спадакуа (ср. с. име- нем Спадаг, санигского «царя»)	
Патеи-ипа (Патеи-ипа)	Солихо (Соулахэ)	
Пашвба (Пашэба)	Соусран	
Псардиа (Псардиа)	Схагум (Схагум)	
Рацвба (Ратэба)	Талупар (Талуърар)	

¹ Это предположительно садзско-(убыхское?) фамильное имя встречается в одном абхазском речении: «Голенными костями (рода) Берзеков возводит частокол, ребрами (рода) Ныш плетет его наверху» (Бырызкь шыахуарла ацџан ирыпъхуеит, Ныш вакъысла ихаишиша-ауеит). Это же имя в форме «Наш» мы видим и в абхазском нартском эпосе, где одного из персонажей зовут Батаква из рода (племени) Наш (Наш Батакџа).

Солихо	Темырква (Темырџуа)	
Тамышхуа ¹	Хабаху (Хабаху)	
Тлабог (из Аибги)	Хабидж (Хабыць)	
Убых ² (абазинская фамилия) ³	Хаджмат (Хацьмат)	
Хал-ипа, Ахал-ипа (Хал-ипџа)	Хал	
Хамыш (Хмышь)	Хакуцв (Хакуцџ)	
Хатхуа (Хатхуа)	Халыл	
Хышба	Хамырза (Хамырза)	
Цанба ⁴	Цгу	
Цанд, Цандба (Цандаа) (в р-не Н. Гагры)	Цыс (Тџыс)	
Цахуба	Чад (Їад)	
Цвидж (Тџыцьба)	Чигуа	

¹ В ущелье р. Бзыбь, не доходя до Дзыхча (Дзыхьча), есть пещера под назв. Тамышхуа (Тамышхуа ахапы), где, как говорят, часто ночевал, укрываясь от непогоды, абхазский герой Къагуа Инапха. Ср. также название реки и селения Тамыш в Очамчирском районе.

² У шапсугов встречалось имя Убых (его носил брат известного деятеля Абата Бесльня // Сб. Шаги к рассвету. — Краснодар. 1986.

³ Для сравнения приведем названия нескольких убыхских родовых групп: Аблаго (устье р. Сочи), Аткевя (общество Субаши). Берзек (сс. Догомуко и Мутыхуаса в долине Сочи), Дизаа (общество Хизе), Дишан (с. Дишан у устья р. Бзыч), Дзепш (об-во Вордане), Чизма (об-во Псахе) и др.

⁴ Эта фамилия встречалась и в других местах Абхазии: в районе Гульрипша отмечена р. Цанбеиквара или Цандиквара. Владения Цамба находились и в устье р. Мчиш.

Чабалурхуа (Чаабалрхуа)		
Чацвба (Чацэба)		
Чигры (‘Егры, ‘Еграа) (ср. с названием ашхарского рода Чегерей, селение Апсуа)		
Чгуаа (‘Егуаа)		
Чуа (на р. Мца) ср. бз. Чуаз)		
Шапха (Шъапха)		
Шацвба (Шъатцэба)		
Шварыква (Шәарыкѳа)		
Швача (Шәача) ¹		
Швмейба (Шәмеиба) ²		
Шхараа (Шъхараа)		

¹ Последние две вымершие фамилии называются сказителями почему-то всегда вместе (Шәачааи-Шәарыкѳааи), а, кроме того, упоминают и одного представителя рода Швача по имени Хабыдж (Шәача-хабыцъ) (ср. вымершую староабхазскую фамилию Цыхчаа в районе совр. Сухума).

Устье р. Соча занимало одноименное село Шәача. Старый замечательный сказитель Кансоу Таркил (с. Анхуа) рассказывал предание, согласно которому в этом селе некогда жил один богатый абхазский скотовладелец, который питался только одним сыром, за что его прозвали «Сыроедом». Отсюда якобы и пошло название «Соча». «Шәача-аиә — «сыр» + ачара — «еда», «прием пищи», «насыщение», то есть «место поедания сыра». Такова, примерно, одна из народных этимологий названия «Сочи».

² Ныне встречается только среди абхазов, проживающих в Аджарии, которые считают себя по происхождению садзами. Аджарские абхазы абжуйского происхождения называли иногда садзов «черкесами».

Из перечисленных фамильных имен собственно садзскими (частично садзско-абазино-убыхскими)¹, очевидно, являются Абтлаг (Абтлаџаа)², Агхоуа, Агуаз, Адзыба, Арыдба (Арыдаа), Бгим (Бџым), Брандза (Бранза), Гъач (Гъачба), Лыдз (Лызаа), Мамдз (Мамзаа), Мард, Марколиа (Марқолиа), Мдавей (Мдаџеи), (в русском географическом словаре 1788 года написано: «княжеская абхазская фамилия Мудавия»); Мкиалба (Мкъалба), Пашвба (Пашџба)³, Псардиа (П̄сард, П̄сардаа), Цанба (Цанд, Цандба, Цандаа, Цамба), Чигры (Ўгры, Ўграа), Шхараа (Шьхараа), Шацвба (Шьатџба), Шварыква (Шџарыкџа) и др.

Следует отметить, что ряд садзских родо-племенных названий имеет характерное оформление на дз, дзаа (з, заа) (Саз, Лыз, Мамз, Бранза, Гуажџ-заа, Кукун-заа (тот же фамильный суффикс представлен и в ашхарских Кьыл-за, Куџ-за и пр.)⁴.

Среди привилегированных фамилий также встречались как чисто садзские, так и общеабхазские фамильные имена. По-видимому, к числу местных, собственно садзских относятся, пре-

---

¹ Например, фамилия Гожба, представители которой в настоящее время встречаются только в с. Хуап Гудаутского района, происходит, по народным преданиям, из садзской или убыхской местности Атвах (Атџах) в бас. р. Сочипста, отсюда туахы, как называют себя убыхи.

² Бабушка Аслана Тамишуговича Отырба (с. Абгархуку Гудаутского района) принадлежала к этому садзскому (убыхскому?) роду. Звали ее Абтлаг-пха Рабиа (Абтлаџ-п̄џа Рабиа). Она говорила не совсем чистым, а чуть искаженным абхазским языком, выразившим, надо думать, фонетические и лексические особенности ее родной речи. Аслан Тамишугович помнил, как она называла его — своего любимого внука, росшего без матери — «мой Волчџнок» (Сыбга хуџы дырхуахуашт).

³ Фамилия Лашџба, представители которой проживали до махаджирства в садзской общине Ахчипсху, ныне встречается, как и другие садзские роды, в основном только среди турецких абхазов.

⁴ Ср., например, название с. Мзу-дз-рхва (Мзу-з-рхџа) и фамильное имя Бар-дз-ба (Бар-з-ба) в с. Абгархуку Гудаутского района и фамилию Амчдза (Амџ-за) в с. Джгерда Очамчирского района и др.

жде всего, четыре-пять наиболее известных княжеских фамилий:

1. Цанба — в районе Цандрипша и смежных территорий, садзская «царская фамилия».

2. Гечба — у устья р. Псоу.

3. Аредба — приморская долина Мдзымты (Лиашә)¹.

4. Хамышь — у устья р. Хоста, по Ф. Торнау, «старший из абхазских князей».

5. Аублаа — эта садзская (садзско-убыхская) фамилия проживала у устья р. Сочипста.

К общеабхазским княжеским фамилиям, имевшим распространение и в Садзене, относятся:

1. Ачба (Анчабадзе) — в районе Старой Гагры и других местах, вообще во всех районах Абхазии.

2. Маршан — общество Ахчипсоу в верховьях Мдзымты считалось, по С. Званба, «местом их общего происхождения»².

Среди дворянских фамилий с общеабхазским названием «аамиста» (аамста) в источниках упоминаются:

1. Бага (Багаа)

2. Кинца

3. Мкялба (Мкылаа, отсюда Мкыалрыпшь, совр. Микельрипш).

4. Оздан (вероятно отсюда абх. Озган, Уазган).

5. Цвиджа, Цвиджага (Цэыцъаа).

6. Шхаца (Ашәхуатцаа) и др.³

Наиболее оригинальными мужскими именами садзов в приведенном списке можно, пожалуй, считать Бахуху (Бәхуху), Етыр (Етыр), Мамышь, Мардасоу, Чад (Еад) и др.

Обращает на себя внимание то, что совпадают не только многие абхазские (в том числе садзские) личные имена (особенно мужские) с убыхскими (общими являются, например, Адагуа,

¹ **Званба С.** Абхазские этнографические этюды. С. 7.

² **Там же.** С. 8.

³ **Там же.** С. 7–9 и др.

что в переводе с абхазского означает «глухой», Керентух, Сааткери и др.), но что убыхи пользовались также абхазским словом ипа — «сын» для образования патронимического названия или отчества. Например, предводителя тысячного отряда убыхов, предпринявших поход на Абхазию летом 1825 года, звали Сааткери Адагуа-ипа Дагомук Берзек, то есть Сааткери, сын Берзек Глухого, ибо в основе прозвища «Дагомук» лежит абхазское «адагуа», то есть «глухой».

Как я мог убедиться во время своей поездки в Турцию летом 1968 года, среди турецких абхазов садзы частично еще сохранили свое этническое самосознание и, насколько можно было заметить, они и там пока еще выделяются как абхазская, но все же, особая этнографическая группа, которая, однако, постепенно растворяется среди местного населения или других более многочисленных кавказских переселенцев. В быту, в неофициальных общениях между собой, турецкие садзы, как и остальные абхазы, в той или иной степени сохраняют воспоминания о своей традиционно-племенной или фамильной принадлежности, причем садзских фамильных групп в Турции немало (главным образом в районе Адапазари)¹.

---

¹ Например, Абдба, Агрба, Агуазба, Агумба, Аикусба (Аиқусба), Акутба, Аразныиаа, Аргун, Арынба, Арыхвтаа (Арыҳэтаа), Ачба, Ачу(а), Ачпыхуаа (Аеґыхуаа), Ашмавиа (Ашэамиаа), Ашвеи-аа (Ашэеиаа), Ашвашаа (Ашэашаа), Башныхуаа, Гумылаа, Гьачба, Жьйба, Жвандаа (Жэандаа), Калцаа, Кукундзаа (Куқунзаа), Кабаа, Капшь (Қаңшь), Китасаа (Қытасаа), Мукба (Мықуба), Мышвахджаа (Мышэхаҗаа), Палба (Палба), Самагьхуаа (Самагьхуаа), Сымсым, Тыршба (Тыршба), Хамыш (Хамышь), Хичажваа (Хьчажэаа), Отырба (Уаґыраа), Цанба, Цандба, Чатанаа (Чатанаа), Швмеиба (Шэмеиаа), Швындба (Шэындаа) и др. Этот список составлен в 1977 году по просьбе турецкого абхаза Орхана Шамба турецким же абхазом, потомком ахчипсхуцев, Джамалом Хараниа для научного сотрудника Абхазского государственного музея Руслана Гожба. Последний, собравший вообще большой фольклорно-этнографический материал по турецким абхазам, любезно продиктовал приведенные здесь садзские фамилии автору этих строк.

Как отчасти уже говорилось, среди абхазов, живущих в Аджарии, немало садзских фамилий, осевших здесь после махаджирства. Такие фамилии теперь уже почти не встречаются. Очень редко они встречались в прошлом и в Абхазии. Например, Аегба (Аекба), Ачыгуба, Аикуцба, Ацыцба, Айласырба, Чызмаа, Лахуарба, Ашба, Акуджба (Акуцба), Ажваджба (Ажэацба), Атрышба, Акшынмба, Джишмба (Цышмба), Асамамба, Арымба, Арымба, Хакушба, Рацба (Рацба), Акитасба, Ашвамейба (Ашэамайба), Акуджа (последние, по преданию, жили в районе нынешней Кудепсты и в других местах Садзена)¹.

Во внутренних частях Абхазии также немало фамилий садзского происхождения. Иногда они выступают под именем своей племенной принадлежности — Асадзба, Асадзуа, Садзба. Эта фамилия (в небольшом, правда, количестве) и сейчас представлена в составе населения как северной, так и южной части страны (например, в сс. Кутол и Арасадзих Очамчирского района). До революции в с. Абгархук Гудаутского района проживал крестьянин Тапагв Садзба, которому целую брошюру посвятил священник Н. Ладария². Лыхненский житель Лаз Асадзуа (Лаз Асазуа)³ принимал активное участие в восстании 1866 года и др.⁴

Гораздо больше было садзских переселенцев, не сохранивших свои садзские родовые имена. «Мы по происхождению были садзами», — рассказывал, например, старый сухумча-

---

¹ *Бгажба Х. С. Этюды... С. 161.*

² *Н. Ладария. Мои беседы с магометанином Тапагвом Садзба. — Сухум. 1913.*

³ *Документы по истории Грузии. — Тбилиси. 1954. С. 109.*

⁴ В с. Тамыш, рассказывает старейший местный житель Кунта Гадлиа, жил когда-то один человек из племени садзов, похищенный в детстве где-то «за горным хребтом» (Нхый) жителем соседнего села Атара Ташом Квициния и в качестве слуги (агандал), подаренный последним своей сестре, вышедшей замуж за одного из представителей тамышского рода Зантария, под фамилией которого записали потом и бывшего садза.

нин, сын известного сказителя из с. Гуп Очамчирского района Джобе Чагович Чацба. По словам Джобе, его предки некогда жили в Сочи, оттуда перебрались в соседний Адлер, побывали в Псху, потом в Дале и, наконец, обосновались в селениях Гуп современного Очамчирского и Речхи Гальского районов. Таких примеров можно привести очень много.

Некоторые абхазские княжеские и дворянские фамилии, как и крестьянские, ведут свое происхождение из различных «округов» Садзена.

Г. И. Филипсон и другие писали, что «фамилии Инал-Ипа, Дзяпш-Ипа, Анчабадзе, Маршани, старше фамилии Шервашидзе», а последнюю выводили из Джигетии, связывая ее происхождение с родом Геч (Чеч)¹.

Некогда князья Маршан господствовали в Ахчипсы и Медовее (верховья р. Мдзымта). Цебельдинский пристав Лисовский 8 февраля 1839 года писал в своем рапорте начальнику штаба особого Кавказского корпуса ген. Коцебу, что лет 200 назад князья Маршан, именовавшиеся сыновьями Тытыша из Ахчипсы переселились в Цебельду, а оттуда вскоре перебрались на левый берег Кодора, в с. Джгерда².

В июне 1860 г. русский военный отряд был сосредоточен на р. Амткел (урочище Шукуран), имея в виду, как говорится в документе, «умиротворить две враждующие отрасли княжеской фамилии Моршани: Учардиевой и Тлапсовой. Хирипс Моршан, отец Учардия и Тлапса, был из числа первых выходцев этой фамилии из Ахчипсхоу, поселившихся в Цебельде и Дале, как предполагают, в XIV столетии. В конце XVII в., а именно около 1680 года, выходец из Ахчипсхоу (Медозюи), князь Хрипс-Эсшау-ипа Маршания овладел землями, составляющими Цебельду и Дальское ущелье, которые и разделил между сыновьями своими:

---

¹ Кн. XXIV. — Тифлис. 1903. С. 52.

² **Дзидзария Г. А.** Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. — Сухуми. 1958. С. 226

Учаном, Учардием, Тлапсом и Ахтоулом. Эти последние и были родоначальниками цебельдинских и дальских князей. Спустя несколько лет переселился из Ахчипсхоу в Цебельду и двоюродный брат его (Хрипса), Багир-хан-Типис-ипа Маршания, но, не находя для себя удобным оставаться там, купил у самостоятельного владельца Джгерды, князя Таскал-Очьба¹ землю, оцененную в двадцать человек, что, по существовавшему у абхазов² счету, составляло около 10 500 рублей серебром»³.

Князь, юнкер Заусхан Маршания, прося сословно-поземельную комиссию наделить его землей, писал 18 октября 1875 года: «До 1864 года родитель мой и я проживали в племени убых в м. Хануыхг⁴. После покорения Западного Кавказа в 1864 г. родитель мой и все мои родственники переселились в Турцию, а я, брат мой Тада, сестра Алдышхан были оставлены в Абхазии бывшим командующим войсками в Абхазии генерал-майором Шатиловым...»⁵.

Это сообщение весьма примечательно. Оно, бесспорно, свидетельствует, что и среди убыхов жили целые абхазские родовые группы, в данном случае представители княжеской фамилии Маршан.

Житель г. Очамчира Э. Д. Гвинджия в своем прошении в ту же комиссию сообщал 19 января 1874 года, что отец его, по совершении какого-то преступления уехавший в Турцию, жил со своим семейством «в Черкезии, т. к. сам происходил из черкез привилегированного сословия из сел. Швача» и просил защи-

---

¹ Следует, видимо, читать Таскал Ачба.

² Очевидно, и у садзов.

³ **Смоленский С.** Воспоминания кавказца. Экспедиция в Псху (Выписки из походного дневника) // ВС за 1872 год. — СПб. № 9, 10. С. 158 и др.

⁴ Должно быть, название этой местности написано с ошибками.

⁵ ЦГА Абхазской АССР. ф. 57, № 10, ч. 5, л. 59 (Материалы Сухумской сословно-поземельной комиссии).

тить его от абхазских жителей и не отказать уравнивать его дворянские права с жителями Абхазии. «Дворянское мое происхождение — писал он, — может подтвердить, как знающий наш род, Решид Геч, проживающий ныне в Гаграх»¹.

Аналогичный документ оставил нам и словесный переводчик при Управлении Гудаутского участка житель с. Лыхны Бата Патей-ипа: «Дед мой Баблия Патей-ипа, — писал он, — в феврале 1874 г., будучи еще холостым, переселился из Джигетии в с. Лыхны, где и был принят владельцем Абхазии как гость... О дворянском моем происхождении могут подтвердить переселившийся из Джигетии в с. Гагрипш Решид Гечь...»².

Вообще, как уже указывалось, некоторые абхазские дворянско-княжеские фамилии и их подвластные являются по происхождению садзами или убыхами. Можно сослаться еще на один пример. Как говорится в архивном документе от 11 февраля 1874 г., предки дворян Атумаа пос. Падгу Гупской общины Очамчирского района «выходцы из племени убыхов...»

Какую-то связь с садзами, с их первейшим княжеским родом Цанба имел, по-видимому, и легендарный Инал (ср. с Инал Цандиа или, как в летописях, Цандиа Иналдипа). Он считается родоначальником кабардинских князей, но прибыл в Кабарду с Черноморского побережья, точнее, из той же, северо-западной части исторической Абхазии и не ранее, как считал Л. И. Лавров, XV в. Инал находился в тесных отношениях с главнейшими абхазскими феодальными родами Ачба и Чачба (Аше и Шаше), а сам, вероятно, принадлежал к абхазскому (джигетскому) княжескому роду Цанба. Об этом свидетельствует приведенная выше грузинская форма его фамильного имени. Хотя, возможно, имя Инал первоначально выступало в форме «Иналд», тем более, что в этом роду и позже сохранялись имена подобного облика, например, внука Инала (Иналда) звали Иналд. Но мы

---

¹ Там же. Л. 3–4.

² Там же. ф. 533. д. л. 13.

более склонны видеть здесь, как об этом уже писалось, форму имени с возвеличивающей частицей «д» — Великий, т. е. есть Инал Великий. Неспроста к фамилии Цандба старались возвести свое происхождение многие дворянские и даже княжеские фамилии Абхазии, так же как у черкесов было в отношении Инала Кеса (Одноглазого или Косого)¹.

По преданию, он похоронен в урочище Псху на р. Бзыби, где, согласно верованиям абхазов, на большой скале «восседает» очень почитаемое многими абхазскими родами грозное божество. Это святое место известно абхазам под именем Инал-Куба (Инал-Куба), что означает, видимо, «могила Инала». По всей видимости, от него ведет свое начало и абхазская княжеская фамилия «сыновей Инала», как переводится с абхазского Инал-Ипа (Инал — имя, ипа — сын, а в целом дитя, сын, потомок Инала). Не случайно, видимо, что владения князей Инал-Ипа располагались в непосредственном соседстве с владениями Цанба (Пицунда и левобережные земли Бзыби). В топонимике ближайшего Причерноморья также встречаются названия, связанные с этим именем: гора Инал, бухта Инала, Иналике — пункт против притока Бзугу по берегу р. Шахе, и др.²

---

¹ Там же. Ф. 57, оп. 2, 1870 г. д. 10. л. 20.

² **Краевский К. К.** вопросу колонизации Черноморской губернии. — СПб. 1897. С. 9–10.

Глава шестая

СВЯЗИ САДЗОВ И УБЫХОВ С ЖИТЕЛЯМИ «БОЛЬШОЙ АБХАЗИИ»

Вряд ли вполне был прав Ф. Ф. Торнау, который утверждал, что «абхазцы, как я узнал, не имели никакой связи с шапсугами: сношения их с приморскими джикетами были совершенно ничтожные»¹. На самом же деле в течение столетий существовали и развивались связи не только с горными и приморскими садзами, но также с убыхами и даже шапсугами, хорошо известными в абхазском фольклоре². Низводить эти связи до «ничтожных» масштабов неверно. Это никак не соответствует действительности не только для XIX в., но и для более ранних периодов.

Как мы уже знаем, наряду с мирными существовали и немирные формы связей. Садзы нередко принимали участие в междоусобной борьбе абхазских феодалов. Так, они постоянно были вместе с Асланбеем во время его борьбы за возвращение владетельской власти. Характерен и следующий факт. Абхазский дворянин Хасан Маан, представитель мощного рода, во

---

¹ **Торнау Ф. Ф.** *Воспоминания кавказского офицера*//РВ Т. 53. № 10. — М. 1864. С. 69.

² См., например, поэму **И. А. Когониа** «Зосхан Ачба и сыновья Беслана Жанаа»//Антология абхазской поэзии. — М. 1958. С. 163.

главе сильного садзского отряда напал на атарские и тамышские владения князя Григория Шервашидзе. Разорению имения князя были подвергнуты в качестве мести за надругательство и убийство последним воспитанницы Хасана — дочери владетельного князя. В то же время часто происходили и набеги в ту и другую сторону с целью грабежа и захвата пленных. В этом отношении особенно отличались воинственные убыхи и садзы. Например, через перевалы Пшишегра и Аосаквамера близ горы Ахаччилара, где берет свое начало р. Жоеквара, в 30-х годах XIX в. Хаджи-Берзек, воспитатель абхазского владетеля, предпринял с партией убыхов набег на Абхазию, но близ горы Арбика был застигнут снежной метелью, и потерял несколько сот человек¹ (о других случаях набегов на Абхазию убыхов и садзов см. выше).

Во взаимоотношениях жителей внутренней Абхазии (особенно бзыбцев) с садзами и убыхами большое значение имели кровнородственные, брачные, аталычные и другие связи. Приведем несколько примеров.

Отцеубийца Асланбей, сын владетеля Абхазии, после совершенного им преступления, некоторое время скрывался у преданных ему людей в Джигетии, скорее всего у своих аталыков. Оттуда бежал в Константинополь², а затем неоднократно, после каждой неудачной попытки придти к власти, вновь скрывался в Джигетии.

Последний владетель Абхазии Михаил получил замечательное для своего времени воспитание. Как пишет акад. С.Н. Джанашиа, после младенческих лет, которые Михаил провел в с. Дурипш в семье Гумба, еще ребенком он был отдан по обычаю на воспитание упомянутому Хаджи-Дагумоко Берзеку — пред-

---

¹ *Дьячков-Тарасов А. Н. Бзыбская Абхазия//ИКОРГО Т. XVIII. № 1 — Тифлис. 1905. С. 450.*

² *Утверждение наше в Абхазии // КС — Тифлис. 1889. С. 139.*

водителю знаменитого рода Берзеков¹. Придавая особое значение воспитанию представителя владетельской фамилии, было решено, что именно в его «школе» Михаил мог усвоить те качества, которые в глазах тогдашнего горца могли характеризовать настоящего мужчину: политическая идеология, горский этикетный кодекс, определяемый главным образом правилами так называемых «апсуара» и «адыгехабз» (досл. «абхазство» и «адыгство»), являвший сложнейшей системой правил поведения человека в традиционных абхазо-черкесских обществах: владение конем, оружием, знание черкесского языка, что было обязательным в высших кругах убыхов². Завершал же свое воспитание Михаил у знаменитого абхазского дворянина Каца Маан.

Старейшие бзыбские абхазы еще до недавнего времени также хорошо помнили об усыновлении Михаила горцами Западного Кавказа. Так, по словам старого Мыстафы Ашуба из с. Дурипш, владетеля усыновляли много раз, в частности, в роде Адагуа, а именно в доме Адагуа-ипа Хаджи-Берзека Большого. По другим аналогичным преданиям, один из владетелей Абхазии получил воспитание в другом влиятельном роде — Аублаа. Сын Александра (младшего брата владетеля Михаила) воспитывался в доме садзского князя Решида Гечба³. Калдахварский князь Соулах (Константин) Инал-ипа имел в детстве (первая половина XIX в.) несколько аталыков. Младенчество свое он провел в роде так называемых «чистых крестьян» Барцыц, а именно

---

¹ Этот род, как уже писалось, пользовался широкой известностью и во внутренних частях Абхазии. Имя «Берзек» в форме «Абырзык» упоминается в поэме того же И. Когониа «Абатаа Беслан». Там, в знаменитой песне героини Ханифы, говорится: «Когда мы Айбаркра танцевали, Берзековские юноши мою руку поддержать никому не давали, а когда нас в плен забирали, ни одного из них и видеть не видели!» (подстрочный перевод).

² Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. I. — СПб. 1847. С. 200.

³ Инал-Ипа Ш. Д. Труды. — Сухуми. 1988. Т. I. С. 109.

в доме Барцыца Куаса (с. Блабурхва), затем был взят на дальнейшее воспитание убыхом Адагуа-ипа Хаджи-Берзеком. Наконец, третьим его аталыком был упомянутый бзыбский дворянин Маан Кац. По словам К. Д. Мачавариани, князь долгое время жил между убыхами, шапсугами и абадзехами. У самого Соулаха было много детей и все они, за исключением одной дочери, также воспитывались в чужих семьях¹. Сын пицундского князя Нарчоу Инал-ипа Ростом воспитывался не менее знаменитым Керантухом Берзеком. (См. рисунок Гагарина на котором изображены Керантух с Ростомом)

По свидетельству того же К. Д. Мачавариани, житель Очамчирского округа князь Тада Ачба своего сына Тарасхана отдал на воспитание одному джигету, который, по истечении срока, возвратил отцу своего воспитанника, и при этом привел в подарок 100 оседланных и 100 неоседланных коней. На вопрос Т. Ачба, что воспитатель в свою очередь желает получить за свои труды, ответ был таков: «Заплатите мне за все наличными деньгами». Князь Ачба обратился за помощью ко всему селу, своим родственникам и однофамильцам и таким образом отдал джигетцу большой кувшин, наполненный серебряными монетами, одарил также и всех тех, кто сопровождал воспитателя. «Молодой Тарасхан, — не без юмора заключает Мачавариани, — действительно получил блистательное горское воспитание: он теперь находится в бегах за разные преступления»².

Рассказывают, что к поквешским князьям Ачба приехали когда-то три брата Аджинджал из района Сочи. Там они совершили убийство, и боязнь мести заставила их искать прибежища подальше от родных мест. В это время жена поквешского князя была в положении — обстоятельство, которое, по всей

---

¹ *Мачавариани К. Д. Метафизические размышления. — Батуми. 1909. С. 316.*

² *Его же. Положение женщины в Абхазии//СМОМПК Т. IV. 1884. С. 44.*

вероятности, сыграло не последнюю роль в выборе покровителем именно этого Ачба. Гонимые преступники не замедлили попросить у него разрешения дозволить им воспитать его будущего ребенка. Получив согласие, они перевязали ногу беременной княгине красной нитью в знак того, что младенец будет взят ими на воспитание.

Обычай аталычества в XIX в. применялся и как завуалированная форма феодально-зависимых отношений. Согласно Ф. Ф. Торнау, все медовеевцы называли себя аталыками кабардинских князей Карамурзиных, населявших верховья Большой Лабы¹.

Как сказано, разные садзские и другие общества — горские и приморские — часто враждовали между собой. Рассказывают, что однажды бзыбцы и садзы собрались с целью переговоров об условиях примирения в современном с. Веселом. Было решено привести туда с обеих сторон по 500 женщин с грудными детьми, обменяться малышами и установлением священного молочного родства укрепить мир, что и было сделано. По случаю примирения устроили большое торжество, где много танцевали и веселились. С тех пор прекратилась вражда, а место, где произошло это радостное событие, стало называться Веселым.

Таким образом, в исключительных случаях, прежде всего для прекращения кровной мести, вообще враждебных отношений, грозивших взаимным истреблением, прибегали к массовому породнению враждующих сторон, отголоски чего сохранились в приведенных народных преданиях.

Не меньшее значение имели и брачные связи, которые часто встречались между представителями привилегированных сословий. Так, мать Келешбея была из садзского рода Аредба, а его сын Асланбей был женат на садзской княжне Гечба. В 1829 г. был заключен брачный союз между владетельным князем Михаилом и дочерью джигетского князя Беслангура Арыдбея

---

¹ *Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 9*

(Арыдба)¹. Садзский дворянин Абич Солихо (Соулах) был женат на дочери Керантуха Берзека, который, в свою очередь, женой имел сестру названного выше Каца Маан. А другая дочь последнего была замужем за Омаром Цанба и т. д. Согласно Ф. Торнау, в родство с абхазами и садзами вступали и одноплеменные им медовеевцы.

В Абхазии, как и в других местах Кавказа, частыми были одиночные и групповые миграции, в том числе и на территории самой страны, что иногда ошибочно воспринимают как переселение абхазов с Северного Кавказа. Приведем лишь несколько примеров такой внутренней миграции из Садзена в «Большую Абхазию».

Выше уже говорилось о переселении одной ветви ахчипсоуских Маршанов в Дал и Цебельду, о переселении фамилии Чацба из Сочи в с. Гуп (Очамчирский р-н), фамилии Гожба из Атвах (бас. Сочипсты) в с. Хуап (Гудаутский р-н) и др. Представляют интерес обращения переселившихся дворян. Например, представители фамилий Гвинджия и Патей-ипа обратились в Сухумскую сословно-поземельную комиссию с просьбой уравнивать их в дворянских правах с жителями Абхазии. В Джигетии они были дворянами, что может подтвердить знающий об этом князь Решид Гечба. Многие факты такого рода приведены в главе «О родовом составе населения Садзена».

В конце этой части в порядке некоторого обобщения мы сошлемся на высказывание такого очевидца, каким является Ф. Торнау «...Из того, что я досель мог узнать, оказалось, что некоторые абхазские фамилии не только что находятся в сношениях с джигетами, но между ними имеются и родственные связи, навещают друг друга часто и хранят свято между собой права гостеприимства... В особенности Нарчоу, сын его Ростом и Долт-Мирза (пожалованный прапорщиком), князя Инал-Ипа,

---

¹ АКАК Т. VIII. Ч. I. — Тифлис. 1881. С. 451–452.

проживая на Бзыби, по близкому соседству с джигетами связаны узами родства и более других абхазцев с ними сближены»¹.

Таких примеров можно привести еще немало.

Как видно из этих материалов, контакты населения внутренних районов Абхазии с садзами и убыхами всегда были самыми тесными и носили многосторонний характер. Это были и кровавые военные столкновения, и ближайшие родственные связи — брачные, аталычные и др. Известно множество фактов, свидетельствующих о присутствии садзов в составе населения этих районов. На р. Мчиш, в 8-ми верстах от дома князя Михаила проживала и владела землей одна из ветвей князей Цанба (Цомбаевы). Первые жрецы Дыдрипша по преданию были Садзба. Устная топонимика — речки Садзаю (Сазаѿ) в сел. Дурипш и Садзаа ркуара, т. е. Садзская речка (Сазаа ркуара) в пределах с. Джгерда — и многие другие топонимические данные также подтверждают наличие садзского этнического элемента не только в пограничной с Абхазией территории².

Так что явно неверными оказались представления Ф. Ф. Торнау о «ничтожных» масштабах абхазо-садзских контактов. Тот же Ф. Торнау позднее писал о сношениях абхазских фамилий с джигетами, о родственных и иных связях между ними.

В связи с этим не мешает вновь вспомнить слова Сейди Ахмед паши, хотя и применительно к XVII веку, что садзы «по большей части» «смешаны и связаны с абхазами».

---

¹ *Дзидзария Г. А.* Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. — М. 1976. С. 99.

² *Утверждение наше в Абхазии. С. 14.*

Глава седьмая

САДЗЫ И АБАЗИНЫ

В научной литературе нередко встречаются разные, порой противоречивые высказывания по вопросам происхождения и этнической принадлежности древних и средневековых племен, населявших Абхазию, их взаимоотношений, места и роли в политической и культурной истории края.

Л. И. Лавров отрицал генетическую связь между собственно абхазами, с одной стороны, и абазгами и санигами, с другой, а потомками абазгов считал одних только абазин. Он писал, что нет оснований представлять протоабхазскими племенами санигов и первоначальных абазгов: предками абхазов были апсилы, а абазины, потомки абазгов, некогда были крупным народом, говорившим по-убыхски. Перенос их древнего этнонима «абазг» на нынешних абхазов объясняется им тем, что начало Абхазскому царству положила именно абазинская династия. Последующее вытеснение убыхского языка абхазским и адыгским привело к образованию абазинского языка и ассимиляции большей части абазин.

Но что следует понимать под «первоначальными абазгами»? Как вытеснение убыхского языка абхазским и адыгским могло привести к образованию абазинского языка? Неубедительны и

некоторые другие его положения. В частности, о том, что абхазы и абазги генетически не связаны между собой, что потомками абазгов являются одни абазины, что абазины были в прошлом крупным народом, говорившим к тому же на убыхском языке **[а в таком случае, в какой среде сформировался бзыпский диалект? В апсильской что-ли?]** и др. И А. Н. Генко в 1928 году считал, что убыхский язык имел прежде более широкое распространение. Джигетов он тогда счел убыхами. Со временем же процессы абхазизации привели будто-бы к постепенному сужению сферы распространения убыхского языка.

Как мы уже знаем, племена, говорившие на абхазском языке, делились в основном на три группы: собственно абхазы (аҭсуа), джигеты (по-абхазски — асазқуа) и абазины (ашәуа), причем русский термин «абазин», генетически связанный с античными «абазгами» и позднейшими «абазами», упрочился только с XVIII в.¹

Абазины в свою очередь подразделяются на две подгруппы — тапантовцев и ашхаруа, которые в разное время переселились на Северный Кавказ. Ашхарцы сравнительно поздно, согласно вышеуказанному русскому географическому словарю конца XVIII века, в основном в течение XVII в.², тапантовцы — значительно раньше, однако не позднее XIV в.³ По мнению А. Н. Генко какие-то их группы могли появиться на Северном Кавказе еще в XII–XIII вв., но вместе с тем подчерки-

---

¹ Нас не должно вводить в заблуждение то обстоятельство что часто все эти народы причислялись к «черкесам». Иногда даже такие авторы, как Фр. Дюбуа и К.Ф. Сталь, не говоря о других, «включали в число собственно черкесских народов все абазинские племена и убыхов» (Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). — М. 1967. С. 19).

² Там, как мы знаем, говорится о «третьей малой части абхазского народа», которая в XVII в. перешла на северную сторону гор и в которой можно видеть ашхаровцев.

³ Ломтатидзе К. В. О некоторых вопросах происхождения и расселения абхазов// Мнатоби» 1956, № 12, с. 138 (на груз. яз.).

вал: положительные указания на наличие абазинских поселений на Северном Кавказе относятся лишь к самому концу XIV в.¹ Среди самих абазин указанный этноним «ашвуа» применяется только ашхарцами по отношению к тапантовцам, что также является косвенным показателем того, что ашхарцы сравнительно недавно отделились от остальных абхазских горцев.

З. В. Анчабадзе также считал, что переселение тапантовцев происходило в XIII–XIV вв., так как заимствованный ими у грузин термин «кватан» (грузин. «гутани»), обозначающий тяжелый плуг, мог быть усвоен лишь после XII в., то есть после того времени, когда он появился в Грузии. В то же время тапантовцы высший слой дворянства называют амыста-ду, то есть «большой дворянин, а не «атауад» — князь, как называли их все абхазы и абазины-ашхарцы. Термин же этот вошел в употребление в самой Грузии только в XV в.²

К. В. Ломтатидзе в монографии об ашхарском диалекте указывает, что ашхарский и тапантский диалекты абазинского языка «сильно отличаются друг от друга», сохраняя вместе с другими абхазо-абазинскими диалектами единый грамматический строй и основной словарный фонд. Но, в то же время тапантский диалект является «самым обособленным диалектом среди названных вследствие длительного близкого общения его носителей с адыгскими племенами, а ашхарский диалект со своими двумя основными говорами (апсуйским и кувинским)» проявляет еще большую близость к южно-абхазским диалектам. Это характерно особенно для кувинского говора, потому что, как считает К. В. Ломтатидзе, ашхарцы поселились на теперешних местах жительства в долине Зеленчука только в XIX в. Абхазско-абазинские диалекты она разделяет на две группы: тапантский, с одной стороны, и ашхарский, бзыбский, абжуйский, с другой. Ашхарцы сближаются с южными абхазами и по своему назва-

---

¹ *Генко А. Н. Абазинский язык. — М. 1955. С. 8.*

² *Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). — Сухуми. 1959. С. 256.*

нию: они имеют не только общее с тапантцами название абаза, но «себя называют также «апсуа»», то есть общим самоназванием абжуйцев, бзыбцев и абхазов вообще. Абазинское название ашхарцев — ашхаруа. Основная масса в этой части абазин живет в аулах Хуажвы (сов. Кувинское), Апсуа (б. аул Шахгиреевский) и Абазакт (б. аул Егибоковский)¹.

Если таким образом часть абазин (ашхарцы) «себя называют также апсуа», то тем более апсуа могло быть и, по всей вероятности, было общим самоназванием также и садзов.

Не совсем ясно и то, откуда и по каким путям шла эмиграция абазин с юга на север. Л. И. Лавров, уточняя свое положение об абазинских топонимических следах в Адлерском, Лазаревском и Туапсинском районах (Лоо, Кячъ, Дадырквай и др.), высказывал предположение о том, что ашхарцы обитали на побережье от Гагры до Адлера или Мацесты, а далее на северо-запад вплоть до Туапсе жили уже тапантовцы². Но с такой локализацией ашхарцев не согласуются другие источники, а также близкая связь их диалекта к южно-абхазским — бзыбскому и абжуйскому³.

На мой взгляд, есть определенные основания для поисков «исхода» абазин (вероятно, прежде всего, ашхарцев) из района Псху и его окрестностей через Санчарский перевальный путь, связывающий северо-западную часть Абхазии с Северным Кавказом. Так, Л. Я. Люлье писал, что абазинские (ашхарские) племена баг и шегерай, жившие в Садзене, а затем переселившиеся в верховья рек Ходзь и Малая Лаба (по-абхазски Ерых), отделились от медовеевцев (*Подчеркнуто мной. — Ш. И.*), которые,

---

¹ **Ломтатидзе К. В.** Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. С текстами. — Тбилиси. 1954. С. 339, 340, 348, 350.

² **Лавров Л. И.** «Обезы» русских летописей // СЭ 1946, № 4, с. 163–164.

³ **Ломтатидзе К. В.** Ашхарский диалект... С. 339.

по его же словам, «подразделялись» на Псху, Ахчипсу и Аибга¹. Родственны или сближаются с медовеевцами по происхождению и некоторые другие ашхарские группы — кызылбековцы, тамовцы, шахгиреевцы, а также чаграи, баракаевцы и др.² В абазинских преданиях иногда упоминаются Псху и Сухум как места их «исхода», то есть прежнего их обитания (Соџум хаатытцт).

По сообщению М. С. Тхайцухова, один из кварталов современного абазинского аула Старокувинск (по-абазински Хуажэду) называется хорошо знакомым всем аульчанам термином Хачапсы (Хацап̄сы), что также бесспорно указывает на генетическую связь этого названия с одноименным садзским обществом Ахчипсы (Ахчып̄сы).

У абазин-ашхарцев сохранилась память о некогда существовавшем у них почитании «ущелья божества Маршаниев», которые были князьями ашхарцев и происходили также из общества Ахчипсы. Имеются сведения (недостаточно уточненные) и о том, что многие северокавказские абазины продолжали поклоняться своему грозному божеству святилища Инал-Куба, находящемуся в центральной части Псху. Это святилище считалось общим религиозным центром для многих абхазо-абазинских фамильно-родовых объединений (Маршан, Адзинба и др.).

Характерно, что еще в начале XIX в. собственно абазин было в этих местах, по-видимому, не так уж мало, а небольшие их остатки, не перевалившие за хребет, сохранялись здесь и в дальнейшем³. Например, «абазином из Псхо» называет Ф. Тор-

---

¹ **Люлье Л. Я.** *Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами // Черкесия. — Краснодар. 1927. С. 9.*

² **Волкова Н. Г.** *Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. — М. 1974. С. 73, 74; Генко А. Н.* *Задачи этнографического изучения Кавказа // СЭ 1936, № 4–5, с. 8.*

³ *К ним не относятся, очевидно, те перемещенные мизерные остатки садзов, которые в одном из описаний конца XIX в. под именем «абазин» отмечаются где-то вблизи Гагрской крепости. Поселили же их здесь для того, вероятно, чтобы легче было властям следить за ними (см. ниже).*

нау своего опытнейшего проводника по имени Багры (Баґыр)¹, причем почти исключается, чтобы такой тонкий знаток нюансов этнической ситуации края, каким был автор приведенных слов, ошибался и не отличал абазин от собственно абхазов.

Все это вместе взятое, с учетом к тому же и абазинских этногенетических преданий, отчасти указанных выше², заставляет думать, что ближайшая прародина основной массы абазин, переселившихся на северную сторону гор, находилась в окружности сравнительно обширной горной котловины Псху-Мдавей — общего «предкового дома» не только многих абазин³, но и части собственно абхазов. Ведь именно оттуда берут свое происхождение, реальное или мифическое, многие фамилно-родовые группы из внутренних частей Абхазии, например, Дал-Цебельдинский княжеский род Маршанов.

Но сказанное здесь относится в основном к ашхарцам, которые некогда количественно составляли преобладающую часть среди абазинских групп. Несколько более сложным является вопрос о конкретных местах первоначального обитания другой части абазин — тапантовцев (как впрочем, и вопрос происхождения самого названия «тапанта»). Однако, учитывая, что ашхарцы и тапантовцы еще до переселения уже составляли, видимо, особую локально-племенную этническую группу со своими близкими между собой наречиями, то они, естественно, должны были жить рядом, иметь «свою страну» или находиться в непосредственной близости друг от друга. Без всего этого трудно

---

¹ **Торнау Ф. Ф.** *Воспоминания кавказского офицера*//РВ. Т. 53. № 10. 1864. С. 81.

² См. также **Лавров Л. И.** «Обезы...». С. 13.

³ «Наиболее вероятными пунктами, откуда переселились ашхарцы, являются Ахчипсоу, Псху, Наху и другие пункты горной Абхазии, что находит подтверждение и в преданиях самих ашхарцев», — отмечает **Х. С. Бгажба** (см. **Бгажба Х. С.** *Этюды и исследования.* — Сухуми. 1974. С. 154).

объяснить последующее их слияние в единый народ с общим языком.

Итак, абазинские племена, особенно те из них, которые переселились на Северный Кавказ в XVIII в. и позже, говоря словами Л. Я. Люлье, хорошо помнили (частично помнят и до сих пор) места в северо-западной части Абхазии, где жили их предки. Ф. Ф. Торнау, не уточняя, правда, пункты первоначального обитания абазин, также категорически утверждал, что «колыбель их племени находилась, бесспорно, в Абхазии (Подчеркнуто мной. — Ш. И.)»¹.

Покинув свои горные теснины и перевалив через Главный Кавказский хребет, абазины заняли места по верховьям рек Большой и Малый Зеленчук, Уруп, Ходзь, Гупс, Кума и Кубань². Встречающиеся в литературе отдельные высказывания о наличии вплоть до 70-х годов XIX в. остатков собственно абазинского населения в районе Гагры, по-видимому, не соответствуют действительности³.

---

¹ **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания... С. 101, 118.

² В настоящее время в количестве свыше 30 тысяч они проживают разбросанно в основном на территории Карачаево-Черкесской и Адыгейской республик.

³ **Верецагин А. В.** в своих путевых заметках 1873 г., ссылаясь на Отчет комиссии 1866 г., упоминает абазин между реками Бзыбь и Хашупсе. В примечании он пишет: «Абазин и теперь осталось два аула, которые расположены по скату горы, в пяти верстах южнее Гагр». В другом месте он также говорит о том, как однажды, переночевав «в сакле одного абхаза близ ворот Бзыби», он продолжил путь «через лес к абазинским аулам и далее в Гагры». Через страницу опять подряд дважды вспоминает он свое «путешествие от Бзыби к абазинским аулам». Хотя эти сообщения истораживают, однако надо полагать, на указанной территории в начале 70-х годов XIX в. могли жить, как можно заключить по совокупности данных, не собственно абазины, а избегнувшие эмиграцию абхазы — жалкие остатки самих садзов. Автор, не во всех тонкостях разбиравшийся в вопросах племенного состава местного населения, принял их за аба-

Причины такого передвижения абазин с юга на север пока еще недостаточно выяснены. Можно полагать, что основными причинами являлись межплеменные раздоры, большая плотность населения в горах, малоземелье, отсутствие хороших условий для ведения отгонного скотоводческого хозяйства — основы жизни горцев. В предгорьях же Северного Кавказа имелись обширные пастбища, к тому же значительные пространства были обезлюдены в результате опустошительных монгольских нашествий.

Абазинский язык состоит из двух диалектов — тапантского и ашхарского, последний более близок к южно-абхазским диалектам. И вообще, с точки зрения исторического развития абхазского языка, можно говорить о тапантском и ашхарском диалектах, как диалектах абхазского языка, так как еще сравнительно не очень давно абхазы с абазинами представляли собой единую в языковом и территориальном отношениях этническую общность, говорившую на одном языке, имевшем диалектные различия. К настоящему времени в силу территориальной разобщенности — в течение столетий их разделяет такой географический барьер как Главный Кавказский хребет. Эти различия со временем приобрели более глубокие особенности. Специалисты отмечают единство всех абхазо-абазинских диалектов, как в отношении основного словарного фонда, так и грамматического строя. Это свидетельствует о том, что абхазы и абазины в прошлом составляли единый в языковом отношении этничес-

---

зин, тем более, что и его проводник «г. Квариани», кутаисский дворянин, проживавший в Гаграх» (очевидно, с недавних пор), не лучшим образом был информирован по поводу этнической принадлежности указанных аулов, находившихся, вероятно, на территории совр. Новой Гагры. (См. **Верещагин А. В.** Путевые заметки по Черноморскому округу. — М. 1874. С. 50, 74–76).

кий массив, «взаимопонимание, в пределах которого было значительно легче достижимо, чем в настоящее время»¹.

Абхазы и абазины сохранили до наших дней древние этнические названия «апсилы» и «абазги», которые идентичны их нынешним самоназваниям — апсуа и абаз². Этноним «абаз», отсюда русские «абaziны» (оба связаны по своему происхождению с грецизированным местным этнонимом «абазги»), в XIX в. употреблялся нередко для обозначения всех абхазских племен в самом широком смысле слова (включая иногда убыхов и др.), объединявшихся близостью языков, культуры и живших к югу от адыгов, главным образом, в горных долинах Причерноморья, начиная от юго-восточных пределов нынешней Абхазии и почти до р. Шахе. В эпоху Абхазского царства абхазские поселения тянулись, возможно, и дальше на северо-запад. В средне-вековых исторических источниках имеются указания о широком распространении населения абхазского этнического корня на Черноморском побережье Кавказа вплоть до Кубани. Так, автор X в. Константин Багрянородный указывал, что Абасгия расположена между Никопсией (сравнительно недалеко от р. Шахе) и Сотириуполем (район Пицунды или Анакопия?).

«Прославленные» князья Олу Абас (Абазы) упоминаются в районе Тмутаракани арабским географом XII в. ал-Идриси. Немецкий путешественник С. Герберштейн писал, что в его время (первая половина XVI в.) «афгазы» обитали даже в низовьях Кубани, а соседние адыги — в ближайших горных районах. Через сто лет итальянец Дж. Лукка, побывавший сам на Западном Кавказе, пишет, что абхазские поселения доходили на севере до мыса Кодош (около Туапсе), а дальше простирались земли адыгов. Примерно также представлял себе этническую границу

---

¹ *Генко А. Н. Абазинский язык. 1955. С. 4; Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект... С. 339.*

² *Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. — Сухуми. 1964. С. 288; Генко А. Н. Указ. соч. С. 4.*

между абхазами и черкесами и Эвлия Челеби (середина XVII в.). По словам Ксаверио Главани, сведения которого относятся к 20-м годам XVIII в., от Новороссийска до Мегрелии «живут двадцать четыре абазинских бея». По существу то же самое говорит и такой информированный автор середины XVIII в., как Пейсонель, согласно которому абхазы в широком смысле «населяли пространство между Черкесией и Грузией», а точнее между местечком Суджук (вблизи совр. Новороссийска) и Мегрелией¹. По словам Гамба, французского автора начала XIX в., в верстах 30 от Пшада, недалеко от бухты Субаши, проходила указанная на какой-то «большой карте» граница Черкесии и страны абхазов².

Опираясь на приведенные источники, З. В. Анчабадзе приходит к выводу, что «вплоть до XVIII столетия, по свидетельству целого ряда разновременных авторов, население абхазского этнического корня занимало приморскую территорию северо-западного Кавказа до Туапсинского сектора, а отдельные их поселения, как видно, тянулись и дальше на север. Что касается ближайших соседей абхазов на севере — адыгов (черкесов), то, по утверждению Л. И. Лаврова, «исторические источники до XVIII в. знают среди черкесов лишь такие племена, которые в ту пору обитали или на северной стороне Главного Кавказского хребта, или возле устья р. Кубани»³.

З. В. Анчабадзе, ссылаясь на Филипсона, писавшего о «следах недавнего завоевания» на бывшей территории садзов, также утверждает, что население от Садзена до Туапсе «изменило свой этнический облик сравнительно недавно, не ранее XVIII

---

¹ **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии. С. 207–209.

² **Gamba G.** Voyage en de la Russie meridionaux. 1820–1824. — Paris. 1826.

³ **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии. С. 208–209.

столетия»¹. В результате «завоевания» здесь произошла смена или смешение населения — абхазского с «пришлыми» убыхами и адыгами. О том, что убыхи первоначально не жили на побережье, косвенно говорят свидетельства И. Ф. Бларамберга. Во-первых, «убыхи, чепсуи, гусие, — пишет он, — научились у своих соседей абхазцев заниматься пиратством»; во-вторых, название северокавказского медового напитка «сана» они перенесли на вино, не имея собственного наименования этого продукта².

Как известно, черкесы делятся на две основные группы: абадзе (абадзехи, шапсуги, нутухайцы и др.) и адыге (темиргоевцы, хатакуаевцы и др.)³, причем как абазин, так и адыгов абазинского происхождения адыги называли «абазе». Хан-Гирей, отождествлявший абхазов и абадзехов, писал, что «первоначально абадзехи были абхазцы, почему абхазцев называли прочие черкесы абадзех, то есть абхазцы»⁴. Вспомним также, что все племена абхазского происхождения были известны убыхам под «коллективным именем адзыге», которое П. Услар отождествлял с азра Белла и джигами (зигами, зихами) античных авторов.

Вместе с тем, как известно, Страбон и другие авторы пишут, что на Черноморском побережье Кавказа издревле обитали рядом друг с другом ахейцы, гениохи и зиги⁵. Очевидно, трудно отрицать существование генетической связи между современными адыгами (черкесами) и античными зихами-зигами, а эти последние и их потомки локализуются как раз в интересующей нас части указанного побережья, причем источники молчат о их вытеснении или ассимиляции средневековыми абхазами.

---

¹ *Там же*. С. 209.

² *Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа//АБКИЕА С. 357, 404.*

³ *Коков Дж. Н. Адыгские этнонимы. — Нальчик. 1979. С. 47–48.*

⁴ *Хан-Гирей. Записки о Черкесии. — Нальчик. 1978. С. 199.*

⁵ *ВДИ 1948, № 3, с. 298.*

Все это заставляет нас быть осторожным с изложенной выше концепцией Л. И. Лаврова и З. В. Анчабадзе о сплошном населении абхазского этнического корня вплоть до района Туапсе и Новороссийска в продолжение всего средневековья, включая и первую половину XVIII века.

Итоговое заключение З. В. Анчабадзе сводится к следующему. Территория современных Туапсинского, Лазаревского, Сочинского и Адлерского районов «в эпоху позднего средневековья была населена в основном (*Подчеркнуто мной. — Ш. И.*) абхазской народностью», часть которой в тот период переселилась на Северный Кавказ, а оставшаяся часть была ассимилирована «пришлыми адыгами» (на севере) и убыхами (на юге). И далее З. В. Анчабадзе пишет: «тем более абхазским по своему этническому составу должно быть население этого края и в предшествующие века, в частности в X–XII»¹. К этому высказыванию следует сделать два замечания.

Во-первых, неправильно, что население Сочинского и Адлерского районов состояло из абхазов лишь «в основном», так как в этих местах, особенно в Адлере и его окрестностях в эпоху позднего средневековья жили только и исключительно абхазы садзского племени. Во-вторых, характерно его фактическое признание того, что наряду с «основным» абхазским населением Туапсинского и Лазаревского районов там, в позднесредневековый период был представлен и второй (хотя и не основной) этнический элемент, каким могли быть только адыгские (черкесские) племена и народности. Если развивать дальше эту точку зрения, то можно придти к выводу о существовании в сравнительно недавнем прошлом этого края абхазо-адыгского чересполосного населения, что не подтверждается ни логически, ни историческими данными.

Одним словом, встает вопрос, где же именно на Черноморском побережье Кавказа проходила в прошлом граница между

---

¹ *Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. С. 209.*

абхазской и адыгской этническими общностями: в районе Туапсе, Новороссийска или, быть может, низовьев р. Кубани? Мне кажется, что убедительными данными для таких утверждений мы пока не располагаем. Чтобы быть уверенными в таком широком распространении абхазов в северо-западном направлении, мы должны сначала доказать отсутствие в интересующем нас крае адыгского этнического элемента вплоть до середины XVIII в., а всю древнюю местную топонимику рассматривать как наследие одного лишь абхазского языка и его диалектов, исключив одновременно возможность этнической преемственности между античными и средневековыми зихами и позднейшими причерноморскими адыгами.

Вообще проблема территории и этнической принадлежности зихов является одним из главных аргументов против предложенного вышеназванными авторами определения столь широкого ареала абхазов. Как известно и как об этом уже говорилось выше, зихи (зиги, по-абхазски — «азаху», по-грузински — «джики») — это древнее коренное племенное объединение, локализуемое в приморских районах от Новороссийска до территории расселения садзов, то есть исторической Санигии. На рубеже VIII–IX вв. Зихия считалась значительной страной, а ее вожди играли заметную роль в политической жизни края. Именно зигов принято считать основным слагаемым в этногенезе адыгского и родственных с ними народов, в том числе и абхазского¹.

Исходя из изложенного, мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать лишь о том, что территория собственно абхазских племен вплоть до самого позднего средневековья

---

¹ З. В. Анчабадзе склонялся также к тому, что под именем зихов в раннефеодальную эпоху выступали не только адыгские, но и некоторые другие этнические группы, состоявшие в ближайшем родстве с абхазами, тем более, что адыги называли коренное население Абхазии словом «а-зег» (Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. С. 34).

доходила до бассейна р. Сочи, а простиралась ли она еще дальше на северо-запад и до каких именно пределов — сказать точно пока трудно¹.

Таким образом, кажется, все согласны в том, что абазины до своего переселения на Северный Кавказ обитали на смежных с северо-западной частью исторической Абхазии территориях. И где бы они не жили — на Черноморском ли побережье от Гагры до Туапсе, как считали Л. И. Лавров и З. В. Анчабадзе, или в районе Медовой-Псху, как это представляется мне, предки современных абхазов и абазин в средние века (примерно до середины II тыс., а ашхарцы и значительно позднее), занимали сплошной массой смежные области, «составляя одну народность»². Термином «абаза», как писал А. Н. Генко, называли представители черкесских племен все племена абхазские в самом широком смысле (включая иногда даже убыхов), объединявшиеся этнокультурной общностью (в том числе языка) и жившие к югу от черкесов³. Это связано, очевидно, с тем, что носители абхазского и абазинского языков, по его же словам, «в отдаленном прошлом составляли единый в языковом отношении

---

¹ Однако изложенные здесь соображения не снимают вопроса о том, как в таком случае следует рассматривать не только этноним «азега», столь схожий с «зигами» (ср. с адзыге — убыхским названием всех абхазских племен) и применявшийся только к абхазам, но сообщения приведенных и других источников относительно широкого распространения средневековых абхазов в северо-западном направлении. Поэтому эти факты и свидетельства требуют дальнейшего углубленного критического изучения для понимания, в частности, этнического содержания термина «абхаз» — узкое, когда имеются в виду собственно абхазы, или значительно более широкое — и как понимать имеющиеся в тех же описаниях несовпадения: в одном из них пределы абхазов простираются до Туапсе, в другом — до Новороссийска, а в третьем — почти до самой Кубани.

² **Анчабадзе З. В.** Указ. соч. С. 205.

³ **Генко А. Н.** Абазинский язык. С. 4.

коллектив»¹. Надо полагать, что к этому языково-культурному единству относились в еще более отдаленном прошлом также и убыхи. Абазинские группы ушли на север со своими общим и локально-племенными названиями — абаза, ашхаруа, ашвуа и др., а не присвоили их себе на новых местах жительства, хотя С. П. Басария придерживался на этот счет другого мнения. Он писал, что джигетские племена никогда у абхазов не назывались «ашвуа» и вообще абазины под этим именем никогда не жили на Черноморском побережье².

Длительный процесс формирования самостоятельной абазинской народности, начавшийся, вероятно, еще на закавказской их прародине, завершается на новых местах расселения (в основном с XVIII в.); причем на развитие этого сложного процесса резко отрицательно повлияло насильственное выселение большей части абазин в султанскую Турцию во второй половине XIX в. Согласно неполным данным, только в 1858–1864 гг. в Турцию переселилось 30 тысяч абазин. Большей частью ушли представители племени ашхаруа (тамовцы, кизилбековцы, баговцы, большинство чегреев и мысылбаев). Тапантовцы менее поддались переселению, поэтому они и составляют в настоящее время подавляющее большинство абазинского народа³.

Заслуживает внимания общая концепция Л. И. Лаврова об исторических судьбах абазинского народа. В частности, изучая историю передвижений абазин, он приходит к выводу, что они переселились на Северный Кавказ из той части Черноморского побережья, которая лежит на северо-запад, довольно далеко от Абхазии и не ранее XIV и не позднее XVI вв., что значительная

---

¹ Там же. С. 9.

² Басария С. П. Избранные сочинения. — Сухуми. 1967. С. 100–101.

³ Лавров Л. И. Абазины (Историко-этнографический очерк)// КЭС Вып. I. — М. 1956. С. 16.

часть черкесских племен является очеркешенными абазинами¹. Вместе с тем он в известной степени отрывает абазин от абхазов, северо-западную часть страны от остальной Абхазии, преувеличивает количество и роль собственно абазин в политическом и этническом развитии племен Северо-Западного Кавказа, утверждая, что «добрая половина черкесов должна быть признана потомками абазин», которым, по Герберштейну, в XVI в. принадлежало якобы даже низовье р. Кубани. В частности, все шапсуги, абадзехи, бжедуги и мохоши, по его мнению, являются очеркешенными абазинами².

Наличие общего корня в названиях абхазов и абазин, по его словам, не может быть принято за доказательство абхазского происхождения абазин. Исходя из абазинских преданий, он писал, что абазины переселились на Северный Кавказ не столько из самой Абхазии, сколько из района Адлер-Лазаревское-Туапсе³, где некогда жили абазины и убыхи. С одной стороны, он отвергал мнение о переселении абазин из Абхазии, с другой, сам же писал о том, что в записанных им «абазинских преданиях фигурирует в качестве первоначальных мест обитания этого народа Псху, Ахчипсоу, Мдавей и Шапсугия, т. е. территория, расположенная на северо-запад от Абхазии»⁴. Но Псху, Ахчипсоу, Мдавей — это и есть часть северо-западной Абхазии. По мнению Л. И. Лаврова, под обезами русские летописи XII–XIV вв. имели в виду не абхазов вообще, а только собственно абазин, которых, как сказано, он представлял себе особым, отличным от первых народов, насчитывавшим несколько столетий тому назад сотни тысяч человек⁵.

---

¹ *Его же.* «Обезы» русских летописей. С. 170.

² *Там же.* С. 165–166.

³ *Там же.* С. 162.

⁴ *Там же.* С. 163.

⁵ *Там же.* С. 161–162.

Однако ввиду ограниченности и некоторой противоречивости источников, если и можно еще спорить по вопросу территориального распространения абазин в прошлом, то трактовка их этнического соотношения с абхазами, предложенная Л. И. Лавровым, не кажется убедительной. Он не прав, усматривая причину сходства абазинского и абхазского языков в их былом соседстве и культурном влиянии абхазов. (Главная же причина сходства этих языков кроется в генетическом родстве абхазов и абазин). Трудно, на мой взгляд, согласиться и с некоторыми другими утверждениями Л. И. Лаврова. Он считает, что ни наличие общего корня в этнических названиях абазин и абхазов, ни их языковая близость, ни народные предания не могут быть приняты за доказательство абхазского происхождения абазин. Не кажется убедительным также и предположение о большой численности в прошлом абазин, о распространении этого народа по обширной территории от западных границ Абхазии по берегу Черного моря до низовьев Кубани, так как и джигеты — будто бы прибрежные абазины, граничили в XIX в. с черкесами по р. Сочи, (а убыхи жили только в горах).

Требует более весомых доказательств и другое предположение Л. И. Лаврова. По его мнению, значительная часть черкесских племен является очеркешенными абазинами, что было результатом процессов ассимиляции абазин черкесами, происходивших в течение веков. Русские летописи, как считает Л. И. Лавров, «обезами» называли абазин, а не абхазов. Если абазины были столь многочисленны, то могли ли они подвергнуться полной ассимиляции за несколько веков под влиянием отдельных черкесских племен? А почему же, например, такой гораздо меньший числом народ, как убыхи, стойко сохранялся со всеми признаками отдельного народа до своего выселения во второй половине XIX в.? Разве в языке очеркешенных абазин, если бы таковое действительно имело место, не закономерно было бы ожидать значительного слоя прежней их речи? Некоторые же из приводимых Л. И. Лавровым топонимических фактов

могут быть не исключительной принадлежностью абазинского языка, а представлять общий словарный фонд в языках родственных народов. Например, Лоу, Кечь и другие этно-топонимические названия имеют свою полную параллель и в названиях внутренней Абхазии: с. Члоу (Ч-Лоу) и святилище Кеч (Къач) в Очамчирском районе.

Одним словом, имеются веские основания полагать, что абазины еще до своего переселения на Северный Кавказ представляли собой обособленную часть единого в целом абхазского этнического массива (с локально-племенными подразделениями), которая в основном населяла северо-западные, большей частью горные области исторической Абхазии и прилегающие места и была известна абхамам под племенным названием «ашвуа».

По словам Ксаверио Главани, автора начала XVIII в., северокавказские абазины «переселились из Абазы». По языку и происхождению они «абазы», то есть «абхазы»¹. В документе, датированном 1744 годом, читаем: «Абазинцы шести родов, или алты кесек называемые, происхождение свое имеют из Большой Абазы, никому не подвластной, откуда вышед они в давних годах поселились близ Большой Кабарды в горах, на речке Инжике (*Зеленчук — ред.*), при вершинах реки Кубани, и отдались в подданство оной Кабарды владельцам и с того времени платят им подать»². Мы уже приводили слова Ф. Торнау о том, что «колыбель их племени находилась, бесспорно, в Абхазии»³. Говорилось и о том, что в середине XIX в. многие абазины, по данным Л. Я. Люлье, хорошо помнили места в северо-западной части Абхазии, где жили их предки. В частности, по преданию,

---

¹ Главани Ксаверио. Описание Черкесии. 1724 // СМОМПК Вып. XVII. 1897. С. 151.

² Архив внешней политики России. Ф. Кабардинские дела 1753. д., 12. л., 9.

³ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. С. 101, 118.

ашхарские группы кувинцев переселились из Ахчипсоу и Псху, а апсуйцы — из Наху¹ и т. д.

Косвенным, но существенным доказательством того, что абазины некогда жили в пределах исторической Северо-Западной Абхазии является наличие как в абхазском (точнее в бзыбском), так и в абазинском языках общего этнонима «агхоуа», «агвхакуа» (абаз. агвхәауа) в качестве названия убыхов. В этом значении употребляется абхазами иногда, как отмечалось, и фамильное имя Аублаа, которое также представлено в абазинском языке в форме АгІвбылІа, выступающее как старинное исчезнувшее фамильное название².

Правда, абазинское агвхәауа воспринимается теперь как второе название адыгов (первым является «адыгъа»)³. Но такое значение это слово приобрело⁴, по всей вероятности, как вторичное явление в процессе позднейшего обобщения узколокального родоплеменного названия, связанного первоначально, по-видимому, только с убыхами или даже с какой-то частью из них. И вообще редко бывает так, чтобы столь близкие между собой народы как абхазы и абазины, различно называли ближайший к ним народ, в частности, убыхов. Поэтому нет оснований сомневаться в том, что этноним «агвхауа/агвхәауа» возник и распространился на ограниченной территории как абхазо-абазинское название убыхов (а не адыгов, как считает Р. Н. Клычев)⁵. А. Дирр, впервые зафиксировавший интересующий нас термин в форме гвхаа/агвхаа, хотя и с сомнениями, но также считал, что

¹ Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект... С. 350.

² Клычев Р. Н. К семантике и структуре полузабытого этнонима агхәауа/агвхауа // Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск. 1984. С. 13.

³ Абазинско-русский словарь. — М. 1967. С. 30, 38.

⁴ Абхазы адыгов называют «аедыгъ», «азыху», но не «агвхауа».

⁵ Клычев Р. Н. К семантике... С. 15.

гвхаа — абхазское название убыхов¹. Мы считаем, что только у смежно живущих племен может быть одно общее название для обозначения другой соседней народности.

Эти и другие материалы, приведенные выше, не оставляют сомнения в том, что в прошлом предки современных абазин и абхазов составляли и этнически, и территориально одну общность, включавшую ряд племен и этнографических групп, среди которых были и садзы, стоявшие по своим этнокультурным особенностям ближе всего, пожалуй, к абазинам, но, видимо, не совсем тождественные им. Не правы, на мой взгляд, те из новейших исследователей, которые так же, как и Л. И. Лавров, отрывают абазин от абхазов и полностью идентифицируют первых с садзами (джигетами), называя последних южными абазинами. Не случайно же у абхазов существуют два разных этнонима — «садзы» и «ашвуа» — для наименования джигетов и абазин соответственно, отражая тем самым существование двух, в той или иной степени различных, народностей или этнографических групп.

Однако по этим вопросам существуют разные мнения. А. В. Гадло, называя абазгские группы протоабазинскими, отождествляет абазгов и санигов². По мнению Е. Н. Даниловой, вплоть до конца XIII в. абазины занимали сплошь территорию от р. Бзыби до Туапсе, то есть тем самым саниги и убыхи целиком причисляются по своему генезису к абазинской общности³, причем ничего не говорится о ближайшем родстве абазин с абхазами.

Н. Г. Волкова считает садзов и джигетов (от грузинского джики) южными абазинами, которые в XIX в. этнически были «более близкими к абхазам и убыхам». Территория садзов определяет-

---

¹ Там же. С. 14.

² Гадло А. В. Северный Кавказ в IV–X веках (Проблемы этнической истории) // Автореф. докт. историч. наук. — М. 1984. С. 18, 22.

³ Данилова Е. Н. Абазины. — М. 1984. С. 21.

ся по побережью от Гагринского отрога до р. Сочи. Род Облагу, живший при устье Сочи, причисляется к приморским абазинским фамилиям, а в целом население Сочи (Саше) составляли абазины, убыхи, адыги, турки, которые употребляли три языка: черкесский, абазинский и убыхский¹. В своих выводах автор отмечает, что абазы, или абазины, к началу XVIII в. составляли два территориально обособленных подразделения — северокавказское (тапанта и шкарауа)² и южное, сохранившие тесные контакты, причем южными абазинами оказались не только горные, но и прибрежные садзы. Н. Г. Волкова подчеркивает этническое родство шкарауа с медовеевцами, а убыхов характеризует как группу, проживавшую «между верховьями рек Хоста и Шахе» и подвергавшуюся «этнической ассимиляции» со стороны адыгов и абазин при соответствующем сокращении численности убыхского народа³.

При этом, однако, возникают некоторые вопросы и сомнения. Во-первых, перечисление «садзы и джикеты» является не совсем правомерным, ибо, как это видно по источникам, обе группы представляли собой, (по крайней мере, в XIX в.) одну и ту же этническую общность. Термин «садз» по своему содержанию является синонимом «джикетов». Во-вторых, не отмечается степень близости между садзами и абхазами. Для неосведомленного читателя остается неясным — к кому садзы этнически более близки — к абхазам или убыхам? В-третьих, мало говорится о том, на основе каких языковых и других фактов ахчисуйцы, айбговцы, цандрипшцы, гечцы, медовеевцы, хамышцы,

---

¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения... С. 65, 76, 77.

² Между прочим, термин «шкарауа» представляет собой искаженный вариант известного и в литературе абхазско-абазинского названия локально-племенной группы «шхарауа», «шхарауа» (ашьхарауа) с прозрачной этимологией «горцы», «жители гор», а «шкарауа» ничего собой не выражает.

³ Волкова Н. Г. Указ.соч. С. 79–80.

хишха, садзы в целом причисляются (без упоминания абхазов), к «южной группе абазин», как будто абхазы и абазины этнически мало связанные между собой народы, а южные абазины — это не ближайшие соплеменники садзов — северо-западной части абхазского народа. Иногда мы недостаточно учитываем указания источников, в том числе записки Ф. Торнау, у которого, в частности, нередко под именем абазин выступает все население абхазского этнического корня, включая собственно абхазов (апсуа) и абазин. Наконец, имеются ли достаточные основания для того, чтобы без оговорок утверждать об этнической ассимиляции убыхов в XIX в. не только со стороны малочисленных абазин, но даже и со стороны более значительных адыгских групп, если иметь в виду невероятную политическую волю и высокое национальное самосознание, которые они проявляли особенно в течение всей первой половины прошлого столетия, вплоть до переселения.

Этнокультурные взаимоотношения абхазов, абазин и убыхов привлекают внимание и других исследователей. Например, Ю. Д. Анчабадзе, как и некоторые другие авторы, естественно, сближая садзов и абазин, в то же время несколько противопоставляет садзов (джигетов) и абхазов. Это находит свое выражение, в частности, в том, что при перечислении этнических групп он пишет: «садзы и абхазы», «абхазы и садзы», как будто это разные народы¹. Садзы у него фактически имеют такое же этнокультурное отношение к абхазам, как и убыхи. Имеющиеся в источниках указания подобного рода критическому анализу не подвергаются. Кроме того, он ошибается, утверждая, что этническую принадлежность населения абхазских обществ, как Ахчипсы, Аибга, Чужгуча, Мдавей и Псху «нельзя считать

---

¹ **Анчабадзе Ю. Д.** Абаза (к этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)//КЭС 1984. Вып. VIII. С. 143–145.

точно установленной»¹. Неправильно было бы это население считать в этническом смысле и смешанным — абхазо-садзским, ибо садзы в сущности это те же абхазы, подразделявшиеся на приморских, или собственно садзов, и горных садзов (ахчипсуйцы, аибговцы, чужгучцы и псхувцы, объединявшиеся иногда под именем медовеевцев). На схематической карте «Абхазских обществ первой половины XIX в.»² садзы, медовеевцы, абхазы и цебельдинцы показаны как равнозначные и равновеликие этнические образования, а не как органические компоненты, хотя и расчлененного внутри себя на ряд локальных групп, но все же единого по основным показателям абхазского этноса. Считая ядром абхазской общности народов только три этнических компонента (садзы, убыхи и горные абхазы), Ю. Д. Анчабадзе тем самым как бы выключает из сложного родоплеменного состава этой общности все население низменной полосы Абхазии, что не согласуется и со свидетельствами таких авторов, как Д. Белл и Ф. Торнау, которые писали, что территория от Сочи до Ингури была занята абхазами («абазинами» по терминологии последнего).

Ю. Д. Анчабадзе присоединяется к мнению тех исследователей, которые характеризуют садзов XIX в. как южных абазин. Об этом уже говорилось выше. Ближайшие этнокультурные связи садзов и абазин вряд ли действительно могут вызвать у кого-нибудь какое-либо серьезное возражение. Тем не менее, полностью отождествлять их тоже, очевидно, нет оснований, особенно, если иметь в виду ситуацию, сложившуюся к середине XIX в. В это время садзы, как видно из высказываний современников, говорили на диалекте абхазского языка, а абазины,

---

¹ «Общество Ахчипсоу, — писал Евгений Ковалевский в 1867 г. в своей очерке «Большая Абхазия», — было в свое время из всех абхазов (Подчеркнуто мной. — Ш. И.) самым вредным для России» (**Евг. Ковалевский**. Очерки этнографии Кавказа // ВЕ — СПб. 1867. Т. IX. С. 103.

² **Анчабадзе Ю. Д.** Абаза ... С. 145.

которые в своей основной массе уже давно обосновались на северной стороне гор, успели создать свой самостоятельный, отличающийся от абхазского язык. Однако решающее слово по вопросу садзско-абазинских взаимоотношений должно принадлежать лингвистам, если бы на Кавказе существовали реальные условия для сравнительного изучения интересующих нас языков. Вот почему, в частности, так важно и неотложно проведение соответствующей работы среди остатков турецких садзов, которые в значительной мере сохраняют еще особенности своей родной диалектной речи.

Сомнительным является и утверждение о том, что «вообще адыгский язык был, видимо, языком общения у абхазов»¹. Во-первых, не совсем удачен сам термин «адыгский язык». Как известно, народы, называющие себя «адыгами», давно разошлись и с тех пор говорят на двух родственных языках: адыгейском и кабардино-черкесском. А, с другой стороны, по сообщению вышеуказанного очевидца, на Сочинском базаре конца 30-х годов XIX в. купцы и покупатели общались между собой с помощью переводчиков из греков, а иногда объяснялись словами и мимикой. Как пишет С. Н. Джанашиа, даже среди убыхов, непосредственно примыкавших к адыгейским племенам, лишь в высших кругах имел распространение «черкесский» язык, наряду с родным. Наконец, среди значительной части «абазских» групп языком общения был, естественно, и абхазский язык, распространенный в рассматриваемое время на территории от Сочи до Ингури. Недаром, по-видимому, Ф. Торнау взял себе проводниками на Северный Кавказ абазина и абхаза из Псху и с. Анухва, а на обратном пути через абaziно-абхазские земли — Тембулата Карамурзина, воспитанного в доме ахчипсхувского абхазского князя Маршан и, следовательно, прекрасно владевшего абхазским и абазинским языками.

---

¹ Там же. С. 153.

Что же касается «многонациональной» «абаза», включавшей, согласно сведениям ряда авторов, несколько народностей (в основном абхазов, абазин и убыхов), то она в реальной действительности по существу, можно сказать, не существовала как единая этническая общность. Был распространен лишь собирательный этноним «абаза», которым в течение сравнительно непродолжительного периода пользовались отдельные ученые для обозначения, как сказано, определенной группы западно-кавказских народов — абхазов (включая садзов) и убыхов, а не только собственно «абаза», то есть абазин. С течением времени, когда уточнились представления о реальной этнической ситуации в регионе, исследователи постепенно вообще отказались от расплывчатого термина «абаза» в широком («многонациональном») его понимании, и он остался в употреблении лишь как самоназвание абазин.

Таким образом, думается, что утверждение о формировании «своеобразной абазской этнокультурной общности из убыхов, садзов и горных абхазов» совсем не соответствует действительности. Если и проявлялись какие-то консолидирующие тенденции к образованию такой общности, то они до своего завершения дойти не успели. Возможно, что происхождение и существование обобщающего этнонима «абаза» само является, может быть, отражением того периода, когда абхазоязычные племена были распространены непрерывной цепью на более значительной территории Кавказского Причерноморья, чем это имело место в XIX веке.

Археолог Е. П. Алексеева в статье о происхождении и расселении абазин¹ исходит из того, что абхазы и абaziны — близкородственные народы, у них были общие предки — апсилы, абазги, мисимиане, саниги и отчасти зихи. Формирование абхазской

---

¹ *Алексеева К. П. О происхождении абазин и расселение их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. — Черкесск. 1980.*

и абазинской народности происходило на обширной территории северо-восточного побережья Черного моря — от современной Абхазии и до Туапсе включительно — на рубеже I–II тыс. н.э. До своего переселения на Северный Кавказ собственно абазины, как обособленная группа абхазского этноса, жили рядом с генетически наиболее близкими им садзами-джигетами, которых может быть даже «следует причислить к южным абазинам»¹. «Таким образом, — пишет она, — есть основания полагать, что образование древнеабазинской народности падает на конец I тыс. н. э., когда у всех компонентов, из которых образовалась абазинская народность, в том числе и у зихов, уже существовали феодальные отношения и когда абазины, представлявшие уже обособленную от абхазцев этническую группу, занимали определенную территорию... между Бзыбью и Туапсе, названную Константином Авазгией. Может быть, к этому времени данная группа имела уже свое название — абхазы называли ее «ашва»... Грузины, возможно, называли их джикетами — ведь именно на территории Авазгии Константина располагалась Джикетия грузинских авторов. Уже в X в. могло возникнуть и само название абазин «абаза», что и дало повод именно эту территорию (а не территорию современной Абхазии) в X в. именовать «Авазгией», «Абазгией». В основе самоназвания абазин «абаза», вероятно, лежит древнее название «абазги». Переселились на северные склоны абазины уже будучи «абаза», а не абхазцами — «апсуа»»².

Кроме того, Е. А. Алексеева говорит об абазинской принадлежности обряда трупосожжения, характерного для древних (с X в. до н. э.) и раннесредневековых (до VI в.) могильников Абхазии, в частности, для Цебельдинской культуры II–VI вв. Исчезновение обряда кремации в Абхазии после VI в. автор связывает с утверждением здесь официальной христианской религии. Исчезнув в Абхазии, он стал распространяться в период раннего

---

¹ Там же. С. 23, 32.

² Там же. С. 35.

средневековья на Северо-Западном Кавказе — вплоть до Анапы и даже дальше, что было связано с соответствующим продвижением абазин. От своей прародины, т. е. Абхазии, и к северо-западу от нее, вплоть до Туапсе абазины расселялись постепенно в течение X–XV вв., и жили в северо-западном секторе указанной территории чересполосно с адыгскими этническими группами, о чем говорят как сочетание обряда трупоположения с трупосожжением, так и некоторые письменные источники. По словам автора XVI в. Герберштейна, «при реке Кубани, впадающей в болото, живет народ Афгазы», которых Е. П. Алексеева идентифицирует не с абхазами вообще, а именно с абазинами¹. Переселение абазин на северные склоны Кавказского хребта происходило sporadически — с V и вплоть до XVII в. Судя по погребениям с кремацией, думает Е. П. Алексеева, первые признаки проникновения абхазо-абазинских этнических элементов на Северный Кавказ наблюдается в V–IX вв., затем приток этих элементов (уже собственно абазин) увеличивается, а «массовое движение абазин на восток и северо-восток началось тогда же, когда началось движение на восток адыгов — то есть во второй половине XIII–XIV веке»². Сперва начали переселяться тапантовцы, затем, вплоть до XVII в., шкарауовцы³. Главные пути передвижения пролегали по Санчарскому, Марухскому, особенно Клухорскому и другим перевалам.

В изложенной концепции, несмотря на то, что она в основном правильно освещает многие вопросы этнической истории абазинского народа, имеются, как мне кажется, свои недостатки, упущения, натяжки и недостаточно аргументированные утверждения. В частности, возможно, что абазины или какая-нибудь другая группа абхазского происхождения являлась этническим компонентом зихской общности, но это пока только предположение. Такие же сомнения появляются и в связи с

---

¹ Там же. С. 36–42.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 45.

другими высказываниями автора: о возникновении названия «абаза» в X в.; о расположении Джикетии грузинских авторов именно на территории Авазгии Константина; о расселении абазин в X–XV вв.; об их переселении на северную сторону гор с V в. и движении туда в основном по Клухорскому перевалу и др.

Что же касается тезиса об абазинской этнической принадлежности обряда кремации, то указанный обряд действительно выступает как характерная черта и цебельдинской культуры, но район Цебельды не относится к основной этнической территории собственно абазин. Вместе с тем в Абхазии, как и в других местах, в одних и тех же могильниках нередко встречаются (как это описано, например, М. М. Трапшем) совершенно разные погребальные обряды: кремация, а рядом синхронное трупоположение и т. п. Если в могильнике рядом находятся кремация и трупоположение, то это нисколько не означает, что погребение с трупоположением не может быть абазинским. Вместе с тем кремационные погребения мы находим и далеко за пределами исторической Абхазии, среди самых разных этнических групп. Вот почему исследователи (Л. И. Лавров, В. И. Марковин и др.) с осторожностью относятся к мнению Е. П. Алексеевой об абазинской этнической принадлежности обряда кремации, считая это мнение слабо аргументированным. В частности, В. И. Марковин пишет: «Делалась попытка считать отдельные археологические памятники оставленными непосредственными предками абазин. Так, все трупосожжения, обнаруженные в западной части Кавказа, как некий этнический признак, приписывались абазинам, признак очень расплывчатый, так как трупосожжение спорадически практиковалось и в сарматской среде»¹.

Преувеличены, я думаю, также и представления о пределах территории расселения абазин — от р. Бзыби и вплоть до Туапсе

---

¹ *Марковин В. И. Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии//Сборник по археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. — Черкесск. 1980. С. 157.*

и даже Кубани, ибо в таком случае мы должны были бы иметь на всей этой территории мощный слой абазинской субстратной топонимики, чего мы здесь не наблюдаем. Не убедительно и утверждение о каком-то чересполосном проживании абазин с адыгами, а также о том, что садзы (джигеты) представляют собой южных абазин, без всякого различия между ними.

Конечно, и об этом уже говорилось неоднократно, в историческом прошлом джигеты и абазины в продолжение веков проживали в непосредственной близости друг от друга и, находясь также в ближайшем генетическом родстве между собой, сохраняли особо близкие этнокультурные черты по всем параметрам своей материальной и духовной культуры. При всем том, однако, полностью отождествлять их, думается, не следует. Садзы и абазины говорили на разных диалектах абхазского языка — первые на садзском (асаdziпсуа), вторые — на абазинском, представленном двумя наречиями (тапантским и ашхарским). Несовпадающими были и ареалы их исторического расселения: в отличие от абазин — «горских жителей» (ашьхарау), садзы жили в основном на побережье и вблизи от него (характерно, что в словаре абазинского языка отсутствует и местный термин для обозначения моря). Каждая из этих общностей обладала также своим этническим самосознанием и самоназванием: джигеты называли себя в основном садз, абазины — абаза. Соседние родственные племена тоже называли их по-разному: абхазы джигетов именовали садзами, Джигетию соответственно Садзенем, а абазин — ашвуа (ашəуа), страну же последних — Ашвы (Ашəы), которая локализуется где-то за Кавказским хребтом.

Для решения некоторых из затронутых здесь вопросов немаловажное значение имеет изучение абхазо-абазино-кабардинских этнокультурных и политических взаимоотношений. Как известно, существуют разногласия по вопросу о «прародине» кабардинцев. Справедливо отвергая разноречивые мнения относительно прежнего их местожительства — в Крыму, на северном берегу Азовского моря, в Придонье, в северной части современного Ставропольского края, Л. И. Лавров в порядке ра-

бочей гипотезы склонен был считать, что «кабардинцы и бесленеевцы, сперва обитали где-то по соседству с шапсугами, т.е. в низовьях р. Кубани» и что «продвижение кабардинцев на восток, в район Пятигорья, произошло между VI и XII вв.». Заселение же территории современной Кабарды — миграция кабардинцев на восток происходила во второй половине XIII в. — не в результате «напора» [хазар?] или желания перехватить торговый путь из Абхазии через Клухорский перевал на Северный Кавказ, как думают некоторые ученые, а по причине «возросшей потребности в пастбищных землях в связи с ростом феодальных отношений и вытекавшим из этого расширением феодального производства». Л. И. Лавров разделял мнение Е. И. Крупнова о том, что переселение протекало далеко не всегда мирным путем, сопровождаясь массовым или частичным выселением алан или их ассимиляцией¹.

Тем не менее, конкретная область первоначального обитания кабардинцев все еще остается одним из наиболее трудных и важных вопросов этнической истории этого и других народов региона. Господствующая точка зрения, согласно которой предки кабардинцев жили в низовьях и вблизи Черноморского побережья Западного Кавказа, является не только недостаточно точной, но в определенной степени и спорной. В самом деле, если кабардинцы когда-то прежде жили «в низовьях Кубани», то в таком случае отпадает малоземелье как главная причина их миграции на восток, ибо плодородные низовья Кубани и окрестные места сами, как известно, представляют собой богатейшую житницу, весьма удобную для развития земледелия и скотоводства. Ведь не покинули же этот благодатный край в поисках пастбищ другие адыги (адыгейцы), преодолевая тысячекиломет-

---

¹ **Лавров Л. И.** Происхождение кабардинцев // СЭ 1956. № 1, с. 23; **его же.** Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религий. — М. 1959. С. 231; **его же.** «Обезы» русских летописей. С. 169; **его же.** Историко-этнографические очерки Кавказа. — Л. 1978. С. 38.

ровое расстояние и отрываясь от своей природной и этнической среды. Другое дело — территория между Шапсугией и Абхазией. Здесь были налицо, пожалуй, все внутренние, а в известной мере и внешние причины, толкавшие растущее население этого края на поиски лучших мест для поселения: и малоземелье (в особенности недостаток лугов для выпаса скота), и скудное плодородие почвы, изрезанность рельефа, теснота горных ущелий, а с другой стороны — постоянная опасность набегов со стороны воинственных горцев. Вместе с тем, только занимая пространство между шапсугами на северо-западе и абхазами (в широком смысле) на юго-востоке, то есть область верховьев рек Белой и Лабы (быть может, частично по обе стороны Главного Кавказского хребта), кабардинцы некогда могли находиться в непосредственном контакте с племенами северо-западной части Абхазии (мдаевцы, айбговцы и др.).

При этом особо следует отметить то, что часть кабардинского народа и теперь продолжает обитать в почти смежных с Абхазией территориях, которые, по всей видимости, находились в пределах их древней прародины или в непосредственной близости от нее. Речь идет о бесленеевцах, которые, не последовав за основной массой своих соплеменников, остались на местах своего прежнего жительства. Вот как об этом пишет Б. Х. Балкаров: «Бесленеевцы — это одно из кабардинских племен, которое не последовало за основной массой в предгорье Кавказа и осталось в древних местах поселения кабардинцев, а их язык — это диалект кабардинского языка, «сохраняющий древние черты (Подчеркнуто мной. — Ш. И.)»¹. Бесленеевцы живут в основном по Малой и Большой Лаббе, речкам Ходзь, Уруп и другим, то есть на той стороне северо-западноабхазских гор и в ближайшем соседстве с абазинскими обществами². Этноним «бесленей» Хан-

---

¹ Балкаров Б. Х. Язык бесленеевцев. — Нальчик. 1959. С. 6.

² Это не «беглые кабардинцы», поселившиеся на Зеленчуках в 20–30-х годах XIX века, а коренное население, длительное время проживавшее здесь совместно с абазинами.

Гирей производил от имени одного из потомков князя Инала, родоначальника кабардинских князей¹.

Многочисленные факты тесных абхазо-кабардинских взаимоотношений свидетельствуют о том, что абхазы с абазинами и кабардинцы были некогда ближайшими соседями, находились в продолжение длительного времени в непосредственных контактах, образуя тесно связанные между собой этнокультурные группы². Этническое и духовное родство между ними поддерживалось и развивалось также постоянными процессами взаимопроникновения и взаимной ассимиляции групп этих народов.

Несмотря на значительную территориальную разобщенность современных абхазов и кабардинцев, первые из которых

---

¹ **Коков Дж. Н.** Адыгские этнонимы. С. 23–24

² Не без основания, видимо, существует в народе мнение о том, что абазины переселились на Северный Кавказ с предварительного согласия кабардинцев, которые уступили им часть своих земель. Абазинские (тапантские) князья, как известно, платили дань кабардинским. В условиях близких социально-политических и родственных связей происходил длительный процесс ассимиляции части абазин, как более малочисленного народа, кабардинцами. В порядке рабочей гипотезы можно допустить существование определенной связи передвижения кабардинцев из смежных с Абхазией районов в северо-восточном направлении с периодом наиболее активной внешнеполитической деятельности Абхазского царства (конец VIII — конец X в.). К сожалению, внешняя политика этого царства, в частности, взаимоотношения с северными соседями, его разнообразные связи в этом регионе, прежде всего теснейшие связи с родственными адыгами, остается наименее освещенной в специальной литературе, что объясняется, главным образом, отсутствием соответствующих исторических источников. Поскольку западные границы Абхазского царства доходили, как известно, чуть ли не до Кубани, то имеются основания предполагать, что территория первоначального обитания кабардинцев, возможно, входила в какой-то мере в это царство, а сами кабардинцы на определенном отрезке времени составляли, быть может, основную союзную политическую силу в его экспансии на Северном Кавказе.

обитают в пределах Восточного Причерноморья, а вторые являются многовековыми жителями Центрального Предкавказья, их сближают древние черты социально-экономической и политической жизни, существенные элементы культуры и быта, идентичность или ближайшее сходство которых были бы необъяснимы без допущения прямых многосторонних связей, в особенности между северо-западными абхазо-абазинскими племенами и предками кабардинского народа, жившими с отдаленных времен до зрелого средневековья в смежных с Западной Абхазией территориях.

О том, что кабардинцы когда-то обитали в непосредственной близости от абхазо-абазинско-убыхских племен, говорит и тот немаловажный факт, что абазины называют их термином гвхъауа, которым абхазы именовали убыхов — агухауа (агухоуа)¹. Сами кабардинцы знали абхазов в прошлом по названию северо-западноабхазских племенных групп Мудафи (Мдафеи) и Аибга (Аибџа)², из чего с очевидностью вытекает вывод о том, что последние две группы, обитавшие совместно по среднему течению р. Мдзымта, являлись ближайшими из всех абхазов соседями кабардинцев.

Недаром, должно быть, в одном кабардинском историческом предании рассказывается о том, что название Кабарды берет свое начало от имени Кабарды Тамбиева, происходящего от того же абхазского племени «мудафи», часть которого переселилась через горы и поселилась за реками Балк и Инжиг³.

Не случайно, вероятно, как говорится в одном из приведенных выше документов, абазины «шестиродные», выйдя из Абхазии, «в давних годах поселились близ Большой Кабарды, при вершинах реки Кубань», а все медовеевцы, согласно тоже

---

¹ **Амичба С. А.** Лексика абхазского и абазинского языков. — Сухуми. 1984. С. 82 (на абх. яз.).

² «Аибга — кабардинское название прибрежных абхазцев», — писал Л. Люлье (Общий взгляд... С. 9).

³ Кабардинский фольклор. — М.—Л. 1936. С. 145, 420, 632.

приведенным выше словам Ф. Торнау, называли себя аталыками кабардинских князей Карамурзиных, населявших верховья Большой Лабы, то есть места, расположенные в непосредственной близости расселения абазин и абхазов.

Создается впечатление, что абазины как-то особенно интимно и неразрывно были связаны с кабардинцами и что они даже «следовали» (ейбарпшны) за ними в процессе своего миграционного движения. Вполне может быть, что перед нами не только длительные интенсивные контакты, продолжавшиеся с древнейших времен вплоть до зрелого средневековья, когда с переселением кабардинцев на нынешние места их обитания прекратилось непосредственное общение их с абхазскими племенами, но и особая близость и родство более глубокого характера, связанные с этнической непрерывностью в этом регионе, с почти незаметными переходами от одной этнической общности к другой.

Итак, продвижению кабардинцев к предгорьям Центрального Кавказа способствовали крупные исторические события того времени. Это, прежде всего, разгром в XIII–XIV вв. монголо-татарами аланского объединения, занимавшего обширнейшую плодородную территорию от верховьев Кубани на западе до Терека на Востоке, вторжения тюркских кочевников (печенегов, половцев и др.), которые еще с начала XI в. начинают проникать в Предкавказье. За кабардинцами последовали и их непосредственные соседи абазины, которые составляли часть абхазской этнической общности. Переселялись абазины на северный склон в основном из северо-западной части исторической Абхазии (или смежной с нею области Причерноморья) в течение тоже XIII–XIV вв., очевидно, поэтапно, спустя некоторое время после разгрома Алании (1221–1223 гг.). В XIV в. историк Тимура упоминает «местность Абаза», т. е. абазинские земли на Верхней Кубани (вероятно, в бассейне Зеленчуков)¹.

---

¹ **Федоров Я. А.** Историческая этнография Северного Кавказа. — М. 1983. С. 99.

Надо полагать, что еще до своей миграции абазины-тапан-та, как и садзы, представляли собой обособленную общность в составе других древнеабхазских этно-территориальных образований. Если говорить словами проф. Г. В. Рогава, то «абхазский и абазинский являются родственными языками», а «в строго лингвистическом смысле... диалектами одного языка»¹. При этом садзский диалект был ближе к ашхарскому, образуя вместе с ним особенно тесное единство, в то время как абазины-тапан-та являются наиболее удаленной группой от остальных абхазо-язычных племен.

Эти факты также свидетельствуют о том, что тапантовцы, давно ушедшие на Северный Кавказ, в течение столетий не имели непосредственного контакта со своими южными соплеменниками. Ашхарцы же сравнительно недавно последовали за своими сородичами на север и потому сохранили такую языковую близость с абхазами. Образование же единой абазинской народности произошло на новых местах обитания в процессе этнической консолидации двух ее основных компонентов — тапантовцев и ашхарцев.

Тем не менее, абхазо-абазино-черкесские этнокультурные взаимоотношения, включая вопрос о садзах, остаются во многом еще недостаточно выясненными. Это связано в основном с состоянием источников, с практическим отсутствием возможности сравнительного изучения абазинского и доживающего свой век на чужбине садзского языков, а также со сложностью исследования и некоторых других проблем, например, проблемы миграции абазин и кабардинцев.

---

¹ **Рогава Г. В.** Абхазско-адыгские языки. Введение // *Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки.* — М. 1967. С. 95.

Глава восьмая

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА САДЗОВ

Говоря о хозяйственном и общественном быте садзов, мы вынуждены поневоле ограничиться в основном описаниями лишь отдельных авторов, которые имели возможность непосредственно наблюдать жизнь этого народа перед его выселением, привлекая по возможности и другие источники, в том числе сведения, сохранившиеся в памяти соседних народов.

Основу хозяйственной жизни садзов XIX в., как и других жителей побережья, составляло пашенное земледелие с применением тягловой силы животных (быков, отчасти буйволов) и разнообразных металлических и других сельскохозяйственных орудий труда. По словам Ф. Ф. Торнау, «хлебопашество... у них... как и во всех горах, в самом первобытном состоянии».

По свидетельству Дж. Ст. Белла, обитатели долин Шахе-Субеш в 30-х годах XIX в. «были усердно заняты обработкой земли... они пользовались сохой с остроконечным, в виде стрелы, сошником, которым они только скребли поверхность почвы, причем ручки сохи поставлены почти перпендикулярно и, следовательно, так коротко, что дают пахарю возможность про-

явить силу»¹. Такое пахотное орудие было характерно для всего населения прибрежных районов Восточного Причерноморья.

Земледелие в горных районах Садзена находилось на таком же уровне развития, как и во внутренних частях Абхазии. «Земледелие, — писал Лисовский о псхувцах, — в руках почти женщин, которые, когда их мужчины занимаются грабежом, сеют в малом количестве кукурузу и фасоль на земле, вскопанной лопатками ими же самими. Женщинам предоставлена также и уборка хлеба, равно как и все прочие домашние работы. Мужчины же занимаются грабежом, охотой и скотоводством»². Данное свидетельство без сомнения можно полностью отнести к горным садзам.

Из сельскохозяйственных культур во многих местах все еще преобладало просо в двух разновидностях, сеяли также кукурузу, в некоторых местах овес, отчасти пшеницу, фасоль, а из технических культур известно, что в Медовее возделывали коноплю.

В записях Ф. Ф. Торнау, составленных в середине 30-х гг. XIX в., содержится много конкретных сведений о природных особенностях Садзена, его экономике и хозяйственных занятиях жителей. Он писал, что у садзов хорошо произрастают «кукуруза, гоми и пшеница», а у медовеевцев также и овес, в низинных же местах даже табак. Пишет он и о том, что медовеевцы (Ахчипсху, Аибга, Псоу, Чужгуча) живут в неприступных местах, где мало пастбищ и «мало удобовозделываемых земель», что «теснота ущелий заставила горцев» обратить внимание на хлебопашество и «заняться им с тщанием», что «около селений все почти пространство, удобное к вспашке, засеяно». Но, несмотря на это, хлеба часто не хватает, даже у Маршанов. С хлебопашес-

---

¹ Bell J. S. *Journal of a Residanse in Circassia during the years 1837, 1838 and 1939. Vol. I. — London. 1840. P. 101, 158.*

² Государственный музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Рукописный отдел. ф.3, д. 384, л. 3, 6 об. (1838 год).

твом легче уже у общества Чужи и в самом лучшем состоянии в долине Лиешь, где живут самые зажиточные из садзов. Из огородных растений везде выращивали огурцы, тыкву и редьку.

Около каждого жилища семья имела небольшое поле, засеянное кукурузой и просом, сад, где яблони, груши, орехи, каштаны, персики, виноград и др. «произрастают без всякого при­смотру». Здесь же Ф. Торнау отмечает, что «...садоводством они не занимаются, природа сама заботится о снабжении их плодами всякого рода»¹.

Но, вопреки такого рода сообщениям и не только Ф. Торнау, но и других некоторых авторов о чуть ли не сплошном безде­лии местных жителей, можно привести немало примеров их трудовой деятельности. Например, от А. Н. Дьячкова-Тарасова мы узнаем, что местные горцы вполне успешно занимались садоводством. Еще Эвлия Челеби отмечал села с виноградниками и садами, а плодородную область племени кечей он называет «подобной райским садам». Лучшие сорта плодовых выписывали даже из Анатолии (но это, конечно, касается представителей только высших сословий). Он пишет, что район Гагр был «очень густо заселен горцами и превосходно культивирован», что долины Цандрипша и Жеопсе «были сплошным садом». (Тот же Э. Челеби заметил, что берега реки Псоу были покрыты сплошным садом жителей Геч). «Ущелья этих рек, — пишет он, — сохранили следы пребывания трудолюбивого населения: повсюду группы грецкого ореха, различные фруктовые деревья»². Разнообразие же местных сортов яблок (например, знаменитое железное аб­хазское яблоко), груш, крупных и мелких персиков, огромных гранатов, слив, белых и других черешен и пр. подтверждают вышеприведенные слова. А. Н. Дьячков-Тарасов писал, что, спус-

---

¹ **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания кавказского офицера // *РВ* Т. 53, № 10. 1864. С. 103–104, 106, 111.

² **Дьячков-Тарасов А. Н.** Гагры и их окрестности // *ЗКОРГО* Кн. XXIV. 1903. С. 85.

каясь с перевала в прибрежье, он проходил буквально аллеями садов белой черешни¹.

Всех, посещавших Садзен, поражало обилие крупных тонкокорых грецких орехов, которые, вместе с огромными грушами, яблонями и другими фруктовыми деревьями, были разбросаны кругом «живописными группами», но нередко встречались и отдельными рощами. Вызывали удивление и гигантские виноградные лозы, посаженные около ольховых деревьев и взбиравшиеся по ним на большую высоту. В общем, вся территория Садзена была «точно непрерывный сад», но «теперь сады одичали»², — так писал известный краевед А. Старк. А одичали они потому, что не стало ухода за ними после выселения заботливых хозяев.

Всё перечисленное наводит на мысль, что садзы очень продуктивно занимались народной селекцией плодовых пород. А. Н. Дьячков-Тарасов отметил важный момент в хозяйственной жизни этих аборигенов края, прекрасно вжившихся в его природные условия и имевших тысячелетний опыт: «садзы всегда оставляли узкую полосу вдоль морской прибрежной дюны, на которой никогда не вырубался лес. Это делалось для того, чтобы «зеленая стена защищала от вредных для культурных растений морских туманов и умеряла силу морского ветра, смягчая действие холодных воздушных течений, идущих с северо-запада»³.

Так же, как в Абхазии и Убыхии, садзы активно занимались виноградарством и виноделием. Клапрот, Бларамберг и Ф. Дюбуа пишут, что у них выделяется много вина и оно хорошего качества⁴. А. Дьячков-Тарасов отмечал, что цандрипшские вина

---

¹ *Его же*. Через перевал Псеашхо к Черному морю // СМОМПК Вып. XXXI. 1902. С. 31.

² *Старк А.* На Русской Ривьере. — Тифлис. 1913. С. 21, 32, 37, 45, 81.

³ *Дьячков-Тарасов А. Н.* Гагры ... С. 25.

⁴ АБКНКА — Нальчик. 1974. С. 244, 357, 455.

славились своим ароматом и крепостью¹. Виноградарством не занимались только в самых высокогорных обществах, так как виноград там уже не рос.

С древнейших времен к числу основных хозяйственных занятий садзов относилось скотоводство, хотя кормовую базу все же ограничивали непроходимые заросли, недостаток удобных свободных земель и теснота горных ущелий. В прибрежной полосе садзы пасли свой скот на всей Бзыбской низменности (но в зависимости от политической ситуации), а также на пастбищах Лиешь и других приустьевых мест, а летом перегоняли скот на альпийские луга. В горах Садзена до сих пор встречаются во множестве остатки древних каменных оград под названием ацангвары (ацангуара), служивших жилищами для пастухов и загоном для мелкого рогатого скота. Их обилие на лугах Садзена, как и во всей горной Абхазии вплоть до Ингури, свидетельствует об общности этой культуры и о развитии овцеводства и особенно козоводства, которые, наряду с другими отраслями скотоводства, продолжали играть по традиции большую роль в хозяйственной жизни садзов вплоть до их выселения.

Ф. Торнау писал, что садзы не очень богаты скотом (особенно медовеевцы, которые сильно ощущают в нем нехватку), даже самые зажиточные из них, по его словам, имели не более 10–20 низкорослых коров, и от 30 до 50 баранов. Правда, коз разводили в гораздо большем количестве, а из домашних птиц он видел только кур. Пишет он и о том, что в Садзене в «большом употреблении ослы», которые незаменимы в горных условиях для переноски тяжестей.

Что же касается лошадей, то их немного, и они в основном принадлежат князьям и дворянам. Сам он видел небольшой табун в Лиешь. Он видимо, принадлежал Гечбовцам, которые издревле занимались коневодством. Еще Челеби говорил, что из

---

¹ Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. С. 85.

10 тысяч воинов племени кеч большинство было конных¹. Гечба «были традиционными лошадиниками. Их конезавод издревле славился среди горцев Западного Кавказа. Обладателем табунов гечской породы и продолжателем промысла был князь Решид Гечь, который для улучшения породы выписывал производителей из Кабарды». Но еще Лонгворт отмечал, что лошади по породам различаются на Кавказе «в зависимости от района, где они выращиваются: лошади с побережья и высокогорных районов маленькие и не сильные; лошади с низменностей и долин хороши для верховой езды»².

Большое значение имеют сообщения А. В. Верещагина. Брат известного русского художника, он специально изучал земли от Сочи до Гагры и издал свои путевые заметки по поручению товарищества, желавшего основать в этих местах «прочное хозяйство». Из работы А. В. Верещагина можно почерпнуть ценные сведения, относящиеся не только к природным условиям и хозяйственному быту, но и по некоторым другим вопросам этнографии рассматриваемого региона. Эти сведения тем более ценны, что их автор в 1870 году лично прошел все ущелье Кудепсты, ровно через шесть лет после выселения горцев.

Внимание А. В. Верещагина привлекли, прежде всего, здешние непроходимые леса. «Руководствуясь картою, — писал он, — в 1870 году я почти исключительно пробирался посредством расчистки троп цалдами, избирая при этом пункты более возвышенные, с которых возможно было бы сделать обзор окрестностей. При всем моем желании я не мог с верховьев Мацесты пробраться в бассейн реки Хоста, чтобы затем перейти в бассейн реки Кудепста. Я только издали мог видеть,

---

¹ *Дзидзария Г. А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы.* — М. 1976. С. 126; *Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 3.* — М. 1983. С. 50.

² *Чачхалия Денис. Мы — джигеты, народ вольный // Республика Абхазия. 21 июня 1992; АБКИЕА С. 556–557.*

что в этих местах было много черкесских аулов и садов, но что они сильно заросли ненужным кустарником, колючками и проч. Да и комиссия 1866 года, как видно из ее отчета, не могла вблизи осмотреть этих местностей»¹. Но к концу века леса в результате хищнической эксплуатации в ряде мест значительно поредели².

28 июля 1873 г. с целью близкого ознакомления с домашним и хозяйственным бытом черкесов, А. В. Верещагин отправился с проводниками из Адлера вверх по Мдзымте, дошел до урочища Ахштырх (в трех верстах выше Адлерской долины), перевалил водораздел Мдзымты и Кудепсты и вышел к верховьям последней. Здесь, в Лесном (местное название было Псахо, как мы узнаем об этом из другой его работы)³, на правом берегу Кудепсты была расположена первая рота царских войск под командованием «уважаемого горцами» И. Х. Алекси, а на противоположной стороне тянулись постройки жителей, называемых автором «черкесами». Выше, почти до самой вершины хребта, все пространство было занято посевами кукурузы, проса и частично

---

¹ **Верещагин А. В.** Путевые заметки по Черноморскому округу. — М. 1874. С. 61. О том, что в 60-х годах XIX века «на водоразделе между Кудепстой и Хостой было много аулов» сообщает также и И. Клинген. (См. **Клинген И.** Основы хозяйства в Сочинском округе. — СПб. 1897. С. 43. Эти аулы, конечно же, были садзскими, но к тому времени их население уже полностью выселилось.

² Хотя в дореволюционном Сочи и его окрестностях было много лесов — дубовых, каштановых, буковых, грабовых, ольховых и других, в которых часто встречались плодовые деревья, грецкий орех и т. д., но уже далеко не везде была сохранена нетронутой богатая растительность. Грузины и русские — жители с. Пластунка в среднем течении реки Сочи утверждают, что их предки, переселившиеся сюда в конце XIX в. и занявшие опустевшие земли, уже не застали здесь больших лесов, если не считать множества ореховых деревьев, виноградной лозы и плодовых.

³ **Верещагин А. В.** Колонизация Черноморского побережья Кавказа. — СПб. 1878. С. 16.

пшеницы. А. В. Верещагин при этом отмечает, что орудия для обработки земли у них «самые обыкновенные и своеобразные, но отличаются прочностью, так как хорошо наставлены. Черкесы — самые лучшие мастера делать цалды, о которых я упоминал. Пшеница убирается женщинами серпом, но он так мал, что похож скорее на детскую игрушку. Все произведения полевые черкесы перерабатывают у себя дома; водяных и ветренных мельниц они не знают, а размол производят на ручных жерновах величиной в диаметре по 8 вершков»¹.

Немалое значение в жизни садзского населения играла и охота. Как у приморских, так и у горных жителей охотились не только для пополнения запасов мяса, большое значение имел и специальный промысел с целью добывания шкур ценных пород животных. Еще со времен генуэзцев нам известно, что через порты Садзена вывозились шкуры леопардов, лис, особенно куниц, мех которых в этих местах близок был соболиному, и др.

Леса Садзена изобиловали до конца XIX века дикими зверями. Здесь водились леопарды, рыси, дикие коты, куницы двух видов, белки, бобры, выдры, барсуки, медведи двух подвидов, волки (и среди последних вымерший теперь белый альпийский волк с черными кончиками хвоста и ушей), шакалы, лисы, бродили стада зубров, благородных оленей, косуль, ланей, серн, западнокавказского тура, диких коз, водились зайцы и в неслетном количестве кабаны. Последние «повсеместно бродили стадами»² от них не было спасения и чтобы как-то уберечь свои посевы от их нападений, жители зажигали по ночам огромные костры вокруг пашен. Прогоняли их также гиканьем, виз-

---

¹ *Его же. Путевые заметки... С. 82.*

² *Старк А. На Русской Ривьере. С. 34, 40–42, 45, 52, 53, 60–66, 71–75, 84, 85. Сюда на охоту специально приезжали владельцы князь Абхазии. Так, известно, что в середине XVIII в., приехавший на охоту владелец Зураб Чачба (Шервашидзе) был случайно убит в Хамыше бандитами, прятавшимися в лесу.*

гом и разными возгласами¹. Убивали их в огромном количестве, причем убитые животные пропадали даром, ибо местные жители — истые мусульмане — не ели мяса даже дикого кабана², а когда-то в этих же местах поселяне усердно и в широких масштабах, как уже отмечалось, занимались свиноводством: по Эвлия Челеби, еще в середине XVII столетия «у племени Арто было много свиней».

Садзы питались теми же в основном продуктами земледельческого и охотничье-скотоводческого хозяйства, включая сюда и пчеловодство, что и остальные абхазы. Эвлия Челеби оставил нам интересные сведения о пище садзов. Так, он писал: «Мы вкусили сазбаль, мясную похлебку и пасте (*Подчеркнуто мной. — Ш. И.*)»³. В другом месте у того же автора читаем: «Нам преподнесли сто подносов вареной баранины, суп с фасолью, медовый напиток, бузу, пасте, мясную похлебку, подливки»⁴. По словам Ф. Торнау, ели и жареную на вертеле лососину, которую ловили у устьев рек. Итак, алычевую острую подливку «асадзбал», (название которой может быть связано именно с садзами), пшенную и кукурузную кашу «пасте» (абх. абыста), а также другие компоненты абхазской национальной пищи в Садзене знали так же хорошо, как и в остальных частях Абхазии.

Они употребляли и «своеобразный пресованный и твердый мед... в виде напитка, размешивая его в воде». Это, несомненно, «каменный» мед диких пчел, которые во множестве водились в Садзене, как и в остальной Абхазии, и отличались удивительным миролюбием. Гнездились они в дуплах огромных деревьев, в расщелинах скал и в пещерах. Помимо того, что садзы занимались собственно пчеловодством (Ф. Торнау писал, что «пчел разводят у медовеевцев и по берегу моря», то есть практически

---

¹ *Верещагин А. В. Указ. соч. С. 82, 83.*

² *Там же. С. 81.*

³ *Челеби Эвлия. Книга путешествия. С. 50.*

⁴ *Там же. С. 51.*

во всем Садзене), они также занимались и добыванием меда диких пчел. Садзы сбивали с потолка пещер соты с медом «выстрелами из ружей, подставляя большие корыта»¹.

На высоком хребте бассейна Мдзымты, в верховьях р. Лодзырь, между лесными кустарниками росло «растение, называемое чайным деревом, из цветочных чашечек которого горцы приготавливали род чая и употребляли его в большом количестве»². Было бы хорошо, если бы специалисты нашли и изучили садзское «чайное дерево» и возродили напиток из него.

А. В. Верещагин отмечает и большое значение скотоводства в хозяйственной жизни кудепстинцев, особенно козоводства. «Коза, — пишет он, — вообще любимое черкесами животное; из козьего молока они умеют приготавливать особого рода копченый сыр, который весьма долго сохраняется, а это важно по местным условиям климата»³. Они содержали также овец, коров и лошадей. Верещагин приводит и их численное соотношение. Так, на 241 душу обоего пола, которые тогда числились в Лесном, «черкесы» за 1872 год имели: лошадей — 57, рогатого скота — 123, овец — 155, коз — 496 штук, а в 1875 году соответственно — 111, 246, 304, 730, всего — 1394 головы⁴.

Следует, однако, иметь в виду, что под «черкесами» здесь подразумеваются не только сами садзы, почти полностью выселенные в Турцию, но и представители собственно черкесского временного населения из числа оставшихся в родном краю. По словам проводника натуралиста А. Старка Тляходыга, продолжавшего жить в с. Лесном (Псахо), туда вселяли «черкесов

---

¹ **Старк А.** На Русской Ривьере. С. 25, 61.

² **Верещагин А. В.** Путевые заметки... С. 69.

³ Минай Медичи видел у них также особую породу собак... См. **Меликсет-Беков Л. М.** *Pontica Transcaucasica Ethnica (по данным Минай-Медичи от 1815–1819) // СЭ 1950. № 2.*

⁴ **Верещагин А. В.** Путевые заметки... С. 81; **его же.** Колонизация... С. 20.

добровольно выходивших из гор». Среди них был и Тляходьг. Но вскоре «черкесов», по каким-то соображениям властей, переселили на гораздо худшие земли на реке Шахе, а вместо них поселили греков¹. Оставшееся население царские власти переселяли с места на место по своему усмотрению. При всем том приведенное описание вполне отражает быт садзских аборигенов, совсем недавно перед тем покинувших эти места: нет ни одной детали в этих сообщениях, которая была бы не характерной для хозяйственного быта садзов, ведь и пришедшие заняли поселение садзов, используя их дома и оставшееся хозяйство.

Поселения садзов, как и остальных абхазов и соседних убухов, имели усадебный характер. Например, садзское общество Чуа в 150 семей на реке Мца жило «растянуто на расстоянии трех верст». Жилища садзов «состоят, — как сказано в одном описании, — из плетневых и деревянных домов», а в Ахчипсху, где было около 200 домов, они отстояли «один от другого на довольно значительное расстояние» и были «разбросаны на протяжении 5 верст»². Вот что писал С. Сафонов, который еще в 1836 г. проезжал эти места: «16 июля на рассвете мы были на траверсе мыса Мамай, пройдя ночью две прекрасные долины: Субаши и Вардан. В полдень мы достигли другого мыса — Адлер. Все это пространство, на расстоянии слишком 20 верст, покрыто густым дубовым лесом... Надобно удивляться густоте леса, до которого, кажется, не дотрагивалась рука человеческая и который едва пропускает солнечные лучи. И эти леса населены горцами, более всех племен расположенными к разбоям и грабежу. Аулы, или лучше сказать хижины, рассеяны одна от другой на

---

¹ *Старк А. На Русской Ривьере. С. 25.*

² *Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. С. 105.*

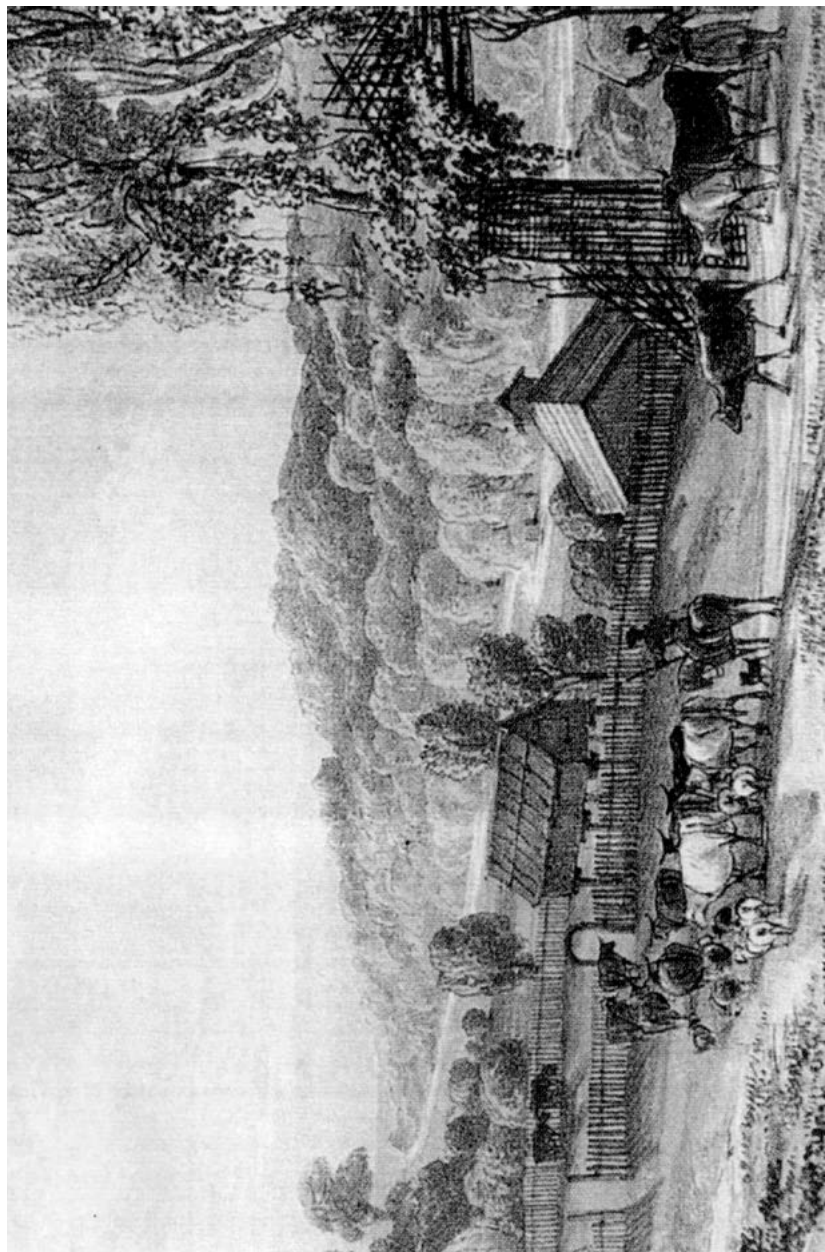
далеком расстоянии и в самом неприступном положении. Один из аулов Зенги красиво разбросан в глубоком ущелье»¹.

Сам А. В. Верещагин, спустя почти сорок лет после С. Сафонова, оставил нам такое описание виденных им жилищ: «Сакли и вообще постройки черкесов миниатюрны, — рассказывает он. — Все вообще постройки у черкесов делаются плетневые... но работа плетневая у черкесов чиста и прочна, так как по плетню никакой промазки, ни снаружи, ни внутри не делается. Постройки кроются или разного рода дранью, или же стеблями кукурузы. Сакли имеют одну только входную дверь, окон и потолка нет. В одном из углов сакли, сквозь крышу проходит опрокинутая плетневая четырехугольная воронка, заменяющая собою печь и трубу, под этой воронкой разводится огонь, и здесь же готовится пища. В смежном с воронкой углу делается нечто вроде низких нар, это место почетное, кунацкое, на которое нас приглашали садиться. Склад для кукурузы и вообще для зернового хлеба делается в виде круглой плетневой амбарушки, поставленной на столбах вышиной около 2,5 аршин от земли; на столбы кладутся каменные, широкие плиты, которые препятствуют крысам и мышам попадать в амбарушку»². К сожалению, А. В. Верещагину, который был в Лесном всего лишь менее суток и к тому же интересовался в основном только хозяйственным бытом жителей, не удалось записать каких-либо сведений о родовом составе и религиозных верованиях местного населения, которое он называет «горцы», «черкесы», хотя он непосредственно встречался и беседовал с некоторыми из них, например, с женщиной молодых лет, носившей адыгское имя Нагида-Загваж, Тляходьк и старшиной Клепшау.

---

¹ **Сафонов С.** Поездка к восточному берегу Черного моря на корвете «Ифигения» в 1836 году. — Одесса, 1837. С. 24. **Верещагин А. В.** Путевые заметки... С. 80, 81, 83.

² **Верещагин А. В.** Указ. соч. С. 80, 81, 83.

Усадьба сочинца в долине реки Сочи. 1837 г. Из книги Джеймса Белла

Садзские жилища делились в основном на две группы: плетеные у крестьян и дощатые у князей и дворян. Многие представители знати строили себе дорогостоящие каштановые дома. По словам Вл. Чернявского, «...все лучшие дома князей абхазских строились из каштанового леса, так же как все лучшие сакли плелись из стеблей рододендрона (более или менее узорно и искусно переплетенных). Каштановый дом князя Джигетии Решида Гечь, после его отъезда в Турцию, был куплен и перевезен в Сухум морем за 120 верст»¹. А в верховьях Хосты, по свидетельству А. Старка, еще долго после выселения в роще каштанов стоял большой княжеский дом². Он же писал, что на Медовеевской поляне еще недавно сохранялись «большие постройки»³.

Важным элементом садзской усадьбы, как и вообще всеабхазской, был обширный, огороженный и открытый двор. Засвидетельствованные разными авторами «разбросанность хижин», «плетневые и деревянные дома», особая воронка над очагом в центре жилища — средоточие семейной жизни, «круглые плетневые амбарушки» для хранения кукурузы и др. дают определенное представление о характере садзских поселений и жилищ»⁴.

---

¹ **Чернявский В.** *Плоды Абхазии, Джикетии и Мингрелии*//*Вестник императорского Российского о-ва садоводства.* — СПб. 1877. С. 213–214.

² **Старк А.** *На Русской Ривьере.* С. 85.

³ *Там же.* С. 30.

⁴ Еще недавно в окрестностях Сочи можно было найти одичавшие плодовые деревья и остатки могучих виноградных лоз, а до революции следы выселенцев встречались на каждом шагу, в том числе не только покинутые сады, но и фундаменты жилищ и других строений. Так, лет 20 с лишним назад старый хостинский житель Н.М. Барибан в одном из бывших селений на р. Ац видел старинную, но еще крепкую лестницу из тиса, а по свидетельству других старожилов кое-где встречались риги на 4-х высоких столбах, где хранили кукурузу. Такие кукурузники, как известно, были характерны для абхазской народной архитектуры.

Одежда садзов во всем основном повторяла общеабхазские черты. Это не значит, конечно, что садзский мужской или женский костюм не отличался и некоторыми своими местными особенностями, которые, к сожалению, уже не могут быть выявлены и изучены по причине трагической судьбы народа. Тем не менее, известно, например, что садзские женщины носили оставшиеся также точно неописанными особые нательные женские шаровары, которых, по словам Е. М. Малия, знают у абхазов под специальным названием «садзских» (асаз-еикуа), а Фр. Дюбуа отметил распространенность у садзов башлыка.

У садзов, как и у их соседей, было развито кузнечное ремесло, и они сами ковали себе оружие и делали порох из высокоценной селитровой травы. Как мы уже знаем, в 1838 году, во время боев за Сочи, убыхи были вооружены шашками, кинжалами, луком и стрелами. Все эти элементы, как и черкеска, являлись неременной принадлежностью одежды и вооружения не только убыхов, но и садзских мужчин. Еще Вахушти писал: «Знаемо, что одежда, вооружение и снаряжение абхазов и джиков те же, что у черкесов, которые иногда по привычке носят и имеретинны»¹.

Традиции мореходства и связанного с ним пиратства, имевшие на побережье глубокие исторические корни, сохранялись у садзов, как и у их соседей, до конца их жизни на родине. Сошлемся только на одно свидетельство. «Убыхи и джигеты, — пишет А. Н. Дьячков-Тарасов, — не в первый раз пускали в ход свою флотилию: в начале 1834 года горцы на нескольких галерах подплыли к Пицундскому укреплению с намерением вырезать гарнизон и ограбить храм», а в 1841 году переправа через р. Бзыбь совершалась абхазами и джигетами «на длинных каюках»².

---

¹ **Амичба Г. А.** *Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников.* — Тбилиси. 1988. С. 79.

² **Дьячков-Тарасов А. Н.** *Гагры...* С. 63, 75.

В заметке очевидца начала 40-х годов говорится: «Для морских разбоев у них в употреблении длинные и остроконечные галеры, чрезвычайно быстрые на ходу, без палуб, об одной, иногда о двух мачтах, в двенадцать или двадцать четыре весла...»¹.

Жители абхазских селений, расположенных по левобережью р. Бзыбь, вынуждены были принимать особые меры предосторожности в целях защиты от постоянной угрозы нападения со стороны воинственных горных племен — убыхов, садзов и др. В частности, на пути предполагаемого следования неприятеля рыли замаскированные глубокие канавы с выложенными камнем стенами. Такие укрепленные окопы, называемые по-абхазски «аматраз» (аматраз), были сооружены, например, калдахварцами в XIX в. у самого начала нового моста через р. Бзыбь для отражения грабительских нападений садзов, убыхов и других горцев, которые захватывали людей и угоняли скот. И абхазы, конечно, совершали в свою очередь подобные же походы в Садзен и далее с теми же целями. К. Л. Агумаа рассказывал о том, как брат его деда Хакуцв Агумаа и Соломон Мканба — оба из с. Анхуа — ходили вдоль берега к садзам через местность Ахац за Гаграми и приводили домой похищенных мальчиков. Лучшее представление обо всем этом дает известная работа С. Т. Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию», так как то, что говорится в ней об убыхах или абхазах, в равной степени приложимо и к садзам.

Сравнительно далеко продвинулись вперед абхазские племена в строительстве разнообразных деревянных и даже каменных мостов через горные реки и ручьи, как для мирных, так и военных целей.

В своем среднем течении р. Бзыбь течет по дну каньона, зажатая двумя отвесными скалами, а около устья Пшицы, которая

---

¹*Пароход на крейсерстве у абхазских берегов // Библиотека для чтения. Т. 56. Отд. 7. — СПб. 1842. С. 17–18; Утверждение наше в Абхазии//КС Т. XIII. — Тифлис. 1889. С. 371–372.*

впадает в нее, стены каньона почти соприкасаются. «В одном месте, — пишет А. Тарасов, — в семидесяти метрах над рекой, обломки скал заклинили ущелье и там образовалась перемычка длиною в два, а шириною четыре метра. Давным-давно кто-то выровнял часть перемычки и получился мост, по которому человек или лошадь могут перейти с одного берега на другой. Когда с этого места смотришь вниз, то реки не видно; она скрыта за извилинами каменной щели, слышен шум Бзыби, ревущей в узкой стремнине. Здесь когда-то пролежала легендарная тропа, шедшая от побережья в «страну Псху»¹.

А вот что писал С. Т. Званба о другом мосте, около середины XIX века: «На день ходу от сей деревни и на таком же расстоянии от псхувских деревень Амызнеха и Регеза находятся развалины древнего каменного моста через Бзыбь. Крайние арки его уцелели, а середина обрушилась. 27 февраля нынешнего года джигеты, положив деревья с одной арки на другую, перешли через Бзыбь и сделали нападение на абхазскую деревню Дурубиш»². Называется этот мост каменным (Ахацха; аха — камень, ацха — мост).

Но мосты в Абхазии сооружались в основном висячими. Так, сочинский старожил А. Старк писал, что в прежние времена через Мдзымту «было устроено много висячих мостов, где канатами служили лозы. По этим мостам переходили не только пешие, но и перегоняли мелкий скот». Ф. Ф. Торнау также видел несколько висячих мостов, около которых находились и броды для лошадей.

Через расщелины в скалах тоже устраивали специальные переходы — «животрепещущие мостики из жердей, мха и каменных плит».

---

¹ **Тарасов А.** Каменное чудо // *Советская Абхазия*. 22 августа 1985 г.

² **Званба С. Т.** *Абхазские этнографические этюды*. — Сухуми. 1982. С. 5–6. Здесь речь идет о с. Джыххуны.

Много внимания уделяли садзы чистоте источников воды и уходу за ними. Родники «искусно обделывались камнями с каменным же сводом сверху». Стены колодцев тоже выкладывались камнями, а отверстия заделывали большими плоскими камнями с выдолбленным небольшим отверстием в центре.

Садзен изобиловал источниками минеральной воды, в которой местные жители, видимо, принимали ванны, оценив по опыту их целительное действие. Их покрывали срубам, которые в нескольких местах видел А. Старк, но они, оставленные без присмотра, совершенно почернели от времени¹.

Одним из важнейших занятий местного населения была торговля, осуществлявшаяся в историческом прошлом, по-видимому, в основном через порт Абаза на р. Псоу и в районе Сочи. На итальянских картах обозначены некоторые торговые пункты побережья, но их точная локализация может быть, кроме Лаиацо (Лиешь), затруднительна. Однако надо думать, что за прошедшие столетия вряд ли изменились главные пункты торговли, связанные, как правило, с их географическим положением. Главнейшими статьями импорта являлись соль, предметы роскоши, пряности, вооружение и боеприпасы (свинец, стрелы, луки, сабли, щиты и другое военное снаряжение, железо в виде брусков и прутьев, ткани, одежда и т. п.). Экспортировали же в первую очередь самшит, воск, мед разных видов, кожи домашних животных, шкуры диких животных, рога и пр. Эвлия Челеби писал, что общество Арт у устья р. Псоу занимается торговлей, «особенно пушным товаром»², который был одной из важнейших статей садзского вывоза вплоть до XIX века. Но ни в какое сравнение не шел никакой товар по значимости как продажа невольников, в основном пленных «невинных мальчиков и девушек». Почти до самого своего выселения, как и все приморские племена, садзы, а среди них особенно бедные горные общества,

---

¹ *Старк А.* Указ. соч. С. 45, 75, 76.

² *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Вып. 3. С. 51.

занимались ею в широких масштабах. Даже к середине XIX в. торг этот не особенно шел на убыль. Так, в 1858 году Д. А. Милютин писал: «садзские (джигетские) работоторговцы под видом поездки в Мекку семьями вывозили в Турцию женщин и детей на продажу и, возвращаясь назад, привозили приобретенные эту продажею товары»...¹

Даже развитие морского дела с древности было непосредственно связано с захватом пленных и их дальнейшей продажей. В этом отношении к садзским князьям может быть приложима характеристика, которую давали сочинскому князю Аублаа. Это — «отчаянный морской пират, владевший замечательным судном и совершавший на своей неуловимой бригаantine во главе таких же головорезов, как и он сам, нападения на крымские и турецкие берега»².

После взятия Сочи, который называли сперва Александрией, затем Навагинским, а потом Даховским посадом, здесь была построена крепость, окруженная земляным валом. Вслед за этим очень скоро завязались мирные отношения горцев с русским гарнизоном и началась оживленная торговля. Был устроен базар, куда местные жители, горские евреи и представители других национальностей выносили свои товары, в том числе иногда привезенные из европейских стран. Туркам и другим иностранцам продавали воск, мед, пальмовое (самшитовое) и ореховое деревья, тисс (красное дерево), а взамен получали оружие, порох, свинец, соль и т. д. Но торговля не ограничивалась только этими традиционными товарами. По словам очевидца, на Сочинском базаре конца 30-х годов XIX века с помощью переводчиков можно было купить превосходные фрукты, мед, копченый сыр, кукурузную муку, баранов, быков, уток, битого оленя, козла, медведя, кабана, местного изделия тканые ковры

---

¹ Цит. по: *Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия.* — Сухуми. 1975. С. 264.

² АКАК Т. XII, Ч. 1, 1881, с. 505, № 429.

и даже ром и некоторые французские вина, продававшиеся европейскими купцами. Основными денежными единицами служили русская 20-копеечная монета (абаз) и рубль (манат). «Оригинальность этого торжища заключалась в его военном, чисто боевом характере. Торговцы приезжали с восточной стороны. Дежурные по базару распределяли их в одну линию, спиной к лесу. Сзади них становились 2–3 полуроты, имея ружья в козлах. Между торговцами и покупателями оставлялись полосы в пять шагов, вроде улицы, по которой ходили дежурные и переводчики из греков. Торг велся через улицу, объяснялись словами и мимикой. Когда приходили к соглашению, покупатель выходил вперед, брал товар и платил деньги»¹. В этом многоликом составе сочинского «торгово-промышленного» населения абхазский элемент (прежде всего садзы) являлся, несомненно, одним из основных.

Социальные отношения и семейный быт принадлежит к числу наименее изученных вопросов садзоведения.

Садзен занимал промежуточное положение между феодальным княжеством Большой Абхазии и «демократическими» обществами Убыхии и Черкесии. Длительное время он находился в переходном состоянии от военно-демократических порядков к патриархально-феодальным. Самые ранние формы феодально-классовых отношений восходят к заключительному этапу существования «царства» санигов. В средние века, особенно в эпоху Абхазского царства, эти отношения получают дальнейшее развитие.

В вышеприведенной надписи на Хонской церкви в связи с походом в 1390 году Вамека Дадиани на Джигетию говорится уже о «многих джикских князьях», а в описании наступления мегрело-гурийских князей 1533 года — о «властителе» джикетов Цандия (Цанба). Даже фамилия владетельных князей Абхазии

---

¹ **Рукевич А. Ф.** Воспоминания старого ереванца // *Исторический вестник*. Т. 137–138. — СПб. 1914. С. 122.

Чачба (Шервашидзе), по мнению некоторых ученых (Г. И. Филиппсон), произошла из Джигетии и связана с садзским феодальным родом Гечь (Чечь)¹.

Социальная структура садзского общества XIX в., как и абхазского вообще, была несколько более сложной и более многоступенчатой, чем убыхского и западночеркесского. В Убыхии, по Ф. Ф. Торнау, только «племя Саше, жившее в районе Сочи», признавало власть князя Ахмета Аублаа, имевшего (по Анрепу) 700 подвластных дворов, а основных дворянских фамилий у них было лишь две — Берзек и Дошен.

У садзов же имелось несколько княжеских фамилий — Цанба, Арт (Аред), Гечба, Хамыш, Мдавей, Ачба, Маршан и др., хотя не все они пользовались достаточным полновластием в своих «округах». Например, согласно тому же автору, в большом садзском («джигетском») обществе Эсхориш, или Арткуадже, вблизи устья р. Кудепста (Худапс), где проживало до 200 семейств, господствовали «уздени фамилии Арта», не повиновавшиеся никому. Приморское общество Хамыш у устья Хосты признавало своим князем Джембулата Хамыш. Большим влиянием пользовались князья Цанба, представитель которых Леван Цанубая (Цан) в начале XIX в. имел 500 подвластных семей.

Без «общей власти» жили особенно в горных обществах, например, в Псху, где, как говорится в одном документе 1838 года, князь Темурква Масипа Маршания был «более прочих уважаем псхувцами по своему зажиточному состоянию и возрасту, но и он не пользовался общим влиянием на народ, самоуправный в полном значении этого слова»².

Представление об определенной иерархической взаимозависимости внутри господствовавшего феодального сословия

---

¹ *Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. — Сухуми. 1965. С. 408.*

² *Докладная записка Цебельдинского пристава Лисовского полковнику Катенину от 24 мая 1838 года // Государственный музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Рукописный отдел. ф. 3, д. 384, л. 2 об.*

дает следующее свидетельство очевидца середины XIX в. — автора неоднократно цитированного очерка «О Гагре и джикетах». Там сказано: «Главные деревни на р. Псоу, принадлежащие Гечьбеям, суть: Багрипшь и Микельрипшь. Микельрипшь ближе к морю и менее Багрипша. Эта деревня принадлежит дворянам Микель и зависит от Гечь-беев». Вот еще одно место из того же весьма ценного по точности сообщаемых сведений документа: «От реки Мехадыр начинается урочище Цандрыпшь, т. е. владение князей Цанбей, и простирается до реки Жуадзехь, при устье которой лежит укрепление Гагры, построенное в 1830 году... Самая большая деревня в Цандрипше есть Бегева на р. Хошупсе в 4-х верстах от моря»¹. Из этого видно, что наиболее крупные садзские феодалы, к которым принадлежал, прежде всего, род Цанба, никому не подчинялись и самолично владели несколькими деревнями².

Некоторые традиции и обычаи, генетически связанные с древним историческим прошлым (например, аталычество), к середине XIX в. пережили свою достаточно глубокую феодальную трансформацию, а другие во многом сохраняли еще черты породившего их родоплеменного общественного строя (например, обычаи экзогамии, кровной мести, многие культы и верования и пр.).

Родовая кровная месть была у абхазов таким же нерушимым обычаем, как и у других соседних народов. Многие абхазы до сих пор помнят предание об одном человеке из рода Цанба, ко-

---

¹ **Шакирбай Г. З.** Абхазские топонимы Большого Сочи. — Сухуми. 1978. С. 30–31.

² Согласно тому же источнику, на р. Хашупса, к северу от Цандрипша, находилась деревня Хыпха (абх. Хышәха). Устье р. Мдзымта под названием Лияш (Лиашә) принадлежало Аредба, а в низовьях той же реки и ее притоков проживали князья Гечба, причем два представителя этой фамилии — Асланбей и Мисоуст — владели селением Патухурха, в часе езды от моря, между реками Псоу и Мдзымта. (**Там же.** С. 30).

торый, не сумев отомстить за отца и считая себя опозоренным, бросился на коне со скалы и покончил жизнь самоубийством, а его младший брат, пуля которого достигла кровного врага, был, напротив, воспет и прославлен в народных песнях.

В одном описании 1859 года сказано: «Особа владельца признается неприкосновенною. Один из владельцев Абхазии, Зураб, был нечаянно убит на охоте в земле хамышцев (общество убыхского (?) племени)¹ хищниками, которые, не зная его и полагая, что их преследуют, и убежище их открыто, убили его для собственного своего спасения. Как только весть об этом происшествии разнеслась по Абхазии, то весь народ поднялся поголовно, напал на хамышцев и в отмщении за смерть своего владельца обложил их данью. Спустя почти полвека, когда хамышцы перестали уже платить дань, владелец Абхазии Келешбей, опираясь на то же право, снова покорил хамышцев, которые освободились потом окончательно при его наследниках»².

Что касается особенностей социальных отношений садзов в рассматриваемое время, то об этом можно сказать в основном словами В. К. Гарданова, относящимися к адыгским обществам: «Хотя общественный строй адыгов в XVIII — первой половине XIX в. характеризуется основными чертами, присущими всякому раннефеодальному обществу, и подчиняется его закономерностям, однако на развитии классовой борьбы, составляющей основное содержание истории феодального общества, и на некоторых сторонах общественно-политического строя адыгов в значительной мере сказалась отмеченная выше специфика, выражавшаяся в том, что феодальные отно-

---

¹ Село Хамыш, которое было расположено у устья Хосты, характеризуется Ф. Ф. Торнау как абхазское. Это приморское село, — писал он, — «признает князем своим Джамбулата Хамышь ..., который считается по роду старшим из абхазских князей».

² Краткое описание восточного берега Черного моря и племен, его населяющих // Институт рукописей АН Грузии. № 403, с. 50. — Тифлис. 1859

шения у адыгов часто маскировались отживающими родовыми институтами и учреждениями»¹, а под их прикрытием происходили глубинные социальные процессы принципиально иного характера.

Садзен, который, как известно, в источниках называется иногда «Малой Абхазией», находился за официальными пределами Абхазского княжества, то есть Большой Абхазии — от Бзыби до Ингура. Вот, в частности, что мы читаем о несовпадении этнографических и политических границ Абхазии у Г. М. Шервашидзе — сына последнего владельца Абхазии. «Непокорные горцы абхазского племени, — писал он в 1910 году в одной своей полемической статье, — народ Псхе и Ахчипсхе ничего общего в своей политической жизни с Абхазией не имел и никогда в состав княжества абхазского не входил, отторгнутый от последнего не только исторически, но и естественными препятствиями»². Обращает на себя внимание, что автор этих слишком обобщающих и категорических слов обходит полным молчанием прибрежные общества, то есть собственно Садзен, политические взаимоотношения которого с Большой Абхазией — мирные и немирные — традиционно носили более интенсивный характер, хотя и связи с некоторыми горскими обществами также были многообразными.

Большое влияние княжества и его правителей на Садзен не подлежит сомнению. Так, мы уже видели, как владелец Абхазии XVIII в. Зураб со своей свитой свободно занимался охотой в богатых дичью лесах Хамыша³. Документами подтверждаются тесные связи и других владельцев Абхазии с северо-западным побережьем Кавказа, особенно с Убыхией, в том числе и в те-

---

¹ **Гарданов В. К.** *Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.).* — М. 1967. С. 328–329.

² **Шервашидзе Г. М.** Так пишется история // «Закавказье». 5 июня 1910, № 125.

³ **Инал-ипа Ш. Д.** *Абхазы.* С. 498.

чение всей первой половины XIX в. Вот что сказано в одном источнике о взаимоотношениях последнего абхазского владельца Михаила с убыхами: «Главный руководитель их Керендук Берзеков живет постоянно в его доме. Князь Михаил... не только позволяет абхазам снабжать продовольствием... убыхов, но и допускает вымен на кукурузу невольников и даже учредил в пользу убыхов особый налог (по 5 кошель с дымом), который взыскивается с жителей с «крайней строгостью»¹.

Постоянное жительство «главного руководителя убыхов» в доме абхазского владельца и другие существенные моменты, содержащиеся в приведенной цитате и других материалах, свидетельствуют о том, что в указанный период Убыхия, не говоря уже о Садзене, фактически находилась в орбите традиционных социально-экономических и политических взаимоотношений с Абхазским княжеством.

---

¹ ЦГВИА ф. 38, оп. 30/286, св. 877, д. 10, л. 31. Цит. по: **Волкова Н. Г.** Этнический состав населения... С. 79.

Глава девятая

ИЗ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ САДЗЕНА

На территории исторического Садзена археологами выявлены многочисленные следы культурного развития края от раннего палеолита до позднего средневековья. К ним относятся, в частности, такие монументальные памятники эпохи ранней и средней бронзы как дольмены (причем здесь находятся различные их типы — монолитные, составные, корытообразные и др.). Немало найдено и остатков эпохи поздней бронзы и античного времени¹. Остатки культуры раннефеодального времени, в том числе периода Абхазского царства, представлены большим количеством поселений, городищ, могильников, ремесленных мастерских, крепостей (Аибгинская, Ачипсинская, Хостинская и др.), христианских храмов², которые, как правило, воздвигались на местах древних языческих капищ особо почитаемых божеств. Такие места у абхазов носили названия «аныха», которое перешло и на церковные святыни (иконы и пр.).

---

¹ **Воронов Ю. Н.** Древности Сочи и его окрестностей. — Краснодар. 1979; **Шамба Г. К.** Погребение II в. из Мацесты //СА 1970, № 6, с. 232–237 и др.

² **Воронов Ю. Н.** Указ. соч. С. 83–110.

Знакомство с фрагментарными остатками религии садзов убеждает нас в общности, можно сказать, идентичности системы верований садзов и остальных абхазов. Это относится, прежде всего, к верховному богу под общим именем Анцва (Анцэа)¹ и к одному из главнейших элементов абхазского язычества – святилищам, о которых несколько сказано выше, также под общим названием «аныха».

На всей садзской (отчасти садзско-убыхской) территории, как и во внутренней Абхазии, было множество «аных». При этом следует отметить, что эти аныхи связывались, как правило, с названием фамилии или рода, поклоняющегося определенному божеству, имя которого не произносилось и с течением времени стиралось из памяти.

Приведем здесь далеко неполный перечень садзских святынь: Аублаа-рныха (г. Сочи), Цаных (в некоторых источниках ошибочное написание: Цанык между Мацестой и Сочи)², Лацуныха (в верховьях р. Кудепста), Лиашвных и Ахных (около Адлера), Вархных /Фархных (где-то вблизи тех же мест), Анахомста/ Аныхапста (между совр. Гребешком и Бегерепстой), Чугурхных/ Чыгурхныха, то есть святилище рода Чыгуба (в 15 км северо-западнее Гагры), Ахашных, то есть «Белокаменное святилище», видимо, там стояла белокаменная церковь (в районе с. Алахадзы), Чгурхных/Егурхных (в районе Гагры) и др.

Некоторые из перечисленных святилищ пользовались в народе особой популярностью. К ним относится Аублаа рныха, что в переводе с абхазского означает «святилище (рода) Аублаа», находившееся в Сочи, в центральной его части. Почти все «аныхи», т. е. священные места и капища, находились в священных

---

¹ Убыхи также знали бога Анцва (**Услар П.** *Этнография Кавказа. Языкознание. Убыхский язык.* — Тифлис, 1888. С. 151).

² Возможно, эта локализация неточна, скорее всего, святыня находилась где-то в пределах общины Цандрипц, простиравшейся от р. Псоу почти до Гагр.

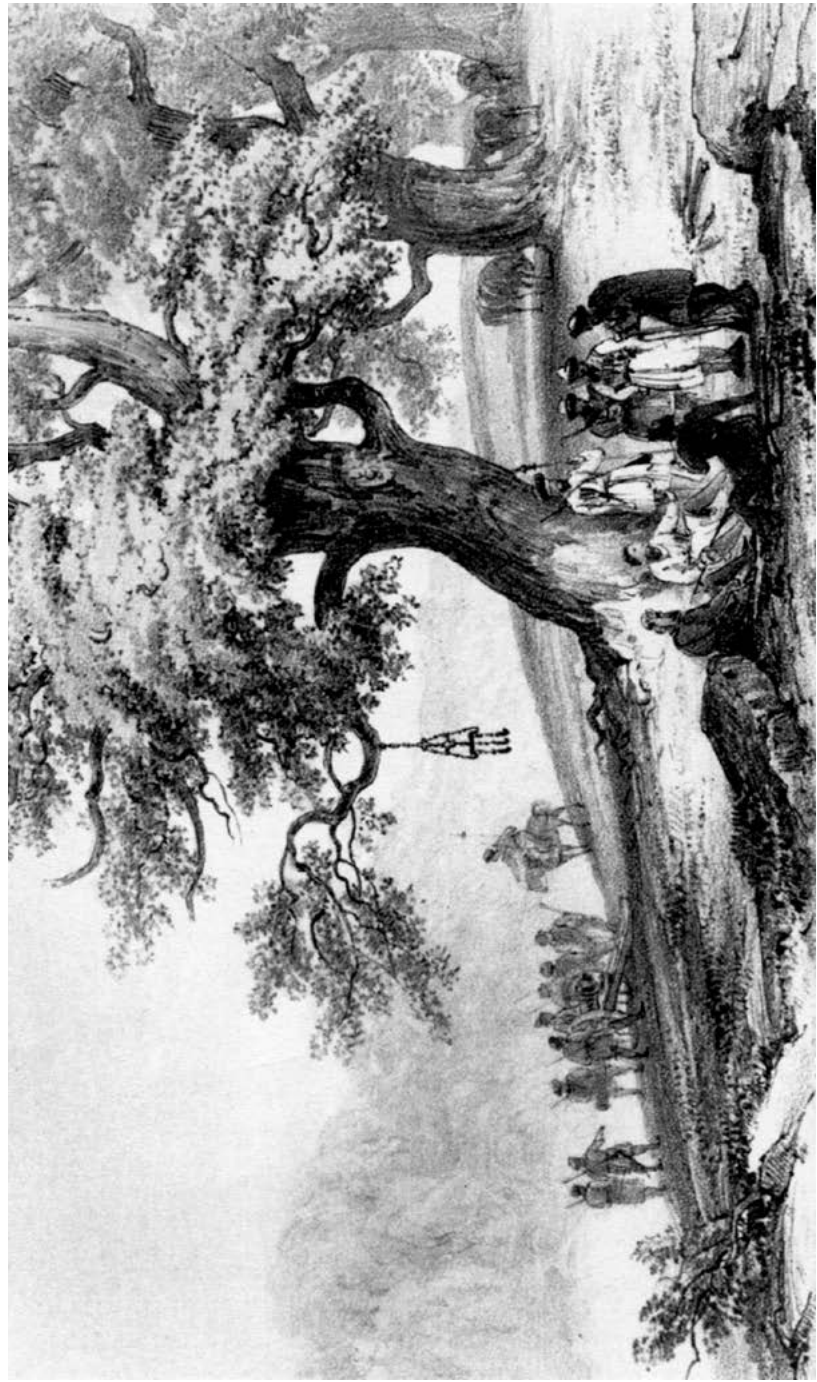
рощах или связывались с олицетворяющим божество деревом. Священные рощи и отдельные деревья, достигшие огромной величины, почитались повсеместно. Почиталась реликтовая роща пицундской сосны; гигантская священная пихта на Красной Поляне; дерево серебристого тополя (Так называемое «кунацкое») в районе среднего течения р. Сочи, где в 1864 г. убыхи держали свой последний совет вместе с садзами; гигантская липа с «большой, как она сама, душой» в ущелье р. Херота; священный колоссальный бук на Кудепсте, в ствол которого был вбит большой медный гвоздь с медной цепью и подвешенным на ней большим медным крестом (на стволе этого бука сохранились и «какие-то заплывшие знаки, что-то вроде древнегреческих букв»)¹. Таких примеров можно привести немало, но особым почитанием пользовались дубовые рощи и отдельные дубы, культ которых был связан с божеством молнии и грома (у абхазов Афы).

Из всех божественных покровителей едва ли не самым influential считалось грозное божество, культ которого оправлялся в горном Псху, на мощной скале под названием Инал-Куба (Инал-Куба). Этому божеству поклонялись и многие роды, проживающие во внутренней Абхазии. Неотъемлемыми атрибутами его являлись отдельные железные принадлежности кузнечной мастерской. Само божество отождествлялось с наковальной (апсынгры), вместе с ней находились и священные молот и кузнечные клещи. Священным считался и мелкий культовый котелок (акуабшьт).

Из истории религии известно, что культ обожествленной наковальни, как правило, связан с божеством металлургии и металлообработки, каковым у абхазов, а надо думать и у садзов,

---

¹ **Старк А.** *На Русской Ривьере*. — СПб. 1913. С. 21, 81; *Путешествие профессора А. Нордмана по Закавказскому краю* // ЖМНП — СПб. 1839, № 11, с. 414–415.

Сочинская святыня «Аублаа-рныха». Из книги Джеймса Белла

был бог Шашвы, но, как ни странно, святилище почему-то носит совсем другое название — Инал-Куба.

По преданию, сохраненному нам Шорой Ногмовым, в Псху находится могила полулегендарного Инала, в правление которого он оказывал особенные милости абазинским (абхазским) князьям Аше и Шаше (Ачба и Чачба). В его время народ жил настолько спокойно, что появилась даже адыгская поговорка «Дай, боже, Иналов день». Князь Инал пользовался в народе большим уважением, и подданные нарекли его великим и мудрым... «В предании об Инале фигурирует и Абхазия, а время его правления по Ногмову продолжалось до 1427 года. «После покорения Абхазии, — как пишет Ш. Ногмов, — находясь на Дзыбе (Бзыби) для заключения мира с абхазскими племенами, он по окончании всех дел скончался смертью праведника». Но, как ни странно, он, по обычаю предков, не был похоронен в месте своей резиденции. «Тело его похоронено в упомянутой земле, а могила его, известная и до сих пор, носит название Инал-кубе, т. е. «Иналова могила (по-абазински)»¹. Однако был ли Инал действительно обожествленной исторической личностью и мы имеем дело с особым культом, или с культом кузни и Шашвы — сказать безоговорочно трудно. В верованиях как приморских и горных садзов, так и у остальных абхазов культ кузни и его покровителя Шашвы занимал большое место. В докладной записке Цебельдинского пристава Лисовского полковнику Катенину от 24 мая 1838 года говорится: «Псхувцы идолопоклонники, они не исповедуют никакой религии. Клятва их, подобно как у многих горцев, совершается в кузницах ударением молотка по наковальне и произношением слова Шумурнис (да буду я проклят)»². «Шумурнис» — это плохо записанное по-русски абхазс-

---

¹ **Ногмов Ш. Б.** *История адыгейского народа.* — Нальчик. 1982. С. 75–76.

² *Государственный музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Рукописный отдел ф. 3, д. 384, л. 2 об., 3.*

Набросок с натуры абхазских аристократов с подписями к каждому из них. Слева направо: Маан Кац, Гечь Асланбей, Аублаа Ахмет, Маршан Зосхан, Инал-Ипа Ростом. Соча, 1841 г. Рис. Г. Г. Гагарина

кое выражение Шашвы-рныс (Шъашэы-рныс), что переводится как «клятва (богу кузни) Шашвы».

В связи с историей Инал-Куба обращает на себя особое внимание сообщение Г. Ю. Клапрота о налькупах и И. Ф. Бларамберга об иналкупах среди обществ садзской территории¹. Трудно сомневаться в том, что иналкупы — садзское подразделение, особенно тесно связанное, по всей вероятности, с нашей загадочной Инал-Кубой.

¹ АБКИЕА. С. 244, 357.

Арсланбей Гечба

Садзы, проживавшие в районе Гагры, поклонялись местному покровителю с соответствующим названием, что можно перевести приблизительно как «Гагринская доля божества» — дословно «доля духа Гагры» (Гагра-инхуу). Этот гагринский покровитель пребывал будто бы где-то на горе вблизи Новой Гагры (кажется, в местности Иагахы). Старики рассказывали, что это был очень могущественный дух, и почему-то мимо его местопребывания никто не мог проехать на белом коне, если конь не был накрыт буркой. Вблизи этих мест, но уже на побережье, располагалось «божество Ага, «пребывающее на морском берегу», наводившее страх на мореходов (Ага-йку). Недалеко от Гагр было и святилище рода Чыгуба — Чыгурханых

или Чугурхных (Егурхных). Скорее всего, оно находилось в Цандрипше и по функциям было близко к грозному Ага-ику, а, возможно, именно ему и поклонялся род Чыгуба.

Не менее значительным являлось и святилище Лиашвныха (Лиашәныха). Так называлась даже вся приустьевая часть долины р. Мдзымта, принадлежавшая, как мы уже знаем, обществу Аред (Арыдаа). Здесь, на берегу моря, в четырехстах метрах к западу от устья реки, на территории современного Адлера, стоял огромный священный дуб под тем же названием Лиашвныха, где до 1864 года джигеты по традиции справляли религиозные праздники, собирались на военные совещания, вершили суд.

С этой местностью был связан некоторым образом и культ бога Ахина. Разные авторы писали об этом странном божестве. Его священная дубовая роща находилась в верховьях р. Шахе, где на ветвях деревьев висели принесенные в жертву предметы вооружения, поржавевшие от времени. В эту рощу с территории общества Арт из стада рода Цебе шла так называемая самошествующая корова черного цвета. Она в свое время особым поведением давала знать хозяевам, что предназначена в жертву Ахину. По дороге к ней присоединялись толпы людей и гнали туда же черных коз. В роще со сложным ритуалом все они приносились

*Аублаа Али Ахмет,
владелец Сочи*

в жертву богу. Как считают некоторые исследователи, Ахин в древности был богом, связанным с морской стихией, а затем культ его переродился и Ахин стал почитаться как бог-покровитель рогатого скота¹. С культом Ахина, по-видимому, связано и название горы Ахун а, может быть, и святилища Ахных, находящегося около Адлера. В культе Ахина много загадочного и он требует специального исследования (ср. с пшавской песней-причетом о двух погибших братьях, в одном из вариантов которой приводится плач их отца):

«Сыновей я послал косить,
Ахун-гора, не видала ли ты их?

---

¹ **Шортанов А. Т.** Адыгская мифология. — Нальчик. 1982. С. 104–107.

— Что нужно твоим сыновьям на Ахуне?
У Чаргали лежали они...»¹.

Имеющиеся данные (археологические, письменные, этнографические и фольклорные) не оставляют сомнений в том, что некогда у абхазов процветал и культ божества собаки, которая являлась объектом религиозного почитания. «Есть и такие племена, — писал армянский путешественник и ученый Минас Бжишкян (Минай-Медичи), которые почитают животных и собаку... Нам рассказывали, что на краю деревни они заметили привязанную на особом месте, большую страшную собаку. От нее, благодаря суеверию, они так дрожали, что каждый раз сначала собаке клали пищу, а затем сами ели остатки»². Это уникальное свидетельство, полученное от очевидца, зафиксировало яркие пережитки культа собаки, наблюдавшиеся еще сравнительно недавно (начало XIX в.), в живом этнографическом быту в одной из абхазоязычных групп (по-видимому, садзов). Оригинальный культ божества под названием АлышкINTR имел, как известно, широкое распространение в прошлом и в других частях Абхазии. В Очамчирском районе в с. Ткварчал есть гора с храмом VII в. под названием Лашкиндар, под этой горой проводили моления в честь божества собак АлышкINTRа.

Интереснейшим памятником социально-политической жизни и духовной культуры садзов является Кудепстинский культовый камень³. Памятник находится между реками Хоста и Кудепста, в верховьях ручья Змейка — первого с юга правого притока Кудепсты, в трех километрах от берега моря, в пре-

---

¹ *Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. — М. 1976. С. 182, 191.*

² *Меликсет-Беков Л. М. Pontica Transcaucasica Ethnica (По данным Миная Медичи от 1815–1819 гг.) //СЭ 1950, № 2, с. 173.*

³ *Инал-Ипа Ш. Д. Кудепстинский культовый камень//Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми. 1971. С. 159–188.*

делах современного поселка Дубравный. Теперь это открытая местность, обрабатываемая под разные сельскохозяйственные культуры. А некогда она была покрыта сплошным девственным лесом, состоящим из дуба, каштана, липы, граба и других пород деревьев, переплетенных лианами.

Возможно, что именно здесь находилось упомянутое выше святилище Лацуныха. Термин «Л-ацу-ныха» состоит, как видно, из трех частей: Л — корень названия рода Лаа, ацу и аныха по-абхазски означают соответственно «община» и «святилище», то есть «святилище рода (общины) Лаа», хотя такое толкование является только рабочей гипотезой.

«Черкесский камень», как его называют современные местные жители, представляет собой песчаниковую глыбу темно-серого цвета, выступающую из-под земли. Это цельный подтрапиевидный монолит и только сверху в центре от времени в нем образовалась неглубокая трещина. Длина Кудепстинского камня 4,9 м, ширина — 4,7 м, а высота — до 0,5 м в южной и до 0,8 м в северной части. Некогда камень был подвергнут целенаправленной обработке с применением камнеобрабатывающих металлических орудий. Именно в результате этой обработки обыкновенный естественный валун предстает перед нами как памятник важного историко-этнографического значения.

Первое, что приковывает к себе внимание, — это два одинаковых, почти равновеликих прямоугольных углубления, вытесанных в обширной грани валуна, обращенной на северо-восток. Эти вместительные глубокие ниши, разделенные между собой массивной перемычкой, представляют собой сидения — как бы два кресла. Но, может быть, в эти ниши помещались скульптурные или другие изображения божеств, или же древние языческие кресты, деревянные или железные (под названием джор у черкесов и джар и абрдзал у абхазов), которые являлись предметом высокого религиозного почитания, как со стороны абхазов, так и их северо-западных соседей, о чем свидетельствуют, например, святилище Гумбовых (Гумбаа рныха) в сел. Куланурхва

Гудаутского района, шапсугское святилище на р. Пшат недалеко от Туапсе и мн. др.

Кудепстинский языческий жертвенник находился на садзской территории, но в непосредственной близости от земель, занятых убыхами, с которыми садзов объединяло ближайшее этнокультурное родство и неразрывные общественно-политические связи.

Правда, этнические границы, как известно, не отличаются стабильностью. А на изучаемой территории в 60–70-х годах XIX в. имело к тому же место еще и переселение остатков коренного населения за море, осуществлявшееся царскими военными властями. Те же, которые ушли в горы, скрывались в лесах и занимались разбоем. Чтобы они не беспокоили новых поселенцев края, их силой выводили оттуда и селили обычно на новых местах, нередко вдали от родных аулов, поблизости от расположения воинских частей. Как видно, именно таким новообразованным аулом, состоявшим из беглых черкесских и, надо думать, садзских крестьян, являлся и аул Псахо в верховьях Кудепсты.

А. В. Верещагин пишет, что в начале 70-х гг. в Черноморском округе еще имелись какие-то «остатки» от выселившихся горцев. Они укрывались в горах и частями выводились царскими войсками. «Последний, самый ничтожный остаток черкесов, державший в страхе новых русских поселенцев юго-восточной части округа, был выведен... летом 1874 года. Черкесы, выводимые из гор, помещались вблизи штабов линейных батальонов, где они и образовывали аулы» — в урочище Божья вода, при р. Псезуапсе и в урочище Псахо¹.

Эти «черкесы» могли быть и садзами, и убыхами, и шапсугами, потому что всех горцев этого региона нередко называли этим обобщающим именем. Вскоре и эти «черкесы» были вы-

---

¹ *Верещагин А. В. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. — СПб. 1878. С. 16.*

селены и помещены в худшие места на р. Шахе, а на их место поселили греков.

«Черкесы» и даже убыхи не были аборигенами (в узком смысле слова) Кудепстинского ущелья. Ими могли быть только садзы. К этому выводу склоняют как общий характер местной топонимики, так и некоторые другие указанные выше бытовые детали, составляющие особенность именно абхазской этнографии, например, разбросанность поселений («хижины разбросаны одна от другой на далеком расстоянии»), характерные дома, использование ручных жерновов, цалд, железных топоров абхазского типа и т. д. Вышеуказанная этимология названия Лацуныха, то есть святилище рода Лаа, и гора Лацуныха, где находятся Кудепстинский камень, убеждает нас также в том, что коренными жителями этого ущелья являлись садзы.

Сложной и противоречивой была в течение веков жизнь садзов и в религиозном отношении. Не обошли ее и мировые религии — христианство и ислам. О многовековом существовании на территории Садзена христианства говорят многие детали их религиозной жизни. По всей территории продолжалось почитание крестов. Так, Минай Медичи (правда, касаясь всего побережья от Анапы до Сухуми) писал, что все абазы «...очень почитают кресты и до сих пор с благоговением хранят их в древних церквах. Если боятся вора, то в соответствующее место кладут крест. Никто не может подойти»¹. О почитании крестов, стоявших в священных рощах и в старинных церквах, много пишут путешественники и даже английские агенты, проживавшие среди населения Причерноморья. Так, когда один из эмиссаров Шамиля Мухаммед-Эмин организовал в 1852 г. ниспровержение крестов, то население осталось крайне недовольным его действиями и «впоследствии жители возобновили их во многих местах, разрушили мечети». Белл еще в 1838 году писал, что «Кажется, в Сочи происходит большой спор по поводу снятия

---

¹ *Меликсет-Беков Л. М. Pontica Transcaucasica Ethnica. С. 172.*

некоторых старинных крестов, из которых три особенно почитаемы. Один висит на дереве, а два других стоят. Кроме того, есть еще много других крестов железных и несколько позолоченных»¹. Но здесь, конечно, мы имеем дело со смешением языческого и христианского культов креста. Такое смешение было видно во многом. Почитание церквей продолжалось в Садзене и в начале XIX века. М. Медичи видел в Адлере большую «церковь, внутри которой помещается очень большой котел. Абазы ежегодно ходят сюда на богомолье, жарят целую корову, и справляют поминки»². По-видимому, руины именно этой церкви видел здесь и Ф. Дюбуа.

Территория Садзена все еще очень слабо изучена с точки зрения проникновения и развития в ней христианства. Это связано, в первую очередь, с отсутствием в наших руках достоверных исторических источников. Полулегендарные данные летописей Грузии и многих церковных историй, как правило, появление христианства на восточном берегу Черного моря связывают с Джикетией и джиками (иногда называют их и сасанигами, а страну то Санигией, то Джикетией). Но все-таки, согласно всем вариантам церковных преданий, первые семена христианства были занесены сюда в результате проповеднической деятельности апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита³. Достоверные же свидетельства — это руины раннехристианских памятников, которых было удивительно много на такой сравнительно небольшой территории. Судя по ним, во всяком случае, с рубежа IV–V вв. в крае уже велось культовое строительство. К со-

---

¹ *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии // АБКИЕА С. 503.

² *Меликсет-Беков Л. М.* Указ. соч. С. 169.

³ *Амичба Г. А.* Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. — Тбилиси. 1988. С. 25–26. Вместе с тем, согласно одному из вариантов легенды, именно джики недружелюбно встретили странников, отвергли их наставления и даже оскорбили апостолов. (*Там же.* С. 78).

жалению, остатки христианских памятников в этом районе еще очень мало изучены. Тем не менее, и то, что сделано, позволяет утверждать о раннем проникновении христианства на территорию Садзена.

Руины христианских храмов раннесредневекового времени и эпохи Абхазского царства разбросаны здесь по всему району междуречья Сочи-Бзыбь и прилегающих с севера земель. Из самых ранних церквей V–VI веков можно назвать такие памятники, как самую большую во всей Абхазии базилику в Алахадзы. Это трехнефный трехапсидный храм первой половины VI в.; это и маленький храмик первой половины VI в., находящийся внутри Гагринской крепости; это и замечательный и достаточно хорошо сохранившийся Цандрипшский храм второй четверти VI в. (о нем см. ниже); до последнего времени сохранялись руины храма на реке Бегерепста (Холодная), о котором писал А. Н. Дьячков-Тарасов¹.

Возможно, именно его остатки сфотографировал еще в 30-х годах известный ученый Я. А. Федоров и прислал фото нам в Сухум. К VI веку относится и маленький храм в крепости на реке Хашупсе, в 30 км от берега моря; сохранились и остатки храма в Веселом, в Адлерском секторе, а выше в горах остатки раннесредневековой церкви, руины которой находятся в крепости, под названием «Монастырь»; храмы на реке Кудепста, в Хосте, на Ахун-горе, в Сочи и др. Интересно отметить свидетельство, которое сохранил нам А. Старк. Он пишет, что на реке Хамыш (Хоста) на самом берегу моря, в наиболее защищенном от прибоя месте находились руины древней церкви, которую местные жители использовали в качестве пристани².

Прекрасное впечатление о редком великолепии существовавших в Садзене раннехристианских памятников, о чем

---

¹ *Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности //ЗКОРГО Кн. XXIV. 1903. С. 41.*

² *Старк А. На Русской Ривьере. С. 16.*

писал еще Арк. Ламберти в середине XVII в., оставляют мраморные архитектурные детали из кафедрального храма с. Хоби, а отчасти и из церкви в с. Цаиши¹, находящиеся на территории Мегрелии. Среди них колонны, капители, столбики алтарных преград, плиты амвона и др., изготовленные в знаменитых проконесских мастерских Византии. Эти детали были использованы для украшения придела и строительства южной стены Хобского храма и в его интерьере, где пол выложен облицовочными плитами (около 50 штук). Эти плиты из характерного проконесского мрамора с синеватыми полосами когда-то служили облицовкой стен храмов Джигетии. На фасаде храма сохранилась надпись, что придел-часовня был пристроен к храму владельцем Мегрелии Вамеком Дадиани в качестве усыпальницы для его отца и супруги, а все мраморные детали и обломки были вывезены (скорее всего, морем) в качестве военных трофеев из Джигетии, куда им был совершен поход где-то в начале 90 гг. XIV века. Подобные изделия известны из лучших и богатейших церквей столицы и других центров Византийской империи и относятся ко времени от начала V до конца VI века². То, что эти детали датируются разным временем и разнятся по стилю, говорит о том, что они были взяты не из одного, а из нескольких, скорее всего уже разрушенных храмов Джигетии.

О богатстве церквей говорит и базилика, развалины которой находятся на территории совхоза «Южные культуры» в Адлере. Богатый мраморный декор церкви, фресковая роспись и мозаичный пол делали ее в свое время одной из лучших церквей края³. К первой половине VI в. относится и мраморная

---

¹ *Хрушкова Л. Г. Мраморные изделия византийского происхождения из Восточного Причерноморья// Византийский временник. — М. 1979. Т. 40. С. 127–134.*

² *Ее же. Цандрипи. — Сухуми. 1985. С. 66–68.*

³ *Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. С. 90–91.*

капителька из развалин храма в местности «Каштаны»¹. Самая крупная из всех церквей Абхазии, уже упомянутая, трехнефная и трехапсидная базилика первой половины VI в. расположена в с. Ала-Хадзы². О богатстве декора деталей более поздней церкви на Ахун-горе говорит архитектурная деталь, найденная на ее руинах. Все эти материалы свидетельствуют о раннем, по крайней мере, с конца IV — начала V в., проникновении и распространении здесь христианства. В то же время нельзя не обратить внимание и на то, какое значение придавалось Византией этому региону, что, видимо, было небезосновательным. Как мы видим, все население Садзена было охвачено ранним диоцезом, возможно, Пицундской епархии.

Свое дальнейшее развитие культовое христианское строительство получило в эпоху Абхазского царства (орнаментированные детали и обломки из церквей этого периода также были вывезены в Хоби). На территории Садзена возводились храмы близкие, а иногда и идентичные тем, которые строились как на территории самого царства, так, видимо, и на территориях, находившихся в сфере политического влияния его царей (такие как Пицундский храм, Лыхны, ранний Бедийский храм, храм, подобный Пицундскому, на правом берегу Ингури, виденный Ф. Дюбуа и др., а также на прилегающей территории Северного Кавказа — так называемая Зеленчукская группа храмов и др.). К церквам подобного типа относятся второй храм типа Лыхны в с. Алахадзы³ (в местности Анцвасаха (Анцэасахьа), т. е. «лик божий») и в Лоо, правда, отстоящий несколько к северу; оба

---

¹ Хрушкова Л. Г. Мраморные изделия... С. 128.

² Азрба З. В. Раскопки раннесредневековой базилики в с. Алахадзы Гагрского района//Мацне. 1972, № 3; Хрушкова Л. Г. Цандрипиш... С. 66

³ Хрушкова Л. Г. Цандрипиш ... С. 66.

они датированы VIII–IX вв. К IX–X вв. относится храм в Монастырской крепости и т. д.¹

Особое место среди ранних храмов Садзена принадлежит Цандрипшскому храму и как наилучше сохранившемуся и как наиболее изученному. Это один из крупнейших раннесредневековых памятников всей Абхазии. Он представляет собой трехнефную базилику, «замечательный и своеобразный объект абхазского церковного исторического строительства», говоря словами Н. Чубинашвили². Значение храма, как мемориального памятника, в значительной степени увеличивают найденные при его раскопках материалы, особенно часть греческой надписи на мраморном фрагменте, как видно, надгробия какого-то выдающегося лица. Наиболее вероятным вариантом восстановления последнего слова надписи является слово «[AB]-AC IAC», т. е. «абазг» или «абазгский»³. Мраморные же детали и их декор из этого храма и хронологически, и стилистически составляют одну группу с ранними архитектурными деталями Хобского храма и относятся к юстиниановской эпохе.

В связи со всем вышеизложенным большой интерес представляет вопрос вхождения Садзена в сферу того или иного диоцеза. Создается впечатление, что с самого начала он был связан с Пицундским (впоследствии Сотириупольским) христианским центром, до конца XIV века входившим в Константинопольский патриархат. Неоднократно Сотириупольский центр объединялся с Аланской митрополией, а в конце XIII века было проведено, по решению синода в Константинополе, объединение трех кафедр — Сотириупольской, Аланской и Зихской, охватывавшей территорию почти вплоть до Тамани. Но это объединение просуществовало недолго и распалось к началу 20-х гг. XIV века.

---

¹ Воронов Ю.Н. Сочи... С. 93, 94.

² Н. Чубинашвили. Предисловие в кн. Хрушкова Л. Г. Цандрипш. С. 3.

³ Там же. С. 47.

В 1347 г. Сотириупольская кафедра вновь по команде из Константинополя объединяется с Аланской, что продолжилось до 1366 года¹. Далее судьба Сотириупольской кафедры до 90-х гг. нам неизвестна.

В 90 гг. XIV в. на территорию Абхазии вторгаются и войска Тимура под командованием брата грузинского царя Георгия Константина и самцхийского атабага. Историк П. Горгиджанидзе пишет, что кто заблаговременно «узнал и скрылся, те уцелели, а кто не смог скрыться — некоторых истребили, некоторых взяли в плен; сожгли Абхазию, разорили ее, возвратились с победой». Как видно, этим обстоятельством воспользовался мегрельский владетель Вамек Дадиани и совершил тогда упомянутый уже поход в Джигетию, надо думать, беспрепятственно. Связь с Константинопольским патриархатом с этого времени прерывается. Дадиани теперь посадил на кафедру Пицунды своего епископа Арсения и с этого времени начинается новая эра в истории Пицундского патриархата, охватившего территорию почти всей Западной Грузии. Но весь этот период с начала христианства и до конца XIV века требует серьезного и специального исследования.

В период турецкого владычества христианство приходит в упадок. Вахушти писал, что «джикеты раньше являлись христианами, а ныне (вера) не известна им»². Ислам, вытеснявший христианство, у садзов, в отличие от некоторых других районов Абхазии, получил более широкое распространение. Однако ни та, ни другая мировые религии не смогли искоренить сложную систему местных верований, которые в продолжение долгих веков спокойно существовали в сознании народа. Садзы, как и

---

¹ Кулаковский Ю. Христианство у алан//Византийский временник. — СПб. 1898. С. 11–13; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). — Сухуми. 1959. С. 241; Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. — Орджоникидзе. 1977. С. 16, 17, 22.

² Амичба Г. А. Абхазия и абхазы... С. 154.

другие горцы, продолжали чтить своих древних богов, не отказавшись, однако, и от почитания крестов (правда, различных форм). У северокавказских горцев христианство и языческие верования к середине XIX в. уже, можно сказать, почти полностью уступили свое место исламскому верованию. В отношении Абхазии этого в такой же степени утверждать нельзя. Конечно ислам, получивший здесь распространение, главным образом из Турции, в течение длительного времени укреплял и расширял свои позиции, в том числе и среди садзов. Но о полной его победе говорить неправомерно. Многовековая мощная система язычества, которое, правда, постепенно деградировало, все-таки сохраняла в основном свою силу.

В XVII веке абхазские каталикосы вынуждены были перенести свою резиденцию из Пицунды в Гелати (близ Кутаиси), большинство церквей было закрыто, многие памятники христианской культуры уничтожены. Но турки все же, не успели полностью выкорчевать здесь глубокие корни и православия. С. Т. Званба писал, например, что у абхазов, как христиан, так и магометан, остались христианские понятия о боге и будущей жизни, что все они вообще питали большое уважение к остаткам христианских храмов и в важных случаях приносили в них присягу¹; они не отказывались от вина, продолжая заниматься и довольно успешно виноделием; праздновали Рождество, Пасху, соблюдали посты, отдых в воскресенье и др. Женщины не носили чадры, а мальчиков не подвергали обрезанию. Правда, Я. Рейнеггс так писал об этом: «магометанская вера им также мало знакома: одни обрезают своих детей, другие не выполняют этого»². Скорее всего, этот обряд исполняли только представители высшего сословия, наиболее тесно связанные с турками. То, что

---

¹ **Званба С. Т.** *Абхазские этнографические этюды.* — Сухуми. 1982. С. 31.

² **Reineggs J.** *Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Th. 2.* Hildesheim — SPb. 1797. S. 4.

говорилось в источниках в отношении связей убыхов с турками, вполне приложимо и к садзам: «у редкого из них нет сестры, либо дочери, проданной в Турцию; многие из этих невольниц сделались женами тамошних сановников» (это продолжалось, по крайней мере, с XVII века). Так, например, известно, что сестра Решида Гечба была замужем за видным турецким сановником, а сестра владетельного князя Абхазии Михаила Аше-Ханум была выдана замуж за пашу Эссада Мухлиса.¹ Так, Эвлия Челеби отмечал, что абаза «не являются приверженцами ни Книги, ни какой-нибудь другой веры», но, что если они примут ислам, то из них получатся «крепковерующие». В отношении общества Кечей он говорит, что «они и понятия не имеют о вере и Книге», а в обществе Арт усиленно занимались свиноводством.

Но несколько иное положение было в обществе Хамыш. Как пишет Эвлия, среди них было много приехавших из Топ-хане (квартал Стамбула, где жили представители кавказских народов, в первую очередь черкесы и абхазы — бывшие невольники, а затем получившие свободу и находящиеся на государственной и другой службе; часть из них в одиночку или с семьями возвращались на родину). Воспитанные уже в настоящей вере, они распространяли ее и на родине. Поэтому у хамышевцев было много мечетей и много мусульман с семьями и домочадцами².

В основном ислам распространял свое влияние в прибрежной полосе. Так, Ф. Торнау отмечает, что «турки в Сочи имеют одно из главных пристанищ своих и отсюда производят торг с горцами» и поэтому именно здесь «влияние турок на жителей, заметно по ревности последних в исполнении обрядов магометанской религии, чего нельзя видеть в других селениях». Так, князь Али Ахмет Аублаа был [будто бы] «ревностный мусульманин и окружен турками». Медовеевцы же в то же время не име-

---

¹ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. — Сухуми. 1975. С. 94, 259.

² Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 3. — М. 1903. С. 51, 53.

ют «никаких религиозных понятий, некоторые только из дворян исполняют обряды, предписываемые магометанскою верою, не заботясь, впрочем, о догмах ее». А в другом месте Ф. Торнау сообщает, что «магометанская религия не распространилась между абазинцами, одни только князья и уздени ее исповедуют и те держатся весьма слабо предписываемых ею правил и обрядов. Народ же не имеет никакой религии, но полон суеверий и предрассудков, обнаруживающих смесь магометанства с идолослужением». В Убыхии же хотя все «Дешен и Берзеки... ревностные магометане, между тем как часть народа продолжает поклоняться кресту»¹, что было характерно и для садзов.

С XVII века турецкая экспансия усилилась. Укрепилось и расширилось ее общее культурно-политическое и торгово-экономическое влияние. Ее агрессия сопровождалась всесторонней активной религиозной пропагандой. В соответствии с этим всемерно вытеснялось ослабевшее христианство и насаждалось мусульманство, отрицательное влияние которого ощущалось в разных сферах народной жизни. Помимо введения налогов на немусульман, поощрялась торговля людьми, что отрицательно сказывалось на демографической ситуации в крае. Ислам сыграл пагубную роль во время махаджирского выселения в «единоверную» Турцию. Однако, несмотря на то, что ислам наложил свой отпечаток на некоторые стороны жизни местного населения, все же абхазы «фанатически ей преданы» никогда не были; такие «столпы ислама», как омовения, ежедневные молитвы, пост в месяц рамазана, запрещение вина, обрезание, паломничество в Мекку и др., ими вовсе не выполнялись или выполнялись лишь частично и в слабой степени. Но и противоположное утверждение о том, что «абхазские князья... не придерживаются в своих жилищах ни одного предписания алкорана» (де-Скасси), является также преувеличением. Если же иметь в виду конкрет-

---

¹ *Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. — М. 1976. С. 103, 106, 111, 118.*

но Садзен, то слова Торнау — «в Медовее только все Маршании и некоторые второстепенные дворянские фамилии исповедуют магометанскую веру; простой, народ склоняется к язычеству» — достаточно точно, в общем и целом, характеризуют положение вещей в крае того времени.

Мы, к сожалению, лишены возможности конкретно судить о садзском народном творчестве. Однако мне приходилось неоднократно слышать от сказителей, что у садзов был богатый музыкальный фольклор, что от них абхазами были усвоены многие песни. Так, по словам старого Сейдыка Агрба, жившего с 1900 года в Гагре, чуть ли не все абхазские народные песни возникли у садзов, например, «Песня об Арыдба», «Рада» и многие др. (Ашәа абастәы ауп иш'рыц). А со слов старого тамышского жителя Сейдыка Гадлия нам рассказывали (по-видимому, с искажениями), что садзы во время своих набегов на селения внутренней Абхазии, иронизируя над местными жителями, пели песню, последнее слово в которой непонятно абхазам:

Уоны агута саафшьхэартоуп	Твоего дома середина ...
Уоны ахықуцаа саафшьхэартоуп,	Твоего дома вершина ...
Иаури! Иаури!	Иаури! Иаури!

Одним из замечательных памятников садзского фольклора являются сказания о герое Мардасоу, сыне Марда¹, который, согласно преданию, по матери происходил из рода Мамдз (Мамзаа), некогда населявшего будто бы Цандрипш и ведавшего всеми горами. Мардасоу отсутствует в системе образов народного устного творчества абжуйцев, а в Бзыбской Абхазии его также лучше знают в пограничных с садзами селах (Бзыбь, Кал-

---

¹ Не является ли имя Мард далеким отражением древних связей, когда гениохи вместе с иранскими племенами мардов, известных в античности воинов-стрелков, боролись против римлян на стороне понтийского царя Митридата в первой половине I века до н. э.?

дахуара, Лдзаа и др.). Кроме того, в самом предании прямо говорится о садзской племенной принадлежности главного героя. Все это заставляет думать, что эти сказания являются, прежде всего, садзскими или, по крайней мере, наибольшее распространение имели именно у садзов

Сам древний памятник представляет собой, по-видимому, остаток целого охотничьего эпоса. Его основное содержание сводится к борьбе за охотничью территорию и на этой основе к непримиримой вражде и единоборству могучего великана (ада-уы), а также волосатого «лесного человека» (абнауафы) и отважного охотника по имени Мард-ипа Мардасоу. Защищая свои, несравнимые ни с какими другими по богатству растительности и обилию дичи охотничьи угодья в Бзыбском ущелье, последний убил прожорливого великана-захватчика, обитавшего со своей семьей в глубине неприступной пещеры (мифическую могилу его до сих пор показывают недалеко от Бзыбского моста на дороге к озеру Рица, где в 1936 году, во время прокладки дороги, был полностью разрушен древний курган).

К числу преступлений страшного великана относится и похищение им прекрасной женщины из садзского рода Бгим (Бгым), которую также освободил из плена благородный и самоотверженный Мард-ипа Мардасоу.

Ф. Торнау упоминает, видимо, о садзском «национальном» богоборце-великане по имени Диц (так же называется и гора с пещерой), прикованном в пещере, где-то между верховьями Мдзымты и хребта (ср. с другим абхазским богоборцем — Абрскилом, навеки заточенном в глубине Члоуской пещеры).

Садзы, конечно, знали и нартские сказания, но, к сожалению, ничего из их вариантов героического эпоса записано не было. В какой-то мере судить об этих сказаниях мы можем по убыхским вариантам героического сватовства великана Нарчхьоу в записи французского ученого Ж. Дюмезиля. Если этот вариант, как и весь убыхский нартский эпос, так близко напоминает собой соответствующие абхазские сказания, то можно

себе представить степень сходства садзских эпических легенд с нартскими материалами остальных частей абхазского народа.

Не оставляет сомнения и факт знакомства, а вернее бытования в садзской среде и ацанского мифа, согласно которому все ацангуары, которыми так густо наполнены садзские альпийские луга, строили карлики-ацаны.

В конце мы хотим привести несколько абхазских пословиц и речений, связанных с садзско-убыхскими группами:

У Ахуновцев (Хуановцев) родился сын (наследник), а люльку раздобыть не могут (Ахунаа ҟа дроун, агара роуам ҳаа).

Для абхаза гость есть Аублаа (то есть также дорог и уважаем, как представитель рода Аублаа) (Аҟсуа изы асас д-Ублааун).

Что ты так задержался, будто тебя посетил сам Аублаа (Унызыкыло иумази, Аублаа дуҭамызтҭҕы).

Кто берет жену из рода Аублаа, тот должен быть таким же бесстрашным, как Аублаа (Аублаа ртҭытҭҕа даазго, Аублаа реиҭи дхаҭазароуп).

Кто обладает мужеством, тот может позволить себе соперничать и с Аублаа (Згуҭҭра бзиоу Аублааггы дрывасуеит).

Застрявший у костра (то есть ничтожный) смеется над Аублаа (Ахушҭаара иҭҕаахаз Аублаа дихыччоит ҳаа).

Спешились все — и владетель, и Лаа¹ только ничтожный Чампашв не сошел с коня (Аҟи-Лааи зегь анесыжәй, Чампашә хуцы дҭеыжәымҭит ҳаа).

Доля (угощения) господина (владельца) досталась (насытила) Алаа (Ах ихуы Алаа дачеит ҳаа).

Кто дошел до Лдзаа, тот добрался (доберется) и до Мдзаа (Лдзаа инеиз Мзааггы днеит ҳаа).

То, что случилось в Лдзаа, то же произошло и в Мдзаа (Лдзаа иҕалаз Мзааггы иҕалеит ҳаа).

---

¹ Сведения о загадочном привилегированном роде Алаа (Лаа), который, по-видимому, как-то органически был связан с родом Аублаа, встречаются чрезвычайно редко.

Что ты так дрожишь за свою жизнь, словно душа самого Аублаа сидит в тебе.

Этим в основном ограничиваются мои материалы по духовной культуре садзов. Более чем вероятно, что эти материалы могут быть значительно дополнены соответствующей поисковой работой среди зарубежных соотечественников.

САДЗСКИЕ СВАТИЛИЩА — АНЫХИ

1. АГА-ЙКУ (АГА-ЙҚУ) — ЧІГУРХА-НЫХА (Еыгурха-ныха, Егрыхаху-ныха) — дух, божество морского побережья, которому поклонялся род Хагуш. Расположено вблизи гагринской речки Цехерва.

2. АНЫХАПСТА (Анахомста́) — между современным Гребешком и рекой Бегерепстой (р. Холодная).

3). АЎБЛАА-РНЫХА — «сваятилище (рода) Аўблаа» на территории г. Сочи (гора Батарейка).

4) АХАШНЫХ (Ахашных) — «белокаменное сваятилище» в районе с. Алахадзы (правое приустье Бзыби).

5) АХНЫХ — сваятилище рода Ахба вблизи Адлера.

6) ВАРХНЫХ (QAPXНЫХ) — сваятилище ВАРХ, ему поклонялись Агумаа (между Гагрой и Сочи).

7) ГАГРА-ИНХЎУ (ГАГРА-АНХЎУ) — покровитель Гагры. Дословно «доля божества Гагринской земли».

8) Краснополянская священная пихта, одиноко стоявшая еще в 1870 году в центре поляны Кбаада (совр. Красная Поляна).

9) КУДЕПСТИНСКИЙ СВАЩЕННЫЙ БУК.

10) КУДЕПСТИНСКИЙ КУЛЬТОВЫЙ КАМЕНЬ вблизи верховьев р. Кудепста, на ее притоке Змейка. Камень имеет две искусственные ниши в виде кресел.

11) ЛАЦУНЫХА, ЛАЦІНУХА — сваятилище (рода) Лац или Ла́а, то есть Лаа – род, а́цу – община, ны́ха – сваятилище. Распо-

ложено в верховьях р. Кудепсты (возможно, на том месте, где находится культовый камень и гора Лацуныха).

12) ЛИАШВНЫХ (ЛИАШӘНЫХ) — святилище Лиашв на реке Мдзымта, в 400 м от ее устья, на территории Адлера, стоял огромный священный дуб. Там до 1864 г. садзы справляли религиозные праздники, собирались на военные совещания, вершили суд и т. п.

13) Пицундская священная реликтовая сосновая роща.

14) Сочинский священный тополь белолистка, называемое русскими «Кунацкое дерево». Находилось вблизи среднего течения р. Сочи, где убыхи держали свой последний совет перед выселением в 1864 г.

15) Священная липа в ущелье реки Херота.

16) ЦАНЫХ — находится между Мацестой и Сочи, но, возможно, было и на территории Цандрипша (святилище рода «Цан»).

17) ЧЫГУРНЫХА, ЧЫГУРХНЫХ, ЧГУРХАНЫХА (Ҕгурхныха) — Чгуровское святилище, находилось в 15 км северо-западнее г. Гагра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Садзы представляли собой одну из абхазских этнотерриториальных общностей и до своего поголовного выселения в Турцию в 1864 г. населяли северо-западную часть исторической Абхазии. Этнокультурная и языковая специфика садзов объяснялась, во-первых, их некоторым территориальным обособлением от остальных абхазских этнических групп, а во-вторых, пограничным расселением в контактной зоне культурного взаимовлияния нескольких близкородственных народов — абхазов, абазин, убыхов, адыгов (причерноморские шапсуги, натухайцы абадзехи).

Садзы не были, как полагают некоторые исследователи, южными абазинами. Однако для их этнокультурной характеристики, несомненно, важным является то обстоятельство, что, будучи, как было сказано, одним из собственно абхазских племен, они исторически непосредственно примыкали к абазинам. «Абхазское племя асадзуа», — писал такой тонкий знаток местных племенных языков, как П. К. Услар. В то же время, как известно, и сами абазины являются народом абхазского этнического корня, отличающимся вместе с тем уже со времен средневековья своими диалектными и другими локальными особенностями. Лишь в этом общем аспекте этнокультурного родства условно можно назвать садзов южными абазинами. В случае их полного тождества, в абхазском языке никак не могло быть двух отдельных, самостоятельных названий для обозначения каждой из этих общностей — «асадзуа» для садзов и «ашвуа» для абазин. В приведенных выше словах Л. Я. Люлье о

том, что не было «никакого различия между названиями абаза, абазинцы и абхазцы», «абазинцы» и «абадза» — «суть одни и те же», речь идет, как нам кажется, во-первых, об общем объеме указанных названий, а не об их более конкретном этническом содержании. Не может быть, чтобы, например, термины «абазинцы», «абадза» и «абхазцы» во времена Л. Я. Люлье не несли никакого отличительного этнического смысла и представляли собой нерасчлененную внутри себя сплошную однородную массу населения.

Во-вторых, нельзя без всяких оговорок переносить ситуацию, которая существовала в давние времена, хотя садзы и абазинцы, по всей вероятности, жили в непосредственной близости друг от друга, составляя некое единое целое, на положение, сложившееся к середине XIX в. Тогда первые еще продолжали оставаться на своей древней прародине, а вторые в основной своей массе уже сравнительно давно обитали за Главным Кавказским хребтом со всеми вытекающими из такой территориальной разобщенности последствиями. Вместе с тем следует иметь в виду, что вследствие исчезновения с лица абхазской земли джигетов, как особой единой этнической единицы, мы лишены возможности сравнительного исследования садзского и абазинского языков.

Приведенный выше материал помогает уточнить наши представления о территориальном содержании названия Садзен, или Джигетия, способствует более точному определению пределов распространения садзов. На юго-востоке поселения садзов, если понимать последний этноним в широком смысле, до второй половины XIX в. (1864 г.) простирались вплоть до правобережья р. Бзыбь, в частности, вся территория современного города Гагра, и стоявшего некогда севернее от него старинного «черкесского аула Мдзаа»,¹ были заняты ими. Что касается северо-западной границы, то она проходила по р. Хоста (Хамыш),

---

¹ **Альбов Н.** Путешествие в Черноморских горах в 1894 году // ЗКОИРГО Кн. XVIII. — Тифлис. 1896. С. 43.

а в несколько более раннее время по реке Сочи, которая носила садзское (следовательно, абхазское) название Сочипста (Шәача-пста), как и селение — Соча (от абх. Шәача), совр. «Сочи». В районе Сочинского левобережья в изучаемое время уже наблюдалось определенное смешение наречий и, конечно, там звучала абхазская речь.

Как мы видим, садзские земли по своим размерам не очень уступали территориям других абхазских этнографических групп, соответственно и сами садзы (в широком понимании этого наименования) представляли собой одно из относительно крупных этнополитических образований исторической Абхазии.

Изучаемое этническое образование выступает под несколькими названиями: садзы, абазы, абадзы, азегы, халцис, джихы, джики, джигеты. Первое из них (садзы) является самоназванием. Этноним «джигеты», видимо, связан не только с грузинским «джики», но и с «джихами» («джыхы», «Тдыхы») — убыхским названием садзов. Вполне вероятно, что от русских этноним «джигеты» стал проникать и, по крайней мере, в княжескую среду самих садзов. «Мы — джигеты, мы — народ вольный...» — говорил садзский предводитель Решид Гечба генералу Гейману, если только здесь слово «джигеты» не принадлежит переводчику княжеской речи¹.

Характерно и тройное самоназвание джигетов: они называли себя, если не считать локального «халцис», то садзами, то азегы и абазы (абадзы), а, согласно Ф. Торнау, еще и общим самоназванием абхазов «апсаца», что является не совсем точно переданным самоназванием абхазов во множественном числе «апсацва» (аҭсатцәа). Под именем садзов они были известны населению внутренней Абхазии.

---

¹ *Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. — Сухуми. 1982. С. 189.*

Выше говорилось о вероятном «исходе» абазин из районов Ахчипсы-Псху, то есть из сопредельных с горными садзами территорий, и о возможных различных причинах переселения (внутренние раздоры, недостаток вполне удобных для сельскохозяйственного производства земель, поиски лучших пастбищных угодий и др.). В народе кое-где называют еще одну причину, о которой не было сказано. Согласно одному абхазо-абазинскому преданию, причиной переселения послужила небывалая засуха¹, поразившая Абхазию, причем миграция осуществлялась будто бы чуть ли не со всего края, по некоторым сообщениям в течение XVIII–XIX вв.² Однако легендарные сведения о такой лютой засухе как единственной причине переселения не подтверждаются имеющимися историческими источниками и даже в определенной мере противоречат им, ибо основные миграционные движения имели место гораздо раньше и протекали в продолжение длительного времени. В указанный же период переселения происходили (главным образом, по мотивам кровной мести) сравнительно малыми группами и в оба направления — как на север за Кавказский хребет, так и обратно на юг, в Абхазию.

При всем том, сам факт переселения абазин в позднесредневековый период из северо-западных областей исторической Абхазии и прилегающих мест на ту сторону Кавказского хребта, в район верховьев Кубани, не подлежит сомнению.

Общему этнокультурному единству абхазского населения, включая садзов, соответствуют и материалы, характеризующие как направление и структуру, так и многие локальные особен-

---

¹ Мне также приходилось записывать вариант этого предания, но только в Абжуйской, то есть юго-восточной части Абхазии.

² **Басария С. П.** Избранные сочинения. — Сухуми. 1967. С. 97; **Тхайцухов М. С.** Этногенетические предания абазин//«Алашара». — Сухуми. 1986, № 7; **Ажиба Л. И.** Об общности обряда вызывания дождя у абхазов и абазин. С. 1 (Рукопись).

ности народного хозяйства и местной материальной и бытовой культуры. Часть этих материалов была приведена выше. Корни этого единства уходят вглубь веков, о чем свидетельствует и такой важный факт, как общность «ацангварской культуры» для всех этих групп. Уклад домашней жизни, обычаи и традиции, бытовая культура народов северо-западной части Кавказа также была, по сути, не только однотипной, а в ряде случаев почти идентичной. Об этом можно сказать словами замечательного исследователя абхазо-черкесского быта А. А. Миллера, который в 1907 г. писал: «Вообще, старая абхазская утварь совершенно сходна с утварью соседних черкесов, которую находят на местах бывших аулов». Это относится и ко многим другим сторонам быта местных жителей региона.

Проведенные разыскания показывают, что этнокультурное развитие садзов было сложным и трудным. Если не говорить о главном — вековом колониальном и классовом угнетении народа, отсутствии письменности и единой религии, а также кровопролитных разрушительных войнах, происходивших на абхазской земле, то к факторам, которые тормозили движение края по пути самостоятельного социально-экономического и культурного прогресса, относились: работорговля и пиратство; «разделение» страны на феодальные и полуфеодальные «владения», почти независимые округа и своевольные общества, затруднявшие процессы этнической консолидации; бесконечные грабежи, набеги, разбои и хищничества, сопровождавшиеся из века в век многочисленными человеческими жертвами, ухудшением демографической ситуации, уничтожением материальных и духовных ценностей; кровная месть и другие стойкие пережитки патриархально-родового строя, замысловато переплетенные с феодальными отношениями горского типа; относительно слабая связь с «Большой Абхазией» при значительном культурном и прочем влиянии северо-западных соседних народностей (особенно на западную часть Садзена), доходившее до смешения племен и языков и др.

Садзы — одно из пограничных абхазских этнотерриториальных подразделений — являлись связующим звеном между абхазо-абазинской, убыхской и адыгской общностями, и они в продолжение веков играли заметную роль в истории края. Особенно тесными были исторические и этнокультурные связи между садзами, абазинами и убыхами, причем садзы составляли этнически переходную часть между остальными северо-западными абхазами, с одной стороны, и абазинами и убыхами — с другой.

Нет сомнений по вопросу важности и необходимости дальнейшего углубленного комплексного изучения проблемы многовековой прошлой жизни генетически родственных народов региона, этнокультурные особенности и исторические судьбы которых взаимосвязаны неразрывно и переплетены между собой самым тесным образом.

Северо-западный Кавказ, населенный с древнейших времен абхазами, абазинами, адыгами, убыхами и их этническими и родоплеменными подразделениями, являет собой уникальный историко-этнографический феномен, «гору» наречий, народностей и этнографических раритетов, особую этнокультурную общность, в основе которой лежат единство прошлых судеб этих народов и их генетическое родство без какого-либо значительного иноэтнического элемента до сравнительно недавнего периода — второй половины XIX века, когда искусственно был резко нарушен естественно-исторический процесс этнического и культурного развития края. Всестороннее исследование их языков, истории и этнографии помогает не только выяснению местных особенностей культуры, взаимных этнических инфильтраций, времени и условий формирования отдельных племен и народов, исторических изменений расселения каждого из них, но также может оказать значительное содействие в научной разработке актуальных теоретических проблем этногенеза, этнокультурной истории и современных этнических процессов вообще.

Мы подошли к концу наших очерков об одном из бывших прекрасных украшений седого Кавказа — маленьком, но красивом и древнем народе садзов. От садзов, оригинальная свирель которых умолкла навсегда ровно 130 лет тому назад, осталось мизерное количество ассимилированных семей в нескольких турецких деревнях, почти забывших родной язык, но сохранивших свое этническое самосознание. А на их родине кое-где еще виднеются развалины христианских храмов, которым они когда-то поклонялись; в ущельях пока возносятся к небу могучие вековые священные деревья, которым местные язычники посвящали жертвоприношения и возносили молитвы своим богам о даровании божьей «теплоты сердца и очей»; на садзских альпийских лугах уцелели тысячелетние ацангуары, строителями которых легенды называют мифических карликов-ацанов, да изредка с трудом можно заметить развороченные места, где преданы земле кости тех, кто решил, как подобает великому духом и отважному народу, умереть свободными.

Фамилии привилегированных сословий Абхазии

(Середина XIX века)

№	Фамилия	Локализация
Князья		
1	Чачба (Шервашидзе) ¹	Почти во всех районах
2	Арынба	Садзен
3	Арыд (Арыдба) ²	Вблизи совр. Адлера
4	Аублаа ³	Устье р. Сочи
5	Ачба (Анчабадзе) ⁴	Во всех районах, в том числе в Садзене
6	Гечба (Гъачба) ⁵	Нижнее течение р. Псоу
7	Дзяпш-Ипа (Загъшь-Игъа)	Сухумский и Очамчирский районы
8	Емхаа (Эмухвари)	Почти во всех районах
9	Инал-Ипа (Инал-Игъа)	Гагрский, Гудаутский, Гальский, Очамчирский районы

---

¹ Фамилия владетельных князей Абхазии.

² Садзская фамилия.

³ Абхазская (садзская) или абхазо-убыхская фамилия.

⁴ Абазинская форма Лоу.

⁵ Садзский род.

10	Маршан (Маршьан) ¹	Гульрипшский, Очамчирский и район Ахчипсы, Псху, а также в некоторых северо-кавказских абазинских аулах
11	Мудавия (Мдаџеи, Маад-ипа)	Среднее течение р. Мдзымта
12	Хамыш (Ҳамышь) ²	Вблизи устья р. Хамыш
13	Цанба ³	Цандрипш
14	Чаабалрхуа	Гудаутский район
15	Чхотуа (Чқотуа)	Гальский район
16	Шат-Ипа (Шат-Ипџа) ⁴ (мегр. Сотскуа, Сотишвили)	С. Река Очамчирского района
17	Швача (Шџача)	В районе совр. г. Сочи
18	Шварыква (Шџарықуа) ⁵	В районе совр. г. Сочи
Дворяне		
1	Акиртава (Ақыртаа)	Гудаутский и Гальский районы
2	Атумава (Атџмаа)	Очамчирский район
3	Ашхацава (Ашџхуатцаа)	Гагра-Сочинский, Гудаутский, Очамчирский районы

¹ Прародиной этой фамилии являлся, по-видимому, Садзен, а точнее Ахчипсы.

² Садзская фамилия.

³ Главный садзский княжеский род (ныне только в с. Тамыш Очамчирского района).

⁴ Патронимическая группа, ведущая свое происхождение от бзыбской княжеской фамилии Чаабалрхуа.

⁵ Швача и Шварыква полулегендарные абхазо-(садзско)-убыхские фамилии.

4	Багба (Бағба), Баг ¹	Почти во всех районах
5	Барас	Гудаутский район
6	Блабба	Гудаутский район
7	Гарцкия (Ғартқьиаа)	с. Бедия Очамчирского района, с. Лыхны Гудаутского района
8	Гъанаба (Гъанараа)	с. Тхина Очамчирского района
9	Допуа (Дапоуаа)	с. Адзюбжа Очамчирского района
10	Званба (Ажәанба)	В основном в Гудаутском, Гульрипшском и Очамчирском районах
11	Куджба (Куџба)	
12	Лакрба	В основном в Гудаутском и Гальском районах
13	Маан (Маргания)	В основном в Гудаутском и Очамчирском районах
14	Маг (Магьба)	В сс. Аацы и Ачандара Гудаутского района
15	Миканба (Мқанба)	с. Анхуа Гудаутского района
16	Мкьялба (Мқьалба)	с. Михельрипш Гальского района
17	Хварцкия (Хуартцкия) ²	с. Киндги Очамчирского района

---

¹ Иногда назывались князьями (князь Ислам Баг).

² Гудаутские Хварцкия дворянами не считались.

18	Цыба	с. Джгерда Очамчирского района
19	Цыцбаа	с. Тамыш Очамчирского района
20	Чачибая	с. Лыхны Гудаутского района
21	Чрыгба (Чыргба) ¹	
22	Цышвба (Тышэба)	сс. Лыхны и Отхара Гудаутского, с. Арасадзих Гагрского и с. Джгерда (Чегем) Очамчирского района
23	Эшба	В прошлом в ряде мест Абхазии; ныне в с. Гуп Очамчирского и в с. Дурипш Гудаутского района ²

---

¹ Садзский род.

² По некоторым данным дворянами считались также Кинца, Озган, Чуа, Цвижба (район Гагра–Сочи), Арлан, Махария (Очамчирский район) и др.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБНИИЯЛИ	– Абхазский научно-исслед. институт языка, литературы и истории им. Д. Гулиа, Сухум /ныне АБИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований/
АБКНКА	– Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974
АКАК	– Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Тифлис
ВДИ	– Вестник древней истории, Москва
ВЕ	– Вестник Европы, СПб
ВИ	– Вопросы истории, Москва
ВС	– Военный сборник, СПб
ВУА	– Военно-ученый архив, Москва
ВЯ	– Вопросы языкознания, Москва
ГАКК	– Гос. архив Краснодарского края, Краснодар
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения, СПб
ЗКОИРГО	– Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества, Тифлис
ИАН	– Изв. Академии наук, СПб–Москва
ИКОИРГО	– Изв. Кавказского отдела императорского Русского географического общества, Тифлис

КК	– Кавказский календарь, Тифлис
КС	– Кавказский сборник, Тифлис
КЭС	– Кавказский этнографический сборник, Москва
РВ	– Русский вестник, СПб
СА	– Советская археология, Москва
СМИК	– Сб. материалов по истории Кабарды, Нальчик
СМОМПК	– Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис
СЭ	– Советская этнография, Москва
УЗАдНИИЯЛИ	– Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Майкоп
ЦГА Абхазской АССР	– Центральный гос. архив Абхазской АССР /ныне Центральный гос. архив Республики Абхазия/, Сухум
ЦГВИА	– Центральный гос. Военно-исторический архив, Москва /ныне РГВИА — Российский гос. Военно-исторический архив/.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

История каждого народа — большого или малого — уникальна и неповторима. Каждый народ проходит свой, необратимый путь тысячелетнего развития, обретая в нем индивидуальный опыт этнокультурного бытия, внутреннего самоустройства, духовного осмысления мира. Этот опыт одинаково ценен для человечества и потеря любой из страниц Великой Книги обедняет и нашу жизнь, и нашу историю.

От истоков до сегодняшнего дня одной из главных своих задач этнография считала изучение этнокультурного прошлого народов, их генетических корней, сложных линий и скрещений этнической истории. Задача еще более усложняется, если исследователь берется за изучение народа, которого уже нет. Читатель только что прочел книгу о небольшом кавказском народе, к настоящему времени, исчезнувшему с этнической карты региона.

История садзов трагична и печальна, хотя и не столь редка в кровавой летописи войн и завоеваний. После окончания Кавказской войны садзы были вынуждены в 60-х годах XIX в. покинуть родину. Оказавшись в Османской Турции, садзы, как убухи, абазины, частично и абхазы, адыги и другие выходцы с Кавказа, со временем этнически ассимилировались с окружа-

ющим турецким населением. Садзская этнокультурная традиция постепенно угасала, однако этот процесс, по счастью, не завершен. Как показывают материалы книги, потомки садзов проживают в Турции компактными поселениями, сохраняют представления о своей исторической родине, этническое самосознание, отмечено владение, наряду с турецким, родным языком. Сохраняются и продолжают функционировать в повседневном и праздничном быту многие элементы традиционной культуры — фольклор, поведенческие стереотипы, семейные нормы. Но на самой исторической родине лишь этноним «асадуа», сохранившийся в языке и памяти абхазов, да немногочисленные упоминания авторов прошлых эпох свидетельствуют о былом существовании садзов в Восточном Причерноморье к югу от бассейна р. Соча.

Известный абхазский ученый, этнограф-кавказовед Шалва Денисович Инал-Ипа предпринял первый исследовательский шаг по комплексному изучению этнического и культурно-бытового развития садзов. Без сомнения, кавказоведение пополнилось новым, весьма ценным трудом, закрывающим существовавшую по сию пору лакуну в наших знаниях об этнической и этнокультурной истории Восточного Причерноморья. Скрупулезный и многолетний труд Ш. Д. Инал-Ипа позволил суммировать и систематизировать разрозненные письменные свидетельства о садзах и их соседях, собрать воедино фрагменты сведений о бытовой культуре, обычаях и традициях садзов. Кажется, что сам садзский народ восстает из небытия, поведав со страниц книги о своем прошлом, своей истории и культуре. Не часто исследователям удается последовательно и четко выполнить поставленную сверхзадачу. Думается, что в данном случае автору это удалось.

Без сомнения, опорой Ш. Д. Инал-Ипа в работе над монографией послужили поистине энциклопедические знания

конкретной этнографии этнокультурного мира народов Восточного Причерноморья. При этом свободное владение этнографическими фактами опирается на не менее доскональное знание соответствующих источников и литературы, что в сумме дает исследователю право попытаться реконструировать исторические (в широком смысле слова) процессы, протекавшие в данном регионе на протяжении столетий. Восстанавливая по крупицам картину садзской этнографии, Ш. Д. Инал-Ипа через все исследование красной нитью проводит мысль о том, что садзы являлись частью абхазского этноса, его этнотерриториальной, этнографической группой.

Как и для автора, кавказоведение является сферой моих профессиональных интересов. Поэтому не скрою, что я внимательно и пристрастно знакомилась с новым исследованием Ш. Д. Инал-Ипа — и как заинтересованный читатель, и, волею обстоятельств, как редактор рукописи. Мой интерес к работе был вызван и уже отмеченным выше историографическим фактом неразработанности многих проблем этнографии народов Восточного Причерноморья. Здесь еще немало спорного, дискуссионного, неясного. Труд Ш. Д. Инал-Ипа прояснил многие вопросы, хотя многие, на мой взгляд, еще остаются без ответа. И как это часто бывает в новаторских исследованиях, разрешая одни проблемы, автор невольно ставит перед читателем другие. Так, проведенный Ш. Д. Инал-Ипа подробный анализ этнолокальной самобытности садзов наталкивает на выводы, которые, как мне кажется, требуют дальнейших уточнений выводов автора о безусловной этнической идентичности садзов и абхазов. Позволю пока не согласиться и с категоричными утверждениями автора, касающимися, в частности, предположения А. Н. Генко о принадлежности в средневековье южных абазин убыхам. А. Н. Генко основывает свои предположения на языковых материалах — источнике, пожалуй, наиболее надеж-

ном как этнический определитель. [Однако, автор послесловия использует при этом работу А. Н. Генко 1928 года, в которой он высказал предположение, о том, что абазины были убыхами и говорили на убыхском языке. Здесь вновь приходится повторить вышеприведенный материал: в более поздней своей работе 1955 года А. Н. Генко пишет следующее: «...почти полная оторванность абазин от Абхазии служит достаточно хорошим объяснением тех особенностей абазинского языка, которое дает основание... противопоставлять абазинские наречия и говоры в качестве самостоятельного языка всей остальной массе абхазских наречий, с которыми в отдаленном прошлом составляли единый в языковом отношении массив... взаимопонимание в пределах которого было значительно легче достижимо, чем в настоящее время». См. гл. седьмую» *Прим. изд.*]

Однако, несомненно, каждый исследователь имеет право на свою концепцию, свою точку зрения. Будем надеяться, что дальнейшие исследования внесут ясность и уточнят многие историко-этнографические проблемы, поднятые и рассмотренные Ш. Д. Инал-Ипа в настоящей монографии.

Как странно и таинственно перекликаются порой знамения далеких друг от друга эпох — ответ трагической судьбы садзов лег и на рукопись посвященной им монографии. В предисловии автор поведал об испытанных им мытарствах публикации своего труда. Однако «Садзов» ждала и более страшная участь. Ужасный пожар, охвативший здание Абхазского института языка, литературы и истории в октябрьский день 1992 г., стал одним из самых трагических эпизодов грузино-абхазской войны. Огонь уничтожил здание института. В пламени погибли библиотека, научный архив, рукописи, археолого-этнографические материалы. Многие сотрудники института, в том числе Ш. Д. Инал-Ипа, лишились результатов своих многолетних изысканий, которые оказались безвозвратно утерянными. Однако по счастливой

случайности, экземпляр «Садзов» в тот роковой день находился в доме у автора. Преодолевая трудности военного времени в Сухуме, пережив нанесенное войной тяжелое личное горе, автор нашел в себе силы доработать текст и переправить экземпляр в Москву. Ныне работа выходит к своему читателю.

Нам приятно, что это происходит в знаменательное для автора время. Старейшине научного сообщества кавказоведов Шалве Денисовичу Инал-Ипа исполнилось 80 лет.

Его вклад в науку огромен и неоспорим, его книги являются краеугольным камнем современного абхазо-адыгovedения.

Выход в свет новой монографии Ш. Д. Инал-Ипа — еще одно свидетельство неувядаемого таланта исследователя и высокий пример самоотверженного служения науке.

Н. Г. Волкова

К статье В. А. Чирикба

Подготавливая свой труд «Садзы» к первому изданию, Ш. Д. Инал-Ипа считал очень важным сделать приложение к этой работе еще неизвестными тогда материалами о садзах, неопровержимо поставившими точку в определении их этнической принадлежности. Эти материалы собрал в Турции доктор филологических наук, профессор Вячеслав Андреевич Чирикба. К этому времени Ш. Д. уже знал, какими ценными материалами он владеет как по расселению абхазских субэтносов в Турции, так и по языковому своеобразием каждого из них. Как считал Ш. Д. Инал-Ипа, материалы, зафиксированные В. А. Чирикба, имеют огромное значение в вопросе идентификации садзов. В. А. Чирикба, выезжая в экспедиции в Турцию по проекту Института сравнительного и описательного языкознания Лейденского Университета, в котором он тогда работал, провел большую исследовательскую работу. Благодаря собранному лингвистическому материалу, ему удалось доказать принадлежность речи садзов к западной группе абхазских диалектов. Это было исключительно важным открытием, тем более ценным, что садзов, как правило, в литературе перестали считать частью абхазского народа. Так, грузинские ученые считали садзов народностью, относящейся к западно-картвельскому этническому миру, а большинство российских и северо-кавказских исследователей продолжают и сейчас относить садзов к абазинам, упорно на-

зывая их «южными абазинами». Переехав в Абхазию, уже на базе АБИГИ В. А. Чирикба продолжил свою работу в том же направлении, не оставляя ее и по сей день. В результате нескольких экспедиций ему удалось собрать большой дополнительный материал, позволивший выделить на территории исторической Западной Абхазии два диалекта: садзский (с говорами халцys и цвыджы) и ахчypсы с псху. Тогда, в 1995 г., в приложении к первому изданию книги «Садзы» удалось опубликовать статью В. А. Чирикба под названием «Расселение абхазов в Турции». Учитывая желание Ш. Д. Инал-Ипа приобщать к его исследованиям лингвистический материал, я, отдавая дань его памяти, вновь обратилась к В. А. Чирикба с просьбой подготовить его последние исследования для приложения и ко второму изданию книги «Садзы». В. А. Чирикба любезно согласился, за что выражаю ему большую благодарность. Помимо лингвистического очерка садзского диалекта, В. А. Чирикба к своей статье прилагает также два записанных им садзских текста на говорах халцys и цвыджы, снабженные русским переводом.

М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа

В. А. ЧИРИКБА

Садзский диалект абхазского языка и его говоры¹

*Посвящаю статью памяти моей садзской
бабушки Эйзаханым Дамеевны Мкял-пха и пра-
бабушки Терезии Селимовны Мкял-пха.*

До недавнего времени о садзском диалекте абхазского языка известно было очень мало. Хотя в монографии Э. Килба (1983), посвященной изучению речи аджарских абхазов, и рассматривались особенности формы садзского диалекта функционирующего в условиях Аджарии, не было ясности, насколько они соответствуют параметрам речи основного садзскоязычного ареала в Турции, не претерпевшего, в отличие от аджарских абхазов, какого-либо влияния грузинского и русского языков. Мои полевые исследования в Турции, начиная с ноября 1991 г. и вплоть до 2010 года, позволили в достаточной степени уяснить его основные особенности. Данная статья представляет собой краткое изложение основных результатов изучения этого все еще малоизвестного абхазского диалекта.²

---

¹ Выражаю благодарность Борису Джонуа и Александру Анкваб за комментарии к тексту статьи.

² Данная работа представляет собой переработанный и дополненный вариант статьи **Chirikba** (1995).

Садзы в Абхазии.

На садзском диалекте, до депортации 1864 года в Османскую империю, говорило абхазское население на территории от нынешнего города Гагра в западной Абхазии до реки Мцаста (Мацеста) и далее на северо-запад, до реки Сочапста (нынешний Сочи). Садзский диалект абхазского соседствовал с бзыпским диалектом на востоке, с ахчипским диалектом на севере и с убыхским языком на западе.

Садзская Абхазия (по-абхазски *Сазы-н//Саз-ны* ‘страна садзов’) представляла собой холмистую страну, удобную для сельского хозяйства и животноводства. Главными реками на территории Садзны были, с запада на восток, Мцаста, Хуаста/Хамышь, Кудапста, Хуарота (ныне Херота), Мдзым(та), Псоу, Мехадыр, Хашпсы, Багрыпста и Жуадзыхь/Жуаюакуара.

Прибрежная зона долины реки Мдзымта была известна как Лиашв (*Лйашә*¹), где располагалось крупное общество *Арыд-аа* (ок. 430 дворов)², принадлежавшее садзскому княжескому роду Арыдба; от этого имени производно современное название города Адлер.³ Выше Лиашва в долине Мдзымты располагались общества Бага и Цвыджаа, управлявшиеся одноименными дворянскими фамилиями. В низовьях долины реки Псоу и ее при-

---

¹ Фонетическая реконструкция на основе записи *Лйавшь* в Нордман (1838: 415).

² См. *Торнау* (1835: 106).

³ Название Адлер происходит от искаженной русской передачи турецкого *Arid-lar* ‘Арыдовцы, люди рода Арыд-ба’ (калька с абх. *Арыд-аа* ‘то же’; тур. *-lar*, абх. *-аа* — суффиксы мн.ч.) — так турки называли садзское село, получившее название по имени главенствующей в нем фамилии Арыд-ба. У авторов XIX в. и на старых картах название приводится ближе к турецкой форме, ср. Аридлер у Г. И. Филиппсона (1863: 862), Ардиллер у Боденштедта. Указание на производность названия *Ardiller* (т.е. Адлера) от садзского княжеского рода Арыд (неточно переданного автором как *Ardil*) см. уже у Ф. Боденштедта (Bodenstedt 1848: 196).

токов располагалось общество *Гъачрыҭшь* во владении князей Гячба (ок. 80 дворов). В деревне Багрыпшь (*Багрыҭшь*) в долине Псоу, в котором проживало более 100 семей, правили дворяне Кинца, а деревней Мкялрыпшь (*Мк̑ьалрыҭшь*; 80 дв.) в верхнем течении Псоу владели дворяне Мкялба; оба села находились в феодальной зависимости от князей Гячба. Между реками Ме-хадыр и Жуадзыхь обитало общество Цандрыпшь (*Цандрыҭшь*) под предводительством князей Цанба, в котором было 200 дворов; род Цанба, насчитывавший около 60 дворов, был сильнейшим в Садзской Абхазии. Самой большой деревней в этом обществе была Бегева на реке Хашпсы, насчитывавшая около 50 дворов. Деревня Хышха (*Х'ышәҳа//Х'ышәҳарыҭшь*) к северу от Цандрыпща на реке Хашпсы насчитывала до 100 дворов и принадлежала княжескому роду Ачба. В обществе *Хә́аста//Хамы́шь* было ок. 80 (по другим данным — ок. 40) дворов. Общество цвыджи проживало на реке Кудыпста (*Кәыдыҭста*) и насчитывало около 200 дворов. Располагавшееся на реке Мцаста¹ общество Чыуа под властью дворян Чыуа насчитывало 150 хозяйств, а общество Халцыс (*Хә́лцыс*) на правом берегу Мцасты насчитывало до 60 семейств. Другими садзскими селениями были: *Ламейрыҭшь* (20 дв.), *Арынзаа-рыцыута* (70 дв.), *Ашыцха-*

---

¹ Из абхазского *Мца-ста* < *Мца-нста 'ущелье реки Мца (огненная)' (а-мца 'огонь', а-нста 'ущелье'; см. Бгажба 1964: 256). Торнау (1994: 148) дает абхазское название реки как *Мца*, т.е. 'огонь'. Обоснование этимологии вполне очевидно. «Название Мацеста («огненная вода») оправдывает само себя. От соприкосновения с мацестинской водой кожа и слизистая оболочка краснеют, начинается легкое жжение. Запах мацестинских вод и грязей типичен для любых сероводородных источников» (см. [http:// www.kristall-sochi.ru/macest.php](http://www.kristall-sochi.ru/macest.php)).

ра (20 дв.), *Самейхэарыңишь*¹ (70 дв.), *Абаажэ́та*² (25 дв.), *Гагра*//*Гагрыңишь* и др. (см. Торнау 1835: 105–107; Торнау 1994: 146, 148; Званба 1982: 7–12; Нордман 1838: 415; Волкова 1974: 76).

Что касается демографической статистики, то ценные данные о населении садзских сел можно найти в статье 1838 г. финско-русского исследователя Александра фон Нордмана (с. 414–415). Так, в Цандрыпщском округе он насчитал 10 садзских сел состоявших из 340 хозяйств, в округе Гяч — 9 сел, состоявших из 290 хозяйств, а в округе Ясхрыпщ — 10 сел и 440 хозяйств. По его подсчетам, в Садзыне всего было 29 сел, состоявших из 1070 хозяйств. Согласно Ф. Торнау (1994: 104), садзское население между Гагрой и Сочи насчитывало 11 тысяч человек, а в докладной записке он оценивает население Садзына в 11,500 человек и 2300 семейств (Торнау 1835: 100). Документ российского военного командования от 6 июня 1840 года определял число садзов в 12 тысяч человек, а Г. И. Филипсон насчитывал у садзов до 3000 дворов (см. Куправа 2011: 223, 256).

В течение длительного времени садзам удавалось сохранять свою политическую автономию, не подпадая под контроль со стороны абхазского княжеского владетельского дома Чачба и оставаясь за пределами официальных границ Абхазского княжества. Садзы управлялись собственными князьями (Арыдба, Ачба, Гячба, Хамышь, Цанба) и дворянами (Чыу, Багба, Мкялба и др.). Политически и культурно они были тесно связаны с горными абхазскими племенами Ахчыпсы и Аибга (которые также были независимы от владетелей Чачба) и с убыхами. Однако в прежние времена, согласно Н. Н. Раевскому, «все пространство

---

¹ Фонетическая реконструкция на основе записи *Сомхурупши* в Нордман (1838: 415) и *Сумхрипи* в записке Филипсона (см. Куправа 2011: 299).

² *Абаа-жэ-та* ‘место старой крепости’. Фонетическая реконструкция на основе записи *Абаавишта* в Нордман (1838: 415).

от реки Хамыш <...> до границы Мегрелии принадлежало князьям Шервашидзе [Чачба]» (цит. по Генко 1928: 234).

Между 1810 и 1864 гг. российская администрация разделила Абхазию на Бзыпский, Абхазский (Сухумский) и Абжуйский округа. В 1840 г. на территории между Гагрой и Хуастой, называемой «Малой Абхазией», было создано Джигетское¹ (т. е. Садзское) приставство. В 1841 г. Джигетское приставство было присоединено к Абхазскому княжеству.

В 1840 году садзы присоединились к убыхско-шапсугскому военному союзу против русских, однако неудачи военной кампании вынудили их искать мира. Хотя многие из них официально приняли российское подданство, непримиримые убыхи помешали установлению их более тесных связей с русской администрацией. Убыхский военачальник Хаджи Берзек Дегумоко объявил о планах карательных акций против садзов с целью вынудить их отказаться от верности русским, угрожая опустошением их земель (Дзидзария 1982: 87). Садзы, таким образом, оказались между двух огней — между воинственными и бескомпромиссными убыхами и военной мощью русских. Однако к 6 марта 1864 года последние убыхи прекратили сопротивление, а 19 апреля весь убыхский народ навсегда покинул Кавказ, эмигрировав в Османскую Турцию. В том же роковом 1864 году царской администрацией были почти поголовно выселены в Турцию и все садзы, вместе с ахчипсами, айбговцами и псхувцами.

---

¹ *Джигет* — русское название садзов, основанное на груз. топониме *džik-et-i* ‘страна джиков’ (груз. суффикс *-et* означает ‘место’ или ‘страну’), который русские восприняли в качестве этнонима, ср. так же русск. осет-ин из груз. топонима *os-et-i* ‘Осетия’, ‘Страна осов’. Никакого отношения к русск. *джигит* ‘лихой наездник’ (вопреки, напр. *Bodenstedt* 1848: 196) это слово не имеет, так как последнее тюркского происхождения (см. *Инал-ипа* 1995: 96). Груз. *džik-i* ‘джик, житель страны между княжеской Абхазией и Адыгеей’ заимствовано из убых. *джьыхь* ‘абхаз’ (*Vogt* 1963: 234) или ‘абадзех’ (это значение сообщено мне убыхом Т. Есенчем в декабре 1991 г.).

Лишь немногим садзам было разрешено остаться в Абхазии. Так, 81 семья (493 чел.) были поселены вблизи Гагрской крепости на реке Гагрыпщ (Дзидзария 1982: 213, сн. 330). Потомками их являются нынешние гагрские роды *Мқъáлба*, *Қаңиш*, *Псáрдиа*, бзыпские *Ашх'арáа* и др.¹

Османское правительство, которое благоприятствовало иммиграции кавказских мусульманских народов в Османскую империю, использовало их для колонизации пустых земель, а мужчин использовало в качестве военной силы. Некоторые садзы предпочли поселиться в Батуме (ныне в Аджарии в Грузии), входившем тогда в состав Турции, и географически бывшем ближе к их родине. Часть нынешних батумских абхазов (сс. Ферия, Самеба и др.) по происхождению являются садзами. Однако позже многие садзы переехали из Батума в Анатолию. Других садзов сначала поселили на Балканах и лишь затем они переехали в Малую Азию. В процессе переселения многие тысячи эмигрантов умерли от голода и инфекционных болезней.

Сразу же после очищения территории Западной Абхазии от коренного населения, царская администрация начала энергичную колонизацию опустевших земель “лояльным” христианским населением — русскими, казаками, украинцами, молдаванами, греками, армянами, грузинами, эстонцами и др. Ныне о садзах на их исконной Родине напоминают лишь названия местностей и рек — Адлер, Херота, Хоста, Мацеста, Кудепста, Мдзымта и т. д.

Как писал еще в первой половине XIX века немецкий автор Фридрих Боденштедт, лично побывавший у садзов на их родине, как и остальные абхазы, садзы называли себя *Apsua* (*апсуа*), т. е. ‘абхазами’, а свою страну *Apsne* (*Апсны*), т. е. ‘Абхазией’ (Bodenstedt 1848: 196). Ситуация эта сохраняется и поныне: обе садзские группы, т.е. халцыс и цвыджи, имеют абхазское самосознание и

---

¹ Информация представительницы одного из садзских родов Гагры, Эйзаханым Мкял-пха.

самоназвание, именуя себя *аңсúу*, *аңсуа* (халцыс)//*аңсáуа* (цвыджи), т. е. абхазами, а свою родину *Аңсны́*, т. е. Абхазией.¹ Касается же имени «садз», иногда создается впечатление, что оно было дано садзам со стороны. Ср. замечание Ф. Торнау (1835: 103) о том, что садзы лишь иногда называют себя садзами, «под каким названием более известны соседям своим».

Садзы в Турции.

Садзская этнографическая ветвь абхазского народа состоит из двух групп: *хáлцыс*, или собственно садзов, и *цвыджí*, каждая из которых обладает собственным говором. В Турции садзы проживают в двух регионах северной части страны: халцыс в центральной части, в провинции Сакарья, а цвыджи — главным образом в западной части, в провинции Биледжик. Кроме одного-двух небольших сел в центральной Анатолии (см. ниже), между носителями обоих говоров нет повседневного контакта. Соседями халцысов являются носители таких абхазских диалектов, как ахчипсы и бзыпский, а соседями цвыджей — носители цабалского говора.

Ниже я даю краткую статистическую информацию о садзских селах в Турции на основе материала, собранного мной в процессе исследовательской работы в этой стране в течение 1991–2010 гг.

---

¹ Ряд авторов, начиная с Л. Лаврова, а вслед за ним Н. Волкова, В. Ворошилов, М. Тхайцухов, С. Хотко и др., придерживаются точки зрения о том, что садзы (а также ахчипсы и псхувцы) являлись не абхазами, а «южными абазинами» (о последнем наименовании см. Чирикба 2012: 31–32). Однако такой взгляд основан лишь на (порой произвольной) интерпретации этнических терминов абаз, абазин в работах в основном авторов XIX столетия, и не находит подтверждения при непосредственном знакомстве с представителями садзов, ахчипсов и псхувцев, при изучении прекрасно сохранившихся в Турции языка, культуры, фольклора и исторической памяти этих абхазских племен, которые говорят на абхазском языке и четко идентифицируют себя в качестве абхазов (*апсуа*).

1. Группа халцыс.

Самоназванием садзов-халцыс является *аңсыу* [аңсýʷ]//*аңсуа* ‘абхаз’. Свою племенную принадлежность они определяют как *а-сáз-уа* ‘садз’,¹ или *а-хáлцýс*//*а-хýлцýс*. Имеются и более мелкие садзские подразделения или общества, такие, как *хамышь-аа*, *гáгр-аа*, *таáңса*. До переселения *хамышь-аа* проживали в поселении *Хамышь*, или *Хэаста* > рус. *Хоста*, недалеко от Сочи, тогда как *гагр-аа* являются переселенцами из нынешнего города Гагра и его окрестностей.

Вероятно, термин *а-хáлцýс* топонимического происхождения. Согласно описанию садза-информанта Саадеттина Айкусба из с. Акбалык, так называлась котловина на родине садзов.² Ф. Боденштедт (Bodenstedt 1848: 196) описывает территорию населенную садзами-халцыс (*Chalcis*) как лежащую между Гагрой и Соча. Ф. Торнау (1835: 106) упоминает общину Халцыс на правом берегу реки Мца (Мцасты).

Ниже дается информация о садзских селах в провинции Сакарья (*Sakarya*).

Субпр. Адапазары (*Adapazarı*).

(1) с. Чайбашы Йени Кёйю (*Çaybaşı Yeni köyü*), по-абх.: *Таáңса(а)*//*Таҳáңсаа*; поскольку главенствующей фамилией в общине был род Цанба, не исключено, что жители — потомки перселенцев из с. Цандрыпц близ Гагры. Нас.: 20 дв., ок. 80–100 чел.

Фамилии: *Абда́а* (1 дв.), *А́г(ы)рба*, *Ақы́рт́аа* (1 дв.), *Анқа́аб*, *А́чба*, *Бышн́ых́аа* (2 дв.), *Қа́ңшы́аа* (2 дв.), *Қа́а́чаа* (2 дв.), *Ла́ңшы́аа*, *Мыш́аҳа́цýаа* (5–6 дв.), *а-Пáлба*//*Пáлаа* (1 дв.), *а-Хы́нт́ааа*, *а-*

¹ В бзыпском диалекте *а-сýа́зý* ‘садз’ (Бгажба 1964: 34).

² Согласно описанию этого информанта, *Ахáлцýс хы́рхэоо́з йы́гэб́оураны йа́кан, ахэ́қэ́б́ы ры́хы́та́ка, на́йк-аак хэ́хэ́ыны́... ‘то, что называлось Ахалцысом было котловиной между холмами, посреди холмистой местности.’*

Цанба (выехали), *а-Шама*, *а-Шәаџаа* (2 дв.), *Шәмейаа//Шәмейба* (выехали), *а-Шәындаа* (1 дв.).

(2) с. Тараскәа (абх. название). Поселок рядом с предыдущим селом.

(3) с. Дегирмендере (*Değirmendere*), по-абх. *Гәзраа* (т.е. „гагр-цы“, по месту прежнего местожительства в Гагре). В селе остались мало абхазов.

Прежние фамилии: *Айқәысба*, *Айлисирба*, *Бышнџхәа*, *Қәңшь*, *а-Цанба*, *а-Шьхарәа*, *а-Шәындаа*, *Қәачба* и др.

(4) с. Кемалие (*Kemaliye*), по-абх. *Хамышьаа* (названо по месту прежнего местожительства в Абхазии в Хосте/Хамыщ).¹ Аамстами² села был род *а-Чыу*. Нас.: 41 дв., ок. 120 чел.

Фамилии: *Абдәа* (4 дв.), *Аг(ы)рба* (2 дв.), *Агәы-иңа//Агәыуа* (3 дв.), *Ажәдыхәа* (3 дв.), *Андьбаа*, *Анқәаб(-аа)* (3 дв.), *Қәңшь*, *Қәықәын(-ба)//а-Қәықәын//Қәықәынза* (5 дв.), *Папә*, *Пытәжъаа* (1 дв.), *Пәлаа* (выехали), *а-Уаҭырба* (3 дв.), *Цахәа* (4 дв.), *Чәнба* (3 дв.), *а-Чыу(а)* (выехали), *а-Еңыхәа* (выехали), *Шәашәа* (10 дв.).

(5) с. Щюкрыйекөй (*Şükriyeköy*), по-абх. *Дәзлацъа*. Нас.: 11 дв., ок. 50-60 чел.

Фамилии: *Қәңшьаа* (2 дв.), *Пәлба* (6 дв.), *Мышәхәцъаа* (2 дв.), *а-Цанба* (выехали), *а-Шамба*, *Шармәтәа* (1 дв.) и др.

Субпр. Акйазы (*Akyazı*).

(6) с. Гебещ (*Gebeş*). Нас.: 42 дв., ок. 90 чел. Смешанное садзско-ахчпысы-бзыпское село, при преобладании садзов. Прежнее место обитания в Абхазии, по сведениям стариков, с. *Цхьынара*.

¹ Относительно этнического состава этого общества в Садзской Абхазии Г.И. Филипсон (1863: 864) писал, что «Общество Хамыш, ближайшее к Джигетам, состоит из смеси Адехе [т. е. адыгов] с абхазским племенем». Анализ фамилий хамышевцев не подтверждает этого утверждения — большинство их, как это видно из представленного здесь материала, относится к абхазскому ономастикону.

² Абх. *аамста* 'дворянин'.

Фамилии: *Абáшьаа* (2 дв.), *Аргэ́йнаа* (3 дв.), *А(р)зы́наа* (3 дв.), *А́рыба* (1 дв.), *Ары́даа* (1 дв.), *А́рымба* (2 дв.; аамста), *Ахы́йаа*//*А́хы́йба* (2 дв.), *а-Ба́зба*, *Барќанаа* (1 дв.), *Бышн́ыхаа* (2 дв.), *а́-Гэ́ымба* (2 дв.), *а-Гъантоуа*, *а-Кэ́ыцба*//*Кэ́ыцзаа* (4 дв.; аамста), *Қа́ачаа*, *Ла́заа* (1 дв.), *Лазары́йаа*, *Мышэ́хэ́цба*, *Пап́аа* (2 дв.), *Пыт́-хэ́ыры́йаа* (2 дв.; по происхождению бзыпцы), *Уазда́наа* (7 дв.), *Уарданы́йаа* (1 дв.), *Ха́мыт́аа* (2 дв.; по происхождению — убыхи), *а́-Шт́ыхэ́а*//*а́-Ө́ныхэ́аа* (2 дв.), *а́-Шэ́ыкэ́ба* (2 дв.).

(7) с. Кузулук (*Kizuluk*), по-абх. *Гъач икы́тә* (‘село (князя) Гячба’). Прежнее местожительство предков жителей села в Абхазии — с. Гячрыпщ к западу от Гагры. Нас.: ок. 150 дв., ок. 400 чел. По рассказам стариков, садзы прибыли в Турцию в 1878 г. двумя или тремя миграционными волнами. Главными князьями были представители рода Гячба.¹

Фамилии: *Абáшь(-аа)* (7 дв.), *А́гырба* (= ветвь *Лы́ппашь(а)*);² 2 дв.), *Агэ́(ы)хóу(а)* (1 дв.), *Акэ́ыдба́* (3 дв.), *Андырбы́у(а-а)* (1 дв.), *Анқа́аб* (выехали), *Ара́ңаа*//*Ара́ң-иңа* (5 дв.), *А́хба* (выехали), *А́чба* (выехали), *А́шэхэ́ацә* (1 дв.), *а-Ба́зба* (выехали), *а́-Башиныхаа*//*Бышн́ыхаа* (3 дв.), *а-Бэ́а́цбаа* (выехали), *Бы́чаа* (= одна из патронимических ветвей рода *Кау́а́йаа*; 4 дв.), *а-Гъэ́ч*//*Гъа́ч-аа*//*Гъэ́ч-аа* (6 дв.), *Гэ́агъа́н*, *а-Гъантоуа*, *а-Гэ́асба*//*Гэ́оса́а* (4 дв.; их патроним (*абхэ́зы*) — *Ха́ңа́тәа*, по имени их деда приехавшего из Абхазии), *а́-Гэ́ымба* (2 дв.; бзыпцы по происхождению, переехали из с. Балбаллы), *а́-Жы́ыйба*//*Жы́ый-аа* (4 дв.), *а́-Зыхэ́ба* (1 дв.), *а-Зáзба*//*Зáз-аа* (3 дв.), *Зáсба* (2 дв.), *а́-Йа́шба* (1 дв.),

¹ Вопреки встречающемуся иногда в литературе мнению (см. напр. Ионова 2006: 329), садзская княжеская фамилия *Гъа́ч-ба* этимологически не связана с ацхарской фамилией *Къа́цә* и тапантской *Къа́чә*; последним соответствует абх. фамилия *Къа́цә-ба*. Не связана фамилия *Гъач-ба* и с ацхарской фамилией *Агáча*, либо с абх. родом *Къы́ч-ба*.

² Удвоенное *пп*, ниже также *хәхә*, отражает особенности садзского диалекта.

а-Калцба//Калцаа (11 дв.; патронимы: Ёымтаа, Лахэсы́йаа, Чыты́збаа, Чычхаа — приехали из с. Ёонгалык, Хэ́ыхэ́хаа, Шэ́ышэ́йраа — уехали в Çayırova-Gebze), Кацба, Кауа́йаа//а-Кауай (5 дв.), а-Кэа́зба (1 дв.), а-Кэ́ыдба́//а-Кэ́ыд-аа́ (3 дв.), а-Кэ́ыцба (выехали), Кэ́ыхэ́йаа (1 дв.), Ка́нба (6 дв.), Ла́хааа//Ла́хэ-и́ңа (2 дв.; убыхи по происхождению; аамста), Ла́ң-и́ңа//Ла́ңаа (3 дв.; ветвь фамилии Чезы́маа), Па́на (выехали), Па́лба (выехали), а-Ра́хэ́ңа//Ра́хэ́ңаа (1 дв.), Са́зба (выехали?), Сха́ны́кааа (выехали), Та́зэ́буаа (2 дв.; адыги по происхождению), Та́па́гэаа (выехали), а-Уры́с (выехали), Х(э)о́ңаа (3 дв.), Хе́а/ыр(а)цкы́йа(а) (6 дв.), Ха́шэаа (1 дв.), Ца́ндаа́//а́-Ца́нба (2 дв.; аамста), Цы́гэа́а́//Цы́гэба́ (1 дв.; переехали из Саз-кёя), а-Шамба́//Шам-аа́ (3 дв.), а-Шь́хара́а (4 дв.), а-Шэ́хэа́йаа (2 дв.; аамста), а́-Шэ́ыкэ́ба (выехали; были родом из с. Янык), Цы́а́зэа́р-и́ңаца́а//Цы́а́зэа́р-аа́//Жы́а́зэа́р-и́ңа (2 дв.; потомки Цы́а́зэа́р-и́ңа Кы́а́зэса, приехавшего из Абхазии позже других).

(8) с. Ташбурун (*Taşburun*). Нас.: ок. 30 дв.

Фамилии: Абы́хэаа́//А́быхэ́ба (4 дв.), Айқэ́аа (ветвь фамилии Мкы́алба; 1 дв.), А́йқы́сба (выехали), Ара́ң-и́ңа (выехали), а́-Бгы́нба, Гы́а́чба (выехали), а́-Ге́ас(-ба) (выехали), а́-Га́лы́йа (выехали), Ге́ымба́//Ге́ыма́а (4 дв.), Ге́анто́у (ветвь фамилии Азы́нба; 2 дв.), (а-)Йа́шба́//Йа́ш-аа (их патроним – Хе́а́хэ и́ңаца́а//Хэ́а́хэ-аа; 4 дв.), К(а)ла́ңаа (2 дв.), Ке́акэ́асқы́ары́, а́-Кал́зба́//Кала́зба́ (выехали), а-Калцба́, а-Ла́цба (выехали), Лупа́т//Папа́таа́//Хэ́па́таа́//Аупа́т (2 дв.), Мкы́алба, На́нба (выехали), а́-Ца́ндари́//Ца́ндары́йаа (2 дв.), а-Цс́хэа́а́ (1 дв.), Ра́хэ́ңаа (2 дв.), Ра́ө́ңаа́//а-Ра́ө́ңа (бзыпцы; выехали), Ха́ңшы́-Та́гэ (2 дв.), Хе́атышы́ (выехали), Ца́бры́йаа, Чы́кэ́бар (выехали), а-Шь́хараа (выехали), Цы́а́мпыл-и́ңа́//Жы́а́мпыл (1 дв.).

(9) с. Ёонгалык (*Yongalik*), по-абх. Бе́йзы́р иқы́тә. Нас.: ок. 10 дв.

Фамилии: Аб́за́ңы́аа (выехали), Аб́да́а (2 дв.), А́грба́//А́граа́ (2 дв.), Аргэ́йнаа (выехали), Ара́а́//Ары́ба (выехали), До́хэ́маа

(выехали), *а-Калцба* (2 дв.), *Каазба* (выехали), *Кальгъа* (выехали), *а-Трышба* (выехали), *а-Ҩы́хәаа//Ҩы́хәаза* (4 дв.), *а-Шьхарáа* (выехали), *а-Шәы́кәба* (выехали).

(10) с. Акбалык (*Akbalık*), по-абх. *А́чба иқы́та* „село Ачба“. Нас.: 35 дв., ок. 190 чел. Село основал *Хабь́гә А́чба*.

Фамилии: *А́гырба* (6 дв.; бзыпцы, перехали из Бычкыдере), *Агәы-иңа*, *А́йкәысба* (11 дв.), *А́йныгәба* (1 дв.; по происхождению шапсуги (*шапсы́з*), перехали из Бычкыдере), *А́чба* (2 дв.; перехали из Бычкыдере), *Гәагь́ан* (выехали), *а-Гәымба* (выехали), *Йа́шба* (1 дв.), *Кайта́н(-ба)* (2 дв.), *Ла́ңшьаа* (1 дв.), *Нана́а//а́-Нанба* (2 дв.), *Папа́а//а́-Папа* (1 дв.), *Ца́лба* (2 дв.), *а́-Трышба//а-Ты́рышба* (1 дв.), *а́-Цәышба* (1 дв.), *а́-Ҩы́хәа//а́-Шы́хәа* (1 дв.), *а-Шьхарáа* (2 дв.).

(11) с. Бычкыдере (*Biçkidere*). Нас.: 68 дв., ок. 350 чел. Исторически главенствующей фамилией в селе была *Ары́дба*. Жители могут быть потомками эмигрантов из нынешнего Адлера.

Фамилии: *Ашәы́нд* (не остались), *Анды́баа* (по происхождению адыги; 1 дв.), *Ашәа́/е́йба* (4 дв.), *а́-Гәышба* (3 дв.), *а́-Йнагәба//Йынагә́аа//Йынагә́ба* (3 дв.; по происхождению шапсуги), *Ҩата́наа* (4 дв.; по происхождению ахчпысы), *Хәы́раа//Хәара́а//Хәы́р-иңа* (2 дв.), *(а-)Ҩы́хәаа//Ҩы́хәаза* (1 дв.), *Лазба//Ла́з-аа* (2 дв.), *А́гырба* (7 дв., из них 5 дв. по происхождению бзыпцы, 2 дв. – садзы), *а́-Гәымба* (2 дв.; по происхождению бзыпцы), *а́-Жы́йба* (4 дв.), *а́-Захәба//Зыхә́ба* (3 дв.), *а́-Йлисирба//Йили́сраа* (8 дв.), *Кәы́нцьаа* (2 дв.), *Ламы́рхәа//а́-Йлымырхәа* (2 дв.), *Папа́а* (выехали), *Ҩиу́рк//Ҩырқә́аа* (2 дв.), *а́-Тырышба* (1 дв.), *Хәынчаа* (1 дв.), *Цы́шәа́* (3 дв.), *Цы́ць иңа(-цәа)//Цы́цьаа* (2 дв.), *а-Цәла́хәа//Цәла́хәаа//Цәлы́хәаа* (3 дв.; по происхождению убыхи).

Субпр. *Каранюрчек* (*Karapürçek*).

(12) с. Харманлы (*Harmanlı*), по-абх. *Цхы́н(а)ра*. Абх. название села — по названию прежнего местожительства в

Абхазии. Нас.: ок. 40 дв. абхазов. Аамстами и основателями села были представители рода *á-Цанба*. Исходя из этого, жители могут быть потомками переселенцев из с. Цандрыпш в Абхазии. Кроме садзов (большинство), также несколько семей бзыпцев и ахчипсы.

Фамилии: *Абáшьаа* (1 дв.), *Áгырба*, *Бышнýхэаа* (2 дв.), *Дохэмáа* (3 дв.), *Копá/ехýйáа* (4 дв.), *á-Қыфба* (1 дв.), *Қарчá//Қарачáа* (2 дв.; по происхождению бзыпцы), *á-Лазба//а-Лáзаа//а-Лáцаа//Лацбá* (1 дв.), *Лýпашьа* (ветвь фамилии *Áгрба*) (1 дв.), *Мышэхáцьаа* (2 дв.), *á-Нанба//Нанáа* (2 дв.), *Панá(а)* (1 дв.), *Панáтаа//Лупатаа//Ахэпáтаа//Хэпáтаа//Аупáта* (4 дв.), *Ц(ы)лýйáа(а)* (= *Хэýйтáа*) (3 дв.), *Самéйхэа* (выехали), *Сымсы́м-аа* (4 дв.), *Тýлыс(ба)* (1 дв.), *а-Т(ы)рышба* (2 дв.), *Уарданýйáа* (выехали), *á-Цанба* (выехали), *Шэашá(а)* (4 дв.).

(13) с. Месудийе (*Mesudiye*), по-абх. *Тахýрбей//Тахýрбей иқыта* ‘село Тахирбея’, по имени аамста *Тахýрбея Áцанба*, основавшего село; старое абх. название села — *Цандаа рқýтá* или *Цан-қыт*. Жители могут быть потомками переселенцев из с. Цандрыпш в Абхазии. Нас.: 15 дв.

Фамилии: *Áгрба* (выехали), *Андýбаа* (выехали), *Аңшыцба* (1 дв.), *Аргэýнаа* (выехали), *а-Цанба* (выехали), *á-Бағба* (1 дв.), *Гýáчба* (выехали), *á-Жэацьба//Жэáць-аа* (1 дв.), *а-Йқдысба* (выехали), *Қánба(а)* (2 дв.), *Корчýйáа* (= *Миқýал иңацаа//Мқýáлаа*; 2 дв.), *Кýылба* (2 дв.), *Қэышьмáл* (1 дв.; названы по имени их деда, настоящая фамилия — *Панáтаа//Внáтаа//Уфнáтаа*), *á-Цанба* (выехали), *Чýкъ-иңацаа//Чýкъ-аа* (5 дв.; по некоторым данным, ветвь фамилии *Сергьегýйáа*), *á-Шэýкэба* (переехали в с. Гебеш; их патроним — *Хагэáлаа*).

Субпр. *Гейве* (*Geyve*).

(14) с. Богазкёй (*Boğazköy*); прежнее название: *Şahanbey köyü*, по-абх. *Чýуаа рқýтá* ‘село (рода) Чýу’. Село основано в 1864 г., по другим данным — в 1868 г. Шаханбеем Чýу. Нас.: ок. 25 дв., ок. 50 чел. Население — смешанное убухско-садзское.

Самый старый человек, с которым я беседовал, убух Ведж-хи Омурхуа (Омұрхәа), говорил на форме садзского близкого говору цвыджи.¹

Фамилии садзов: Абáшь, Ары́мба, Б́жәжәба, á-Калцба, Қáпба, а-Псардийа, á-Трышба, Хьчажә, Цәынцá, á-Чыу(а) (выехали). Фамилии обабахизившихся убухов: А́жәдахәа, Гәымылаа//а-Гәымылба, Ёрымхәа(а), Омұрхәа//Аймырхәа (3 дв.), Тлаңсы́хәа(а), Уасцаа, Уазб́ыхәа.

(15) с. Доганчай (Doğançaу), по-абх. Арын-қы́та „село фамилии Арынба“; вар-ты: Арынаа, Арымбацаа ‘люди рода Арынба’. Село основал Решит Арынба. Ср. название села Арынзаа рыцуы́та ‘община Арынов’ между реками Мдзымта и Соча (см. Нордман 1838: 415). Нас.: ок. 13 дв., ок. 35-50 чел.

Фамилии: А́рынба//Ары́нзаа (5 дв.), Бы́жьно́уа, á-Гәымыл(-ба)//Гәымы́лза (3 дв.), á-Гәышба (2 дв.), á-Йегба, á-Жьыйба, á-Калцба (3-4 дв.), á-Ка́цаа, Мама́т-и́ца (2 дв.), Хәунца́а (убух. фамилия).

Субпр. Хендек (Hendek).

(16) с. Карадере (Karadere), по-абх. Самéйхәа иқы́та ‘село (человека из рода) Самейхуа’, или просто Самéйхәа, по фамилии главного дворянского рода этой общины. Ср. село Сумхурипши (Самейхәа-ры́шь) в Садзской Абхазии в записи Нордмана (1838: 415). Нас.: 15 дв., ок. 100 чел.

---

¹ Согласно информанту из с. Карадере, абхазы в селе Богазкёй являются представителями группы цвыджи, переселившимися сюда из с. Хасандере, что нуждается в дополнительной проверке. Учитывая тот факт, что жители данного села представляют собой, по всей видимости, потомков переселенцев из общества Чыу на Мцасте (см. выше), интересно повторить цитируемое в разделе о цвыджах замечание Ф. Торнау о том, что цвыджи и чыу не принимают названия садзов: это служило бы дополнительным аргументом в пользу отнесения жителей данного села (общины Чыу) к группе цвыджи, а не халцыс, которые называют себя садзами.

Фамилии: *Аба́шь* (выехали), *А́хба* (выехали), *а́-Гэ́ымба* (выехали), *Жы́йаа//Жы́йбаа* (выехали), *а́-Йе́рымхаа* (выехали), *Къа/ыта́саа//а́-Къы́тас* (1 дв.), *а-Кэ́йдба́//Кэ́йда́а* (2 дв.), *Кайта́н*, *Лакэ́араа* (выехали), *Нана́а//а́-Нанба* (2 дв.), *Хы́нтэаа* (2 дв.), *Самéйхаа(а)* (2 дв.; аамста), *Сымсы́м(-аа)* (2 дв.), *а-Та́та́рба* (1 дв.; ахчыпсы, переехали из с. Калайык), *а-Ты́ршба* (2 дв.; ок. 10 дворов этого рода выехало из села), *Ха́арцкы́йа* (выехали), *а́-Цанба* (аамста; выехали), *Цы́ба* (выехали), *Чыкэ́бар* (выехали), *а́-Е́ныхаа* (выехали).

Не исключено, что в провинциях Зонгулдак, Бартын, Коджаели и Сакарья имеется еще несколько сел с садзским населением, но число их жителей незначительно (см. Чирикба 2012: 67–68, 75).

Группа цвыджи.

Цвыджи называют себя *аңса́уа* ‘абхаз’, а свою племенную принадлежность определяют как *цэ́ыцэ́ы́//цэ́ыжэ́ы́*. В Абхазии цвыджи селились в долине реки Кудепста (*Кэ́ыдыңста́//Кэ́ыдыңсы́*; см. Торнау 1994: 146). Имея четкую самоидентификацию в качестве *аңса́уа*, т. е. абхазов, при этом цвыджи не считают себя ни садзами, ни халцысами. Это соответствует и ситуации середины XIX, ср. замечание Ф. Торнау (1835: 105) о том, что «Жители обществ Чужи [т.е. цвыджи] и Чуа <...> называют себя абадзою [т.е. абхазами], не принимая названия садзов, принадлежащего собственно жителям прибрежным из племени абадзы».

В Турции цвыджи живут в трех небольших селах близ г. Беледжик на северо-западе страны.¹ Возможно, они проживают также в нескольких селах провинции Сакарья (см. выше).

¹ В книге М. Тхайцухова «Абазины Турции» (Москва, 2013, с. 242) цвыджи этих трех сел ошибочно названы «абазинами». На самом деле, как сказано выше, цвыджи относят себя к этносу апсуа, а не к аццуа или ацхаруа.

Многие переехали в города, особенно в Биледжик. Согласно моему информанту, Кямалю Ашукуба (*Ашәыкәба Қьамал*; р. в 1913 г.), сначала цвыджи прибыли в Турцию в 1862 г. в р-н Энишехира (*Enişehir*). Он слышал от старших, что до эмиграции в Абхазии было около 200 дворов цвыджей, и помнил название реки Бзымта (*Бзымтә*) на Кавказе (скорее всего контаминация названий Мдзымта и Бзып, хотя эта форма и может быть старой). Кямаль помнил также название топонима вблизи их деревни в Абхазии: *Шәыкәра́к* (что может каким-то образом быть связанным с его фамильным именем), а также название другого места в Абхазии: *Хәыжәы́*. Браки цвыджи заключают с живущими поблизости цабалцами.

Провинция Биледжик (Bilecik).

(1) с. Кюнджеиз (*Künceğiz*). Нас.: ок. 24 дв., ок. 120 чел.

Фамилии: *А́хба* (выехали), *а́-Бағба* (выехали), *Бра́кәаа//а́-Бракәа* (5 дв.), *а́-Захәба* (1 дв.; их патроним: *Пы́зкәа иңацәа́*, по имени деда информанта, р. 1930 г.), *а́-Йағба//а́-Йеғба* (3 дв.), *а-Ла́зба//а-Ла́йаа//Ла́збаа* (2 дв.; приехали из цабалского села Сарныч), *а́-Мы́цба// Мы́цзаа* (1 дв.), *Цсхәа́а//а́-Цсхәаа* (1 дв.), *Пы́саа* (5 дв.), *Хы́йаа//а́-Хы́йба* (1 дв.), *Цы́тәа́а//а́-Цы́тәы* (выехали), *а́-Шәы́кәба//Шәы́кәзаа* (5 дв.).

(2) с. Хасандере (*Hasandere*). Нас.: ок. 10 дв., ок. 30 чел. Многие переехали на работу в города, и приезжают в село лишь на летний сезон.

Фамилии: *Баштә́р(-аа)* (1 дв.), *Дгьенә́а* (выехали), *а́-Кацба//Каца́а* (не остались), *Кәы́таа*, *Мы́цба//Мы́ц-за́а* (1 дв.), *Па́ишәаа* (выехали), *Х'а́кәы́цә(-аа)* (1 дв.), *Хархә́а* (выехали), *Хә́ыраа* (выехали), *а́-Шәы́кәба//Шәы́кәба́//Шәы́кәза́* (5 дв.).

(3) с. Эльмабахче (*Elmabahçe*).

Нас.: *Пы́саа//Пса́а* (2 дв.). Ныне проживают только 2 семьи двух братьев *Пы́саа*, другие жители переехали в город, и используют свои сельские дома в качестве летних дач.

Выехавшие фамилии: Абáшьаа, Ахаá, á-Баžба//Баž-зá, Баракаá, а-Гáбжэба//á-Гáожэба//Гáбжэ-за, Кááзба, Цсхáаá.

Пр. Сакарья (*Sakarya*), р-н Карапюрчек (*Karapürçek*).

(4) с. Канлычай (*Kanlıçay*), по-абх. *Кáын-дереси* „ущелье (тур. *dere*) Куна“, согл. другому информанту: *Кáындраз* (скорее всего, искажение от *Кáын-дереси*), согл. третьему информанту, по-абх. *Аңсҭá/ы́* „ущелье“. Еще одно вариантное абхазское назв.: *Talistanbey*; по некоторым данным, село основано представителями садзского княжеского рода Арыдба.

Нас.: ок. 2–3 дв. Согл. информанту, в это село цвыджи переселились в количестве 15 семей из с. Кюнджеиз.

Фамилии: *Ары́дба* (выехали), *Áхба* (выехали), *á-Ба/ыžба*, *Гъáчба* (выехали), *Гáмылаа* (выехали), *а-Кáыцба* (выехали), *á-Мыцба* (выехали), *Тыры́шба//Т(ы)ры́шаа*, *á-Цанба* (?), *á-Шáыкэба* (выехали).

Помимо этого, не исключено, что цвыджами по происхождению являются жители сс. Богазкёй и Доганчай (см. выше), что нуждается в дополнительной проверке.

Краткая история изучения садзского диалекта.

Представители российской военной администрации XIX века на Западном Кавказе, по долгу службы близко знакомые с этнолингвистической ситуацией района Гагра-Сочи, сообщая о садзах, отмечали близость или идентичность их языка с языком остальной части Абхазии. Так, в своем донесении от 25 мая 1841 г. начальник Черноморской береговой линии И. Р. Анреп отмечал, что «Джигеты говорят абхазским языком, и в обычаях более сходны с абхазцами, чем с другими соседями своими, убухами» (цит. по Куправа 2011: 256).

Федор Торнау, русский военный разведчик и автор бесценных мемуаров, проникший в первую половину XIX столетия в ранее недоступные для русских районы Западного Кавказа, пи-

сал: «От реки Бзыба до р. Сочи обитают абазины¹ — поколение, одноплеменное с абхазами, говорящее с ним тем же языком, без всякого приметного изменения» (см. Торнау 1835: 103). В то же время Торнау отмечает некоторое отличие абхазского наречия от абазинского наречия Северного Кавказа: «Между языком абхазским, которым говорят все абазины, живущие на южной стороне Кавказских гор [т. е. собственно абхазы, — В. Ч.], и наречием, употребляемым абазинами, занимающими северный склон их, есть небольшое различие» (Торнау 1839: 113).

Информированный автор середины XIX в. Соломон Званба (1982: 6) отмечал, что «Джигеты говорят наречием абхазского языка, несколько отличным от коренного...»

Первым профессиональным лингвистом, обратившим внимание на речь садзов, был Хухут Бгажба, который в статье 1974 года «Об абхазских племенах и диалектах» (с. 160–161) привел краткие сведения об абхазах Аджарии, с особым акцентом на представителей садзской этнографической группы. В статье дана информация о садзских фамилиях, распространенных в Аджарии, а также приводятся 8 садзских слов, записанных автором от представителей этого диалекта, проживающих в окрестностях Батума.

Существенный вклад в изучение особенностей садзского говора Аджарии внесла небольшая, но ценная монография Эммы Килба «Особенности речи батумских абхазов» (Тбилиси, 1983). В ней автор анализирует фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности садзской речи Аджарии.

---

¹ Торнау употреблял термины «абхаз», «абадза» и «абазин» как синонимы; ср. «Племя абазин, имеющее собственный, коренной язык свой <...>, занимает берег Черного моря от Ингура до р. Саше [Сочи], прилегающую к сему пространству юго-западную покатость хребта Кавказских гор и некоторые ущелья на северном склоне их, между Урупом и Белой речкой» (см. Торнау 1839: 109); «от Саше до устья Ингура морской берег занят абазинами, называемыми себá «абсасца» (Торнау 1994: 51); абсасца = абх. абж. аҭсацәа 'абхазы'.

рии. Целый ряд этих особенностей — в фонологии — *ы*-мутация, полногласие; в морфологии — функции послелогов, окончания динамических и статических глаголов, особенности в образовании условного и повелительного наклонений, отрицательной формы глагола; в синтаксисе — использование союзов и частиц, в лексике — наличие специфических слов или специфических фонетических форм общеабхазских слов — отражают основные черты садзского диалекта. С точки зрения языкового контакта, речь садзов Аджарии, в отличие от ситуации в Турции, подвержена влиянию не только турецкого, но и грузинского и (в меньшей степени) русского языков. Особенностью этой формы садзского диалекта является также полная утрата геминии.

В статье Э. Килба «Некоторые вопросы абхазской исторической диалектологии» (1992), автор анализирует фонетические и морфологические особенности речи информанта-садза из Турции, а также публикует ряд садзских текстов. В статьях 2000 и 2012 годов Э. Килба обсуждает вопросы реконструкции «исторического» садзского диалекта, очерчивая его современных продолжателей, включая ныне северокавказский ащхарский диалект, речь садзов Аджарии, речь абхазов Сирии, речь ахчипсы и псху, а также садзский диалект в Турции. Следует заметить, что выделение в отдельную единицу речи сирийских абазов не целесообразно, поскольку она представляет собой ащхарский диалект. Кроме того, дополнительной аргументации требует отнесение к данной группе диалекта ахчипсы-псху ввиду недостаточной изученности последнего, хотя ряд особенностей этого диалекта и указывают на такую вероятность.

Моя статья (Chirikba 1996) основывается на результатах полевой работы в Турции. В ней содержится информация о расселении садзов, выделяется два садзских говора (халцыс и цвыджи), обсуждаются фонологические, морфологические и лексические особенности диалекта. Анализируются геминированные согласные в садзском, демонстрируются минимальные пары, указывающие на вероятный фонемный характер геминии.

В настоящее время мной готовится к публикации грамматика садзского диалекта с текстами и словарем.

Интересный материал по садзскому говору цвыджи собран американскими лингвистами Лорен Триго (Loren Trigo) и Бертом Воксом (Bert Vaux), которые работали со знатоком этого говора Зихни Пыс-ипа.¹ В статье «Диалект цвыджи абхазского языка» (Vaux, Rəsiyра 1997), Вокс анализирует фонологические особенности говора — систему гласных и согласных, в частности, корреляцию последних по лабиализации, палатализации и геминации. Вокс приводит минимальные пары, демонстрирующие фонемный характер геминации. Приводится также текст на говоре цвыджи с английским и турецким переводами. В настоящее время Вокс готовит к изданию грамматику говора цвыджи.

Важной работой, обобщающей и анализирующей всю совокупность исторических данных, касающихся садзов, включая рассмотрение некоторых языковых аспектов проблемы, в том числе вопросы садзской ономастики и лексики, является монография «Садзы» известного абхазского этнографа и историка проф. Ш. Д. Инал-ипа (1995).

Фонология.

Вокалическая система.

Система садзского вокализма не отличается от других абхазских диалектов. Имеются две гласные фонемы: /а, ы/², тогда как остальные гласные звуки (т.е. [о], [е], [и], [у] и др.) представляют собой позиционные аллофоны /а, ы/ в результате их кон-

---

¹ Интересно отметить, что Зихни Пыс-ипа осуществил перевод с турецкого на говор цвыджи литературного произведения Альпа Босутера (Alp Bosuter) “Абхаз Фуат”, опубликованный в Сухуме, см. Босутер Аль. Аңсуа Фуат (Атырқәа бызшәа ахьынтәи асәз диалект иатәу Цәжәа рхәашәла иеитҭеигеит Зихни Пысипәа). Ақәа, 2013, 209 с.

² Я использую косые скобки для фонемной репрезентации, и квадратные для фонетической репрезентации.

такта с лабиализованными и палатализованными согласными, а также с полугласными *й* и *ў*.

Особенности реализации гласной /ы/.

1. В положении до или после глухого увулярного /к/ гласный /ы/ реализуется как [а]:

/сы-ка-йт/	→	[сáкайт] ‘я емь’
/йы-ка-с-ц-уы-т/	→	[йакасц́ут] ‘то я делаю’
/йы-каркамыць/	→	[йакаркамыць] ‘его адамово яблоко’

Подобное явление встречается и в других абхазских диалектах в Турции, ср. тур.бзып. /йы-ка-н/ → [йáкан] ‘то было’. “Понижающее” воздействие /к/¹ сродни схожему эффекту (известному и в других абхазских диалектах), который производится фарингальным /х/, в положении до или после которого гласный /ы/ реализуется как [а]:

садз.	/хы-ц-уы-т/	→	[хац́ут] ‘мы идем’
	/ды-гьы-хы-м-бы-йт/	→	[дыгьáхамбыйт] ‘его/ее мы не увидели’.

Ы-Мутация (переход а > ы).

Садзский демонстрирует сильную тенденцию к мене *а* > *ы*, что особенно характерно для предфинального и финального слогов (С = согласный): -аС > -ыС, -Са > -Сы, -аСаС > -аСыС, -СаСа > -СыСа. Процесс этот наблюдается как в ударных, так и в безударных слогах. Тенденция к мене исходного *а* на *ы* в раз-

¹ В ряде абхазских говоров в Абхазии /к/ также влияет на /а/, препятствуя обычной ассимиляции последнего в позиции перед /й/, ср. переход /а/ > [e] перед /й/ в д-на-й-т [днейт] ‘он туда пошел’ и отсутствие подобного изменения в той же позиции после /к/ в йы-ка-й-цá-йт [йи́кайц́ейт] ‘то он сделал’.

личных позициях характерна также для бзыпского диалекта, что является общей чертой бзыпского и садзского диалектов. Ср., к примеру, мену *а > ы* в императиве: бзып. *йы-гы́* vs. абж. *йы-га́* ‘то бери!’, при бзып., абж. *а-га-ра́* ‘братъ’; бзып. *йы-хэ́и* vs. абж. *йы-хэ́а* ‘то говори!’, при бзып., абж. *а-хэа-ра́* ‘говорить’ и т. д.

Многочисленные случаи *ы*-мутации в бзыпском, а спорадически и в абжуйском диалекте рассмотрены подробно в Бгажба (1964: 120–121, 125–129). Однако именно в садзском диалекте этот процесс проявляется наиболее сильно.¹ Например, если в бзыпском глаголе *ы*-мутация проявляется в формах императива, не затрагивая, например, масдарной формы, то в садзском большинство глагольных корней с исходным финальным *-а* представлены с огласовкой *-ы*. См. следующие примеры.

а) соответствие финального *-ы* в глагольных корнях в садзском исходу на *-а* в других диалектах в ударных слогах:

садз.	другие д-ты	перевод
<i>уы-та́ы</i>	абж. <i>уы-та́а</i>	ты (м., ср.) садись!
<i>уы-ца́и</i>	бзып. <i>уы-ца́а</i> , абж. <i>уы-ца́а</i>	ты (м., ср.) иди!
<i>сы-ца́и-йт</i>	бзып. <i>с-ца́а-йт</i> , абж. <i>с-ца́а-йт</i>	я пошел (пошла)
<i>с-та́и-рый</i>	бзып., абж. <i>с-та́а-р</i>	если я сяду
<i>х-а́и-ба-бы́-н</i>	бзып., абж. <i>х-а́и-ба-ба́-н</i>	мы увиделись

б) соответствие финального *-ы* в глагольных корнях в садзском исходу на *-а* в других диалектах в безударных слогах:

¹ См. описание *ы*-мутации в речи батумских садзов в Килба (1983: 25–26).

садз.	другие д-ты	перевод
<i>á-зэазэы-ра</i>	абж., бзып. <i>á-зэзэа-ра</i>	мыть
<i>аáхэы-ра</i>	бзып., абж. <i>аáхэа-ра</i>	покупать
<i>а-бы-ра́</i>	бзып., абж. <i>а-ба-ра́</i>	видеть
<i>á-кайы-ра</i>	бзып., абж. <i>á-кайа-ра</i>	делать
<i>а-лагы-ра́</i>	бзып., абж. <i>á-лага-ра</i>	молоть

в) Процесс *а > ы* в ударных слогах именных основ:

садз.	другие д-ты	перевод
<i>а-б(ы)гыла́ц</i>	абж. <i>а-бгала́ц</i>	шакал
<i>а-лы́кэ</i>	абж. <i>а-ла́кэ</i>	сказка
<i>а-лабы́шьа</i>	абж. <i>а-лаба́шьа</i>	трость для ходьбы
<i>а-ты́ца</i>	абж. <i>а-та́ца</i>	невест(к)а
<i>а-ηхашы́ра</i>	абж. <i>а-ηхашы́ра</i>	стыд
<i>а-кьары́хэ</i>	абж. <i>а-кьары́хэ</i>	револьвер
<i>а-йашы́-са</i>	абж. <i>йашы́-с</i>	в качестве брата
<i>áжэы-ла</i>	абж. <i>áжэа-ла</i>	с помощью слова

г) В говоре халцыс мена *а > ы* наблюдается регулярно перед суффиксами множественного числа *-қәа* и *-цәа* независимо от позиции ударения (по схеме *-Са-қәа/-цәа > -Сы-қәа/-цәа*):

ед.ч.	мн.ч. -қәа	перевод
<i>áчча</i>	<i>áччы-қәа</i>	перепел
<i>á-кәажәа</i>	<i>á-кәажэы-қәа</i>	старуха
<i>á-хьа</i>	<i>á-хьы-қәа</i>	каштан
<i>а-ллá</i>	<i>а-ллы-қәá</i>	собака
<i>а-хэхэá</i>	<i>а-хэхэы-қәá</i>	холм
<i>а-ф'á</i>	<i>а-ф'ы-қәá</i>	тонкий
<i>ажьжы́á</i>	<i>ажьжы́ы-қәá</i>	заяц
<i>а-еыддá</i>	<i>а-еыдды́-қәá</i>	осел

ед.ч.	мн.ч. -цәа	перевод
<i>а-ңҳаңсá</i>	<i>а-ңҳаңсы-цәá</i>	падчерица
<i>á-тәҳмада</i>	<i>á-тәҳмады-цәа</i>	старик
<i>áгыруа</i>	<i>áгыруы-цәа</i>	раб

Для говора цвыджи это явление почти не характерно, ср.:

халцys		цвыджи		перевод
ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.	
<i>á-мәа</i>	<i>á-мәы-қәа</i>	<i>á-мәа</i>	<i>á-мәа-қәа</i>	дорога
<i>а-ллá</i>	<i>а-ллы-қәá</i>	<i>а-ллá</i>	<i>а-лла-қәá</i>	собака
<i>а-сыс</i>	<i>а-с-áры-қәа</i>	<i>а-сыс</i>	<i>а-с-áра-қәа</i>	ягненок
<i>а-махáгьа</i>	<i>а-махáгьы-қәа</i>	<i>а-махáгьа</i>	<i>а-махáгьа-қәа</i>	грешник

Хотя ср. халц. *á-лықәа* ‘глаз’, мн.ч. *á-лықәы-қәа* при цвыдж. *á-лақәа*, мн.ч. *á-лақәа-қәа*//*á-лақәы-қәа*.

Консонантная система.

Особенностью садзского консонантизма является наличие глоттализованного спиранта *ф'* (*ф'ф'*) в слове *а-ф'ф'á* ‘тонкий’. Та же фонема встречается в данном слове в абжуйском и ащхарском диалектах: абж. *а-ф'á*, ащх. *ф'а* ‘тонкий’. В бзыпском и ахчыпсском диалектах эта морфема представлена в виде *а-пá*, а в тапантском диалекте — как *цá*. В отличие от халцысского говора, в говоре цвыджи эта морфема представлена в виде основного варианта *а-пá*, форма же с глоттализированным спирантом *ф'* ныне является вариантом. В абжуйском диалекте *ф'* встречается лишь спорадически в речи старшего поколения.

В отличие от халцысского говора, говор цвыджи сохранил противопоставление между шипящими и свистящими лабиализованными спирантами, а именно, между *зә*, *сә* и *жә*, *шә*, хотя иногда это противопоставление можно встретить и в говоре халцыс. Помимо этого, в говоре цвыджи имеются два фарин-

гализованных глухих спиранта x' и $x'ə$, характерные также для бзыпского и ахчипсского диалектов и для цабалского говора; в халцысском говоре и в абжюйском диалекте эти спиранты совпали с простыми увулярными x , $xə$.

Простые палатализованные (“свистяще-шипящие”) спиранты и аффрикаты, характерные для бзыпского диалекта и убыхского языка ($зь$, $сь$, $зь$, $ць$, $ць$) в садзском, как и во всех других абхазских диалектах Турции, не сохранились.

Консонантная система садзского диалекта
(фонемы со звездочкой * представлены только
в говоре цвыджи)

Смычные	б	ц	п	д	т	т	г	қ	к	к
Лабиал.	дə	тə	тə				гə	қə	кə	кə
Палатал.							гь	қь	кь	кь
Аффрикаты	з	ц	тц	ц	е	е				
Лабиал.	зə	цə	тцə							
Палатал.				ць	ч	ч				
Спиранты	в	ф	ф'	з	с	ж	ш	г	х	*х'
Лабиал.				*зə	*сə	жə	шə	гə	хə	*х'ə
Палатал.						жь	шь	гь	хь	
Сонорные	м	н	р	л						
Полугласные	ў		й							
Лабиал.			ѡ							

Особенности реализации некоторых согласных.

а) Конечная согласная в окончании динамических глаголов настоящего времени нередко реализуется с ослабленной арти-

куляцией, приближаясь к глоттальной смычке: *йы-з-д́ар-уы-т* [изд́ару́] ‘то я знаю’, *уы-ц-уы́-т* [ʸуц́у́] ‘ты идешь’.

б) Аффрикаты *з, ц, ч* часто реализуются с ослабленным смычным компонентом.

Геминированные (удвоенные) согласные.

Специфической чертой садзского диалекта, неизвестной в других диалектах, является наличие удвоенных (или сильных) согласных. С первого взгляда может возникнуть впечатление, что удвоенные согласные обладают фонетически обусловленной дистрибуцией: они встречаются в основном в конечных открытых ударных слогах, ср. халц. *а-лл́а́//а-ллы́* ‘собака’, *а-кэытты́* ‘курица’, *а-жыжы́а* ‘заяц’, *а-еыдд́а́* ‘осел’, *а-ф’ф’а́* ‘тонкий’, *а-сса́* ‘снег’, *а-хэхэ́а* ‘холм’ (ср. бзып., абж., *а-ла́, акэты́, ажы́а, а-еад́а́, а-хэы́*). Однако в других словах в равных фонетических условиях исходная согласная в конечном открытом ударном слоге не удваивается, ср. *а-ф́а́* ‘рот’, *а-ќаас́а́* ‘алыча’, *а-ќаа́ќаа* ‘спина’, *а-ќаа́ца* ‘мясо’, *а-ж́а́кы́а* ‘борода’, *а-д́а́кы́а* ‘сторона’, *а-ң́а́са* ‘ранее’ и т. д.

Удвоенный характер приведенных выше согласных не имеет тенденции к нейтрализации в других позициях, ср. *а-лл́а́* ‘собака’, *лл́а́/ы-к* ‘(какая-то) одна собака’, *а-лла/ы-ќа́а́* ‘собаки’, *а-кэытты́* ‘курица’, *кэытты́-к* ‘одна курица’. Единственной позицией, в которой наблюдается нейтрализация геминации, является сочетание согласных (*а-кэытты́* ‘курица’, мн.ч. *а-кэыт-ќа́а́*), хотя в кластерах с сонорными удвоение может сохраняться, ср. *а-р-тт-ра́* ‘открывать’, *а-дыдд́-ра́* ‘греметь (о громе)’, *сы́-ңң-уы-т* ‘я прыгаю’. Из данных примеров видно, что удвоенные (сильные) согласные могут встречаться и в закрытых ударных, а также в безударных слогах.

Можно указать на наличие минимальных пар, демонстрирующих фонемный контраст между геминированными и неге-

минированными согласными в одной и той же, либо сходной фонетической позиции:

л	лл	
á-лықда ‘глаз’	–	а-ллы-қáа ‘собаки’
лақáа-к//лықáа-к ‘один глаз’	–	ллақáа-к//ллықáа-к ‘какие-то собаки’
с	сс	
а-ңсá ‘сосна’	–	а-ңссá ‘душа’
а-расá ‘лесной орех’	–	а-рассá ‘папоротник’
асá ‘маленький’	–	а-ссá ‘снег’
д-ааңсы-йт ‘он устал’	–	ды-ңссы-йт ‘он умер’
х	хх	
ахá ‘кол для поддержки вьющихся растений’	–	а-ххá ‘пуля’
хь	хьхь	
(р-мамльақьáт) ахььí ‘в их (страну)’	–	а-хьхььí ‘золото’
хə	хəхə	
á-хəа ‘зола, пепел’	–	á-хəхəа ‘червь’.
ц	цц	
а-цá ‘горячий’	–	а-ццá ‘амбар для кукурузы’
ш	шш	
а-шы-рá ‘рассветать’	–	а-шшы-рá ‘кипеть’
йы-шы́-йт ‘рассвело’	–	йы-шшы́-йт ‘закипело’

<i>шə</i>		<i>шəшə</i>
<i>а-шəы-рá</i> ‘бояться’	–	<i>а-шəшəы-рá</i> ‘красить’
<i>а-шəы-рá</i> измерять’	–	<i>а-шəшəы-рá</i> ‘нарывать’
<i>η</i>		<i>ηη</i>
<i>сы-η-уы-т</i> ‘я вяжу’	–	<i>сы-ηη-уы-т</i> ‘я прыгаю’

В других абхазо-абазинских диалектах удвоенные согласные являются сочетаниями двух фонем и образуются либо в результате элизии гласных в безударном слогe (ср. бзып., абж. *á-чча-ра* при садз. *á-чыччы-ра* ‘смеяться’, бзып., абж. *á-зəзəра* при садз. *á-зəзəы-ра* ‘мыть, стирать’), либо посредством эмпатического удвоения, придающего глаголу значение интенсивности действия (ср. абх. *а-η-е-рá* ‘ломать’ vs. *а-ηы-е-е-рá* ‘ломать во многих местах’, *а-хəа-рá* ‘говорить’ vs. *á-хəхəа-ра* ‘кричать’). В садзском диалекте природа удвоения иная, геминаты здесь представляют собой монофонемные единицы, а не сочетания двух одинаковых фонем. Фонемный статус геминации в садзском все еще предстоит определить. Ситуацию с определением статуса усложняет наличие в этом диалекте также фокусной геминации согласных (см. ниже).

С ареальной точки зрения интересны убыхские параллели садзской геминации, ср. убых. *ла* ‘армия’, произносимое [ла], *уá-ба* ‘Бог’, произносимое [уá-бба] и т. д. Интервокальная геминация в убыхском отмечалась А. Дирром (Dirr 1928: 7), Ю. Месарошем (Mészáros 1934: 40), Ж. Дюмезилем (1931: 8).¹ По утверждению Х. Фогта (Vogt 1963: 27), удвоение согласных носит регулярный характер после ударной *а*, и оно особенно заметно в сонорных, например: *гəáна* ‘его мать’, *á-уа* ‘собака’, *á-ма* ‘яблоко’, где Дирр и Дюмезиль часто фиксировали удвоение (т. е.

¹ Как сообщает Ж. Дюмезиль (там же), убыхский информант из с. Мацукийе удваивал почти все согласные в интервокальной позиции.

-нн-, -уу-, -мм-). Возможно, в данном случае можно говорить о наличии общей убыхско-садзской ареальной фонетической изоглоссы.

Полногласие.

Другой характерной особенностью садзского диалекта является сохранение исходного (архаичного) полногласия корней, тогда как в других диалектах в той же позиции в результате элизии безударного гласного имеем кластер. Полногласие, хотя и в меньшей степени, чем в садзском, характерно также для ашхарского диалекта, а спорадически сохраняется и в других абхазо-абазинских диалектах. Ниже представлены примеры полногласных корней.

(а) Сохранение срединного *а* -:

садз.	другие диалекты	перевод
<i>а-багъгъа</i>	абж., бзып. <i>а-бгъгы</i> , тап. <i>бгъы</i>	лист
<i>á-бана//á-бына</i> 'лес, гора'	абж., бзып. <i>á-бна</i> , ашх., тап. <i>бна</i>	лес
<i>á-зақәа//</i> <i>á-зықәа</i>	абж. <i>а-зқәа</i> , тап. <i>зқәы</i>	спина
<i>а-шәақкá</i>	бзып. <i>а-шәқәы</i> , абж. <i>а-шәқәы//а-шәкы</i> , ашх. <i>а-шәақá//а-шәқәы</i> , тап. <i>шәа</i>	книга
<i>а-хафá</i>	абж. <i>а-хфá</i>	крышка
<i>а-махáцә</i>	бзып., абж. <i>а-мхáцә</i>	ложка
<i>á-мара</i>	абж. <i>á-мра</i> , бзып. <i>á-мра//á-мыр</i> , при ахч. <i>á-мара</i> , тап. <i>мара</i>	солнце
<i>а-хатарңá</i>	абж. <i>а-хтарңá</i>	башлык

<i>á-хәашә</i>	абж. <i>а-хәшә</i>	лекарство; порох
<i>á-чашәа</i>	абж. <i>а-шәч</i>	плющ (с метатезой в садзском)

б) Сохранение финального *а*-:

садз.	другие диалекты	перевод
<i>áба</i>	абж., бзып. <i>аб</i> , при ашх., тап. <i>áба</i>	отец
<i>а-тýíрасса</i>	абж., бзып. <i>а-тýíрас</i>	папоротник
<i>а-кәáца</i>	абж. <i>а-кәáц</i>	мясо
<i>фýíнтәа</i>	абж., бзып. <i>фýíнтә</i>	дважды
<i>á-маттәа//</i> <i>а-маттýí</i>	абж., бзып. <i>á-мат</i>	змея
<i>á-йаша</i>	абж., бзып. <i>á-йаш</i>	белка
<i>а-хárңа</i>	абж. <i>а-хárң</i> , бзып. <i>а-х'árң</i>	нательная рубашка
<i>ажәýтәа</i>	абж. <i>ажәýтә</i>	в старые времена

(в) Сохранение срединного *ы*:

садз.	другие диалекты	перевод
<i>а-ңсысы-рá</i>	бзып. <i>á-ңсьсьа-ра</i> тап. <i>ңсса-рá</i>	строгать, очи- щать (напр. яблоко от кожуры)
<i>áңшәýма</i>	абж., бзып. <i>áңшәма</i>	хозяин

<i>а-дыды-ра// а-дыдд-ра́</i>	абж. <i>а́-дыд-ра</i> , тап. <i>дд-ра</i>	гремять (о громе)
<i>а́-чычара// а́-чыччы-ра</i>	абж. <i>а́-чча-ра</i> , тап. <i>хъычча-ра</i>	смеяться
<i>а́-хышь</i>	абж. <i>а-хышь</i> , тап. <i>хышьы</i>	ястреб
<i>а́-мышә</i>	абж. <i>а-миә</i> , тап. <i>миәы</i>	медведь
<i>а-шышá</i>	абж. <i>а-шишá</i> , тап. <i>шиша</i>	жир
<i>а́-хыш</i>	абж. <i>а-хиш</i> , тап. <i>хшы</i>	молоко

(г) Примеров на сохранение безударного финального *-ы* не так много:

садз.	другие диалекты	перевод
<i>а́-сәтý</i> (цвыдж.)	бзып. <i>а́-сәт</i> , абж. <i>а́-шәт</i>	цветок
<i>а́шьтәхъы</i>	бзып., абж. <i>а́шьтәхъ</i>	затем, потом
<i>а́-збахәы</i> (цвыдж.)	бзып. <i>а́-зъбах'ә</i> , абж. <i>а́-збахә</i>	известие

Архаичный характер полногласия в садзском, как и в ацхарском и в других диалектах подтверждается сравнением со словами-источниками в случаях заимствований, а также при сравнении исконных слов с когнатами в родственных языках.

Примеры сохранения полногласия в заимствованиях:

садз.	другие диалекты	язык-источник	перевод
<i>а-ңаҳál</i>	абж. <i>а-ңаҳál</i>	груз. <i>ңоҳал-и</i>	кувшин
<i>а́ңшәыма</i>	абж. <i>а́ңшәма</i>	осет. <i>фысым// фусун</i>	хозяин

Сравнение с когнатами в родственных диалектах и языках:

á-бана//á-бына ‘лес, гора’, при абж. *á-бна* ‘лес’, ср. адыг. *панэ* ‘колючий кустарник’, убых. *бана* ‘травя’;

заны́, при абж., тап. *зны* ‘один раз’, ср. ащх. *заны́*, адыг. *зы*, убых. *за* ‘один’;

á-мышэ ‘медведь’, при абж. *а-мишэ*, ср. адыг., каб. *мышэзэ*, убых. *мышэа*;

á-мыш ‘день’, при абж. *а-миш*, ср. адыг. *махуэ*, убых. *мысуа*.

Сохранение нередуцированного ударного гласного:

а-ха́ ‘голова’, ср. абж. *а-хы́*, бзып. *а-х’ы́*, при ащх., тап. *хэа* < праабх. **хэа* ‘то же’;

относится к производным от **хэа* ‘голова’, ср. садз. *а-хálпа* ‘шляпа’, при абж. *а-хылпа*, садз. *а-хáза* ‘одеяло’, при абж. *а-хы́за* и т. д.;

а-ѳна́ ‘дом’, при абж. *а-ѳны́* ‘дом’, тап. *г’эна* ‘дом, хижина’, ср. адыг. *уына* ‘дом’;

акá ‘один’, ср. абх. *акы*, тап. *за-кы*;

а-хэхэá, абж. *а-хэы́*, тап. *хэа* ‘холм, гора’;

а-ба́ца ‘прутья для плетения’, ср. абж. *а-бы́ца*, тап. *баца́*.

Садзские соответствия сочетаниям одинаковых фонемам в других диалектах.

Встречающимся в других диалектах односложным корням с удвоенными согласными, являющимся результатом синкопы безударных гласных (*СГСГ > ССГ),¹ в садзском диалекте соответствуют двусложные корни с удвоенным согласным (*СГСГ > СГССГ):

садз.	другие диалекты	перевод
<i>á-хэыхэхэы-ра</i>	абж., бзып. <i>á-хэхэа-ра</i>	кричать

¹ С — согласный, Г — гласный.

<i>йыхаыхахәызá</i>	абж. <i>йыхахәазá</i>	очень длинный
<i>á-ршәышәшә-ра</i>	абж. <i>а-ршәшәа-рá</i>	трясти
<i>а-зәызәзәá</i>	абж. <i>а-зәзәá</i>	сильный
<i>а-тытты-рá</i>	абж. <i>а-тта-рá</i>	рваться, расползаться
<i>а-гәыгәгәá-хәа</i>	абж. <i>а-гәгәá-хәа</i>	с большим шумом
<i>а-зыззý-ра</i>	абж. <i>а-ззá-ра</i>	мелководье

Фонетические процессы.

Апокопа (падение конечного гласного).

Падение конечного безударного гласного *-а* в садзском встречается не так часто, как, например, в бзыпском диалекте, где этот процесс более распространен. Примеры апокопы в садзском: *áрдәын* ‘черный дрозд’,¹ ср. бзып. *áрдәын(а)*, абж. *áрдәына*; *áрхьын* ‘серый дрозд’,² ср. бзып. *áрхьын(а)*, абж. *áрхьына*; *а-шьанý* ‘кремень’, ср. бзып. *а-шьáнý*, абж. *а-шьáнýа*, *á-мыз* ‘луна’ (*//á-мыза*), ср. бзып., абж. *á-мза*.

Многие слова произносятся вариантно с апокопой и в полногласной форме: *а-бзыý//а-бзыýа* ‘хороший’, *á-мыз//á-мыза* ‘сосна’, *а-хáлап//а-хáлпá* ‘шляпа’, *áшьтáхь//áшьтáхьá* ‘затем, вслед’, *á-захәы//á-захәыуá* ‘адыг’, *áңсыу//áңс(ы)уá* ‘абхаз’ и т.д.

В формах личных местоимений с суффиксом *-ра*, в отличие от других абхазо-абазинских диалектов, конечная гласная обычно выпадает:

<i>сар//сарá</i> ‘я’	<i>хар//харá</i>	‘мы’
<i>бар//барá</i> ‘ты (ж.)’	<i>шәар//шәарá</i>	‘вы’
<i>уар//уарá</i> ‘ты (м.)’		
<i>лар//ларá</i> ‘она’	<i>дар//дарá</i>	‘они’
<i>ýар//ýарá</i> ‘он’		

¹ Неопределенно-единичная форма *ардәына-к*.

² Неопределенно-единичная форма *архьына-к(а)*.

Ср. абж., бзып., ащх., тап. *са-ра́* ‘я’, *ба-ра́* ты (ж.), *уа-ра́* ‘ты’ (м.), *ҳарá* ‘мы’ и т. д. Ср. в садзском также неопределенное наречие *цъар* ‘где-то’, ‘куда-то’ (наряду с *цъарá*).

Морфологические особенности.

Глагол.

Образование настоящего времени статических глаголов.

Особенностью халцысского говора садзского диалекта является образование настоящего времени ряда статических глаголов (а) с помощью суффикса настоящего времени статических глаголов *-уы* (в других абхазских диалектах *-уа*) и окончания финитных динамических глаголов *-(й)т* (т. е. *-уы+(й)т*); (б) с помощью финитного суффикса динамических глаголов *-йт*, напрямую присоединяемого к корню (= чистой основе); (в) с помощью суффикса настоящего времени статических глаголов *-уы* и финитного суффикса статических глаголов *-п* (т. е. *-уы+п*). Иногда один и тот же статический глагол может иметь вариантное суффиксальное оформление, как, например, глаголы в значении ‘сидеть’, ‘принадлежать’ и др. (см. ниже).

В говоре цвыджи форма настоящего времени статических глаголов образуется, как и в халцысском варианте (в), с помощью суффикса настоящего времени *-уы* плюс суффикс финитности *-п*, хотя фонетически результат иной: суффикс *-ооп* (с долгим *ō*). В бзыпском и абжойском диалектах настоящее время финитных статических глаголов образуется при помощи суффикса настоящего времени статических глаголов *-уы* и окончания финитных статических глаголов *-п* (т. е. *-уы+п*).

Примеры:

- (а) сидеть   халц. *сы-тə-ý+т//сы-тə-ý+п*,
                                       цвыдж. *с-тəá-уы+п* [с^{bl}тəóп], ср.
                                       бзып., абж. *с-тəа-ý+п* [стəóуп] ‘я сижус’;

принадлежать	садз. <i>йы-сы-тә-ў+т</i> , ср. бзып., абж. <i>йы-с-тәы-у+п</i> [^и истәўп] ‘то мне принадлежит’
(б) быть	садз. <i>д-а́ка-йт</i> , абх. <i>ды́-ка-уы+п</i> ‘он(а) есть//существует’ ;
следовать	садз. <i>д-а́-шыты-йт</i> , бзып., абж. <i>д-а́-шыта-уы+п</i> [д́ашытоуп] ‘он(а) за этим следует’;
быть написанным	садз. <i>й-а-нны-йт</i> , бзып., абж. <i>и-а-ны-уы+п</i> [й́анўп] ‘то на том написано’;
принадлежать	садз. <i>йы-сы-тәтәы-йт</i> , бзып., абж. <i>йы-с-тәы-у+п</i> [^и истәўп] ‘то мне принадлежит’;
(в) спать	садз. <i>сы́-ца-уы+п</i> [сы́цәуп], бзып., абж. <i>сы́-цаа-уы+п</i> [сы́цәоуп] я сплю’;
стоять	садз. <i>с-гы́л-уы+п</i> , бзып., абж. <i>с-гы́ла-уы+п</i> [сгы́лоуп] я стою’.

Образование статических глаголов с окончанием *-у-т* имеет параллели в чагиреевском (апсуйском) говоре ащхарского диалекта: чаг. *ды-у-тә-ў+т* ‘он(а) тебе (м.) принадлежит’.

Вариантное отсутствие показателя настоящего времени в вопросительных формах статических глаголов отмечается и в бзыпском диалекте:¹ *йы́-ка-й* [йй́кей]//*йы́-ка-уы-й* [йй́кой] ‘как дела?’ (букв. ‘то что есть?’), *йы-т́а-й* [йит́эй]//*йы-т́а-у-зай* [йит́о́узей] ‘то что есть внутри?’, *дызф́ый*//*дызф́ыйы́й* [дызф́у́й] ‘чем он(а) занимается?’ и т. д.

Образование настоящего времени инверсивных глаголов.

Схожая ситуация с инверсивными глаголами, которые могут быть либо статическими, либо динамическими. В случае со статическими инверсивными глаголами, садзский имеет финитное окончание *-йт*, присоединяемое к чистой глагольной

¹ На эту параллель обратил мое внимание А. А. Анкваб (устн. сообщ.).

основе, т. е. без суффикса настоящего времени *-уы*, в отличие от окончания *-у(ы)+п* в других абхазских диалектах. Примеры:

хотеть, желать	халц. <i>йы-с-ҭахх́а-йт</i> , цвыдж. <i>йы-с-ҭах́а-йт</i> , при бзып. <i>йы-с-ҭах́ы-у(ы)+п</i> , абж. <i>йы-с-ҭахы́-у(ы)+п</i> ‘то мне хочется’;
иметь	садз. <i>йы-сы́-ма-йт</i> , бзып., абж. <i>йы-сы́-ма-уы+п</i> ‘то у меня имеется’;
принадлежать	садз. <i>йы-сы-тәтәы́-у+п//йы-сы-тәтәы́-йт//йы-сы-тә-у́+п</i> , ср. бзып., абж. <i>йы-с-таы́-у+п</i> ‘то мне принадлежит’

Причину вариантности в случае с глаголом ‘принадлежать’ можно усматривать в смешении (при переселении) разных садзских говоров, а также во влиянии соседних абхазских диалектов (бзыпского и ахчыпсы). С точки зрения дифференциации финитных суффиксов для статических и динамических форм, тапантский диалект ближе к бзыпскому и абжойскому диалектам, используя суффикс *-б* (= абх. *n*), ср. тап. *й-а́-ма-б*, бзып., абж. *й-а́-ма-уы-п* ‘то у него имеется’, тогда как ситуация в садзском диалекте имеет параллели в ащхарском диалекте и частично в ахчыпсы.

Вариантное отсутствие показателя настоящего времени в вопросительных формах статических инверсивных глаголов отмечается и в бзыпском диалекте: *йы́-у-ҭах́ы-й//йы́-у-ҭах́ы-уы-й* ‘что ты(м.) хочешь?’, *йы-уы́-ма-й* [^ии́умей]//*йы-уы́-ма-уа-й* [^ии́умой] ‘что ты(м.) хочешь?’.

Образование настоящего времени динамических глаголов.

В отличие от тапантского диалекта, все остальные абхазо-абазинские диалекты образуют финитные формы настоя-

щего времени динамических глаголов посредством сочетания показателя настоящего времени динамических глаголов *-уа* с финитным суффиксом *-йт*. Халцысский говор садзского отличается тем, что благодаря тенденции к *ы*-мутации, суффикс настоящего времени звучит *-уы*, тогда как суффикс финитности *-йт* часто представлен в сокращенной форме *-т* (т. е. *-уы-й-т// -уы-т*). Фонетически это имеет своим результатом окончание *[-ут]*, тогда как в диалектах, сохраняющих огласовку *-уа*, окончание произносится как *[-о(й)т]*; ср. садз. *сы-ц-уы́-т* [сыцúʔт], при бзып. *с-ца-уа́-йт* [сцъойт//сцъот], абж. *с-ца-уа́-йт* [сцойт] ‘я иду’. В чагиреевском (апсуа) говоре ащхарского диалекта окончание настоящего времени динамических глаголов имеет сходное звучание с халцысским: *-уы-йт* [-уйт], либо в сокращенной форме *-уы-й* [-уй] (см. Чакуда 1970: 84), а в ащхарском говоре, записанном мною в Турции (с. Гёкёрен), соответствующее окончание звучало как *[-ут]*: *с-ц-уы-т* [сцут] ‘я иду//пойду’. В отличие от халцысского говора, динамические финитные окончания цвыджского говора более близки к ахчпысскому, цабалскому, некоторым говорам абжюйского диалекта и к кувинскому говору ащхарского, ср. цвыдж. *сы-ца-уа-йт* [сыцбойт] ‘я иду’, т. е. с долгим [õ].

Образование условного наклонения.

Формы условного наклонения в садзском образуются с помощью суффиксов *-ры-й* [-ри] (показатель условия *-ры* плюс союзный суффикс *-й*) и *-зарый* [-зари//зери], тогда как в бзыпском и абжюйском имеем, соответственно, суффиксы *-р* и *-зар*, ср. садз. (халц.) *азə ды-сы́-ц-зарый*, абж. *азə д-сы́-ц-зар* ‘если кто-нибудь будет со мной’, садз. (халц.) *йы-шə-та́ххə-зарый*, абж. *йы-шə-та́хы-зар* ‘если то вам хочется’, садз. (халц.) *сы-ца-уа́-за-*

рый [сыцбзари],¹ абж. *с-ца-уа-зар* [сцбзар] ‘если я пойду’, цвыдж. *ды-хэы-зарый*, бзып. *д-хэы-зар* ‘если он ранен’. В значении ‘даже если’ употребляется, как и в других абхазских диалектах, суффикс *-за+р+гы*, ср. халц. *йы-с-аха-заргы* ‘(даже) если я это услышал’, цвыдж. *йы-қа-сэа-заргы* ‘если (даже) то попадет (на что-то)’.

Условные формы на *-рый* [ри], подобные садзским, встречаются также в речи носителей других абхазских диалектов в Турции (ср. тур.бзып. *йы-кыл-сы-рый* ‘если они вылезут’, наряду с *-р* в *д-кашá-р* ‘если он(а) станцует’), а на Кавказе - в ашхарском диалекте.

Образование повелительного наклонения.

Положительный императив в садзском образуется (а) чистой основой глагола с префиксальными актантными показателями, либо, чаще, (б) чистой основой глагола с префиксальными актантными показателями плюс союзный суффикс *-й*.

а) *й-аа-гы* ‘то сюда принеси!’, *шаа-ха-дыгыл* ‘вы нас поддержите!’, *уы-дэылыц* ‘выйди наружу!’.

б) *уы-наппы зэазэы-й* ‘мой руку/руки!’, *йы-ккы-й* ‘то хватай!’, *уы-цы-й* ‘уходи!’, *уы-тэы-й* ‘садись!’.

В других абхазских диалектах суффикс *-й* при императиве имеет четко выраженную эмфатическую функцию усиления либо, напротив, смягчения приказа: *уы-тэа-й* ‘садись-ка!’, *уы-ца-й* ‘пойди-ка!’. В садзском эмфатический оттенок *-й* при императивных формах не явственен, так что формы с этим суффиксом можно рассматривать как варианты к формам без суффикса; частотно использование первых даже превышает использование императивных форм на базе чистой основы.

---

¹ Следует отметить в данном случае огласовку суффикса настоящего времени *-уа-* в садзском.

Негативные формы императива в садзском не отличаются от соответствующих форм в других диалектах, ср. садз. *уы-ҧхám-шьы-н*, бзып., абж. *уы-ҧхám-шьа-н* ‘не стесняйся!’ и т.д.

Инфинитные временные формы в значении ‘когда’.

Инфинитная форма в значении ‘когда’ в кавказских абхазских диалектах формируется посредством префикса *ан*, а в садзском – в основном с помощью циркумфикса *ан-...-й* ‘когда ...и’, ср. садз. *й-ан-й-ах́а́-й*, при абж. *й-ан-й-ах́а́* ‘то когда он услышал’, садз. *й-ан-ныц́а́й-й*, при абж. *й-аны-нц́а́а́* ‘то когда окончилось’, садз. *й-ан-на́-л-гы-й*, бзып., абж. *й-ан-на́-л-га́* ‘то когда туда она принесла’.

Формы, содержащие лишь временной префикс *аны-*, встречаются в садзском реже: *д-аны́-цә́* ‘когда он уснул’.

Неопределенные временные формы в садзском в значении ‘когда (бы ни)’, как и в других абхазских диалектах Турции, формируются циркумфиксом *аны-...-л(*а)+аа+к(ы)(-гы)*, тогда как в диалектах на Кавказе циркумфикс имеет форму *аны-...-ла+к(-гы)//...лагь*. Ср. садз. *с-аны́-й-ба-лаакы*, бзып., абж. *с-аны́-й-ба-лак* ‘когда бы он меня не видел’, садз. *д-аны́-шьт́ал-лаак*, бзып. *д-аны́-шьт́ала-лагь//д-ан-шьт́ала-лагь* ‘когда он лежит спать//когда бы он не ложился спать’ и т.д. В садзском используется и сложный формант *аны-...-лаа+кы-й*: *й-аны́-й-х́а́а-лаакый*, ср. бзып. *й-аны́-й-х́а́а-лагь* ‘то когда он скажет’. Другие варианты окончания, используемые в халцисских неопределенных временных формах: *-злаагы*, *-лаагы*, *-лаакгы*, *-лаакын(ы)*. В цвыджии наиболее употребимым формантом является *-лаак(ы)*: цвыдж. *д-ан-а́а-х́-анх́а́ы-лаакы*, бзып. *д-ан-а́а-х́-ынх́а́-лагь* ‘как только он вернется’.

В относительном значении ‘когда’, ‘как только’ садзский использует суффикс *-рыкәа*: *уы-ш-а́а́+й-рыкәа сар сы-бы́-й* ‘как только ты придешь, увидь меня!’, *уы-шы-на́+й-рыкәа* ‘как только ты пойдешь’. Сходный глагольный формант *-ркәа// -ркәы* присутствует в тапантском диалекте, однако в значении про-

должающегося действия ('все еще'): *йы-бг'аза-ркэа-б* 'то еще сыро, мокро'. Другой схожий тапантский формант имеет форму *-рыкэы* и участвует в образовании условного наклонения: *лара йы-л-а-у-хэы-ркэы-н* 'если ты(м.) ей то скажешь'. И в садзском, и в тапантском рассматриваемые форманты образованы из суффикса условного наклонения *-р* и основы глагола *акэ-* 'быть, существовать'.

Семантика долженствования.

Значение долженствования в абжуйском и бзыпском диалектах образуется суффиксом *-роуп* (сочетание суффикса условного наклонения *-р* и связки *-ауы+n* (< *й-акэы-н 'то есть'): ср. абж. *уы-цá-р+ауы+n* [уцáроуп] 'ты должен пойти'. В садзском диалекте в данной функции используется более архаичная несокращенная аналитическая форма, состоящая из смыслового глагола, снабженного суффиксом условного наклонения *-ры+й* и вспомогательного глагола *акэы-* 'быть': *сар йы-ѳа-с-ѳы-ры+й* [йаѳасѳырий] *áкэы-у+n* 'я должен это сделать'; *арый а-шааѳká у-á-ѳхьа-ры+й áкэы-у+n* 'ты должен прочесть эту книгу'.

Образование отрицательных форм глагола.

Отрицательные глагольные формы в садзском диалекте содержат обязательную префиксальную (исходно подтвердительную) частицу *-гьы-*, например, халц. *сы-гьы-тá-м* 'я не сижу', *сы-гьы-м-цы-йт* 'я не пошел', *сы-гьы-йы-сса-м* 'я его не ударяю', (йы-) *гь-áа-сы-хэа-м* 'то я не покупаю, не беру', цвыдж. *йы-гьá-ха-м-бы-т* 'то мы не увидели'. Обязательное наличие префиксальной частицы *-гьы-* в отрицательных формах глагола наблюдается также в ахчыпсском, ащхарском и тапантском диалектах. В бзыпском и абжуйском эта частица используется с семантикой подтвердительности: *ды-гь-цá-йт* 'он все же пошел', бзып. *йы-гьá-ха-м-бы-йт*, абж. *йы-гьá-ха-м-ба-йт* 'то мы так и//даже не увидели'.

Образование положительного потенциалиса.

В абхазском языке имеется морфологически выраженная категория потенциалиса, служащая для выражения способности совершения какого-либо действия. Эта категория реализуется в отрицательных или вопросительных формах глагола посредством префиксы *зы-*, тогда как положительный потенциалис обычно выражается лексическими средствами, напр. *йы-с-зы́-ка-ц́о-м* 'то я не могу делать', *йы-уы-зы́-ка-ц́о-у?* 'можешь ли ты это делать?', *йы-ка-с-ц́а́-р сы́-лишо-йт* 'я могу это сделать' (с глаголом *а́-лиша-ра* 'мочь'). Позитивный потенциалис с данным префиксом хоть и возможен, но не очень употребителен: *йы-с-зы́-ка-ц́о-йт* 'то я могу сделать'.

В садзском диалекте в негативных и вопросительных формах также используется префикс потенциалиса *зы-*, ср. *сы-збы́-з-ц́а́-м* 'я не могу пойти', *уы-з-цоо-ма́?* 'ты можешь пойти?'.

В положительных же формах потенциалиса используется суффикс *-ц́аы*, этимологически связанный с суффиксом эксцессива (чрезмерности) *-ц́аа*: *уый й-а́а-й-х́аы-ц́а-уы-т* 'то он может купить', *сы-ны́ќаы-ц́а-уы-т* 'я могу гулять', *сы-цы́-ц́а-уы́-т* 'я могу пойти'.

Следует отметить, что в других абхазских диалектах суффикс эксцессива *-ц́аа* может иногда использоваться для создания эмфатического подтверждения возможности совершения действия, ср. *йы-б-т́ахы́-зар*, *йы-бы́-жа-ц́а́-п* 'если ты захочешь, то на самом деле, сможешь это выпить!'.¹ Но в данном случае суффикс *-ц́аа* несет семантику увещевания ('еще как выпьешь!'), тогда как в садзском позитивный потенциалис используется с нейтральной коннотацией.

Наречия.

В садзском встречаются наречия, присущие лишь данному диалекту, хотя они и построены на общеабхазском материале.

¹ Дж. Хьюитт, З. Хиба, устн. сообщ.

ámṇaḳa ‘рядом’ (ср. бзып., абж. *ámṇan* ‘подле’): *л-хáḱа й-ámṇaḳa* ‘рядом с ее мужем’, при бзып. *л-хáḱа йы-мṇан*.

-*хьṭaḳa* ‘в, среди’: садз. *а-хə-қə́ы ры-хьṭaḳa* ‘в горах/на холмах’, абж., бзып. *а-хə-қə́а р-ყы́*.

-*аңыхь́ка* ‘перед’: садз. *на́ртaа р-аңыхь́ка* ‘впереди нартов’, при абж. *на́ртaа р-а́ңхь́а*.

-*шьṭaḳa*//*-шьṭахь́ка*, при бзып., абж. *-шьṭахь́ка* ‘назад’: садз. *лы́-шьṭaḳa*//*лы́-шьṭахь́ка ды-гьажь́ы-йт*, бзып. *лы́-шьṭахь́ка д-гьажь́ы-йт* ‘она вернулась назад к себе’.

Послелог.

Кроме основных послелогов, использующихся в других абхазских диалектах, в садзском встречаются послелогии, присутствующие лишь данному диалекту, хотя и построенные на общеабхазском материале. Другие послелогии представлены в садзском в специфической фонетической форме:

-*қа* (наряду с *-қы*): *шь́ха-к á-қа*, ср. бзып. *шь́х’á-к а-қы́*, абж. *шь́хá-к а-қы́* ‘на горе’.

-*кы́нтə́ы*: *а-ңхə́ыс лы-кы́нтə́ы*, абж. *а-ңхə́ыс лы-кны́тə* ‘от женщины’.

-*қы́нтə́ы* ‘из’: *ҳ-áбы-цəа р-қы́нтə́ы*, ср. бзып., абж. *ҳ-áба-цəа ры-кны́тə* ‘от наших отцов’.

-*қы́нтə́ак* ‘из’: *быжьжь́ык ры-қы́нтə́ак*, ср. бзып., абж. *быжьжь́ык ры-кны́тə*.

-*қы́нтə́аканы* ‘из’: *ары́й а-цы́қə́рə́й а-қы́нтə́аканы*, ср. бзып. *ары́й а-цы́қə́рə́й а-кны́тə* ‘из этого маиса’.

-*қы́нзак* ‘до’: *жəа́ф ры-қы́нзак*, ср. бзып., абж. *жəа́ф р-кы́нза* ‘до шестнадцати’.

-*нзак* ‘до, пока’: *д-áа-нзак*, бзып., абж. *д-áа-нза* ‘пока он не пришел’.

-*аанзы́к* ‘до, пока’: *шьообжь́-áанзы́к д-аа-уы́т*, ср. бзып. *шьыбжь́бу-нза д-аа-уóйт* ‘он придет до полудня’.

-ахьа//ахьы//ахь 'по направлению к': *а-һазар-[а-]ахь*, бзып., абж. *а-базар-[а-]ахь* 'по направлению к базару'.

-һыхьаза 'каждый раз': *саатһы-һыхьаза*, ср. абж. *саатһ-цыһыхьаза* 'каждый час', садз. *се-й-бы-һыхьаза-гьы*, абж. *сы-й-ба-цыһыхьаза* 'каждый раз, когда он меня видел'.

-зышьтара 'с тех пор как': *х-аа-зышьтара саатһыбжак а́ккара ц̣уьит*, абж. *х-аа-йыжьтәей саатһбжак а́кара ц̣уейт* 'прошло около получаса с тех пор как мы пришли'.

-йышьа 'с тех пор как': *йы-цы-йышьа*, ср. абж. *йы-ца-йыжьтәей* 'с тех пор, как они ушли'.

Инструментальный послелог *-ла* может быть использован в комитативном значении 'с', ср. *с-аб йы-ла сы-цы-йт* 'я ушел вместе с отцом'. Хотя такое значение и может быть исконным (ср. убых. союз *ла*), все же более вероятно, что оно обязано влиянию турецкого инструментального послелога *ile*, имеющего сходное значение, ср. тур. *ben babam-la//babam ile gittim* 'то же'. Более «исконная» садзская фраза – *са-р с-аб сы-йы-ц-ны сы-цы-йт*.

Особенности в области дискурса.

Фокусная геминация.

Фокусом называется фонетическое либо морфологическое выделение слова, которое несет новую информацию и является в данном предложении ключевым. В садзском диалекте в качестве фонетического средства маркировки слова, стоящего в позиции фокуса, помимо других средств (например, интонация) используется геминация согласных.¹ Мы имеем в садзском, таким образом, помимо фонемной геминации, также дискурсно обусловленное удвоение согласных. Ср. следующие примеры.

¹ Фокусная геминация наблюдается также в чеченском языке, где финальный интервокальный согласный основы подвергается геминации в случае, если слово находится в позиции фокуса (см. Nickols 1994: 20).

Сар сахъейуыу Ашәтәыла сәйуыун, йыхъйт, сыхъыз Аллышә йыңа, Алашә йыңа, йаба йызлак ак алыршәын, рхъйт.

“Я из страны Ашвы, – сказал он, мое имя Сын Слеплого, Сын Слепого, в глаз его отца что-то попало (повредив глаз), горят”.

Слово ‘слепой’, употребленное в первый раз, содержит геминированный латеральный сонант, тогда как будучи употребленным во второй раз, сонант представлен в негеминированной форме. Слово слепой (*ла-шә*) означает этимологически ‘глазгноющийся’, а в слове *а-лықәа* ‘глаз’ в садзском латеральный сонант не геминирован. Это означает, что в сложении *а-ллы-шә* геминация имеет дискурсную функцию выделения нового для данного предложения слова. При использовании во второй раз, новизной для слушателя это слово уже не обладает, и потому удвоение отсутствует. Ср. еще несколько примеров фокусной геминации в садзском.

Уый матәппны сыйман, хәан ихәыйт. А-матәца, йаани, а-матәца-хәа сыйман.

Он имел меня в качестве подмасстерья, - сказал он. Ну, подмасстерье, имел меня в качестве подмасстерья.

Редкое слово *а-майәңа* ‘ученик, подмасстерье’ (< груз.), будучи использовано в первый раз, содержит геминированный билабиальный *ң* (*майәңң-ны* ‘в качестве подмасстерья’), а в дальнейшем упоминании – обычный *ң* (*а-майәңа*).

Быжьжынтәа сәайт, уыгәакам, уабыцый?

Я приходил семь раз, тебя нет, куда ты ушел?

Нормальная форма кратного числительного ‘семь раз’ – *бжьынтәа*//*быжьжынтәа*.

йы-ммухтәлиф-ххыйт

то стало разнообразным.

Слово *а-мухтѣлиф* происходит из тур. *muhtelif* ‘разнообразный; различный’. В данной фразе как корневой сонант *м-*, так и спирант *х* в превратительном суффиксе *-ха* подверглись фокусной геминации.

Наличие двух типов геминации в садзском диалекте существенно усложняет задачу установления инвентаря геминированных фонем, и, следовательно, общей картины садзской консонантной системы, поскольку не всегда возможно определить, имеем ли мы в каждом конкретном случае дело с настоящей геминатой, либо с дискурсно обусловленной фокусной геминацией.

Лексика.

Садзская лексика, помимо слов, встречающихся в других абхазо-абазинских диалектах, включает ряд специфических единиц, отсутствующих в других диалектах, либо отличающихся специфической фонетической формой.

В садзском диалекте формой единственного числа слова, обозначающего ‘глаз’, является исходно форма множественного числа, на основе которой образована новая форма множественности: ед.ч. *á-лақәа//á-лықәа* ‘глаз’, мн.ч. *á-лақәа-қәа//á-лақәы-қәа//á-лықәы-қәа* ‘глаза’, ср. абж., бзып. ед.ч. *á-ла* ‘глаз’, мн.ч. *á-ла-қәа*, ащх., тап. ед.ч. *ла* ‘глаз’, мн.ч. *ла-қәа́*. Форма *á-лақәа* в значении единственного числа встречается также в ахчпысы (наряду с вариантом *á-ла*), а спорадически и в абхазских диалектах на Кавказе. Ниже представлен список специфической лексики, встречающейся в садзском диалекте, расположенной по тематическим группам.

Домашние птицы

а-қәырқәыр//а-қәырқәыр ‘индейка’ (ср. бзып. *а-сәасәый*, абж. *а-гәа́гәшь*);

а-кәылый ‘индюшонок’ (ср. бзып. *а-сәасәый хәычы*, абж. *а-гәа́гәшь хәычы*);

а-шьы́ршьыр//а-шьыршьы́р ‘утка’ (ср. бзып., абж. *а-кэ́ата* ‘утка’; ср. также каб. *шыра-шыра* ‘призывное слово для уток, гусей’).

Дикие птицы

а-жьымжэ́акьа//а-льупльуп ‘удод’ (бзып. *а-шамыхъажь*, абж. *а-бжьоубжьы(й)к*);

а-кэа́цмлы́къ ‘вальдшнеп’ (бзып., абж. *а-цаблы́къ*);

а-ка́ркалы́ш ‘сорокопут’ (бзып., абж. *а-ка́ршы*);

а-ка́ы́ра//а-ка́ы́раа//а-ка́ы́рраа ‘ворона’ (бзып., абж. *а-ка́раа́н*);

а-ка́ы́ра ѓра//а́-хьада ‘сойка’ (бзып., абж. *а́-хьажь*);

а-хэ́ынцэ́ырла́ншь//а-хэ́ынцэ́арла́ншь//а-хэ́ымцэ́арла́ншь//а-хэ́амцэ́арла́ншь ‘красногрудка’ (бзып., абж. *а-хэ́ынцэ́ырка́ншь//а-хэ́ынцэ́рака́ншь //а-хэ́ынцэ́ра́ншь//а-хэ́ынцэ́рыла́ншь*);

а-ца́зъы́т//а-ца́зы́ы́т ‘сова’ (бзып., абж. *а-ты́*);

а-ца́ы́йт//а-ца́ы́йт ‘вид птицы’;

а-шышы́ргъы́ч ‘синица’ (бзып., абж. *а-шы́агъы́ч*).

Домашние животные

а-хха́б//а́-хаб а́-жэ́ ‘годовалая телка’ (бзып. *а-за́ацъ*);

а-хэ́ы́йца́ ‘поросенок’ (бзып., абж. *а́-шьы́шь*).

Дикие животные

а́-бы́га (халц.)//*а́-ба́га* (цвыдж.) ‘волк’ (бзып., абж. *а́-ба́га*);

а-бы́гаса́//а-бгаса́ (халц.)//*а-багаса́* (цвыдж.) ‘вид лисы’, ‘лиса’, ‘шакал’ (бзып., абж. *а-бгахэ́ы́чы́, а-бгаса́*);

а-бгасна́ (халц.)//*а-багасна́* (цвыдж.) ‘лиса’;

а-ба́ца ‘клещ’ (бзып. *а-па́ф*, абж. *а-па́фа*);

а-кы́ркылы́ш (цвыдж.) ‘ящерица’ (абж. *а-карка́ламы́шэ́*);

а-матта́//а́-матта́//а-матта́//а́-мат ‘змея’ (бзып., абж. *а́-мат*);

а-на́рґала́й//а-на́рґылы́къ ‘бабочка’ (бзып. *а-хьч́аґа́ыр*, абж. *а-на́рґалы́къ*);

á-р̄ыгъ//á-р̄агъ ‘кузнечик’, ‘сверчок’ (бзып., абж. á-р̄ыу ‘кузнечик’, тап. к̄ауа ‘кузнечик’, ар̄ыгъ ‘клещ’);

а-х̄аашы́ба ‘клещ’;

á-х̄аа//а-х̄а́мац ‘червь’ (бзып. á-х̄аыц, абж. á-х̄аа(ц), тап. х̄аа);

а-чы́рчылыш̄ь//а-чы́рчылыш//а-чыш̄ьлы́ш ‘ящерица’ (бзып., абж. а-й̄ынц̄аыш, тап. ар̄цы́ш);

а-шыш̄ьырк̄ыатт̄а//а-шыш̄ьырк̄ыатт̄ы//а-шыш̄ьырк̄ыыт-т̄а ‘краб’.

Растения

á-бзара//á-бзар кизил (бзып. а-бгы́зыр, абж. а-бгы́зыр, тап. зары́ ‘кизил’);

á-ж̄ба́й̄а́ымаа//а-ж̄ба́й̄а́ыра//á-ча́ш̄аа ‘плющ’;

а-к̄а́са ‘алыча’ (ср. бзып. а-ң̄х̄а́са́, абж. а-б̄х̄а́са ‘алыча’, тап. х̄а́са ‘чернослив’, ‘алыча’);

á-ма́ама́й̄а́а//á-ма́ха ‘лавровишня’ (бзып., абж. а-шы́м̄ха);

а-ма́рк̄а́ыса ‘шелковица’ (бзып. а-м̄з̄а́, абж. а-м̄ж̄а́, тап. ма́ркаа̄ ы́ла);

а-мы́ж̄ж̄а́//а-м̄ж̄а́ ‘виноград’ (бзып., абж. а-ж̄ь ‘виноград’, а-ж̄ьы-м̄ж̄а́ ‘гроздь’);

а-х̄а́ыць ‘вид дерева’ (тур. *karakurut//domuz ağacı*);

а-шы́рр̄а́ ‘бурачок, вид травы ядовитой для скота’ (тур. *deli otu*, лат. *Alyssum*).

Разное

халц. а-та́ым̄ж̄ьыш̄ьха//а-та́ым̄ыць̄ха//а-та́ым̄ыч̄ха//а́д̄ум-быч̄ха//а-та́ым̄ыч̄ха, цвыдж. а-та́ым̄ыш̄ха ‘мифический гигант’ (из а-дауы-быж̄ь-ха семиголовый великан’);

а-ты́зг̄а́ыла//а-ты́зг̄а́ыла ‘близкий сосед’; мн.ч. ай̄ты́зг̄а́ыла-цаа (а-ты́зз̄а́ ‘дом’, а-г̄а́ыла ‘сосед’);

а-х̄азы́м̄ж̄а́//а-х̄ым̄за//а-х̄ым̄зы́ж̄а́йа ‘крыло’ (абж. а-м̄й̄а́ыж̄а́а);

а-хампала́ць ‘круглый гладкий камень используемый в качестве пестика для размалывания *аджики*’ (ср. ащх. *хамплаць* ‘голыш, галька’);

халц. *а-цəхəды́дӑџə́//а-цəхəды́џə́//а-цəхəды́џə́//а-цəхəды́џə́//а-цəхəды́џə́*, цвыдж. *а-цəхəда́хӑџа* ‘ярмо’ (ср. также ахч. *а-х’əдӑџə́* ‘часть ярма’);

á-т̆қы-ра ‘продавать’ (ср. бзып., абж. *á-т̆ый-ра*).

Заимствованная лексика.

В сравнении с бзыпским и особенно абжуйским диалектами, садзский содержит намного меньше картвельских заимствований. Выделяются заимствования из адыгских языков (преимущественно адыгейского), хотя и они не так многочисленны, как в ащхарском или тапантском диалектах.

А) Адыгские заимствования в садзском диалекте.

а-пыззы́ ‘еж’ (также ахч. *а-пызы́*) < адыг. *пыжъы́*¹;

а-ҳаду́ан ‘кладбище’, ср. адыг. *хьадэ́* ‘труп’, *уынэ́* ‘дом’; отсюда же абх. *а-ҳадгə́ын//а-ҳат̆гə́ын* ‘надгробие, могильный памятник’ (с усилением у > гə);

а-зы́бза//а-зы́бзасəа (цвыдж.) ‘грустная песня’ (*áсəа* ‘песня’) < адыг. *гъыбз* ‘песня-плач’;

а-ҳацə́шь ‘гостевой домик’, ‘кухня’ < адыг. *хьакIэщ* ‘гостиная’, ‘гостиница’; слово встречается также в языке бзыпского фольклора;

а-маркə́ыса ‘шелковица’, ср. адыг. *маркIуэ* ‘шелковица’, ‘ежевика’, ‘малина’; часть *-са*, возможно, представляет собой *асə́* ‘маленький’;

а-т̆ла́ча (цвыдж.) ‘хромой’ < адыг. *л̆ащэ́* < староадыг. *л̆ачэ́*;

á-т̆лахəа́ ‘пожилой человек, представляющий определенную семью’, ‘друг’, ‘родственник’ < адыг. *л̆лак̆у́* ‘род’, ‘поколение’;

а-цəагə́ат̆//а-ц̆ыкə́ат̆//а-ц̆ыкə́ат̆//а-ц̆ыкə́ат̆ ‘небольшой топор’; судя по каб. *жэгуэ́т* ‘полукруглое долото’, источником

¹ В абх. транскрипции — *пызы*.

для садзского послужила адыгейская форма *джэгуэт* или *джэкуэт*.

Б) Заимствования из других языков.

а-ды́шәа́кә//а-дәы́шәа́кә//а-ды́шәа́ккә//а-дәы́шәа́ккә//а-дды́шәа́ккә//а́-дашәа́кә/а-да́шәа́кә ‘черепаха’; ср. также ащх. *(а)дацъмакә*, тап. *адабыжьмак*, убых. *тацмыкзълу*, адыг. *хьадэпчэмылу*; для возможного источника западнокавказских форм ср. карач. *таш макъа* ‘черепаха’, букв. ‘каменная (*таш*) лягушка (*макъа*)’; ср. также ног. *тас-бака* ‘то же’. Лабиализованный *дә* в садзских формах, возможно, результат ассоциации со словом *а-дәы//а-дәдәы* ‘поле’, а лабиализация в убыхском – под влиянием ассоциации с корнем *кзълу* ‘сгибаться’ с негативным префиксом *мы-* (т. е. ‘не сгибающийся’ – о панцире черепахи). А. Шагиров (1977: 114–115), по-видимому, ошибочно, усматривал в адыгейском заимствование из абазинского, а убыхскую форму не связывал с остальными западнокавказскими. Заимствование названия черепахи в большинстве западнокавказских языков (ср. также бзып. *а́-кәы*, абж. *а-кәы́уа* из груз.) может объясняться табуированием (в силу традиционных религиозных воззрений) исконных названий этого животного.

а-шьхры́ң//а-ехры́ң ‘серп’, ср. также ахч. *а-шьхы́рң*, тап., ащх. *хьшырың*, из осетинского (аланского) *æхсырф* ‘серп’.

а-ты́ура ‘лес’, ср. также бзып., абж. *а-то́ура*, *а́-бна-тоура* ‘густая лесная чаща’, тап. *ты́ура* ‘бурьян’; согласно К. Ломтатидзе (1976: 113), абх. *а-тоура* ‘чаща’ из груз. *t'evr-i* ‘чаща, густой лес’.

а-закә́ан (цвыдж.) <русск. закон.

Хотя садзы были ближайшими соседями убыхов, следы их лингвистических контактов, вопреки ожиданиям, не так очевидны. И, тем не менее, можно обозначить ряд общих слов. Так, слово в значении ‘индейка’, является общим в садзском, в убыхском и в шапсугском диалекте адыгейского: халц. *а-қәы́рқәы́р*, цвыдж. *а-қәы́рқәы́р* ‘индейка’, убых. *куыркуы́р*, шапс. *куыркуыр*;

ср. тем. *куыркуыр*, каб. *гуыры-гуыра* ‘междометие для подзыва индеек’. Несмотря на звукоподражательную основу, слово имеет характер ареальной культурной изоглоссы, так как его нет в районе распространения бзыпского и абжуйского диалектов.

Позиция садзского среди других абхазских диалектов.

Для того, чтобы определить, какое место занимает садзский диалект в системе абхазо-абазинских диалектов, следует учитывать его близость к ахчыпсскому диалекту, а также в ряде отношений к ащхарскому диалекту. Не исключено, что садзский и ащхарский восходят к одному и тому же диалекту в рамках общеабхазского языка. Ащхарский отделился от общеабхазского языкового континуума ранее, чем садзский, и испытал сильное воздействие как тапантского диалекта, так и кабардинского языка, что по ряду параметров отдалило его от южнокавказских наречий. Садзский же диалект, несмотря на некоторую культурно-географическую изоляцию и близость к адыгскому и убыхскому ареалам, никогда не терял контактов с другими абхазскими диалектами, что и предопределило по ряду важных параметров его общую с ними эволюцию.

К общим чертам садзского и ащхарского относятся образование статических глаголов, фонетическое оформление некоторых глагольных форм и именных аффиксов, полногласие многих корней, а также некоторые параллели в лексике.

С другой стороны, во многих других отношениях в садзском проявляется бóльшая близость к абжуйскому и бзыпскому диалектам, чем к ащхарскому, не говоря уже о тапантском.

С фонетической точки зрения, садзский и ахчыпсский подверглись одинаковой эволюции с бзыпским и абжуйским. Фонемная система халцысского говора садзского практически идентична абжуйской, за исключением отсутствия в последнем геминированных согласных.

Цвуджский говор садзского сохранил лабиализованные свистящие спиранты (*зə*, *сə*), которые также имеются в ащхарс-

ком и бзыпском диалектах и в цабалском говоре. Однако, если в ащхарском артикуляционно они являются билабиальными (губно-губными), то в цвыджском и в других южноабхазских наречиях они лабиодентальные (губно-зубные).

Общеабхазские увулярные смычные *хъ*, *хъа* сохранились только в тапантском и ащхарском, тогда как в цвыджском, бзыпском, ахчипсском и цабалском они видоизменились в фарингализованные увулярные спиранты (*х'*, *х'а*), а в халцисском и абжуйском слились с простыми увулярными спирантами (*х*, *хә*).

Общеабхазские звонкие фарингальные *г'*, *г'а* хорошо сохранились в тапантском; в ащхарском диалекте неогубленный коррелят сохранился либо в своей исходной форме, либо в виде долгого *ā*. В садзском и ахчипсском диалектах, как и в бзыпском и абжуйском, простой фарингальный спирант фонетически видоизменился в *аа* (сохраняя фонемную значимость /*г'*/), а лабиализованный коррелят видоизменился в огубленный палатальный спирант *ә*, образовав коррелятивную связь с неогубленным *й*.

С точки зрения категории определенности-неопределенности, артикль *а-* в тапантском диалекте является показателем определенности, ср. тап. *ла* 'собака' (как представитель класса собак) — *а-ла́* '(определенная) собака'. В отличие от этого, в абхазских диалектах исходная система была модифицирована: артикль *а-* стал совмещать два значения — определенности и общности (родового значения), напр. *а-ла́* '(определенная) собака'// 'собака (как представитель класса собак)'. В садзском ситуация такая же, что и других абхазских диалектах, отличаясь от описанной выше ситуации в тапантском, ср. садз. *а-лла́* '(определенная) собака'// '(общая) собака (как представитель класса собак)'.¹

Образуя прошедшее абсолютное с помощью суффикса *-ны* (напр. *й-аага-ны́* 'то сюда принеся') садзский диалект и здесь демонстрирует бóльшую близость к бзыпскому и абжуйскому диалектам, чем к ащхарскому, где эта форма обычно образуется

с помощью суффикса *-шьа*, тогда как в тапантском в этой функции используется суффикс *-та*.

Речь абхазского племени ахчипсы, хорошо сохранившаяся в Турции, весьма близка к бзыпскому диалекту, однако обнаруживает некоторые черты, сближающие ее и с садзским диалектом. Это касается нередкого полногласия, образования сходных с садзским статических форм глаголов и некоторых других морфологических особенностей, а также лексики.

По ряду параметров ащхарский можно рассматривать в качестве переходного диалекта между тапантским и южными диалектами. Садзский же диалект, хотя он и входит в систему именно южноабхазских диалектов, в терминах переходных черт можно рассматривать, в свою очередь, как переходный между ащхарским и ахчипсы, а последний — между садзским и бзыпским. Следующая схема изображает развитие абхазо-абазинских диалектов от праабхазского языка.

Схема диалектного вычленения абхазо-абазинских диалектов из праабхазского языка

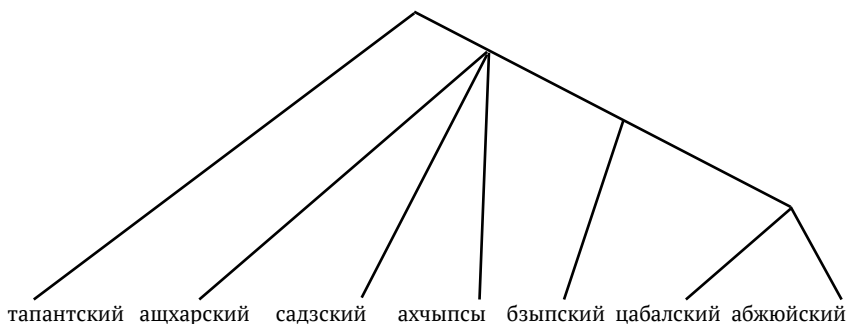

Схема показывает степень близости диалектов друг к другу, распределенных между абжюйским и тапантским полюсами. Тапантский отделился от общеабхазского в средние века, вероятно, после монгольских нашествий, т. е. после XIII столетия, когда плодородные земли северных склонов Большого Кавказ-

ского хребта, ранее занятые ираноязычными аланами, были опустошены. Ащхарцы оставались на территории исторической Абхазии намного дольше и переселились в том же направлении, что и тапантцы, приблизительно в начале XVII в. Задолго до переселения они населяли горные регионы Абхазии (отсюда и их название, производное от *а-шьха* 'гора', т. е. 'горцы'). Длительная изоляция в горах и тесные контакты с адыгами, предопределили особенности их диалекта и типологическую близость к тапантскому, также изолированному от южнокавказской прародины и развивавшемуся в условиях теснейшего контакта с адыгскими языками.

Географическая близость и тесные контакты между носителями садзского, ахчипсского, бзыпского и абжуйского диалектов предопределили их общую эволюцию: все они входят в систему южнокавказских диалектов абхазо-абазинского или абазского языка.

В садзском незаметны какие-либо следы убыхского или адыгского субстрата или сильного влияния этих соседних народов,¹ а анализ их фамилий показывает лишь небольшую долю убыхской и адыгской инфильтрации, легко объяснимой нередкой миграцией отдельных представителей западнокавказских этносов (хотя проблему садзско-убыхского взаимовлияния все еще предстоит изучить).

Фактически, данные садзского и ахчипсского диалектов заполняют пробел между бзыпцами и абжуйцами, с одной стороны, и ащхарцами с другой, демонстрируя, что между абжуйским и тапантским полюсами еще недавно, вплоть до середины XIX века, существовал естественный диалектный континуум, соединявший весь этот родственный ареал плавными переходами диалектных черт. Этот континуум был разрушен в сере-

---

¹ Вопреки Ф. Боденштедту (*Bodenstedt 1848: 188*), который рассматривал садзов как абхазов, сильно смешавшихся с убыхами и абадзехами.

дине XIX века военным вторжением внешней силы и последующей депортацией. Выселив, помимо садзов и ахчипсов, также всех убыхов в Османскую Империю, Россия создала очередную брешь на этнолингвистическом ландшафте Западного Кавказа, так как убыхи и лингвистически, и культурно, и географически представляли собой естественное связующее звено между адыгоязычным и абхазоязычным ареалами.

Убыхи постоянно угрожали садзам карательными акциями, в случае, если они примут российское правление. В результате, царское военное командование изгнало в Турцию и убыхов, и садзов. Но если убыхи сравнительно быстро утратили родной язык и национальную самобытность, садзы, напротив, отлично сохранили язык, культуру и общеабхазское самосознание. Тем не менее, является очевидным, что их диалект, так же как и все кавказские диалекты в Турции и на Ближнем Востоке, не имеет будущего, и прекратит свое существование через одно-два поколения. Это диктует актуальность тщательной фиксации и исследования садзского диалекта, равно как и других абхазо-адыгских диалектов в Турции.

Использованная литература

- Бгажба Х. С. 1964. *Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты)*. Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР.
- Бгажба Х. С. 1974. Об абхазских племенах и диалектах. В: Х.С. Бгажба. *Этюды и исследования*. Сухум, с. 146–162.
- Волкова Н. Г. 1974. *Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века*. Москва.
- Генко А.Н. 1928. О языке убыхов. В: *Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук, сер. VII, № 3*. Ленинград, с. 227–242.
- Дзидзария Г. А. 1976. *Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы*. Москва: Наука.
- Дзидзария Г. А. 1982. *Махаджирство и вопросы истории Абхазии XIX столетия*. Второе, дополненное издание. Сухуми: Алашара.
- Званба С. Т. 1982. О Гагре и джигетах. В: С.Т. Званба. *Абхазские этнографические этюды*. Сухуми: Алашара.
- Инал-ипа Ш. Д. 1995. *Садзы. Историко-этнографические очерки. – Народы Кавказа. Книга 2*. Москва.
- Инал-ипа Ш. Д. 2002. *Антропонимика абхазов*. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея».
- Килба Е. К. 1983. *Особенности речи батумских абхазов*. Тбилиси: Мецниереба.
- Килба Е. К. 1992. Некоторые вопросы абхазской исторической диалектологии (проблема садзского диалекта). В: журн. «Алашара», № 2 (на абх. языке).
- Килба Э. К. 2000. О диалектной базе речи батумских (ферийских) абхазов. К проблеме садзского диалекта. В: *Абхазоведение. Язык, фольклор, литература. Вып. 1*. Сухум: Алашара, с. 39–45.
- Килба Е. К. 2012. К проблеме реконструкции исторического садзского диалекта абхазского языка. В: Д. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: АКВА-Абаза, с. 106–113.

- Куправа А. Э. 2011. (Ред.) *Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX вв. (1762–1859). Сборник документальных материалов*. Т. II. Сухум.
- Нордман А. 1838. Путешествие профессора Нордмана по закавказскому краю. В: *Журнал Министерства Народного Просвещения*, ч. XX, № 11, с. 399–439.
- Торнау Ф. Ф. 1835. Докладная записка «Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыба до р. Сочи», Тифлис, 25 ноября 1835 г. В: *Дзидзария* 1976, с. 99–109.
- Торнау Ф.Ф. 1839. Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура. 1 февраля 1839 г., С.-Петербург. В: *Дзидзария* 1976: 109–119.
- Торнау Ф. Ф. 1994. *Воспоминания кавказского офицера*. Черкесск.
- Филипсон Г.И. 1863. Черкесы, казаки и адехе. В: «*Русский вестник*», т. 48, Санк-Петербург, с. 847–865.
- Чирикба В. А. 2012. Расселение абхазов и абазин в Турции. В: Д. К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 21–95.
- Чирикба В. А. 2014. Ранние фиксации абхазского языка. 1. Записи Дж. Ст. Белла. В: *Труды АБИГИ. Язык. Фольклор. Литература*. Выпуск V. Сухум (в печати).
- Чирикба В. А. 2014а. Ранние фиксации абхазского языка. 2. Записи Миная Бжишкяна (Медичи). В печати.
- Чирикба В. А. 2014б. Ранние фиксации абхазского языка. 3. Записи Эвлия Челеби (в печати)
- Чкадуа Л. П. 1970. *Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах*. Тбилиси: Мецниереба.
- Шагиров А. К. 1977. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. Москва: Наука, т. II.

- Bell, James Stanislaus. 1840. *Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, and 1839*. London: Edward Moxon.
- Bodenstedt, Friedrich Martin von. 1848. *Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen*. Frankfurt am Mein: Verlag von Hermann Johann Kessler.
- Chirikba, Viacheslav. 1996. Sadz, an Abkhaz dialect in Turkey. In: *NSL 8. Linguistic Studies in the non-Slavic languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics*. Chicago: The University of Chicago, p. 67–81.
- Dirr, Adolf. 1928. *Die Sprache der Ubychen. Grammatische Skizze, Texte, ulychisches Glossar nebst deutschem Index*. Sonderdruck aus *Caucasica*, fasc. 4 und 5. Leipzig: Asia Major.
- Dumézil, Géorge. 1931. *La langues des Oubykhs*. — Collection Linguistique publiée par La Société de Linguistique de Paris. T. XXXV, Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion.
- Gippert, Jost. 1992. The Caucasian language material in Evliya Çelebi's "Travel Book". A Revision. In: George Hewitt (ed.). *Caucasian Perspectives*. Lincom Europa. Unterschleissheim/München, p. 8–62.
- Mészáros, Julius von. 1934. *Die Päkhy-Sprache*. — The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilisations, no. 9. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press.
- Nickols, Johanna. 1994. Chechen. In: Rieks Smeets (ed.). *Indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 4. Part 2. Delmar, NY: Caravan Books, p. 1–77.
- Vaux, Bert and Zihni Pəsiypa. 1997. The C⁰əž¹ə Dialect of Abkhaz. In: Steve Peter, Bert Vaux and Susumu Kuno (eds). *Harvard Working Papers in Linguistics*. Volume 6. July 1997, Cambridge, MA: Harvard University Linguistics Department, p. 194–208
- Vogt, Hans. 1963. *Dictionnaire de la langue oubykh. Avec introduction phonologique, index français-oubykh, textes oubykhs*. Oslo: Universitetsforlaget, Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning, Série B: Skrifter, LII.

Список сокращений

абж.	абжюйский диалект абхазского
абх.	абхазский язык
адыг.	адыгейский язык
ахч.	ахчыпсский диалект абхазского
ащх.	ащхарский диалект абазинского
бзып.	бзыпский диалект абхазского
груз.	грузинский язык
дв.	двор
ед.ч.	единственное число
каб.	кабардинский язык
карач.	карачаевский язык
лат.	латинский язык
м.	мужской род
мн.ч.	множественное число
ног.	ногайский язык
осет.	осетинский язык
пр.	провинция
русск.	русский язык
садз.	садзский диалект абхазского
с.	село
ср.	средний род
субпр.	субпровинция в Турции (тур. <i>ilçe</i>)
тап.	тапантский диалект абазинского
тем.	темиргоевский диалект адыгейского
тур.	турецкий язык
убых.	убыхский язык
халц.	халцысский говор садзского диалекта
цвыдж.	говор цвыджи садзского диалекта
шапс.	шапсугский диалект адыгейского

ТРИ САДЗСКИХ ТЕКСТА

1. Говор халцис.

Данный текст был записан мною в октябре 1991 года в садзском селе Акбалык от Саадеттина Къаазым-ипа Айкусба. В 2010 году мне удалось вновь посетить этого замечательного сказителя и записать от него тот же сюжет, с интересными дополнениями, которые он из-за экономии времени опустил в мой первый визит. Текст содержит известный сюжет о рождении Нарта Сасырквы из знаменитого эпического цикла о мифических богатырях-нартах. Запись нартского текста, особенно от носителя садзского диалекта, была большой удачей. Несмотря на обилие турецких слов, текст дает достаточно хорошее представление о садзском диалекте, о своеобразии его фонетики, морфологии и словаря. Я старался дать перевод максимально близким к оригиналу, несмотря на многочисленные повторы, подобно '(он) говорит' и т. д. Благодарю Махинур Папа-пха за помощь в расшифровке некоторых турецких терминов.

В. Чирикба.

Сказитель: Айқәысба (Йақәыс) Қъаазым-ипа Саадеттін, род. 1923, с. Акбалык (тур. Akbalık), центральная Турция. Записано в октябре 1991 г. Запись, расшифровка и перевод Вячеслава Чирикба.

НАРТ САСЫРКӘА

Нарт Сасыркәа зхьызыз нартәа рыгрыу йыкәын, рхәыйт, драграуын, уырт драазыйт, *yahut da*.¹ (Уыжә, анәхь бней, бара!)

---

¹ тур. *yahut da* 'и поэтому'.

Нарт Сасы́ркәа дыйынса́нхыйт,¹ дыбзы́йахыйт, агәа́ҕь йоут, амыч йы́ман, аха́ йы́ман, дыбзы́йны, на́ртаа раҕы́хька дгы́луо д^мкалы́йт. Нарт Сасы́ркәа йаб, *affedersiniz, şimdi*², Нарт Сасы́ркәа йаб дгы́йымамызт. На́ртаа ры́хьча а́шьха́ҕы дахьа́каз, ант уаа́-шәоык ы́кан на́ртаа, уаа́ тыз а́шәк а́кан. Уырт ры́хьча а́шьха́ҕы дахьа́каз, ры́хьча йа́каз уаа́ ара́хә дры́цын.

А́рахә дры́цын. Са́тный-Гәа́шьа ззы́рхәоз, Нарт Сасы́ркәа йан, Сасы́ркәа дыййа́анза, на́ртаа ры́хьча йы́ҕа ахә́хәы́ лгон, рхыйт. Нас ры́хьча йы́ҕа ахә́хәы́ лгын, йанна́лгый, *affedersiniz*, дахьы́цәы́з, *йа́ани*,³ *nefsu uyandı*,⁴ йар дахьы́цәы́з *nefsu uyandı*. *Nefsu uyantı*,⁵ йыуазы́а⁶ даны́напшы́й, йывазы́а⁶ лгәа́мҕхы́-заап, йа́катцы́ша.

— Уара́, уыхә́хәы́ ара́а йа́кайт! — лхә́ын аҕхә́ыс, йыхә́хәы́ налы́ргылны ла́шьта́хька ды́ҕеҕе́жыйт. Ла́шьта́хька дангье́жый, йара́, *affedersiniz*, йы-не́фс⁷ бо́шьалмы́шьны⁸ йана́ака́лый, <...> — Уа́а, Са́тный-Гәа́шьа, Са́тный-Гәа́шьа, йыне́йуыйт, йыне́йуыйт! — ха́ йыхә́ыйт, рхә́ыйт, уый а́хьча.

Йы-не́фс бо́шьалмы́шьны йына́ака́лый, уахь́ йанцы́й, йылы́кәтә́ыйт, рхыйт. Йанцы́й, йы-не́фс йанлы́кәтә́ый, йахы́лыкәтә́ыйз йаалры́цкын, *affedersiniz*, йахы́лшьыйт, рхыйт, ара́а ла́хә йыты́лшьыйт. Сасы́ркәа *ondan doğta*,⁹ уый а́ҕынтә

¹ а-йынса́н ‘человек’ = тур. *insan*.

² тур. *affedersiniz, şimdi* ‘извините, сейчас’.

³ йа́ани = тур. *yani* ‘именно’, ‘значит’, ‘то есть’, ‘действительно’.

⁴ тур. *nefsu uyandı* ‘в нем пробудилось желание’.

⁵ тур. *nefsu uyantı* ‘в нем, очевидно, пробудилось желание’.

⁶ тур. *vaziyet* ‘состояние’.

⁷ не́фс = тур. *nefs* ‘(плотское) желание’; здесь и ниже также ‘мужское семья’.

⁸ бо́шьалмы́шь = тур. *boşaltı* ‘опорожнил’.

⁹ тур. *ondan doğta* ‘от этого родился’.

дыйыйт. Уый йы-нефыс йахъхьылшыыз азáханы, *ordan dolma, hamile oldu kadın*,¹ дыйымгəахыйт.

Сасы́ркəа дыйыйт аҗхəыс лыкынтəы, Сатный-Гəашьа. Уый дыйыйт. Даныый, Сасы́ркəа длаазыйт, тəби.² Дыдыухыйт. Дыбзыйахыйт. Дыҗəыҗəҗəыхыйт. Агəаҗь йыман.

Нарт Сасы́ркəа йахьыцы [нартаа] дрыманы йыцон. *Фáкат*,³ йахнəйлыаагы йарá ақəылараґы-ақəытраґы ейхá ауысқəа кайтцон, йызеггы рейхá крыйылышоны дáкан.

— Нарт Сасы́ркəа: áа, — рхəыйт, — харá тызашəк хáкайт, — рхыйт. — Акрызхатцо áкайт, агьенчцəа⁴ áкайт, тызашəк ахьáкоу нас ауаá. Арый руыс аґы гьымаайт. Арый йаб дыбельльым,⁵ йан дыбельльызарыгы, арый харá хəҗыхька дгылырый гьаáтахым, рхəын, конгра⁶ картыйт, рхыйт, нárтаа, айзараґы, нárтаа дыртахымхыйт.

[Сасы́ркəа] ныкəаррын дыкан данáайлыаагы, йыґы аҗсы ыршыразəхан, йáани, данáақəытцлаак йыґы, йыхəыйт, йааныккылны, йыхəыйт, йыґы, йыхəыйт, йыцны ахəхый йыршəны йыдəықəыйтцон, рхəыйт, нак йыхáууааны длəйаанза, аґы лəйаанза днəйны, áтцака днəйны йыґы ааныйккылон, рхəыйт. Уáантə йыршəны арəхь йдəықəыйтцон, рхəыйт, арəхь даáйны йыйккó, хынтə уыс йанáкайтцалаагы, йыґе аҗсышыон, рхəыйт. Хынтə, йáани, хынтəа, анəхь йдəықəыйтцо, арəхь йдəықəыйтцо анáакайтцалаак, йыґе аҗсышыон. Аный йыґы йырахатны йáмазгы уыбрый áкəын, рхыйт.

Кəылыры йыцон, рхыйт, шьхак áґа кəылыры йыцон, рхыйт. Ашьхаґа ақəылыраґ йахьцоз, Сасы́ркəа цьар кəылыры дыцын, данаáйны данышьталлаак, рхыйт, цымыш-хымыш

¹ 'Наполнившись этим, она стала беременной'.

² тəби = тур. *tabii* 'естественно, конечно, разумеется'.

³ фáкат = тур. *fakat* 'но, однако'.

⁴ а-гьенч = тур. *genç* 'молодой'.

⁵ а-бельльы = тур. *belli* 'известный'.

⁶ конгра = тур. *kongre* 'конгресс, съезд'.

дыуымрааҥшырый, дгѣааҥшымызт, дыцѣон, рхыйт. Аный дыкѣылны данаай, рхэыйт, йыцѣымты йақѣыршѣаны, нартѣа қѣылыры йыцыйт пшшынѣажѣый жѣабѣй, шѣкы, йаани, шѣѣуыѣак, йықѣытцт.

Уухук цыйт, Сасыркѣа дыцѣуп. Йан Сатный-Гѣашѣа дѣайт. Йан дгѣакуа дѣлагыйт, рхыйт, «арт нартѣа ахыцыз акрыхырыны йакайт, йытахырыны йакайт, арый дыцѣуп» лхэын. Ауыха йыйыст, дыщѣт, дыгылмрааҥшыйт. Адрыгуыхагы даныцѣ, йан дгѣакхт, ауаа цыйт, ѣы-мыш цут йыцыйышѣа қѣылра, нартѣа қѣылра йыцыйт.

— Арый дырхызыгзап, — лхэын, йан лмейстѣаалышылххын, [Сасыркѣа] дахыышѣтоу ауадаѣа шѣтыбжык аныхѣалаақы, дарханый дааҥшѣон, рхэыйт, дызыкѣтѣыз адемир сандальийкѣа¹ адгыл йытѣейтѣазаарын, *o kadar hızlı kalkarmış*,² <...>. Ашѣ аалырттын, лыймаа, лмейстѣ лышылххын, атыхѣтѣаны [лмейстѣ] агѣы³ йаҥыххаа йынагын йынкалыжын, — Нан, Сасыркѣа! — ѣа лхэын, рхыйт, лыбжык налыргын йаарыҥҥыны, лмейстыгы уаа йынкалыжын, ашѣ аалыркын, ла дцыйт.

— Хай-хѣй, йакалозый?! — йыхын, йыхѣыйт, абжыра-бжѣатѣый дызыкѣтѣыз адгыл йытѣатѣыны [Сасыркѣа] дыныѣагыл, йыхѣыйт, данааҥш, йыхыйт, йан лмейстѣ уаа йышѣтан, йыхыйт. «Аа, арый сан лоуп сызрааҥшыз» йыхѣын, — Сан, йакалызый, банацѣалбыйт, сан йакалызый, банацѣалбыйт?!

— Акгык гѣакам, нан, акгык гѣакам, нан, уахысрааҥшыз, цѣара уыгѣы ак аласра ѣа сшѣыйт. Нартѣа шѣѣык, ѣыла шѣѣык ныкѣары йыцыйт. ѣы-мыш цут, уар уыцѣуып, уырт аккы йақѣшѣыр ѣа сышѣын, уырхызыгзап ѣаны уысрааҥшыйт, — лхыйт.

¹ а-демир сандальий = тур. *demir sandalye* 'железная скамья'.

² *o kadar hızlı kalkarmış* 'так быстро он вставал'.

³ Должно быть, йы-гѣы 'его грудь' (букв. 'его сердце').

— Тамám,¹ уый áкәызарый, сан, — йыхыйт, — йырласзын, — йыхыйт, — қанқашáк² сзáкаты, — йыхыйт. (Йырласзаны қанқашá, йыйфыуша аккы. Уáа áрттық³ быоныфа йылтуша аклырхазырны *başka da*⁴).

— Арáа йáасфушы қанқашáк сзáкаты, — аныйхәый, абысты луыйт, қанқашá, йырласзаны. Абысты йышыпхыз йáалгын, асофрá⁵ йықәтаны,

— Нан, уықанқашá сырхазырт, — лхәын, йанийымтцаргыл,

— Сан, баггы бысыдтәылыут, — йыхыйт.

— Нан, уарá áмәа уымейт, уцуыт, сарá арáа сáкайт, уарá йыуфыуша фый, уырашьтал! — лхәыйт.

— Йок,⁶ арá баайн, бсыдтәылут! — йыхәыйт, йыгыймуыйт.

Йан даагыны, даайыдйыртәылт. Абыста пхын, йышахә-шахәуа йыуын йáкан, наппы нейырккын,

— Сан, бынаппá рккый! — йыхәын, йан лнаппá абысты áхьтака йындәықәылтцый, лнаппá ааныйккылан, абысты йылалайгәыйт, абыста ша йáлайгәыйт.

— Ай, нан, сыуббломá?

— Сан, сзызбáзтцаауо йáшан йысáбхәырый, — йыхәыйт, — бнап áусыжьот, — йыхәыйт. — Сзызбáзтцаауо йáшан йыса бымхәозар, — йыхыйт, — б^ннапп арáа йызбыллуыт! — йыхәыйт.

— Нан, йыуáсхәуыт, — лхәыйт, дгәáкт, лнаппы быллуыт абыстаға. — Нан, йыуáсхәыут, йыуáсхәыут! — лхәыйт.

— Цақы,⁷ сан, сан, сара саб дызакәыдаз, сызхашаадый? — йыхәыйт. (Áрттык, айáша лымхәар псыхәа гылымам, тáби.)

¹ тамám = тур. tatam 'ладно, хорошо'.

² қанқашá '(быстро приготовленная) еда' (?). Неясное слово; не из русского ли каша ?

³ áрттык = тур. artık 'то уж', 'же', 'теперь'.

⁴ тур. başka da 'также другое'.

⁵ а-софрá = тур. sofra 'обеденный стол'.

⁶ йок = тур. yok 'нет'.

⁷ Цақы, пәкәь = тур. pekî 'очень хорошо'.

— *Йáврум*,¹ — лхэыйт, — уарá нáртáа рýхýчá, — áртýк, йýхýыззы лхэын, гýысыздýрам, нáртáа рýхýчá áшьхáфý йáкáз, йýцýыз, аный зыхэхэы лгыз ауыфý йýхýыз лхэын, — уыбрýй уыйýчкэынуп, — лхэыйт, — нáртáа рýхýчá уыйýчкэынуп, — лхэыйт.

— Йышгáбáлый, сан? — йыхэын, аный агүхáн йýсхэыз, йышáкалыз, йыхэхэы шýлгыз, дызейгүшрахýз, «уáа, Сатный-Гéáшьá, йынéуыт!» ханы данлыкэыбжыргýы ды-нáайхыпүшаáй, йаáины йылыкэтэыз *амени*² аахэáп. Уый йаалрыцкýн лытэгэыбжáр йыбжýылшьыйт, рхыйт.

— Уáантэы уарá сыцэы сытэымкэá сакалыйт, уа уызгүýу уый йýкэып, — хá лхыйт, рхыйт.

— Хá, уый áкэзарый, сан, йыбзýйоуп, са сызгүызгýы здырт. Аброужэы сар арт срашьталут, сырхýзып. *Дамáкь*,³ арт сыкажýны йызцó, сызкэныршьо, уый áкэыуп, — йыхэыйт ейты.

Йýгэ áайкэадырны áкэáк-хá драшьталт Сасыркэá, фýмыш нýкэары йыцахýйт. Йан Сатный-Гéáшьá агүтáс аалыхэан длатэын, нáртáа йыцыз рзáханы, áшьхá йýкэкэны йыцýт, нýс, áшьхá. (Áшьхá удáроума?) Ейкэшэыйт, заká шьхá йырхáтцхó Аллáх йыдырып. Сатный-Гéáшьá днýхэыйт:

— *Йáрабби*,⁴ арт ецэáшэфык йыцыз, йахýáкоу, ассы-айцэá, ассá-айцэá, ассá ууá, áкэы-айцэá, áкэкэá ууá, рхá йáмхэоны, сычкэын дырхýгызýй!» лхэын днýхэыйт, рхэыйт.

Данныхэый, *senabum Allah*,⁵ уá ассы лéйуá, áкэы лéйуá, áухá áмцá рзýйкэымтцó, áмцá рзýйкэымтцó, йылахэын, йышýйльагэежбóз, Сасыркэá дырхýзыйт. Хабжýчкэын⁶ ханы

¹ *йáврум* = тур. *yavrut* 'мое дитя'.

² *амени* = тур. *meni* 'сперма, семя'.

³ *дамáкь* = тур. *demek* 'означает'.

⁴ *йáрабби* = тур. *yarabbi* 'о господи!'.

⁵ тур. *senabum Allah* 'милостивый Аллах!'.

⁶ имя персонажа Хабжý-чкэын развясняется как *а-хábжь* 'паршивая голова' и *а-чкэын* 'мальчик'.

азə дры́лан, йыхə́йт, йарá дыйы́цны дцылón, уырт анáртəа ры́фынтəа.

— Хабжычкə́ын, — йыбжы́ йы́кəйыргы́йт, — Хабжычкə́ын, арáа уáай! — йыхə́ын, йыхə́йт. (Хабжычкə́ын да́йн...) — Уарá, арт скáжыны йаáйт, áмыш ^мцə́кы йы́кəнаккы́йт, йы́ртахоузы́й, áмцарзə́йкəыстцы́ртахо́ума, йáлысыргы́ртахо́ума, уыра́зцаай, — хан йыхə́йт, рхə́йт.

Хабжычкə́ынгы дыне́йн, ныс, уырт рейхабы́цəй, рейтыбы́цə́ецə́а-шə́фык ауа́а áкан,

— Ары́й йы́йхəо ас áкə́ыуп, «áмца рзы́йкəыстца́п, áхты́ йáлысыргут» йыхə́йт, — йыхə́йт, — Сасы́ркəа да́ххызы́йт, — йыхə́йт.

Йашы́кыл дангы́лны, рхə́йт (уы́сканы аҗсы́у чак[ма́к], ача́кма́к¹ ха нас, ады́на, йáлыхны, ашы́антала, ака́в-ала² дас да́лаганы áмца á-еы́кə-еы́кə-еы́кə йáлыкьо, йáлыкьо, йырбу́т, йырбу́ йáлагы́йт.

— Уый йа́хə, уый йарá йы́цыба йы́ты́йхыз áмцала, ҳар ҳаеы́гьаҳарп́хам, — ҳа рхə́йт, рхə́йт.

Да́ан,

— Уый йы́цыба йы́ты́йхыз áмцала ҳаеы́гьаҳарп́хам» хан рхə́йт, — йыхə́йт.

— Ныс, йы́ртахы́у уыра́зцаай, йы́ртахы́у уыра́зцаай, — ны́йхə́й, йыне́йн, — Йы́шəтахо́зы́й? — аны́й[хəа] (шы́хакы́, лап́шхы́назо шы́хак áҗа адауы́ ззырхə́о́з, адауá, хə́хə́ык аҗы́цъарá м^мцак ырбу́т. Áшы́ха уымды́рой? Уáа адауы́ дыша́коу ант йырды́рут), — Адауы́ айнсáнқəа йы́ккны́ ақə́аб йы́таты́ны, ры́шыхə́рқəа ɵ́ты́йхə́хəо, йы́йжəу́т, йы́йфу́т, — рхə́йт.

— Амны́й йáабо áмцаҗа ды́цыны́, áмца аайгы́ры́й, ҳазы́йкə́йты́ры́й, даҳарп́ху́т, — рхə́йт, — ҳа́еҳарп́ху́т, — рхə́йт.

¹ а-ча́кма́к = тур. *çakmak* 'огниво'.

² а-ка́в = тур. *kav* 'трут'.

Йашькыл дангылын дыһшы́н, шьхак а́ға лашы́рак а́кайт, та́би, а́мца йырацәаны́ йахьыйқы́ыз, адауы́ йы́мца, ныс, а́тцлақы́ йышы́йбгыз йаага́н ейқы́ыйты́н, а́мца а́гәыр-гәыр-хәа...<...>

— Йакало́т, — йыхә́ыйт [Сасы́ркәа]. — Са са́анза шә́еҕе́йшә́ымшы́н, — йыхә́ын, а́кәа́қ-ха (уыжә́ йыҕе́й а́хьыз схашты́йт, йыҕе́й, йыҕе́й дызықы́тә́ыйз а́хьыз <...>), дызықы́тә́ыйз йыҕе́-ала дыдә́ыйқы́ылт.

Данне́й а́шьха́ға, адауы́ а́мца йы́йқы́ыйты́ыз йыҕеа́-кә́йыршы́н, рхә́ыйт, ды́цәуп, йыхә́ыйт. Йы́шьаппы́й йаха́й ейза́айгә́ыны ейды́сланы́ йа́кан, рхә́ыйт, а́мца йыҕеа́кә́йыршы́ны. (Адауы́кә́й йыду́уқы́ын, рхә́ыйт, хазды́рам, йы́рхәо а́кә́ууп йа́адыро, *otuz metre, kirk metre, elli metre*).¹ Ды́цәын, дыне́йн, дылейһшы́н, адауа́ дышы́цә́ызгьы́ йы́йбы́йт, ауаа́гьы́ шыйжә́оз йы́йбы́йт. Хай, ана́ссыны́ ара́ уажә́й йыҕе́ а́хьыз йыхә́ын, «а́з а́кка́ра (аз уыды́роума?), аз а́кка́ра уы́шьты́бжы́ уызу́т, уылассху́т, уы́йха́һын уыта́һылут, а́мца хьа́коу йыҕеа́кә́йыршы́н дышы́та́ммый, та́би, уа́а уанты́һы́ллаакы́, сара́ акә́ыста́ха, ауа́ця́ақ йытә́о ады́на, мыҕе́ ды́ук, акә́ыста́ха йы́шьты́схут. Ныс уы́сканы́ те́кьра́р² уы́шьты́бжы́ мыргы́зыкә́ы уы́йха́һ, ха́уаажә́лар рыҕе́й йыгы́ны а́мца рзы́йкә́ахта́п» хан, йыхә́ыйт, рхә́ыйт, [Сасы́ркәа].

Йыҕе́й те́кьра́р адауы́ йы́хаһын, йаргьы́ акә́ыста́хы́ дла́кәсын, кә́ыста́хы́ ды́ук аа́шьты́йхын, даны́йха́һоз ааны́, адауы́ йы́ха хьа́каз йа́кәшә́ын, йы́ха хьа́каз ала йы́хаһы́йт, ае́й. Аны́й ано́бышьты́йх, аһпы́рҕа́ а́маммы́зий, аны́й ады́уза, ас йана́аны́йккыл, йана́айыршә́шә́оз ааны́, аһырҕкә́й йа́мыты́ыз зегьы́ адауы́ йы́ха йа́кәхайт. Йы́ха йа́кәшә́ыйт, йы́лымха́ йыта́һсы́йт, рхә́ыйт. Адауы́ йы́лымха́кәа ахә́кә́й ты́йааны́ йа́кан, рхә́ыйт, аны́й ахә́й хьа́маз йы́лымха́ йанта́шә́ый, ахә́кә́й

¹ *otuz metre, kirk metre, elli metre* ‘тридцать метров, сорок метров, пятьдесят метров’.

² *те́кьра́р* = *тур. tekrar* ‘опять, снова’.

бллыйт, áжакъ бллыйт, фильán.¹ Йыжъáкьфеа йыльейын, áмца йáзуа данáлагый [йанáлага], адауы даагъшыйт.

Нарт Сасыркъеа, таби, даныкэйтц, <...> абас дцыут йыуаá рыхътака, ант йыуаá рыхътака, ашьхахы. Дышцоз адауы даагъшыйт, аный áмца йылымха йыталан йыблы йыналагый, даагъшын, длаагъшын, йáкалызий йыйзэйльымкаайт. Дылыкэтэын, йыхэыйт, йыгъынтцала йыфйы,

— Ацсуа! <...>, хай, анаассыни, агъсуу ффйа ггут, агъсуу ффйак ггут!» ханы, йыхэыйт, рхэыйт, адауá. «Агъсуу ффйа ггут!» йыхэыйт. Дыфагылан, дынагъшá-аагъшын, уажэы уыскан йырхэакэыз, быжы-шьхак дырхатцхын, рхэыйт, мыццызаап херхалда,² йáхут³ шыхак дахатцхын, шыхак дыкэын дышцоз, Нарт Сасыркъеа дахыцоз, адауы дыйбыйт, рхэыйт.

— Аа, арый агъсуу цэква, арый зыфйы гоз арый йáкэыуп, — хэаны, йыхэыйт [адауы].

Йыгъсыгъ ала дйахт, рхэыйт. Йыфнóутцака йыгъсыгъгала дйáхан, йыегы йаргы шыйыкэтэыз, рхэыйт, дáайгын, йыгъы дылтэйтцын, рхэыйт, йыфнóутцака дыйгыйт, рхэыйт. Дыйгыйт, рхэыйт. Дыйыффт, дыйыффт, йáани. Адауы аный йыршшыкэый йыршшырый, уырт крыйыффырын дáайт ахá, аный йымгэа йытáлын, йыегы йаргы уахь йытэйт. Нарт Сасыркъеа уáа дахъáказ аный (агъхáн йызысхэаз áхэа йымаммызий, áбцар йымаммызий?) йáхэа аатыйхын, рхэыйт, йывыкыцкэа, арый йывыкыцкэа áхэала дáст, агъккара дáлагыйт, рхэыйт.

— Ёо, áа, сымгэа хъáак талт! — йыхэыйт, рхэыйт, адауáжэ. — Сымгэа хъáа дыу талт, уымбóй? — йыхэán, йыхэыйт, дынагъш-аагъшын, áлаухыузий, бóйуна⁴ áхэала йывыкыцкэа гъыйкко данáлагый, йыхэыйт, — Сымгэа сыхьут, — йыхэыйт, аффе́дерсиниз.

¹ фильán = тур. *filan* 'и так далее'.

² херхалда = тур. *her halde* 'вероятно, по-видимому'.

³ йáхут = тур. *yahut* 'или'.

⁴ бóйуна = тур. *boyuna* 'непрерывно, постоянно'.

Днейн, цъарá длатэ́йн даныйхай, Нарт Сасы́ркэа йыгегы́ йыкэады́ргы дыша́қэтэ́ыз э́йпшны, йыхэ́ййт, йа́хэа ккны, рхэ́ййт, дылты́пшыйт, рхэ́ййт.

— Ыо, уар уызакэ́йда? — йыхэ́ййт. — Уар Нарт Сасы́ркэа ззы́рхэо уара́ уо́ума? — хан йыхэ́ййт, рхэ́ййт, адау́ажэ.

— Йок, сара́ Нарт Сасы́ркэа гысы́кэым, — хан йыхэ́ййт, рхэ́ййт.

— Уызакэ́йды?

— Нарт Сасы́ркэа сыйза́айгэын, уый матца́пшны сыйман, сыйман, — хан йыхэ́ййт. Амата́ца, йа́ани, амата́ца-ха сыйман, йыхэ́ййт, йыхэ́ййт.

— Ныс уый а́пильа́нны¹ йа́тайтцоззы́, уый ґэ́ыґэ́ґэ́ырны́ йы́маззы́, ха́тцарны́ йы́маззы́? — ханы́ д^ыта́айт, рхэ́ййт, [ада-уы́].

— Уый се йызда́рут, уы́тахазарый́ йыуа́схэап, — хэан йыхэ́ййт.

— Йыса́хэ, — йыхэ́ййт, йыхэ́ййт.

— Ас ґнык йа́ккыры́з аккы́, йыхэ́ййт, уа́да-уа́дак йа́кка-ры́заап, ныс уый йы́рхэоз уы́скан йша́каз гьхазды́рзам, уа́дак йа́ккары́з хахэ́кы́ йыхараккны́ цъара́ йы́қэыргылы́ны, а́тцыґ а́тцыхны́ йысы́йыркон, йа длы́баатцны́, акэ́араґы́ дтагы́лон, «йа́уышьт» аны́йхэалаакы́, йа́усыжэон, — йыхэ́ййт. — Амны́й аха́хэ дыу́ йыбы́лыгы́, йыбы́лыгы́, йыбы́лыгы́, йыбы́лыгы́ йышле́йуаз, йышле́йуа, Сасы́ркэа йыха́ уый ахы́айлаагы́ йыха́ а́тцаккны́, аха́хэ йыха́ йына́ахалаакы́, аха́хэ пьыґеґеґены́ йыцон, — ха йыхэ́ййт, рхэ́ййт.

— Аа, уый о́кэзарый́, уый саргы́ йы́кастцут, — ха йыхэ́ййт, рхэ́ййт, адауы́.

— Йы́катцы́й!

---

¹ Пильа́н = тур. *plan* 'план'.

Нейса,¹ хэык рбыйт, дынак рбыйт, йыѳхэнылын, ахэхэ йыйырккын, адауы тцака дылбаатцын. [Сасыркэа] йауыйжын, йыдэыкэыйтцын, адауы йаха йаахын, агый днатэан ахэхэ пыйыейт, ахэхэ адауы йахафы йыпыйейт.

— Уаха *hünár*-ны² йыммазый, йакайтцозый? — хан йыхэыйт [адауы].

— Аа, даха³ *hünár*-қы акайт!

— Аный, *сийасет*ны⁴ йыммазый, уаха йакайтцозый ауыфы, — йыхэыйт, — хатцарыны, хатцарыны йакайтцозый, бөыбөбөйрны йыммазый? — *demek istiyor*,⁵ — мычны йыммазый? — *demek istiyor*.

— Гьольк⁶ уый йымемлекьет⁷ аф агьоль акан, йыхэыйт, агьоль ыкан, йыхэыйт. (Агьоль ззырхэо удыроума? Аный аззы, азы тып, агьоль, гьольгы тыркэшөуп, агьоль, аззы). Уыбра дтагылон йантцаауаны, йыхэыд афынза, араанззы далагылон. “Йакалымá?” — “Уыжөышьта уыгырбөбөы, уынахэ-аахэый нысхэалаак, — йыхэыйт, — сара, куманда⁸ са йысыйтон, уыжөышьта йыкалыит анысхэалаак, — йыхэыйт, — дантцыслаакы, йыпгыееын дналыгалаакы, “уаангыл, гьакамлызт!” — схөон, — йыхэыйт, йхэыйт, — йыхэыдафынза дзыхьакоу даласыргылон, — йыхэыйт, — йыхэыдафынза дзыхьакоу быжхэ-быжмыш, жөаха-жөамыш йытцаауон, дытытцаауон, йышьапафьнтөа йыхэыдафынза. «Уыжөышьты йытцаайт, тамамуп, уышөышөый» анырхөулаак, — йыхэыйт, — акэак-хөан, — йыхэыйт, — анахь-

¹ нейса, нейс = тур. разговор. *neyse* ‘ну, пусть, неважно’, из *ne ise* ‘то же’.

² *hünár* = тур. *hüner* ‘умение, мастерство, способность’.

³ даха = тур. *daha* ‘еще’.

⁴ *сийасет* = тур. *siyaset* ‘политика’.

⁵ ур. *demek istiyor* ‘хочет сказать’.

⁶ а-гьоль = тур. *göl* ‘озеро’.

⁷ а-мемлекьет = тур. *memleket* ‘страна, край’.

⁸ куманда = тур. *kumanda* ‘команда, приказ’.

арáхь, — йыхэ́йт, — ат́аа зегы́ ғыр-ғыр-ғыр-ғы́р-хэан
йып́жэжэыны́, — йыхэ́йт, — йып́ытцны́, — йыхэ́йт, —
да́лтцон, — йыхэ́йт.

— Аа, уый саргы́ йакаст́ут! — йыхэ́йт [адауы́].

— Йы́катцый! — ха йыхэ́йт, йыхэ́йт, [Сасы́ркәа].

На́фыс агы́оль зык ырбы́заап, ныс гы́ольк ағ йы́цын,
да́лайыргылт. Йы́бжа́рағынз да́лайыргылын, ара́анза да́ла-
гылзыры́й, ат́аа йызп́ымееыры́й?.. (Ныс уый йаргы́ уағы́
д́уун, та́би, атэ́ымжышы́ха¹ ха рхэ́омый, йышп́ырхэо? Адау́а,
адау́а. Атэ́ымжышы́ха рхэ́он, рхэ́йт, рхэ́йт, атэ́ымжышы́ха,
атэ́ымжышы́ха адауы́ йызы́хэаны.) Йы́бжа́ра ағы́нза агы́оль
да́лайыргылын, а́ртык, хэ́ымыш-фы́мыш йант́ый,

— Аа, адау́ажэ, уы́еа́артцыссы́й, йа́калыу збап, — йыхэ́йн,
йыхэ́йт, [адауы́] ас йана́акайтцы́й, йыхэ́йт, ат́аақы́ ғыр-ғыр-
хэан апы́еера́ йана́лаг,

— Уа́а, уаангы́л, уаангы́л! — ха йыхэ́йт. — Йы́гя́камлы́йт,
— йыхэ́йт. Ара́анза уа́лагылар о́кэу́п, — йыхэ́йн, йыхэ́йт
[Сасы́ркәа], ара́анза да́лайыргылын, йыхэ́йт, а́ртык,
п́шы́ымыш-хэ́ымыш йыт́а́айт. Йант́а́ай, — уынап́қыгы́
уы́вап́суп, — хэа йыхэ́йт, йыхэ́йт, йнап́кэ́и хахь йа́казыры́й
гя́калам. Йынап́кә́а ас йы́вап́сыны́ дыйы́ртца́ут ары́й.

Нарт Сасы́ркәа уый йа́кайтцы́з а́казым, аха́, аха́ йы́ман
аза́ханы, аны́й адауы́ дте́йырхараза́хәа, афе́н² йып́шаа́йт, афен
йып́шаа́йт агызмаллы́к, агызмаллы́к йып́шаа́йт. Ара́анза азы́
да́лайыргылын, дыт́а́айт.

— Ха́йди,³ уы́еа́артцыссы́й, йы́каутцо збап! — йыхэ́йн,
йыхэ́йт, йаргы́ ныс йып́ы́хха даауы́т, ат́аа ды́кәқы́уп Нарт
Сасы́ркәагы́.

¹ а-тэ́ымжышы́ха, фонетическая трансформация из а-дауы́-
быжь-ха 'семиголовый див' (а-дауы́ 'див', быжь-ба́ 'семь', а-ха́ 'голова').

² а-фе́н = тур. *fen* 'наука, искусство'.

³ ха́йди = тур. *haydi* 'ну', 'айда!', 'давай', 'пошел!'.

— Уығырғәйгәғәбі, уығынарха, хайди, хайди, хайди! — йыхәын, алыхуузый, *tamatiyla donmuş*,¹ таби, отуз метрамы, кырк метрамы йежәы метроу аззы далагылт, дытцаама, артык.

— Ара́хь, ара́хь! — йыхәын, алыхуызузый, уаа даанахыйт.

Йа́хәа аа́тыйххын, ґы́нейхыйт, рхәыйт, [Сасы́ркәа].

— Аа-а, Сасы́ркәа, Сасы́ркәа! — хәа йыхәыйт, рхәыйт. — Ары́й Нар́т Сасы́ркәа ззы́рхәоз уара́ уо́кәын! — хәа йыхәыйт, рхыйт, адауа́жә, адауа́. — Нар́т Сасы́ркәа ззы́рхәоз уара́ уа́кәын! Уар сар ґильа́нны стауырхыйт. Халалзый, уыха́куп,² — йыхәыйт, йыхәыйт. — Йа́лныз,³ уыжәы са́ха хо́ухразы уа́айуыт, сха анхо́ухлаакы, ска́ркмыць унаппы́ лта́тцыны, йыо́тйуххут. Йант́уухлаакы, уы́бґа йа́кәыршый, уы́ґсахы́нзы тоу а́кы ґыуы́хьям, уы́ґәґыху́т, — ха йыхәыйт, рхәыйт.

[Адауы́] дтца́айт. Адауа́ данзы́мтысзы́й, дантца́ай, — Аа-аа, Сасы́ркәа, Сасы́ркәа ззы́рхәоз са́р зызбы́хәы схәоз уа́р уа́кәын! — йыхәыйт, рхәыйт. — Уара́ са́ра мааны́ла уысы́выст, ары́й ка́зтцо́оз Сасы́ркәа ґа́кайтцамы́зт, а́ха уара́ мааны́ла, ада́ррыла, са́ра сатцкы́х йа́ха уыйе́ґын, уыжәы́ са́ра сыуы́ртца́айт, а́ха́хә сґыуы́рґеґыйт, уы́й сы́лазыйт, ары́й сы́тца́айт. Уажәы́ сха, сха хо́уххут, а́ха, — йыхәыйт, йыхәыйт.

— Айо́у, уый а́зо́кәыуп сы́знәй, — йыхәыйт [Сасы́ркәа].

— Йа́лныз, са́ра та́фсиль⁴ уы́сто ка́тцый! — ха йыхәыйт, йыхәыйт, адауа́, адауа́, адауа́. (Дытца́ан да́лагылыммый?) — Са́ха нхо́ухлаак, — йыхәыйт (йа́ха ґыйымкой, ары́й боуры⁵ йы́тоу аонауы́тцака, айынса́н аонауы́тцака йы́ґроу, а́каркмы́ць, а́каркмы́ць рхәот), — а́каркмы́ць аа́тыхны, уы́о́ахны йаа́тыхны,

¹ тур. *tamatiyla donmuş* ‘полностью заморожен’.

² уы-ха́қ-уп ‘твое право’, из тур. *hak* ‘право’.

³ йа́лныз = тур. *yalnız* ‘но, однако’.

⁴ та́фсиль = тур. *tafsil* ‘описание, подробное изложение’, ‘подробность’.

⁵ боуры = тур. *boru* ‘труб(к)а’, здесь: ‘жила’ (?).

уыбѣа йа́кәыршый, у́ар уып̄са́анза уа́ха аккы́ гыгуы́хьам, — ха йыхә́ййт, рхә́ййт. — Уылыша́ра уыѣѣ́ахұт, — йыхә́ййт.

— Са́ра сахьа́коу суа́да (уа́дак, ҕнак йы́мазаарын адауы́), уый на́кауцалаак а́шьтахьы, — йыхә́ййт, йыхә́ййт, — сыҕна́ҕа уыне́йны, — ха йыхә́ййт, рхә́ййт, — атцып̄х хьа́коу асанды́к¹ (ахәара́гы ты́ркәшәуп, йышп̄а́ахәо?), асанды́к дук а́кайт, — хәа йыхә́ййт, рхә́ййт, — асанды́к ду атцып̄ха́ уа́а йа́кайт, — ха йыхә́ййт, рхә́ййт, дахьа́каз йыҕна́ҕа. (Уыбра́а йыкә́уп. Асанды́к атцып̄ха́ абас, йшы́йхәо ала), — асанды́к атцып̄ха́ йынауыртта́аны, уыбас уы́ха асанды́к йылхаккны́ атцып̄ха́ ртты́й, а́шәгы, аны́й ақап̄а́кгы² ахатты́! — хәан йыхә́ййт, йыхә́ййт. Ахаҕа́ ахатты́! — ха йыхә́ййт.

Сасы́ркәа йа́хәа ты́йххын, дneyн йыха́ хыйхт, рхә́ййт. Йа́ха хыйхан, йыйы́хәуз табыргы́умый, аны́й йы́каркмы́цьгы дҕа́хан йааты́йхын, йыхә́ййт. Ашә ду́ук, тлы́-ду́ук а́кан, рхә́ййт. А́тцла ду а́ғы дна́ганы, йне́йгын, йыхә́ййт. А́тцла дыу а́каркмы́ць йына́акәыйырша, рхә́ййт, а́тцла а́тыкь-хәун йааханатцә́ййт, рхә́ййт. Уый йыхә́ййт-қи³:

— Це́кь!

Йа́ха хыйхт, йы́каркмы́ць а́тцла йа́кәыйыршан, а́тцла ханатцә́ййт, уажә́й йыҕна́ҕа д^ыцұт. Йыҕна́ҕа дыцы́н, йыҕны́ йыбы́йт, та́би, йахьа́каз йе́йхә́ййт. Dneyн аҕна́ҕа атцып̄х хьа́каз, йыхьейхә́ыз та́арыф⁴ а́ғы тцып̄ха́ а́кәыйххын, асанды́к йызта́з атцып̄ха́ на́ҕейтдын, аны́й йыйхә́аззы́й, йыймхә́ей: «Азны́к ануы́ргьежьяаны, қап̄а́к анхобуттааны, у́ха ахаккы́» ха йыхә́ййт, йыйхә́ййт. Ата́м қә́ырна́з-зы́й⁵ Сасы́ркәа, ахашы́ҕ рацә́аны йы́ман. Аны́й йа́кайтцы́з аккы́ дшейыркко́з, ак шы́йы́хьоз йыйды́рын. Тцла́кы а́айгын, йыхә́ййт, мы́ҕе́ҕык, мы́ҕе́ҕык

¹ а-санды́к = тур. sandık 'сундук'.

² а-қап̄а́к = тур. карак 'крышка'.

³ -ki ту́реца́я подчинительная частица 'что'.

⁴ та́арыф = тур. tarif 'описание, объяснение'.

⁵ тур. tam kurnaz 'совершенно хитрый'.

аайгын, йыхэыйт, аный атцпх́а йылыбжьейтцын, йыхэыйт, йылаґатцыны, йыхэыйт, йыґынацх́ан, йыхэыйт, атцпх́а йалайыргыжыйт, йыхэыйт. Ақап́ақ йанаалыйргыжый, йхэыйт, ақап́ақ ыґхаттыйт, йыхэыйт, ахаґы ыґхаттын, йыхэыйт. Ажэйтэы а́хэа, ахэґақы, рхэыйт, йыйтцап́ссыны асандық *ақьенар*¹ аґа йа́казаарын. Аный ақап́ақ аныхаттый, а́а́ақ-ханы йып́катын,² а́хэа *ачылмышь*-ны³ йы́калын, а́жәван а́хьта́а, йар у́аа дахагылырый йых́а хан́аххуон, *та́би*. Йар дныґынацх́ан йхэйттыйт, атау́ан ахы́ йалалт, йых́ыйт, хахь, хахь йа́қәшэыйт, йыхэыйт, атау́ан йа́қәшэыйт, йыхэыйт.

— Уый агыйй сыгыуызамыргыйт, адау́ажә, – хэа йыхэын, рхэыйт, Сасы́ркәа.

Ас на́к-аа́к данцэ́йшытахы́ артык у́аа ейыгарыны йа́каз *заат́ен*⁴, дыдэы́қалын йыуа́а ры́хьта́а да́айт, рхэыйт, уый у́аа уыс. Йыуа́а ры́ґа да́ан акрыбжьы́ст, та́би, йыуа́а, а́хьта ейлыанытэ́ын, йыгы́ць-гы́ць-хэа, рхэыйт, ап́сра́ йаґын, рхэыйт. Дрыхызы́йт, рхэыйт. Нейс у́аа а́мца рзы́йқэыйтцыйт, артык акыру́ыхэо, кыру́ыхэооны, уызэ́т⁵ гыры́мамызт, уый у́аа данаанах́ыйт, п́ытк ныс, данаанах́ыйт. Дырхызы́н, а́мца ейқэ́ыйтцын, йы́уаажә́лара а́лыргыны шы́тахь́а д^ыґьяжы́н, да́айт ханы, Сасы́ркәа зы́рхәоз абас х́а ҳаайгы́йт х́а рхәон, рхыйт.

Асón⁶ уый о́кәып, уый йынтэ́ыйт ныс уыжә́шьта́.

¹ *а-қьанар* = тур. *kenar* ‘сторона’.

² тур. абх. *а-п́қа́ґа-ра* ‘взрываются’.

³ тур. *açılmiş* ‘открыл’.

⁴ *заат́ен* = тур. *zaten* ‘все равно, и так’.

⁵ *уызэ́т* = тур. *vaziyet* ‘состояние, положение, ситуация’.

⁶ *а-сón* = тур. *son* ‘конец, предел’.

Перевод

Нарт Сасыркуа

Тот, кого звали Нартом Сасырквой, был нартским слугой, он был их слугой, потому что они его воспитали.¹ (Слушай, пойдика туда!)² Нарт Сасыркуа стал человеком, возмужал, стал мужественным, сильным, умным, стал успешно во всем опережать нартов. У Нарта Сасырквы, извините, у Нарта Сасырквы не было отца. Пастух нартов был в горах. Нартов было сто, там было сто нартских домов.

Нартский пастух пас скот в горах. Ту, кого звали Сатный-Гуаща, мать Сасырквы, до рождения Сасырквы, говорят, носила пастуху еду. Когда она принесла ему еду, извините, там где он спал, значит, в нем пробудилось плотское желание. В нем, очевидно, пробудилось желание. Его состояние ей не понравилось.

— Эй, ты, вот здесь твоя еда! — сказав, она поставила еду и собралась возвращаться. Когда она повернулась, чтобы вернуться, его естество стало опорожняться, и он крикнул ей:

— Эй, Сатный-Гуаща, Сатный-Гуаща, идет, идет! — сказал этот пастух.

---

¹ Хотя сказитель использует здесь для характеристики нарта Сасырквы слово агруа 'раб, слуга, батрак', скорее всего, он имел в виду слово в значении 'незаконнорожденный' (абх. анышџа), поскольку герой был рожден не от отца нартов, а от пастуха. Характерно, что в двух последующих записях этого текста у того же информанта, сделанных отдельно мной и фольклористом Зурабом Джапуа в 2010 г., слово агруа для характеристики Сасырквы сказитель уже не использовал.

² Ввиду того, что последующий текст содержал эротические моменты, сказитель попросил из соображений удобства присутствующую там женщину выйти в другое помещение, что она и сделала.

Когда его семя опорожнилось, направившись в ее сторону, оно, говорят, пролилось на нее. Когда его семя достигло ее и пролилось на нее, она вытерла его, извините, и намазала, говорят, внизу своего тела. От этого-то и родился Сасырква. От того, что она смазала внизу тела его семя, она забеременела.

Сасырква родился от женщины, от Сатный-Гуащи. Он родился. Когда он родился, она Сасыркву, разумеется, вырастила. Он вырос. Возмужал. Стал сильным. Был мужественным.

Когда нарты отправлялись куда-либо, они брали Сасыркву с собой. Однако куда бы они ни отправлялись, он более всех преуспевал в ратных делах, был самым способным из нартов.

— Ах, — говорили о Нарте Сасыркве нарты, нас сто дворов, есть кто и в возрасте, есть и молодые. (У них не получилось с ним сладить). Неизвестно, кто его отец. Даже если известна его мать, мы не хотим, чтобы он был успешнее нас, — сказали они и созвали собрание. Не захотели его нарты.

Придя с похода, чтобы дать коню отдохнуть, как только Сасырква спешивался, говорят, схватив коня, он швырял его через крышу своего дома, и пока конь перелетал через крышу, хватал его внизу. Затем оттуда он опять швырял его (через крышу), и перейдя (на другую сторону), хватал коня. Прodelав таким образом три раза, он давал коню отдохнуть, говорят. Значит, три раза туда швырнув коня, а затем сюда, давал коню отдыхать. Конь у него, говорят, был покладистым.

Он уходил в набеги, говорят, уходил в горы и устраивал набеги, говорят. Уйдя в набег в горы, уйдя куда-либо в набег, возвратившись (домой), ложился спать и, говорят, спал беспробудно, если его не разбудить, два-три дня. Придя с очередного набега, говорят, он лег спать, тогда как нарты отправились в набег, девяносто (нартов), сто, значит, сто всадников отправились в путь.

Прошла ночь, Сасырква спит. Пришла его мать, Сатный-Гуаща. Мать, говорят, стала волноваться: “с этими ушедшими нартами что-то случилось, они могут погибнуть, а он спит!”.

Прошла другая ночь, он спит, она его не разбудила. Когда он проспал третью ночь, его мать снова разволновалась, два дня прошло с тех пор, как они ушли, с тех пор как нарты отправились в поход.

“Он их догонит”, — сказав, мать сняла с себя чужак, в комнате, где спал Сасырква, ([обычно,] когда он слышал шум, испугавшись, он просыпался, говорят, и железные скамьи, на которых он лежал, вгонялись в землю, так быстро он вставал). Открыв дверь, она сняла с себя туфлю, чужак, и бросила ему на грудь. “Сынок, Сасырква! — крикнула она громким голосом, и оставив валяться свой чужак, прикрыв дверь, ушла.

— Хай-хай, что случилось? — сказав, [Сасырква], говорят, и когда вскочил, то вогнал в преисподню то, на чем лежал. Он, говорят, осмотрелся и увидел валявшийся чужак матери.

— Аа, это мама меня разбудила! — сказал он. — Мама, что случилось, дорогая, что случилось, дорогая?

— Ничего не случилось, сынок, ничего не случилось, я разбудила тебя потому что испугалась, что тебе нехорошо. Сто нартов, сто всадников отправились в поход. Проходит два дня, ты спишь, я испугалась, что с ними что-то произошло, я разбудила тебя, чтобы ты их догнал, — сказала она.

— Если так, ладно, мама, — сказал он. — Быстро приготовь еду. (Быстро приготовленная еда, что-либо съестное. В общем, это не провиант в дорогу, это другое).

— Приготовь еду, поем, — он сказал. Она быстро приготовила абысту.¹ Принесла ему горячую абысту и поставила на стол.

— Сынок, я приготовила тебе еду, — сказала она, поставив ее перед ним.

— Мама, присядь со мной, — сказал он.

— Сынок, тебе надо в дорогу, я и так здесь, ешь то что ты должен съесть, и отправляйся вслед за ними! — сказала она.

---

¹ абх. а-бы́ста ‘крутая просыная или кукурузная каша, используемая у абхазов вместо хлеба’.

— Нет, иди сюда, присядь рядом со мной! — сказал он, не согласившись с ней.

Заставив мать подойти, он усадил ее рядом с собой. Абыста была горячей, очень горячей, недавно приготовленной. Он взял мать за руку.

— Мама, дай твою руку! — сказал он и опустил ее руку в горячую абысту. Взяв ее руку, опустил в абысту, опустил в горячую абысту.

— Ой, сынок, ты меня обжигашь!

— Мама, если скажешь мне правду о том, о чем я спрошу, — сказал он, — отпущу твою руку. — Если не скажешь правду о том, что я тебя спрашиваю, — говорит, — сожгу твою руку! — сказал он.

— Сынок, я тебе скажу, — сказала она, разволновавшись, ее руку обжигает горячая абыста. — Сынок, скажу тебе, скажу! — сказала она.

— Хорошо, мама. Мама, кто был мой отец, от кого я рожден? — спросил он. (Теперь у нее, разумеется, не было возможности не сказать правду).

— Ох, сынок, — сказала она, — ты сын нартского пастуха, — ну, назвала и его имя (я его не знаю), бывший в горах нартский пастух, который спал, сказала имя того человека, кому она носила еду, — ты его сын, — сказала она, — ты сын пастуха нартов, — сказала она.

— Как это случилось, мама?

Она рассказала то, что я тебе сказал ранее, как это случилось, когда она принесла еду, как это выглядело. Когда пастух закричал: “Эй, Сатный-Гуаша, оно идет к тебе!”, она обернулась, и донесшееся до нее семя пролилось на нее. Вытерев его, она помазала им промеж ног, говорят.

— От этого я и забеременела тобой, ты его сын — сказала она, говорят.

— Ах, если это так, мама, хорошо, я узнал, чей я сын. Теперь я отправлюсь вслед за ними, догоню их. Хотя я знаю, что они

уехали, бросив меня, пренебрегши мной, вот что это, — добавил он.

Оседлав коня, Сасырква стремительно отправился по их следу, провел в походе два дня. Его мать Сатный-Гуаща, совершив ритуальное омовение, присела. В адрес ушедших нартов, которые передвигаются по вершине горы (ну, [которые] на горе. Знаешь, что такое гора? Собрались, сколько им пришлось пересечь гор, только Аллах знает), Сатный-Гуаща произнесла молитву:

— О Господи, те сто всадников, кто отправились, да пойдет страшный снег, да польет страшный дождь, чтобы они стали беспомощными, пусть мой сын догонит их!, — сказав, так она помолилась.

Когда она помолилась, там на горе пошел снег, полил дождь, ночью нарты не смогли развести костер, они промерзли, началась суматоха. Сасырква их догнал. Среди нартов был один по имени Хабжичкун, говорят, он с ним вместе ходил в походы.

— Хабжичкун! — обратился он к нему, — Хабжичкун, поди-ка сюда!

Хабжичкун подошел.

— Слушай, они ушли [в поход] бросив меня, их застало ненастье, чего они хотят, хотят ли чтобы я развел им костер, или хотят, чтобы я их вызволил, спроси у них! — сказал он ему, говорят.

Хабжичкун вернулся к нартам, там были и старшие, и младшие, сто всадников там было.

— Вот что он говорит: я им разведу огонь, я их спасу от холода, — сказал он, говорят. — Сасырква нас догнал, — сказал он.

[Сасырква] встал на стремя, говорят (тогда было абхазское огниво, сделанное из кремня и трута), и стал им бить, занялся с треском огонь, и [нарты] его увидели.

— Скажи ему, что тем огнем, что он достал из своего кармана, мы не согреемся, — сказали они.

Придя [к Сасыркве, Хабжичкун сказал:]

— Они сказали, что тем огнем, который ты добыл, они не согреются.

— Тогда спроси у них, чего они хотят, спроси, чего они хотят, — сказал [Сасырква].

Пошел [к нартам] Хабжичкун, и спросил их:

— Чего вы желаете?

На одной горе, которая им виднелась, находился див, и нарты видят на горе его огонь. Они знают, что там находится див. Поймав людей, див кладет их в котел, так что из котла торчат их ноги, варит людей и ест их, говорят.

— Если он отправится туда, где мы видим огонь, принесет его нам, разведет из него для нас костер, он нас согреет, мы согреемся, — сказали нарты.

Встав на стремя и осмотревшись, Сасырква на самом деле увидел на одной из гор свет, там где был большой костер, ну, костер дива, который, принеся целые деревья, разжег из них гудящий костер.

— Получится, — сказал Сасырква, — Продержитесь до моего прихода, не умирайте! — сказал он, и стремительно (вот забыл имя его коня, имя его коня, на котором он сидел...) ¹ помчался верхом на коне.

Добравшись до горы, [он увидел что] див спит, свернувшись вокруг разведенного им костра, говорят. Свернувшись так, что его ноги упирались в голову, говорят, свернувшись вокруг костра. (Дивы были громадные, говорят, мы не знаем, знаем только то, что нам говорят, тридцать метров, сорок метров, пятьдесят метров.) Див спал. Придя туда, Сасырква посмотрел и увидел спящего дива, увидел и варимых им людей. (Хай, твою мать, здесь он называет коня по имени [сказитель забыл имя коня]).

— Размером с блоху (знаешь блоху?), как у блохи твой шум должен быть, ты станешь легким, запрыгнув на него, ты прыг-

---

¹ При последующей записи в 2010 году сказитель вспомнил имя коня: Гьыдáz.

нешь в него, он же лежал свернувшись вокруг костра, итак, когда ты туда впрыгнешь, я подниму головню (ну та, что находится в очаге, большая деревяшка), подниму головню. Тогда, опять не производя шума, перепрыгни через него, принесем [горящую головню] нашим людям и разведем для них костер, — сказал Сасырква.

Конь прыгнув на дива, Сасырква выхватил головню, поднял большую головню. В то время, когда он прыгал, он попал в голову дива, конь прыгнул на голову дива. Когда [Сасырква] поднял головню, у нее же есть угольки, у той огромной головни, Он ее схватил и тряхнул ею, так что все отлетевшие от нее уголья упали на голову дива. Упали на его голову, посыпались в его уши, говорят. У дива из ушей росли волосы, говорят. Там, где у него были волосы когда в уши попали уголья, волосы загорелись, борода загорелась, и так далее. Огонь добрался до его бороды, и когда огонь стал его припекать, див проснулся.

Нарт Сысырква, конечно, когда он с него спрыгнул, <...> вот так направился к своим людям, к тем своим людям, к горе. Пока он шел, див проснулся. Когда попавшие в его уши уголья стали жечь, он проснулся, осмотрелся, но не понял, что произошло. Присев, говорят, он своим носом его запах [почуял]:

— Апсуа (Абхаз)! Ах, твою мать, пахнет абхазским духом, пахнет абхазом! — говорят, сказал див. — Абхазский дух! — сказал он. Встал, огляделся по сторонам. Ну, к тому времени Сасырква, говорят, перевалил через семь гор (должно быть неправда, может быть, через одну гору перевалил). Когда Нарт Сысырква шел по вершине горы, его, говорят, увидел див.

— Аа, этот дрянной абхаз, это от него исходил запах, — сказал див.

Он втянул воздух, говорят. Вовнутрь себя втянув воздух, и его коня, и его самого, сидящего на коне, говорят, взял, поместил в свою пасть, говорят, вовнутрь втянул, говорят. Взял, говорят. Съел его, съел. Див пришел чтобы съесть тех варившихся людей, как только они сварятся, он пришел их съесть, но в живо-

те у него оказались Сасырква со своим конем. Находясь внутри, нарт Сасырква вытащил свою саблю (я же раньше говорил, что у него была сабля, у него же было оружие), говорят, стал бить непрерывно саблём по его ребрам, стал их резать, говорят.

— Ой, ай, в животе болит! — сказал, говорят, дивиче. — У меня сильная боль в животе, не видишь? — сказав, он оглянулся по сторонам, но когда Сасырква непрерывно стал резать его ребра саблём, он сказал: “У меня болит живот!”.

(Извините). Пошел, где-то присев, натужился, и из него выпрыгнули Нарт Сасырква сидящим на оседланном коне и с саблём в руке.

— Эй, ты кто будешь? — спросил див. — Ты не тот, кого зовут Нарт Сасырква? — говорят, спросил дивиче.

— Нет, я не Нарт Сасырква, — ответил он.

— Кто же ты?

— Я был близким знакомым Нарта Сасырквы, был его учеником, — сказал он. Был его учеником, сказал он.

— В таком случае, расскажи, что он планировал, в чем была его сила, его мужество? — спросил див, говорят.

— Я это знаю, хочешь, скажу тебе — сказал Сасырква.

— Скажи — говорят, сказал див.

— Вот так, размером с дом, — сказал он, — размером с дом с комнатами, (ну, то что говорят, мы, конечно, не знаем, как тогда было на самом деле), огромный камень размером с комнату, где-то высоко поставив, заставив меня его придерживать, сам спустившись вниз, он становился в речке и когда говорил “отпускай!”, я отпускал вниз камень, — сказал он. — Тот огромный камень катился, катился, катился, катился, Сасырква подставлял голову под катившийся камень, и когда он ударялся о голову Сасырквы, камень вдребезги разбивался, — сказал он, говорят.

— Аа, если так, и я это сделаю, сказал див.

— Сделай!

Итак, найдя гору, найдя камень, они забрались на гору. Сасырква поддерживал камень, а див спустился вниз. Отпустив камень, Сасырква толкнул его вниз. Камень ударился о подставленную дивом голову, и он разбил камень, див разбил камень своей головой.

— Еще какими способностями он обладал, что он делал?
— спросил див.

— Аа, есть другие способности.

— А что у него, какая у него была политика, что еще делал этот человек? — спросил он, — какие геройства он совершал, какую силу имел? Он хочет сказать: какой силой он обладал?

В стране [Сасырквы], говорят, было озеро — было озеро, говорят (ты знаешь, что такое озеро? Эта вода, место воды, *гэль* по-турецки, вода). Сасырква стоял в озере, когда оно замерзло, по горло в воде, досюда стоял в воде.

— Получилось? [т. е. «замерзла ли вода?» — спрашивал Сасырква].

— Сейчас напряги свои силы, когда я тебе скажу, повернись туда-сюда, — говорит он, — он [Сасырква] давал мне команду. И когда я ему говорил — вот сейчас получилось [т. е. вода замерзла], — говорит, — когда он шевелился и начинал ломать лед, я ему говорил: “Подожди, еще не получилось [не замерзло]!”. Я ставил его по горло в воду, — говорит он. — по горло ставил его в воду, — говорит, — стоя по горло в воде семь ночей и семь дней, десять ночей и десять дней, вода замерзала, и он опять спрашивал, стоя с ног по горло в воде.

— Вот сейчас замерзло. Ладно, пошевелись, — говорили ему. Стремительно, говорят, туда-сюда, говорят, раскрошив и разломив лед, Сасырква, разломав лед, выходил из воды.

— Аа, и я так сделаю! — сказал див.

После этого они нашли одно озеро, пошли к озеру, и [Сасырква] заставил [дива] встать в озеро. Поставил его в воду до пояса

ницы, если дотуда он встанет, разве он не сможет разбить лед? (Он был огромным существом, естественно, его же называют дивом. Див, див. Говорили “семиголовый див”, о диве). Поставил его в озеро по поясицу, теперь прошло пять-шесть дней.

— Аа, дивище, пошевелись-ка, посмотрим, что получится, — сказал он [Сасырква]. Как только див стал шевелиться, говорят, лед стал с треском ломаться.

— Эй, погоди, погоди! — сказал он [Сасырква]. — Не получилось [т. е. не замерзло], — сказал он. — Ты должен встать в воду посюда, — сказал [Сасырква], поставил его посюда, говорят, теперь четыре-пять дней вода замерзала. Когда вода замерзла, Сасырква приказал диву сложить руки вниз, нельзя было держать их вверх. Вот так он и заставил его заморозиться с руками сложенными внизу тела.

Нарт Сасырква, конечно, ничего подобного не делал, но у него была умная голова, он нашел способ погубить дива, нашел хитрую задумку. Посюда поставил дива в воду, и он замерзал.

— Давай, пошевелись, посмотрим что ты сделаешь! — сказал Сасырква, и идет устремившись по направлению к диву, Нарт Сасырква ведь тоже находился на льду.

— Напряги свои силы, повернись, давай, давай, давай! — сказал диву Сасырква, но он полностью вмерз, естественно, [на глубину] то ли тридцать метров, то ли сорок метров, то ли двадцать метров див встал в воду, теперь вмерз ли?

[Див] вмерз в лед. Когда он не смог шевельнуться, когда он вмерз,

— Давай сюда, сюда! — сказал Сасырква, но див остался на месте.

Вытащив саблю, Сасырква, говорят, подошел к диву.

— Аа, Сасырква, Сасырква, — сказал див. — Это ты — тот, кого зовут Нарт Сасырква, это был ты! — сказал дивище. — Ты меня намеренно погубил. Отлично, тебе это удалось, — сказал див. — Ты меня хитростью обошел. Сасырква ничего этого не делал, но ты хитростью, умом лучше меня. Теперь ты меня заморозил,

заставил меня разбить о себя камень, это я выдержал, а здесь вмерз. Однако ты сейчас подходишь, чтобы отсечь мне голову.

— Да, за этим я и пришел, — сказал Сасырква.

— Однако сделай так, как я тебе скажу! — сказал див. (Он же стоял вмерзший в лед!). Когда отсечешь голову (он же отсечет его голову, внутри него находящаяся жила, то, что находится внутри человека, называется кадыком¹), ухватись рукой за мой кадык и вытащи его. Вынув кадык, потянув, когда его вытащишь, обмотай вокруг своей талии, тогда до самой смерти с тобой ничего не случится, ты усилишься, твои возможности возрастут,— сказал ему див.

— В моей комнате (в комнате, у дива, очевидно, был дом), после того, как ты это сделаешь [отсечешь мне голову], — сказал див, — войдя в мой дом, — сказал он, — там имеется ключ от сундука (это тоже по-турецки, как же сказать [по-абхазски]?), есть большой сундук, — сказал див, говорят, — там имеется ключ к большому сундуку, — говорит он, — в доме, где он был. (Там лежит. Ключ к сундуку, вот так, как он [див] и говорит). — Когда откроешь ключом сундук, вот так склонив голову над сундуком, открой ключом крышку, открой ту крышку! — сказал он [див], говорят. — Открой крышку! — сказал див.

Сасырква вытащил свою саблю, подошел и отсек диву голову, говорят. Отсек голову. Правдой ли являлось то, что див говорил? Сасырква, потащив, вытащил его кадык, говорят. Большой бук, большое дерево там было, говорят. Поднеся к большому дереву, принес, говорят. Когда он обернул кадык дива вокруг дерева, говорят, дерево с треском раскололось, говорят. Он говорит:

— Хорошо!

Он отсек ему голову, обмотав его кадык вокруг дерева, дерево раскололось, а сейчас Сасырква идет в дом дива. Пошел к нему домой. Нашел его дом, значит, див ему рассказал, где дом находится. Зайдя в дом, там, где в доме лежал ключ, по описа-

---

¹ Скорее, имелась в виду жила, а не кадык.

нию дива Сасырква нашел и взял этот ключ к сундуку, и вставил ключ. Див же ему говорил, разве он не сказал ему:

— Когда повернешь ключ один раз, когда откроешь крышку сундука, склони свою голову, — сказал он, говорят.

Но Сасырква же был совершенным хитрецом, он был очень умным. Он знал, что див готовил ему ловушку, что с ним что-то должно случиться. Он принес дерево, говорят, принес деревяшку, говорят и, вставив тот ключ, говорят, вставив ключ, говорят, отойдя в сторону, говорят, тем деревом повернул ключ, говорят. Когда он ключ повернул, говорят, крышка открылась, говорят, крышка открылась. В старину была сабля, говорят, она сложенная лежала в сундуке, в сторонке. Когда он открыл крышку, сабля с грохотом быстро раскрылась, сабля раскрылась [по направлению] к небу. Если бы он там над сундуком встал, сабля, естественно, отсекала бы ему голову. Отойдя в сторону, он открыл крышку. Сабля прыгнула к потолку, говорят, вверх, вверх попала, говорят, в потолок попала, говорят.

— И этим ты тоже не смог меня погубить, дивиче, — сказал, говорят, Сасырква.

Так, после всего этого, теперь он должен был принести туда [к нартам огонь]. Он, значит, отправился и пришел к своим людям, говорят, он туда, таким образом [пришел]. К своим людям пришел, после долгого отсутствия. Естественно, его люди, страдающие от холода, дрожа, говорят, были при смерти, говорят. Он до них дошел, говорят. Ну вот, там он разжег для них огонь, что же еще могло им помочь, они были беспомощны. Он там остался, ну, немного с ними побыл. Дойдя до них, разжег для них огонь и, спася своих людей, вернулся обратно. Пришел тот, кого зовут Сасырква, вот так он нас привел, говорили, говорят.

Вот такой конец, этим и закончился сейчас [рассказ].

2. Говор цвѣджи.

Сказитель: Ашәыкәба Қыамаль Алыбей-йыңа, на момент записи 78 лет; род. в 1913 г. в с. Кюнджеиз (Künceğiz) провинции Биледжик, Турция. Записано 11 декабря 1991 г. в г. Биледжик. Запись, расшифровка и перевод Вячеслава Чирикба.

Рассказ о цвѣджах на их Родине

Сабынтәалагара? Са сх'а схәап зны. Сарá цәыцъáа рақанý, цәыцъáа рыңынтәа Алы-бей йыңа Қыамаль сýхьызуп. Сах'атра хынейжәый жәáа. Сабдýуцәа Апсынынтәа а-Тырқәтәыл йәайт. Йахәайыз, Билеңыйқ ха вильаайәт хамуп, Билеңыйқ йазәайгәанý аңәыцъкәа х-қытакны хабадýуцәа тәартá картцыйт. Уырт á-х-қытак рыкәнтәа қытак еймлыст, ғ-қытак хәкоуп. Сарá скыта Қунчаз әхьызуп. Агыйй ақытагыы хайзәайгәазоуп, Хасәндара әхьызуп.

Жәоға пацәбы йыман Ашәыкәба. Махамталы йыхьызын. Уыбрый х'азылагыы шых'ак йыман, йары йых'ала, йары ййтәтәыны. “Шәыкәрақ” рхәон. Айбу, уый Апсны әшых'а, ақыта хыкоу аамышьтахы, ағада ғаскьаны шых'ак йыман ҳарá хабдý. “Шәыкәрақ” әхьызын. Харá Шәыкәзаá хәкәыммый? “Шәыкәрақ” хәаны әзбахәы рхәон.

Хабадýуцәа Апсыны йахықәтәаз шых'ан рхәыйт. Шых'аран, адаар йыбарақбатын йарá, әайырта бзыйаны, ачағыа бзыйаны йыкан, рхәыйт. Ах'а чағыа йылартцоз йых'арбытцааны, ача йых'арбытцааны әкәын йышахәрхуз. Йылартцоз ейхәрак лағтан. Харá лағта ххәот. Цабáлаа “аңш” рхәойт, ахчыңсаагы, ағааңәагы “аңыкәырей” рхәойт. Харá хабадýуцәа йыльартцаз ейхәрак лағытан. Арахә йырацәаны йырыман, арахә ныкәырцоон. Әхәша йырыгыу зләарыхәоз ейхәрак арахә йырыхәлтцзей. Ашың рытаны аңыка аарыхәоон, абна акәнтә ашың ргоон, йырыгыу уый тыйны йырыгыу аарыхәоон хәан оуп, сары хабадýуцәа йырхәооны йысахаз.

Бзымтá-хэа зы-дүк áкан, рхэыйт. Уыбрыйгы йáла-
цэажэоон.

Харá áурыс йыҭеапшó йыгáхамбыт, хабадúуцэа гы́и-
рымбыт. Áурыс хáшьх'áканы йыҭеа́, йы́р йына́й, áшьх'ан
йаны́рккы, харá хáцэыцъ йыш́ейбытакыз, рáжэгы рыҭеагы́
ны́рмыжкэа Га́гра йышáказ амшы́на ае́цны́ йыль́ейт, уыбра́а
áйынгылы́ызкэа рытэ́й азы́гба йытáлан, а-Ты́ркэты́л *Ка́р-
дени́з* хы́рхэоо áты́ркэуа йы́дгы́л ае́й уыбра́ йыҭеа́ны́тцт.
Уáллаха, уы́й йá Тра́бзон áкэ́ууп, йá на́ка йына́цкья́рбума, уы́йгы
йы́йáшат́еагы́ны са гы́ысызды́рам. Áта́хмад́цэы́ йы́рхэоо́ны
йыса́хáз, сызхы́заны́ йыса́хáз, йа́жэый́ жэа́фый́ шкэ́ыса́ áурысы́й
ха́рый́ даа́хамы́штыо́ну хáдгы́л йы́гэы́гэ́а́н а́мышала́ йа́рей́
ха́рей́ хайсоо́ны уыба́с хам́е́аст. Ат́ы́хэа́ны алы́шáра ма́чхыйт,
áурыс йы́р йыра́цэа́захыйт, ейкэ́шы́йт йыха́ба́згы, шей́х
Шаа́мильгы́ даны́пхаста́ха, хáзыпш́тарахы́гы йы́нлаха́вырш́ы,
ха́ргы́ хазы́мгыла́кэа хáшьх'áканы áурыс дына́й, йы́р
на́акылыс, ара́хь хáа́йт хэа́ны йáла́цэажэо́он хáта́хмад́цэа.

“Áзахэ́цэа” ны́схэ́алаакы, áка́бард да́кайт, абза́х да́кайт, убúх
да́кайт, уы́рт ры́уа йа́рбан гы́ысызды́рам, ах'á áзахэ́цэа харá х́кы́та
йы́злаза́йгэа́з, áта́хмад́цэа, ата́кэы́жэ́цэа́ áзахэ́бызш́еа́ рды́руон.
Нас! Уы́й а́мышала, ейза́айгэа́н *хер́халда*. Сари́ йы́зла́зды́руо
áла, йы́зласа́хáз áла. Ах́чы́псаагы́ нас, хай́гэы́ла́цэа́заары́н,
гы́ысызды́рам. Ах́чы́псаагы́ хай́гэы́ла́цэа́заргы́ кáло́он.
Йáлны́з, áта́бал хэ́ычы́к йа́хцэ́ых'áран. Аса́зы́уа́кэагы́, аса́зкэа
ры́бызш́е́й харá х́а́бызш́е́й ейза́айгэу́п. А́мышала, аса́зкэагы́
ха́за́айгэа́заргы́ кáло́йт, за́ка х'á́та гы́ысызды́рам. Айо́у! Уы́й
уáа йы́коу сэ́ыта́хмад́цэа аса́зкэа ркы́та́кэа агы́йкэа бе́лькы¹
йыра́ханы́ йырды́руозар?..

¹ бе́лькы = тур. *belki* ‘может быть, возможно’.

Перевод.

С чего мне начать? Сначала расскажу о себе. Я среди цвыджей зовусь Кямалем Алыбей-ипа. Мой возраст семьдесят восемь лет. Мои деды прибыли в Турцию из Абхазии. Куда прибыли? У нас есть провинция Биледжик, недалеко от Биледжика наши деды основали три села цвыджей. Из этих трех сел одно село опустело, [сейчас] мы два села. Мое село зовется Кюнджаз. Другое село очень близко от нас, зовется Хасандара.

У [деда] Ашукба Махамталы было двенадцать сыновей. Он владел горой, которая ему принадлежала. “Шукрак” – называли ее. Да, это в горах Абхазии, позади села, вверх от него наш дед имел гору. Ее имя было “Шукрак”. Мы же Шукбовцы! Называли ее “Шукрак”.

Местность, где жили наши деды в Абхазии, говорят, была в горах. Горная местность, очень богатая она была, хорошие урожаи, хорошее зерно родилось, говорят. Сажали в основном кукурузу. Мы называем ее “алаюта”, цабалцы говорят “апш”, ахчыпсы и береговые жители говорят “аджикурей”. Наши деды в основном сажали кукурузу. У них было много скота, содержали скот. Масло в основном получали из скота. Отдавая самшит, покупали соль. С леса приносили самшит и того что у них не хватало, продав самшит, покупали, это я слышал от своих дедов.

Была большая река Бзымта́, говорят. О ней тоже рассказывали.

Мы русских не видели, наши деды их не видели. Когда русские всадники, русская армия пришли в наши горы, когда они заняли горы, мы все цвыджи, не оставив ни стариков, ни молодых, отправились на берег моря в районе Гагры. Там мы сели на английский корабль, отправились в Турцию через Черное море и высадились на турецком берегу. Господи, это был либо Трабзон, либо где-то в другом месте, и этого я тоже точно не знаю. Я слышал от стариков, что мы сражались за нашу землю с русскими непрерывно в течение тридцати шести лет. В конце-кон-

цов наши силы истощились, а русские войска увеличились, всё окружили, после того, как был нанесен ущерб шейху Шамилю. Русские внезапно прошли не там, где мы их ожидали, они проникли в наши горы. Когда появилось их войско, мы ушли сюда, говорят наши старики.

Когда я говорю «черкесы», есть кабардинцы, есть абзахи, есть убыхи, кто из них, я не знаю, но потому что черкесы жили недалеко от нашего села, старики, старухи знали черкесский язык. Да. Поскольку мы жили недалеко друг от друга. Насколько я знаю, как я слышал. Кроме того, нашими соседями, по-видимому, были ахчипсы, не знаю. Ахчипсы могли быть нашими соседями. Однако цабалцы жили от нас немного подальше. И садзы, садзский язык и наш язык близки друг к другу. Поэтому, и садзы должно быть, были нашими соседями, не знаю, насколько этому можно верить. Да! Наверное, живущие у вас старики знают больше о садзских селах и о других вещах?..

О мщении князя Щиринбея цвыджам

Га́гра йыльба́айт *her halde*,¹ ныс, ҳарá áцэыць хы́каз а́кантэ́й амшы́н а́каны́ йаны́лбаа, айингы́лиз азы́ҕба, *her halde* Га́гра йа́кэын йыхы́каз, йыха́қэсэаз гы́сызды́рам. У́аа азы́ҕба йа́қэтэ́ан, а́тырқәуа йы́дгьыл а́ғы, *Karadeniz, Trábzón diyelim*,² йа́ани, йахы́кэуу гы́сызды́рам, Тра́бзон йы́зых'а́тт. Анадо́л³ йы́та́лт. А́тцабал ҳарá ҳа́шьта́хы хы́шқэ́ыса ра́шьта́хы йы́қэы́тт. Уы́рт Уру́малы йы́цыйт, Ру́мели, йа́ Булгари́ста́н, Рома́ния, Уа́рна. Ro-

¹ Тур. *her halde* 'по всей вероятности, наверно, должно быть'.

² Тур. *Karadeniz, Trabzon diyelim* 'Черное море, скажем, Трабзон'.

³ Анадол — Анатолия, азиатская часть Турции, Малая Азия.

maniya ve Bulgaristan, Karadeniz,¹ уáхь йыцыйт. Уáа, жéаха шкэысá уáа йы́кан. Жéаха шкэысá уáа йы́кан. Жéаха шкэысá рáшьтахы Пилéвна áйбашьра, Осмáн-Гаазí данкáха, áтыркэуа йы́р йыны́ткьа, áурыс йы́ткьейт, уы́сканы уáагы ныс áурыс дтáлт. Áурыс дынтáл, харá хазцэыбаналаз áурыс а́аагы дáайт, рхэ́ан, уáантэы *tekrar*² йых'áткьын, áтыркэуа йы́фь йáайт, áтыркэуа йы́дгыл áканы́ йáайт. Харá жéаф шкэысá арт рáцхьа Анадóл харá хáайт. Áт хы́шкэыса харá хáшьтахь йы́кэйтт Қафқáсийантэа, Ацсыны́нтэа, Уру́малы йáайт, Румели áурыс уáагы дына́ай, уáагы нийга, йы́кэйтцхын, áтыркэуа йы́дгыл áканы́ йáайт. Уый ша́кала уáсхэап. Áцэы́цьый áтцабалый ейма́цэхахыйт. Áтцабал áайын, áцэы́ць ры́шьх'а áканы́ йы́льáкэлан, ры́рахэгы, ры́хьчацэагы ры́ман йы́цыйт. Йы́рыман йы́цыйт. Áцэы́жь йы́рашьтаны́кэаз-агы́й гы́рхьымзы́йт. Йы́х'анхэ́ыйт. “Бзы́-йоп”, — рхэ́ан, гьáламцэазэ́ыйт. Кы́р нийас, за́ка шкэысы йáсхьыз гысызды́рам, харá хáцэы́ць заатéн уáа ма́ччын. Ах'á шьáрда йыдыгы́лон. Махэа́фáрылы шьáрда йыдыгы́лон. Азэ дахы́цсыз зегы́ йы́цыцсоон. Ры́еáайыбыртáн, йы́лэйны áтцабал ры́шьх'а оы́цхны́фан, йы́льáкэлан, ры́шьх'а йы́кэқэыз ры́рахэгы, ры́хьчацэагы, ры́ллақэагы́ ззегы́ ры́маны áцэы́ць ры́шьх'а áканы́ йааргы́йт. Áтцабал уы́сканы ра́х Шы́рынбей йы́хьызын. Цьоу́кы́ йы́маны дáайт áцэы́ць йы́фь.

— Харá сэара́ апáса ак сэ́зáауыйт, ах'á сэари сэ́зáауыз ма́ччын, сэа сэ́ырахэ ма́ччын, харá хáрахэ (ныс, ақы́тақэа ра́цэафы́н áмшала, ры́шьх'агы́ áрахэ ра́цэаны́ йы́рымазаарын). — Хатэ́ы хáсэ́т! — йы́хэ́ыйт.

— Áа, уара́ ха хатэ́ы ны́уга кырхáу́тама? Йы́угаз ыу́-гы́йт, йáагазгы́ аагы́йт! Уáха ей́баххэо гьá́кам, — рхэ́ан, ды́йыцхьáрцийт.

¹ Тур. *Romaniya ve Bulgaristan, Karadeniz* ‘Румыния и Болгария, Черное море’.

² Тур. *tekrar* ‘снова’.

Данейцхьарца, <...>, уаа х'акөраны йаказ, йаани, уаа бзыйаны, уаа дыррны йыказ, ауаа ейзыйган йырацөафны, ацөыць йығы дырзаахт.

— Хайнсөраала, харахөгы хартайт! - хөаны ауаа йыманы даайт.

Закамыш йырыдтөалахыз здыруада, аймтахара картыйт. Еймтахара удыроома? Еймтахара, йаани, ейзаны ейльацөазөара, йаани, ауысбара. Ах'а хара хауаа гьадымкылт.

— Агыуахтам! — рхэыйт, — агыйахтам, ацабал агырахтам! — рхэыйт.

Закамыш йадыххалаз здыруода, йыныкөытцоз, рыгөаа йынрыкөтөа, Шыринбей йыгы даайырх'анхөын, ацөыць ейхабацөа хгылаз, ныс:

— Цөыжбаа, арый сөх'асөымрыштын! — йыхэыйт. — Сара сырахөгы сыуаагы сысөымтыйт, ах'а сөышх'а урус казак еыкыла йысыртөбойт! — йыхэыйт.

Ейлыкаама?

— Сөышх'а аурыс казак еыкыла йысыртөбойт! — йыхэыйт.

— Крыулышоозарый йыкатца! — рхэан, дыдөыкөыртыйт.

Аурыс уый агьенерал Шыринбей йыгеыйкөыйырсөыйт.

— Кафкасыа атыцха уыстоойт! — йыхэыйт Шыринбей, ацабал рах. — Кафкас атыцха уыстоойт! — йыхэыйт, — арый ацөыжь йыкөыхра стах'айт, — йыхэыйт. — Ах'а сара амухтарйат сыутар йооп — йыхэыйт. — Сара уысыламцөазөан! — йыхэыйт. — Сара сах'а сакөыйыттны — йыхэыйт, — уыкаанункөа¹ са схы йаауымган! — йыхэыйт.

Агьенералгы:

— Бзыйоп! — йыхэыйт.

Уыс адына картыйт, азөа картыйт. Ат Шыринбей йыуаа аурыс йыр ацартакөа, ашх'а ах'алартакөа йакөшаны,

¹ қанұн = тур. *kanun* 'закон'.

йакэыршаны, ацэыжь рышых'аканы йышыйхэаз ейцшны аказак аецеа, зыкьума, онызкьума, хэынызыкьума йыфэйыз. Ацэыжь йанáапш ашьажь, рышых'а арх'а, ашых'а аканы арх'аны йыкан йыхэййт уаа, Гэымá (Гэымá-шых'оума?). Аказак асууарий,¹ аурыс йысууарий (йыгеызэу рзы асууарий ххэбойт хара, аебууфы). Ейкэцыро ацэыць рышых'аканы, рарх'аканы, йыр-быйт. Ант рысэакьый дарей зегы рыла ейкэсэбоуп. <...> Аурыскэа ахзымнейуоз, йахырзымдыруоз амфакеа аман уый ашых'а. Дара апсауокэа, атцбал йырдыруон. Уый ала йымфаганы, ха хауаа гьена² айыртакэа йадтэаланы аурыскэа айрый, йаармышьтооны йадтэалан. Ах'а рышьтахьынтэа дара аурыс йыхьакэымкэан рышьтахьынтэый йакэыршаны йых'аргалт. Пхьагылара картан, аурыс йыр <...>.

Шьта уысканы хара хатэкеа ражэгы рыфеагы, рырахэгы йырымаз зегы йыкрысэызарый, ак аайзышьтыхзарый ада аамыхэазакэа амшына афы йыльейт. Амшына афы йынльей, йышысхэаз ейцшны, азыгбагы аллах, анцэе йырыйтыйт шьта, мамзарый йырышьтаны аурыс йырхьызоот, бэльки йыкэакэот. Уырт арахь йызх'атт. Аный атцбал рах аурыс гьенералый азэа еймырымдей, “Сара сгыулацеазэом, арый шыутах'ыу уымфас, акаанунгы гыназгам!” — еймхэазый? Уый ала, Шыринбей дых'анхэын, ацэыжьгы йых'айырцеан, йыкытафы дашаайуаз, акыта даламлацкэа тахмадак, Йашбооп, ах'а йыхьызгы рхэбон, ах'а йысх'аштыйт, Йашба тахмадак йыцбакэат йыхэда йыкэтцаны амхафэнтэа крыйгуын даауон, акытахь даауон. Дышаайуаз, Шыринбей йыфызацэый йарый, бэльки шэфык, бэльки фышэфы йахут-да³ фыжэефык, нейса, йыгеызэны, арый атахмада длейхьызыйт Шыринбей.

¹ а-сууарий = тур. *suvari* ‘всадник’.

² гьена, из тур. *gene* ‘опять’.

³ тур. *йахут(-да)* ‘или’.

— Йыгуазей-агыйуазый, — йыхәән, аный атаҳмада дныйәцәзәыйт. Уыйгы нас:

— Амхынтәа саауойт, дәд — йыхәәзаап.

— Йыкало уыдыроума? — йыхәән, йыхыз йыхәән.

— Йыкоузый?

— Ацәыжь х'асыртәән саауойт, — йыхәыйт. — Ацәыжь йытцыхәа сәлгыйт, — йыхәыйт, — йырықәнагәа рызызуын саауойт, — йыхәыйт.

— Йышпәууы?

— Аурыс казак әр фәйықәыстан, дықәысхын саауойт, — йыхәыйт.

— Аай гәышьа, дәд! — йыхәыйт атаҳмада, — йығәейны йыгуымуыйт! — йыхәыйт. — Уах'а цән, уыгәы х'ооп. <...>.

Уый йыйхәазгы гыйызымдырт, Шьыринбей уыйгы йызәйлымкаайт. Дәән, ақытағы нәйса “ха хәх дәайт!” — йырхәән, әух'а ашьтәкәә ршьыйт, агәырғара картыйт, ачара картыйт, “цәыцаа хашәа рызәауыйт” хәәны. Аный атаҳмада дыгьымаайт әйзартәғы, әх йаҳачашь акәны дыгьыкам.

— Арий атаҳмада дгәкам, дгьымаама? — йыхәән,

— Дгьымаайт! — рхәыйт.

— Сәыцәны дысзәзәгә акы ныйәсхәойт — йыхәыйт.

Цәоукы йышьтын атаҳмада дрыманы йаайт. Ейльтәән, нас, айхабацәа аҳачашь акәны, әх йахатынарағы [хатнара, ах йытцп йахүд-да, йысасәайырта]. Дәайн, уыйгы тәартәк йыртан, атаҳмадагы дтәән, ейлацәәзәон ныс, арт йызейгәырғо цәыжәа шықәырххыз әйгәырғо-агыйуо йәлацәзәоозарын.

— Ее, дәда! — атаҳмада Шьыринбей, — уарә уәа санаәйуоз хәнәйкәсә әс ак сәухәейт, арий йызмааныны йығхәаз арий ахызыый, закәызей йысәухәаз? — нийхәа,

— Харә харә хәдгыл тцпханы йәмаз әцәыжь ракәын. Уый атцпхә пәуечейт. Уый азахәоп йызысхәаз. Нас харә йыхәхәоозый? Уыт ргәәг хәман, хашәа аауыйт. Хари хәхәоозый?

— Аурис йах йыгъенералый сарей абас ейбэххэыйт, абас ейбэххэыйт, харá дыгыхалацэазэам, - йыхэазаап ах.

— Аурис йыгъенерал йыуейхэаз áзэа хы-шкэыса áмыч áмейт, — йыхэыйт рхэыйт арий атахмада. Хы-шкэыса (акы, обá, хпá). Хы-шкэыса рáшьтахы уарá даауыдыгылары дакайт: “Хáйды! Уаргы́й йáса,¹ закэ́ан уы́тчала (азакэ́ан рхэ́он азэ́йтэа), сықаану́н қабу́лс йы́катцá, ма́мзаргы́: “уы́кэытц, уы́цá!” хэаны́ уейхэашты!

— Уыс калоома агъенерал дүзза йысэйхэаз áзэа йышпыкэу хы-шкэыса рейха шынна́мтцо? — йыхэ́ан,

— Е, х'атапсы́ргы́ áзэа гы́пцса́м — йыхэ́ыйт. — Са́ сы́пс-сы́ргы́ — йыхэ́ыйт, — арий́ йы́схэ́аз гы́пцса́м, — йыхэ́ыйт, — сэ́арá йы́гэыны́сэ́кыл — йыхэ́ыйт, — сэ́ах'á йы́тáсэ́к! — йыхэ́ан, áтахмада дыфыгы́лан ды́цыйт йы́фны́.

Йышы́йхэ́аз ей́пшны́ хы-шкэ́ыса ра́шьтахы́,

— Ееей, Шы́ры́нбей у́ай, ба́қалым²! — рхэ́ыйт, — у́ай!

— Йáкоузы́й?

— Харá ҳазакэ́ан, ақаану́н áкайт, уый́ уаргы́й уы́тчалар йóуп, харá мфáшьсас йахáмоу уаргы́й уáламфасры́й атах'у́уп! — ны́рхэа,

— Уыс гы́ейбамхэ́озма?

— Ейбáхэымзаргы́ уый́ агенерáл зы́ухэо уарá áзэа уы́зтаз дах'ах́т, заатéн, уый́ ды́цыйт, даба́каху?

Аны́й, йарá áзэа йы́зтаз гъенерáл йа ды́псыйт, йáхут-да дажэ́ын дах'áрхт, йáхут уáа ды́кэырхын дае́ыцьары́ дрышьт́ыйт, ача́р³. Никóла йáкэызма, гысызды́рам уы́сканы ча́рны йы́каз. Йы́калам-мы́калам йыхэ́аргы́й йы́йыхэ́араны йы́коозы́й, áурис йы́шыйта́х'у́у ей́пшны́ ды́йáа́йуойт нас áурис.

¹ йáса = тур. *yasa* ‘закон’.

² ба́қалым = тур. *bakalım* ‘посмотрим-ка, ану-ка!’.

³ а-ча́р = тур. *çar* ‘царь’.

— Уарá бзы́йарас йыуызáауа абры́й оуп. Йыуызы́гу áрахэ, áматэа-афы́тэа, йы́утах’у, áматэа-афы́тэа йáани, асэтá, *ondan sonra*¹ афны́ матэахэы́ йысэызы́гоу зэгá! Áгбагы́ сэызхарх’афóйт. Уы́йгы́ сэáкэтэа! Áтыркэ́уа йыхы́сэцоо́мá, даеы́цьары́сэцоо́мá, йыхы́сэтáх’у сэы́цá! Арáа сэáказары́й, хазакэ́ан сэтáлар йóуп. Хэ́аану́н мфáсуойт, — рхэ́ыйт.

— Уы́сканы шы́тá тцáбáл хэ́гынхáм, хэрá уарá уызакэ́ан гы́ахтáх’áм, — зхэ́áз, йышы́рхэ́аз ейцшны́ áрахэ́гы ры́маны, áгбакэ́а аáрган, áурыс йы́гбакэ́а аáрган, аецы́н дыргы́лан, йылы́áкэдыртэ́ан,

— Сэабы́цо?

— Урúмалы́ (Рúмели, уы́скан Булгаристáн уы́кахыз, уáахы́гы ты́ркэуп, Рúмели <...>), уáхь хэ́цоóйт! — рхэ́ыйт.

Уы́й йызы́рхэ́азы́й, уы́й а-Шы́рынбей йáшьтаны́кэ́азаап,

— Áцэы́ць абы́ца?

— Анадо́л.

— Уы́й áкэ́зар уáхь хэ́гы́цáм! — рхэ́áн, Рúмели йы́цы́йт.

Уáагы́ жэ́áха шкэ́ыса йы́кан. Жэ́áха шкэ́ыса уáагы́ йыфы́нрахáн-агы́йин, доусú ае́кэ́á ркы́йт, áдгы́лкэ́а аазы́хэ́áз кáлы́йт. Ақы́такэ́а дыргы́лт. Жэ́áха шкэ́ысá ráшьтáхы Гаазы́ Осма́н Пашы́á Цилье́вна данх’áрца, áтыркэ́уа Булгаристáнгы́, Рома́нийагы́, Йо́госла́вийагы́ ты́ркэуа дыны́мхазакэ́а Сельáа-ни́кинза Анадо́лука ейх’áйт. Йы́заáз Анадо́лу йáайт, йынхáз уáа йынхы́йт. Áпсыуу́кэагы́ уáхь йыны́мхазакэ́а, Рúмели йыны́мхазакэ́а йы́ззагы́ áтыркэ́уа йы́дгы́л ахь йáайт. Еды́рна, Стамбу́л, уы́й нах’ы́с аráхь Анадо́лка йы́йаст. Хэрá хаша́áз уы́бáс оуп, тцáбáлаа ша́áзгы́ уы́бáс оуп.

---

¹Тур. *ondan sonra* ‘после этого’.

Перевод.

Цвѣджи спустились, по всей вероятности, в Гагру. С того места где мы цвѣджи жили, когда мы спустились к морю, английский корабль, кажется, в Гагре стоял, не знаю [точно] где это произошло. Там сели на корабль и [направились] в Турцию, по Черному морю, кажется, в Трабзон, точно не знаю, высадились в Трабзоне. Прибыли в Анатолию. Цабалцы выехали через три года после нас. Они приехали в Румелию,¹ либо в Болгарию, либо в Румынию, в Варну. В Румынию и в Болгарию, на Черном море, туда ушли. Там они жили тринадцать лет.

Через тринадцать лет, во время битвы при Плевне, когда пал Осман-Гази,² когда прогнали турецкую армию, тогда туда же вошли русские. Когда русские туда вошли, они [цабалцы] сказали: «Мы бежали от русских, а они и сюда пришли!». Пришлось им снова уезжать, поехали к туркам, приехали в Турцию. А мы приехали в Анатолию на 16 лет ранее их. Они выехали с Кавказа, из Абхазии, три года после нас, прибыли в Урумалы, когда же русские вошли и в Румелию, когда они ее взяли, они снялись и переехали в Турцию.

Я тебе расскажу, как это произошло. [Еще будучи в Абхазии] цвѣджи и цабалцы поссорились. Цабалцы напали в горах на цвѣджей и захватив их скот и пастухов, угнали к себе. Все взяли с собой. Цвѣджи погнались за ними, но не догнали. Вернулись. Сказали: «Хорошо!», и больше об этом не говорили. Прошли годы, не знаю, сколько лет. Нас цвѣджей было мало людей. Но были очень сплоченными. Чувство локтя было очень сильное.

---

¹ Румелия (Урумалы) — историческое название Балкан, европейские владения Османской империи.

² Осман-Гаази — Осман Нури-паша, турецкий маршал и военный министр. За бой 18 июля 1877 года под Плевной султан даровал ему титул «гази» (победоносный).

Если кто-то погибал, то все вместе с ним погибали. Снарядились, отправились и дошли до цабалских гор. Напали стремительно на бывших в горах их скот, их пастухов, их собак, все это захватили и увели в горы цвыджей.

Тогдашнего правителя цабалцев звали Щиринбей. Он приехал вместе с кем-то к цвыдгам.

— Мы вам ранее что-то сделали, но то, что мы тогда сделали, это была малость, а нашего скота... (ну, поскольку у них много сел, в горах у них было очевидно много скота). — Отдайте наше! — сказал он.

— Аа, а ты отдашь нам то, что ты у нас отнял? То что ты у нас взял, ты взял, то что мы у тебя взяли, мы взяли. Больше нам не о чем говорить, — сказали они и прогнали его.

Когда они его прогнали, он взял с собой уважаемых людей, знающих людей, собрав много людей, он вновь явился к цвыдгам.

— Помирите нас, пусть нам отдадут наш скот! — сказал он пришедшим с ним людьми. Никто не знает сколько дней они сидели вместе, ведя переговоры. Но наши люди это не поддержали.

— Ничего тебе не отдадим! — сказали они, — ничего ему не отдадим, не отдадим цабалцам! — сказали они.

Кто знает, сколько дней они этим[и спорами] занимались? Когда же они уезжали, когда сели на лошадей, Щиринбей развернул свою лошадь туда, где стояли старейшины цвыджей, и сказал им:

— Цвыджи, не забывайте этого! — сказал он. — Вы не отдали мне ни моего скота, ни моих людей, но я наполню ваши горы навозом коней русских казаков!

Ты понимаешь? Он сказал:

— Я наполню ваши горы навозом коней русских казаков!

— Сделай это, если на то способен! — ответили они и прогнали его.

Щиринбей нашел того русского генерала и сказал ему:

— Я отдам тебе ключи от Кавказа! — сказал генералу Щиринбей, князь цабалцев. — Отдам тебе ключи от Кавказа! — говорит. — Я хочу погубить цвыджей, но ты должен оставить мне свободу — сказал он. — Ты мне не мешай! Я свободный человек, не навязывай мне своих законов.

Генерал ответил: “Хорошо!”. Так и договорились.

Эти люди Щиринбея [показали] войску генерала проходы, обходные горные пути, в горы цвыджей поднялись конные казаки в количестве тысячи, двух тысяч, пяти тысяч человек. Когда цвыджи наутро глянули, их горные долины (в горах была долина, говорят, Гума — гора ли?), [там была] казацкая конница, русская конница. В горах и долинах цвыджей они их увидели. Они были хорошо вооружены и оснащены. В этих горах были дороги, которые не знали русские, и где они не могли пройти. Абхазы, цабалцы знали. По этим дорогам они [цабалцы русских] проводили, а наши люди сидели на проходах, чтобы не пропустить русских, если они придут. Но с тыла, не со стороны где ожидалось русские, а с тыла цвыджей [цабалцы русское войско] провели. Цабалцы привели за собой русское войско...

Тогда наши люди, стар и млад, взяв свой скот, свою одежду, все что смогли поднять, остальное оставили, и спустились к морю. Когда они спустились к морю, как я уже говорил, аллах, бог послал им корабль, не то догнали бы их русские и, возможно, уничтожили бы. Они прибыли по морю сюда.

Этот князь цабалцев, он же договорился с русским генералом, “Ты мне не мешай, делай что хочешь, а [твой] закон я не приму”, — они же об этом договорились? Таким образом, Щиринбей вернулся и, разорив цвыджей, возвращался в свое село. Не доходя до села, он повстречал некоего Эшбу, называли и его имя, но я забыл. Старик Эшба, навесив на шею свой топорик, после работы на поле шел домой, шел в село. В то время как он

шел, Щиринбей со своими друзьями, может быть сто человек, может быть двести, а возможно и двадцать, на конях, Щиринбей догнал этого старика.

— Как твои дела, чем занят? — спросил он старика. Тот ему ответил:

— Иду с поля, сынок.

— Знаешь, что случилось? — сказал он, назвав старика по имени.

— В чем дело?

— Я разорил цвыджей, и вот возвращаюсь, — сказал он. — Я покончил с цвыджами, сделал с ними то, что они заслужили, и теперь возвращаюсь, — сказал он.

— Как ты это сделал?

— Направил на них войско русских казаков, уничтожил их и вот возвращаюсь, — сказал он.

— Ой, сынок, — сказал старик — нехорошо ты поступил. Ты потерял голову и сердце, — сказал он. Щиринбей не понял того, что сказал старик.

Прибыл в село, [сельчане] сказали “Наш князь прибыл”! В ту ночь зарезали скот, организовали веселье, пиршество, говоря “мы отомстили цвыджам”. Тот старик не пришел на веселье, его не было в гостинной князя.

— Этого старика нет, он не пришел? — спросил он.

— Он не пришел! — ответили ему.

— Пойдите и приведите его, я ему что-то скажу! — сказал он.

Кого-то он послал, и пришли вместе со стариком. Ну, старшие расселись в гостинной, в усадьбе князя (в его ставке, в гостинной). Старик пришел, его усадили, старик уселся, стали разговаривать. Они, как видно, радостно обсуждали, как они разорили цвыджей.

— Эй, дедушка, — сказал старику Щиринбей, — когда мы шли в село и повстречались, ты мне что-то сказал, как понять смысл того, что ты мне сказал? — сказал он.

— [Старик ответил:] Земля цвяджей являлась ключом в наши земли. Ты сломал этот ключ. Поэтому я так сказал. А что потом будет с нами? У нас была с ними вражда, мы отомстили. А что с нами будет?

— Я договорился с генералом русского царя, мы так договорились, что они в наши дела не будут вмешиваться, — говорят, сказал князь [Щиринбей].

— То, что сказал тебе русский генерал, имеет силу в течение трех лет. Три года — один, два, три. После трех лет к тебе обратятся: «Давай! И ты тоже подчиняйся закону, принимай мой закон, а не то убирайся, уходи!» — скажут тебе.

— Как может быть, что данное мне слово великого генерала будет иметь силу не более трех лет? — спросил Щиринбей.

— Эх, если он сам умрет, его слово не будет иметь значения, и если я умру, то мое слово также не будет иметь значения, запомни это, держи в своей голове!

Сказав это, старик поднялся и ушел к себе домой.

Как он и сказал, через три года князю сказали:

—Эй, Щиринбей, иди сюда, давай, иди сюда!

— В чем дело?

— У нас есть закон, ты должен ему подчиняться, ты должен жить по таким же законам, по которым живем и мы! — сказали ему [русские].

— Мы же так не договаривались! — сказал князь.

— Даже если и не договаривались, тот генерал, о котором ты говоришь, тот, кто дал тебе слово, мы его уволили, он ушел, где он сейчас?

Тот генерал, который дал ему слово, либо умер, либо его уволили по старости, либо царь послал его куда-либо в другое место. Не помню, кто тогда был царем. Никола? Было ли, не было, что ему оставалось возражать, против того, что сказали русские, они в любом случае победят.

— То, что мы можем для тебя хорошее сделать, заключается в следующем. Ваш скот, одежду и вещи, домашнюю утварь, все,

что можете унести, забирайте! Мы и корабль для вас приготовим. Погрузитесь на него. Направитесь ли вы в Турцию, направитесь ли в другую страну, идите куда хотите! Но если останетесь здесь, то должны подчиниться нашему закону! Здесь действует наш закон, — сказал они.

— В таком случае, цабалцы не останутся, мы не хотим твоих законов! — сказали они и собрали свой скот.

Подошли корабли, русские корабли, встали у берега. Посадили их на корабли.

— Куда направитесь?

— В Румелию, тогда была ли Болгария, и там была Турция, Румели. Варна, я знаю...

— Поедем туда! — сказали они. Они сказали так, потому что за ними стоял Щиринбей.

— Куда ушли цвыджи?

— В Анатолию.

— В таком случае, мы туда не пойдем! — сказали они и отправились в Румелию.

Там они прожили 13 лет. За тринадцать лет они там обустроились, кто-то завел лошадей, кто-то купил земли. Основали села. Тринадцать лет спустя, когда Гази Осман Паша потерпел поражение в Плевне, турки покинули Болгарию, Румынию, Югославию, они отошли в Анатолию вплоть до Салоников. Те, кто пришли, пришли в Анатолию, те, кто там остался, так там и остался. Абхазы там не остались, все из Румелии переселились в Турцию. В Эдирне, в Стамбул, а затем перешли в Анатолию. Вот так мы сюда пришли, вот так и цабалцы сюда пришли.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакционной коллегии	3
Предисловие	5
Вводные страницы	10
<i>Глава первая.</i>	
Из истории садзов	13
<i>Глава вторая.</i>	
Этническая общность и этническая принадлежность садзов	51
<i>Глава третья.</i>	
Язык и самоназвание садзов	64
<i>Глава четвертая.</i>	
Этническая территория садзов в XIX в.	112
<i>Глава пятая.</i>	
Родовой состав населения Садзен	142
<i>Глава шестая.</i>	
Связи садзов и убыхов с жителями «Большой Абхазии»	161
<i>Глава седьмая.</i>	
Садзы и абазины	168
<i>Глава восьмая.</i>	
Некоторые черты хозяйственного и общественного быта садзов	208
<i>Глава девятая.</i>	
Из духовной культуры Садзена	228
Заключение	254
Приложение автора	261
Список сокращений	265
Послесловие редактора	267
 Чирикба В. А.	
Садзский диалект абхазского языка и его говоры	274

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА
САДЗЫ

Историко-этнографические очерки
Издание второе

В. А. ЧИРИКБА
Садзский диалект
абхазского языка
и его говоры

Набор текста М. Тыркба
Дизайн-макет С. Садзба